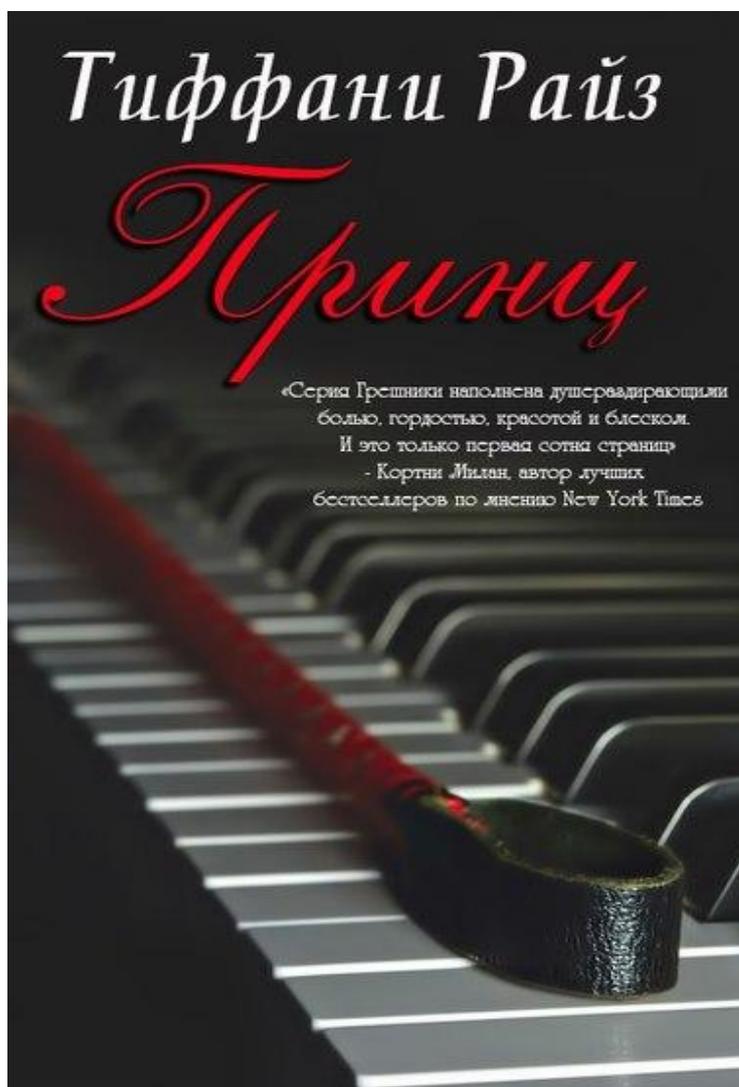

Тиффани Райз

«Принц» (книга 3)

Серия "Грешники"

Автор: Тиффани Райз

Название на русском: Принц

Серия: Грешники_3

Перевод: MariZa, Skalapendra

Сверка: helenapasad

Редактор: Amelie_Holman

Оформление:

Eva_Ber

Аннотация

Мир богатства и мир страсти зовут к себе Нору Сатерлин, и который бы она ни выбрала, это станет самым сложным решением в ее жизни. Если, конечно, кто-то не сделает этот выбор за нее...

Уес Райли – объект самых сладких, но таких невыносимых фантазий Нору и единственный мужчина, которого она так и не смогла забыть. Он молод. Он прекрасен. А еще он наследник благородного рода. Воссоединившись с ним в Кентукки, Нора попадает в его мир. Но известная Нью-Йоркская Госпожа не какая-то южная девушка с наивными мечтами, поэтому Норе, в попытке подстроиться под такой чужой для нее мир Уесли, приходится сражаться с неизменно растущей тягой к Сорену – ее Хозяину, ее любовнику, которого она никогда не сможет заполучить. По крайней мере, не полностью.

Между тем партнер Нору Кингсли Эдж только рад занять ее место у ног Сорена на время ее отсутствия. Сорен - единственный человек, которого Кингсли когда-либо любил; их покрытая тьмой, общая история выковала связь, которую не смогут разорвать ни годы, ни любовь Сорена к Норе. И только новая угроза, пришедшая из прошлого, вынуждает Кингсли вспомнить о том, что друзей стоит держать близко, а врагов – еще ближе.

Пролог

Файл #1312 - из архивов

САТЕРЛИН, НОРА

Урожденная Луиза Элеонор Шрайбер

Родилась 15 марта 1977 года (Берегись мартовских ид)

Отец: Уильям Грегори Шрайбер, покойный (я тоже рад, ma chérie), ранее сидел в Аттике по нескольким пунктам за кражу и угон автомобилей, а также присвоение украденного имущества. Был связан с организованной преступностью, см. файл # 1382.

Мать: Маргарет Долорес Шрайбер, урожденная Кохль, возраст пятьдесят шесть лет, в настоящее время проживает рядом с Гилфордом, Нью-Йорк, в монастыре Санта Моника (приняла постриг), известна сейчас, как сестра Мэри-Джон.

Дочь и мать – не ладят друг с другом, но в настоящее время в состоянии примирения.

В возрасте 15 Элеонор встретила Отца Маркуса Леннокса Стернса (Сорен, сын Гизеллы Магнуссен). После ареста за кражу пяти роскошных автомобилей в одну ночь, чтобы помочь отцу в погашении долга, Сатерлин была приговорена к условному

сроку и ста двадцати часам общественных работ под надзором Отца Стернса. Именно в эти годы Сатерлин училась быть покорной. В возрасте восемнадцати она получила ошейник и стала его сабой. В возрасте двадцати восьми она оставила его после аборта (отец - я). В течение года она жила с матерью в монастыре на севере штата, прежде чем вернуться в город и стать Госпожой на службе у невероятно прекрасного Кингсли Эджа, в Эдж Энтерпрайзерс. За это время Сатерлин опубликовала пять книг, четыре из которых стали бестселлерами. (Смотреть приложение по доходам. Ее редактор - Закари Истон, издатель – Главный Издательский Дом. См. файл # 2112, ящик семь для файла Истонов.) В возрасте тридцати трех лет, проведя пять лет вдали друг от друга, она вернулась к своему хозяину и находится с ним до сих пор.

Сексуальные предпочтения: Сатерлин бисексуальна, хотя она, как правило, предпочитает мужчин. Настоящий свитч, имеет привычку доминировать над всеми, кроме ее хозяина (мы все знаем, что он ломает ее, если Сатерлин попытается).

Слабые стороны: блондины - мужчины и женщины, молодые люди, тирамису.

Самое слабое место: Неизвестно. Возможно, Джон Уесли Райли, родился 19 сентября, Версайллес, Кентукки. Наследник Райли Фортуна (по оценкам, \$ 930 млн к 2010 году) и Ферма Рэйлз (чистокровные, Американская порода), Райли, известен друзьям и семье, как Уес или Уесли, жил с Сатерлин с января 2008 года до апреля 2009 года. Являясь единственным наследником самой большой компании по разведению лошадей, Уесли получил прозвище - Принц Кентукки. Шесть футов ростом, диабетик первого типа, по-мальчишески красивый, не жил половой жизнью на момент заполнения файла (Райли файл # 561, ящик 4). Сатерлин проявляет сильные эмоции, восхищение и верность (и, возможно, даже любовь), когда дело касается Райли.

Плюсы: очень умный, IQ 167, физически сильный, хитрый, умелый манипулятор при необходимости, чрезвычайно красивый (см. прикрепленные фотографии), Сатерлин еще опаснее, чем кажется.

Последнюю строку в файле грабитель перечитывал снова и снова.

Все вещи, относящиеся к Норе Сатерлин, должны были быть принятыми с осторожностью.

Три месяца... три долгих бессонных месяца грабитель бился над файлом, который был зашифрован несколькими видами шифров. Вор знал французский и гаитянский креольский, но зная только языки, невозможно взломать код. Надо было хорошо знать Кингсли Эджа, и, к счастью, грабитель знал – очень близко.

Преступник читал досье снова и снова, тысячу раз прошелся по всем четырем страницам заметок о Норе Сатерлин, пока слова так хорошо не отпечатались в разуме, как и собственное имя. И пока он просматривал эти страницы, уже довольно помятые от постоянного чтения, у него начала формироваться и расти идея, которая превратилась в план.

Грабитель закрыл папку в последний раз, тут же решив, какой будет наилучший курс действий.

Он продолжит свою работу... осторожно.

Глава 1

Север

Прошлое

Они отправили его сюда, чтобы спасти ему жизнь.

По крайней мере, такой была реплика его дедушки и бабушки предъявленная ему как объяснение, почему они решили забрать его из обычной школы и отправить вместо этого в иезуитскую школу-интернат для мальчиков, расположенную в Богом забытой местности, где-то у канадской границы с Меном.

Лучше бы они позволили ему умереть.

Закинув спортивную сумку на плечо, он поднял свой потрепанный коричневый кожаный чемодан и направился к тому, что, скорее всего, было главным зданием на изолированной территории кампуса. Куда бы он ни посмотрел, он видел церкви или здания с претензией на это звание. На каждой крыше красовался крест. Готические железные прутья загораживали каждое окно. Его вырвали из цивилизации и сбросили без извинения в эпицентр эротического сна средневекового монаха.

Он вошел в помещение через деревянные, окованные железом двери, древние петли которых, скрипели, словно их пытали. Он мог бы посочувствовать. Он скорее чувствовал, будто кричит сам. Камин, заваленный доверху бревнами, дарил свет и тепло мрачному серому фойе. Приблизившись к нему, он обхватил себя руками, морщась от боли при этом движении. Его левое запястье все еще ныло от побоев, что он получил три недели назад, побоев, которые убедили его дедушку и бабушку, что он будет в безопасности только в школе для мальчиков.

- Значит это и есть наш француз?

Позади него раздался жизнерадостный голос. Он повернулся и увидел приземистого мужчину в черном, на лице которого от уха до уха сияла улыбка. Не во всем черном, отметил он. Не совсем. Вокруг шеи мужчины красовался белый воротничок. Священник протянул ему руку, но он помедлил, прежде чем пожать ее. Целибат казался ему болезнью, которая могла оказаться заразной.

- Добро пожаловать в школу Святого Игнатия. Пройдемте в мой кабинет. Вот сюда.

С недоумением посмотрев на священника, он все же последовал за ним.

Оказавшись внутри офиса, он подтянул стул ближе к камину, пока священник усаживался за широкий дубовый стол.

- Я, кстати, Отец Генри, - начал мужчина. - Главный здесь. Я слышал, у Вас возникли трудности в Вашей прежней школе. Что-то о драке с некоторыми мальчишками, оскорбленными Вашим поведением с их подружками?

Ничего не сказав, он лишь моргнул и пожал плечами.

- Милостивый Боже. Мне сказали, Вы немного говорите по-английски. - Отец Генри вздохнул. - Я полагаю под «немного», они подразумевали «никак». Anglais (Английский)?

Он покачал головой.

- Je ne parle pas l'anglais (Я не говорю по-английски).

Отец Генри снова вздохнул.

- Французский. Конечно. Вы ведь говорите по-французски, не так ли? Не по-итальянски. Не по-немецки. Я бы смог даже поддержать беседу по-древнегречески. Но бедный отец Пьер скончался шесть месяцев назад. Ах, *c'est la vie*, - сказал он, и сам рассмеялся над своей шуткой. - Выбора нет. Мы справимся.

Отец Генри подпер рукой подбородок и, пребывая в глубокой задумчивости, уставился на камин.

Молодой человек посмотрел в том же направлении, что и священник. Жар от камина просачивался через его одежду, через его холодную кожу, в самую его сущность. Он хотел спать днями, даже годами. Может когда он проснется, он станет уже взрослым мужчиной, и никто не сможет его отослать прочь. Придет день, когда он, и никто другой, будет принимать решения и это будет самый лучший день в его жизни.

Тихий стук в дверь вырвал его из размышлений. Вошел мальчик приблизительно двенадцати лет, с темно-рыжими волосами, одетый в школьную форму: черные штаны, черный жилет, черные пиджак и галстук с белоснежной рубашкой под ними.

Всю свою жизнь он очень гордился своей одеждой, каждой ее деталью, вплоть до ботинок, которые носил. Теперь он тоже вынужден быть в таком же унылом одеянии, как и каждый мальчик в этом убогом месте. Последний год он немного читал Данте в своем лицее в Париже. Если он все правильно помнил, центральный круг ада был весь во льду. Француз бросил взгляд через окно в кабинете Отца Генри. Свежий снег начал падать на заледеневшую землю. Возможно, его дед был прав насчет него. Возможно, он, и правда, был грешником. Это бы объяснило почему, оставаясь живым в свои шестнадцать, он был сослан в ад на земле.

- Мэтью, спасибо. Входи, пожалуйста.

Отец Генри жестом пригласил паренька в свой кабинет. Мальчик, Мэтью, бросал любопытные взгляды на него, стоя по стойке смирно перед столом священника.

- Как много вы занимались французским с Отцом Пьером, прежде чем он покинул нас?

Мэтью нервно переступил с ноги на ногу.

- Un année (Один год)?

Отец Генри добродушно улыбнулся.

- Это не экзамен, Мэтью. Просто вопрос. Ты можешь говорить по-английски.

Мальчик громко вздохнул с облегчением.

- Один год, Отец. И я не очень хорош в этом.

- Мэтью, это Кингсли, - Отец Генри остановился и взглянул на документ перед ним, - Буассоннэ?

Кингсли повторил свою фамилию, стараясь не гримасничать от того как ужасно она звучала из уст Отца Генри. Тупые американцы.

- Да, Кингсли Буассоннэ. Он наш новый ученик. Из Портленда.

Кингсли потребовалось немалое самообладание, чтобы не исправить Отца Генри и не напомнить ему, что он проживал в Портленде только последние шесть месяцев. Париж. Не Портленд. Он из Парижа. Но сказать это означало бы раскрыть, что он не только понимает английский, но и превосходно на нем разговаривает; у него не было намерения удостаивать эту ужасную дыру ни единым своим английским словом. Мэтью одарил его опасливой улыбкой.

Кингсли не улыбнулся в ответ.

- Ну, Мэтью, если твой французский такой же, как и мой, у нас нет выхода.

Улыбка Отца Генри пропала впервые за все время их разговора. Внезапно он показался напряженным, обеспокоенным и нервным как юный Мэтью.

- Тогда сходи к мистеру Стернсу и попроси его сюда прийти.

При упоминании мистера Стернса, глаза Мэтью расширились так сильно, что едва ли не заняли все лицо. Кингсли чуть не рассмеялся над этим зрелищем. Но когда Отец Генри не нашел взгляд мальчика полный страха смешным, обеспокоенность Кингсли стала расти.

- Зачем?

Отец Генри тяжело выдохнул.

- Он тебя не укусит, - сказал священник, но говорил не вполне уверенно.

Но Мэтью продолжил:

- Сейчас 4:27.

Отец Генри поморщился.

- Неужели? Что ж, мы не можем прерывать музыку сфер, ведь так? Тогда я полагаю, будем обходиться с тем, что имеем. Возможно, мы сможем склонить мистера Стернса к разговору с нашим новым учеником позже. Покажи Кингсли окрестности. Постарайся.

Мэтью кивнул и жестом показал следовать за ним. В фойе они остановились, пока мальчик завязывал шарф вокруг шеи и засовывал руки в перчатки. Затем, оглядевшись вокруг, он сосредоточенно сморщил нос.

- Я не знаю как по-французски «фойе».

Кингсли подавил улыбку. По-французски «фойе» будет «фойе».

Оказавшись снаружи, в окружении снега, Мэтью повернулся лицом к зданию, которое они только что покинули.

- Вот здесь кабинеты святых отцов. Le pères bureau? (Кабинет святых отцов?)

- Bureaux, oui, (Кабинеты, да) - повторил Кингсли, и Мэтью просиял, явно довольный тем, что добился хоть какого-нибудь поощрения и понимания от новичка.

Кингсли последовал за младшим мальчиком в библиотеку, где Мэтью отчаянно искал французское слово для обозначения места, по-видимому, не понимая, что ряды за рядами книжных шкафов говорили сами за себя.

- Библиотека, - сказал Мэтью. - Trois, - очевидно он хотел объяснить, что здание состояло из трех этажей.

Он знал, как сказать слово «этажи» не лучше, чем слово «библиотека», вместо этого он сложил руки одну над другой. Кингсли кивнул, будто понял, хотя по правде это выглядело, словно Мэтью описывал гигантский сэндвич.

Несколько учеников в креслах изучали Кингсли с нескрываемым интересом. Его дед говорил, что в школе Святого Игнатия проживали сорок или пятьдесят воспитанников. Некоторые были сыновьями богатых католических семейств, которые хотели традиционного иезуитского воспитания, в то время как остальные были представителями проблемной молодежи, определенными сюда судом, подлежащими перевоспитанию. Из-за их школьных одежд, одинаковых лохматых причесок, Кингсли не мог отличить удачливых сыновей от опекаемых судом.

Мэтью увел его из библиотеки. Следующим зданием по пути была церковь, и мальчик помедлил на пороге, прежде чем ухватиться за ручку двери. Потянувшись пальцами к своим губам, он показал всеобщий знак соблюдения тишины. Затем, так аккуратно, словно она была сделана из стекла, он открыл дверь и проскользнул

внутри. Кингсли наострил уши, как только он услышал звуки фортепиано, извлекаемые с безошибочной виртуозностью. Он наблюдал, как Мэтью на цыпочках вошел в церковь и подкрался к двери святилища. Гораздо менее осмотрительно Кингсли проследовал за ним и заглянул внутрь.

За роялем сидел молодой человек, худой, угловатый, с очень светлыми волосами, подстриженными в гораздо более консервативном стиле, чем длинная до плеч грива Кингсли.

Кингсли смотрел, как руки белокурого пианиста танцевали вдоль клавиш, вызывая к жизни самые изумительные звуки, которые он когда-либо слышал.

- Равель, - прошептал он себе под нос.

Равель – величайший из всех французских композиторов. Мэтью посмотрел с паникой в глазах и шикнул на него снова. Кингсли покачал головой с презрением. Что за мелкий трус. Никто не должен быть трусливым в присутствии Равеля.

Равель был любимым отцовским композитором и теперь и Кингсли тоже. Даже через царапины на виниловых пластинках отца он слышал страсть и потребность, которая пульсировала в каждой ноте. Часть Кингсли хотела закрыть глаза и дать музыке омыwać его. Но другая его часть не могла заставить себя отвести взгляд от молодого человека за роялем, который играл фрагмент Концерта для фортепиано с оркестром Соль мажор. Он узнал ее мгновенно. В концерте эта часть начиналась со звука удара кнутом.

Но он никогда не слышал, чтобы его играли вот так, так близко к нему, что Кингсли чувствовал, будто он может дотянуться и вырвать ноты из воздуха, сунуть их в рот и проглотить целиком. Настолько красивыми были музыка и молодой человек, играющий ее. Кингсли слушал музыкальный отрывок, неприкрыто разглядывал пианиста. Он не мог решить, что из этого его волнует больше.

Пианист был, бесспорно, самым красивым юношей, которого Кингсли доводилось видеть за все свои шестнадцать лет. Несмотря на свое тщеславие Кингсли не мог отрицать, что сейчас встретил равного себе. Но кроме внешней красоты пианист был прекрасен как та музыка, которую он исполнял. Он носил школьную форму, но отказался от пиджака, без сомнения, нуждаясь в свободе движений рук. И хотя он был одет, как и все остальные мальчишки, он был совершенно не похож на них. Для Кингсли он казался скульптурой, обращенной к жизни каким-то волшебником. Его бледная кожа была гладкой и безупречной, элегантный нос с горбинкой, лицо оставалось совершенно спокойным, даже когда он выжимал восхитительные звуки из черного ящика перед ним.

Если бы только... если бы только отец Кингсли мог быть с ним сейчас, чтобы услышать эту музыку.

Если бы только его сестра, Мари-Лаура, была здесь, чтобы танцевать под нее. На мгновение Кингсли позволил себе оплакать своего отца и свою отсутствующую сестру. Музыка сгладила острые углы его горя, впрочем, Кингсли поймал себя на улыбке. Он должен был поблагодарить молодого человека, прекрасного белокурого пианиста, за подаренную ему музыку и шанс вспомнить отца, хоть раз, без боли. Кингсли начал входить в святилище, но Мэтью схватил его за руку и покачал головой с предупреждением.

Музыка прекратилась. Блондин пианист опустил руки и посмотрел на клавиши, как будто в молитве, прежде чем опустить крышку на клавиши и встать. Впервые Кингсли отметил его рост, он был выше 190 см. Может быть, даже больше.

Кингсли взглянул на Мэтью, который, казалось, был парализован от страха. Белокурый юноша натянул свой черный пиджак и зашагал к центру святилища по направлению к ним. Вблизи он оказался не только более красивым, чем раньше, но и странно непостижимым. Он, словно книга, плотно закрытая и запертая в стеклянной коробке, и Кингсли сделал бы что угодно за то, чтобы получить к ней ключ. Он встретился глазами с молодым человеком и не увидел в этих стальных серых глубинах доброты. Ни доброты, но и ни жестокости. Он судорожно вдохнул, когда пианист прошел мимо него, обдавая его безошибочным запахом зимы.

Без единого слова ни ему, ни Мэтью, юноша вышел из церкви, не оглядываясь.

- Стернс, - выдохнул Мэтью, когда пианист ушел.

Так это был таинственный мистер Стернс, который внушал страх и уважение со стороны студентов и Отца Генри. Увлекательно... Кингсли никогда не был в присутствии кого-то настолько непосредственно пугающего. Ни один учитель, ни один родитель, ни дедушка, ни полицейский, ни один священник даже близко не заставили его чувствовать то, что он пережил от пребывания в одной комнате с пианистом, с мистером Стернсом.

Кингсли посмотрел вниз и увидел, как дрожит его рука. Мэтью тоже увидел это.

- Не расстраивайся. - Мальчик кивнул со знанием мудреца. - Он на всех так влияет.

Глава 2

Север

Настоящее

Страх был его любимой частью. Страх, который следовал за ним, словно шаги по лесу, куда он сбегал из святилища и нашел что-то лучше, чем безопасность. Шаги, как его сердце ускорились, становясь все громче, все ближе. Он был слишком напуган, чтобы бежать дальше, боясь, что, если побежит, то сможет уйти. Он бежал, чтобы быть пойманным. Это была единственная причина.

Кингсли помнил, как резко втянул воздух, прежде чем угрожающе сильная рука обхватила его шею, вжимая ее в кору ствола дерева обжигающую его спину запахом вечнозеленых растений вокруг, таким сильным, что даже спустя тридцать лет, он начинал возбуждаться всякий раз, когда вдыхал аромат сосны. И после, когда он очнулся на земле в лесу, его кожу украшал новый аромат - крови, его собственной крови и зимы.

Три десятилетия спустя, и он так и не смог отделить секс от страха. Оба были связаны неразрывно, навечно и без раскаяния в его сердце. Он изучал власть страха и по сей день, его силу, даже удовольствие, и теперь тридцать лет спустя, страх стал сильной стороной Кингсли.

К сожалению, в данный момент его Джульетта не боялась, но он мог это исправить.

Кингсли наблюдал за ней краем глаза, потягивая вино. Стоя рядом с Гриффином и юным Микаэлем, она улыбалась, поворачиваясь к каждому из них, пока те рассказывали ее прелестным ушкам сказки о том, как Нора Сатерлин свела их вместе. За один единственный день без упоминания об удивительной Норе Сатерлин, он обналичил бы половину своего состояния, уложил его на погребальный костер посреди Пятой авеню, поджог и смотрел бы, как она превратится в пепел. Если бы было так легко убить монстра, которого он создал.

Нет, поправил он себя. Монстра, которого ОНИ создали.

Джульетта взглянула в его сторону, даря ему тайную улыбку, улыбку, которая не нуждалась в переводе. Но он будет ждать, как можно дольше тянуть время, пусть думает, что он не в настроении сегодня. Он позволит ее предвкушению возрасти, прежде чем заменит его страхом. Как красиво Джульетта носила страх, как он переливался в ее темно-карих глазах, как он проходил дрожью по ее коже цвета эбенового дерева, как он застревал в ее горле, словно крик, который Кингсли удерживал внутри ее рта своей ладонью...

Кингсли снова ощутил предательскую твердость; его сердце пустилось вскачь. Поставив бокал с вином, он вышел из бара через заднюю комнату в коридоры Восьмого Круга. Прямо за дверью бара его нога соприкоснулась с чем-то лежащим на полу. Любопытно. Он наклонился. Туфли. Пара туфель. Он поднял их. Белые из лакированной кожи, на шпильке, тридцать шестого размера.

Эти туфли в последний раз он видел на Норе Сатерлин.

Уставившись на туфли, Кингсли размышлял, каким образом и почему те оказались в коридоре за пределами бара. Нора могла делать практически все на своих высоких шпильках. Он видел ее доминирующую над некоторыми из самых закоренелых мазохистов в них. Она била, хлестала, порола их, била ногами... Она могла стоять на шее человека на высоких каблуках, ходить по его избитой заднице, балансировать на одной ноге, пока ее другой ноге поклонялись. Он знал только одно действие, которое она не могла делать на своих ужасно высоких шпильках: бегать.

Кинг донес туфли до нижнего этажа, где он и несколько других важных персон имели свои собственные комнаты. Возле последней двери слева, он остановился, но не постучал, прежде чем войти.

Мужчина, белокурый и высокий, глубоко задумавшись, стоял возле кровати, скрестив руки и наморщив лоб.

- Ты когда-нибудь слышал о том, что нужно стучать?

Сорен расслабил руки и оперся плечом о столбик кровати. Кингсли стиснул челюсти.

- Я слышал слухи о хороших манерах. Но никогда не верил им.

Кинг вошел в комнату. Ничье подземелье в Круге не иллюстрировало концепцию минимализма лучше, чем апартаменты Сорена. Оно вмещало в себя только кровать с пологом на четырёх столбиках, запрятанную в алькове, Андреевский крест перед ней по центру, и единственный сундук, наполненный различными орудиями пыток. Садистская сторона Сорена была вроде легенды в Восьмом Круге и во всей Преисподней. Ему не нужны были тысячи видов флоггеров и плетей-однохвосток, десятки тростей и кожаных ремней и игрушек. Такую работу, как избиение сабмиссива, Сорен мог проделывать словом, взглядом, своей острой пронизательностью, своим спокойствием, холодным превосходством, которое ставило на колени даже сильнейших, заставляя тех дрожать у его ног. Он запугивал их красотой своей внешности сначала, а уж потом, зверем, которым было его сердце.

- Я принес тебе подарок.

Кингсли протянул туфли, держа их за ремешки. Сорен поднял бровь.

- Не совсем мой размер, не находишь?

- Твоей зверушки. - Кингсли уронил их на кровать. - Как тебе известно. Ты должен был проходить мимо них, когда уходил из бара.

- Я оставил их там, чтобы она могла их найти, когда вернется за ними.

Кингсли издал грустный смешок.

- Разве не я подслушал, как ты говоришь ей, что если она имеет, хоть каплю милосердия в своем темном сердце, то пойдет, а не побежит к своему Уесли?

Сорен ничего не ответил. Он просто смотрел на Кингсли своими стальными глазами. Кинг подавил желание улыбнуться. Злорадство – такое неприличное чувство. Он держал его в себе так долго, как только мог. Затем, повернувшись на каблуках, буквально вылетел из комнаты, цитируя старую поэму, оставив Сорена в его владениях, только в компании туфель Норы на кровати.

«Стояли принцы, короли,

Бойцы: все бледные, в печали;

"В плену Прекрасной Дамы ты! –

Они кричали. »

(*отрывок из баллады «Безжалостная красавица» Джона Китса)

Кингсли вернулся к себе в апартаменты и расхаживал в ожидании. Его кровать была установлена в самом центре, в отличии комнаты священника. Для Сорена боль и была сексом. Он, возможно, мог быть таким, каким требовала церковь, хранящим целибат священником, если бы не было Норы, его Элеонор, которая нуждалась в плотском настолько, насколько Кингу нужен был страх. Он мог только представить себе истерику, которую она устроила бы, если ее хозяин решился отвергнуть ее в сексуальном плане. Но Сорен бы никогда этого не сделал. Он причинял боль для своего облегчения, а секс, что следовал за этим, был простым послесвечением. А кто не наслаждался послесвечением?

Кингсли остановился на полушаге, когда услышал скрип пола в коридоре возле его спальни. Молча, он переместился и встал за дверь, ждал. Он провел два года во Французском Иностранном Легионе после окончания школы, и пять лет делая вид, что все еще состоит во Французском Иностранном Легионе, в то время как он служил своей стране другими более незаметными способами. Он хорошо усвоил уроки шпионства. Видеть все, но никогда не быть увиденным. Слышать все, но никогда не быть услышанным. Когда Джульетта проскользнула за дверь, он знал, что она ожидала найти его в постели, ожидающего ее. Кинг выбросил руку, хватая ее, и она ахнула в ужасе.

- Parfait.

Заглушив ладонью ее крик, Кингсли толкнул ее к стене. Он захлопнул ногой дверь, в тот самый момент, когда Джульетта попыталась вырваться из его хватки. И хотя, Кингсли вполнину превосходил в силе свою тоненькую, как тростинку Джульетту, ни одна женщина на его памяти не могла так же бороться, вонзаясь каблуками в твердый древесный пол, пока он тащил ее к кровати. Извиваясь в его руках, она кричала под его ладонью.

Боже, она была хороша в этой игре также, как и он. Даже мучаясь от желания такого же мощного, как и у него, она все же могла затеять самую впечатляющую борьбу, даже когда он знал, что она хочет его настолько или даже больше, чем он нуждался в ней.

Кинг ослабил хватку на ее запястьях достаточно для того, чтобы ее перевернуть. Он хотел ее лицом вниз сегодня, наклоненную над кроватью, бессильную в своей борьбе. Распорки, манжеты, кандалы и веревки висели невостребованные, ненужные на стенах вокруг. Он скорее подавит ее своим телом, чем использует какие-нибудь инструменты.

- Monsieur, - она тяжело дышала, ее глаза расширились от страха, когда он толкнул ее вперед, и она упала на кровать. Запах страха и пота украшали ее кожу, как самые насыщенные духи.

- Non, s'il vous plaît.

Ее голос сорвался в конце на мольбы и Кингсли чуть не рассмеялся. Любой, кто когда-либо молил о пощаде, никогда раньше не встречал его Джульетту. Это было не только его любимой игрой. Но и ее тоже. Кингсли схватил ее сзади за шею и прижал лицом к простыням, чтобы заставить замолчать. Свободной рукой он рванул сзади ее платье, разорвав его в процессе. Она так мило выглядела в белом.

Этот цвет оттенял ее темную кожу. Он нашел ее на пляже Гаити много лет назад, когда она была восемнадцатилетней, едва ли не подростком. Но она пережила невзгоды тысячи жизней в те времена. Он вернулся с ней, сделал ее своей собственностью. И очень маловероятно, что она забыла, кто владел ею сейчас, ведь он частенько освежал ее память.

Коленями он развел ее бедра в стороны, расстегивая одновременно свои штаны. Когда он толкнулся в нее, она издала крик, который мог быть услышан в коридоре. Но это не имело значения. Никто не придет ей на помощь.

Он вбивался в нее жесткими ударами. Глубоко дыша, Кингсли велел своему грохочущему сердцу замедлиться. Он хотел посмаковать этот момент, насладиться ее страхом. Он никогда не поглощал ее страх сразу. Всегда позволял ему сначала благоухать, сцеживал его, прежде чем налить и сделать жадный глоток.

Порой Джульетта забывала, что это был он, ее Кингсли, и терялась в воспоминаниях о человеке, который сделал это с ней из ненависти, а не любви. Кингсли знал, когда ее тело становилось одеревеневшим под ним, когда она переставала сопротивляться, тогда ее страх достигал своего пика.

Он жил ради таких моментов.

Ее хрипы и крики боли и страха были самыми сладкими звуками, которые он мог себе представить. Только они могли заставить замолчать музыку в его ушах, которую

он слышал от момента, когда просыпался, до тех пор, пока не засыпал и в блаженном забвении снова. Один концерт для фортепиано тридцать лет назад, и до сих пор он не мог заглушить его. Дыхание Джульетты участилось. Она сделала последнюю отважную попытку побега, но Кингсли просто зажал ей руки за спиной и держал ее неподвижно. Он снова толкнулся, толкнулся мощно, и с содроганием кончил в нее, в то время как ее внутренние мышцы сжались вокруг него в оргазме, с которым она боролась прежде чем, наконец, сдаться ему.

Он задержался в ней и просто наслаждался блаженством момента, его бессодержательностью. Его народ так правильно назвал оргазм *le petite morte*, маленькая смерть. Он умирал в то время, пока был внутри нее, и высоко ценил такую смерть, ту свободу, те несколько секунд, когда он был освобожден от чар единственного человека в Преисподней, который носил ошейник, но не принадлежал никому.

В его размышления прорвался смех Джульетты. Он не смог сдержаться, поэтому присоединился к ней в ее посткоитальном веселье. Освободив ее руки, Кинг выскользнул из нее и откинулся на кровати, пока она расправляла одежду, прежде чем обессиленно упасть к нему на грудь.

- Ты напугал меня, *monsieur*. Я думала ты еще с *le père*.

- Я и хотел тебя напугать. И нет, он молится, *je pense*.

- Молится за что? - Джульетта обратила взгляд к Кингсли, и он погладил ее по щеке.

Его прекрасная Джульетта, его Джулс, его драгоценность. Он дорожил ею больше всех остальных. Только одного человека он любил сильнее. Но того, кого он любил сильнее, он и ненавидел с той же страстью. Он желал, чтобы математическим законам подчинялась математика его сердца, тогда это значило бы, что вместо его равных любви и ненависти он не чувствовал бы ничего.

- За его потерявшуюся зверушку. Она вернется к нему когда-нибудь. Я уверен.

Джульетта вздохнула и расслабилась.

- Но она не потерялась. - Джульетта поцеловала его грудь. - Она просто сорвалась с поводка.

Кингсли рассмеялся.

- Все гораздо хуже, *mon amour*. Его зверушка сбежала, и на этот раз у нее нет с собой ошейника.

Глава 3

Юг

До тех пор, пока родители Уесли ничего не будут знать о ней, все будет хорошо. Само собой они ничего о ней не слышали. С чего бы это им быть знакомыми с творчеством писательницы БДСМ эротики из Нью-Йорка? Ее книги хотя бы продаются в Кентукки? Нелепая мысль. Естественно они не слышали о ней. И все должно быть чертовски хорошо.

Нора вздохнула, когда они пересекли линию Мейсона-Диксона* возле города Хейгерстауна в штате Мэриленд, оказавшись на Юге. Ее желудок сжался несколькими часами позже, как только они пересекли государственную границу Кентукки. Что, ради всего святого, она делает в Кентукки?

После того, как она отделалась от шока, снова увидев Уесли, то попыталась уговорить его остаться с ней в ее доме в Коннектикуте. Но он был необычайно настойчив.

- Кентукки, - сказал он. - Пожалуйста. Я жил в твоём мире. Поживи и ты в моем.

Она, наконец, уступила, будучи неспособной устоять и не желая, снова увидеть в этих больших карих глазах печаль. Но она настояла на том, чтобы они ехали в разных машинах: он - в своем Мустанге, она - в Астон Мартин, доставленном ей Гриффином. Нора никогда не бралась за какое-либо дело без предварительно продуманных путей к отступлению. Она хорошо выучила этот урок, еще будучи профессиональной Госпожой. Ее заоблачные гонорары определялись не тем, что она просто была красивее или порочнее, других профи. Она трудилась так же, как и остальные ее "коллеги по цеху". Вместо того, чтобы работать в охраняемых, хорошо укомплектованных апартаментах, она ездила домой к своим клиентам, в их номера в отелях, куда-угодно, где они платили за ее визит. Тогда она шутила, что ее девизом было: Имеешь кнут, Готовься в путь. И ей приходилось путешествовать. Из Нью-Йорка до Нового Орлеана, от Мидтауна (центральная часть Нью-Йорка) до Ближнего Востока, она ездила куда бы не отправил ее Кингсли. И для собственной безопасности она опиралась на две вещи: ее известность как наиболее опасной Домины в мире и репутацию Кингсли, как последнего человека в Америке, которому хотели бы перейти дорогу. Ей всего лишь нужно было назвать свое или его имя и весь преступный мир ходил по струнке.

Теперь Нора молилась, чтобы там, куда она ехала, никто не слышал о ней. В особенности родители Уесли. Несомненно, будучи такими консервативными, какими их изобразил Уес, они никогда не были даже в разделе эротики в книжном магазине, и еще менее вероятно, что слышали имя Норы Сатерлин.

Но не помешало бы спросить. Она выудила телефон из сумки и набрала Уесли.

- Да, мы уже почти приехали, - ответил он, прежде чем она даже поздоровалась. Каждый час она названивала ему с одним и тем же вопросом «мы уже приехали?».

- На этот раз я звоню не по этому.

- Уверена?

- Неа. Ты никогда не говорил мне, что твои родители думают о моем визите в гости.

Нора включила поворотник, когда они повернули на съезд с 81.

- Они нормально относятся к моим гостям. Многие из моих друзей по колледжу приезжали на лето.

Нора поджала губы. Не будь Уесли в желтом Шелби Мустанге на две машины впереди нее, она бы смутила его своим взглядом.

- Хороший уход от ответа, малой.

- Все нормально.

Он рассмеялся, и Нора не смогла удержаться от улыбки. Боже, ей не хватало смеха этого мальчика на протяжении пятнадцати месяцев, пока они не видели друг друга, не общались. Отсутствие Уесли в ее жизни казалось пустотой, которую не в состоянии были заполнить ни секс, ни деньги, ни извращения, ни слава.

- Seriously, Нор. Мои родители приятные люди. Им нравятся все мои друзья.

- Друзья. Ладно. Давай начнем с того, что представимся друзьями. Давай потренируемся. Ты скажешь: - Мамаша, папаша...

- Ты опять перепутала мою семью с Уолтонами.*

- Тссс, Джон-Бой*, мы тренируемся. Ты говоришь им «Мама, папа, это моя подруга Нора. Я раньше работал ее личным помощником в Йорке. Она приехала погостить и не собирается доставлять вам никаких хлопот».

- Я не смогу произнести это с невозмутимым видом.

- Поэтому мы и практикуемся, Ваше Высочество.

Уесли застонал, и теперь настала очередь Норы смеяться над ним.

- Ты никогда не прекратишь это, верно?

Нора представила, как малой потирает лоб в умиленном разочаровании.

- Мне нравится это твое «Принц Кентукки». Очень сексуальный титул.

- Один глупый журналист назвал меня так в одной статье три года назад.

- Ага, в статье о том, как вы с принцем Гарри тусуетесь на Кентукки Дерби. С ума сойти, неужели он сейчас такой секси. Можешь подкинуть мне его номерок?

- Мы не общаемся с ним.

- Так значит, если ты принц Кентукки, - продолжала Нора, не желая упускать нить разговора, который заставлял Уесли быть таким восхитительно смущенным, - кто же принцесса? Ты обязан жениться на дочери губернатора или что-то в этом роде?

- Боже, надеюсь, что нет.

- Что? Разве она собака?

- Она очень милая девятилетняя девочка, - сказал Уесли. На небосклоне показались первые звезды. Такими темпами, они доберутся до дома Уеса только в течение часа. - Она так же приходится мне кузиной.

Теперь застонала Нора. Конечно, Уесли не может быть просто сыном богатых фермеров, занимающихся разведением лошадей. Он должен быть еще связан с губернатором, ко всему прочему. Ее бедный, с первого взгляда, стажер, не имеющий ни денег, ни связей, ничего... что еще она о нем не знала?

- Эй. Ты ведь знаешь, что говорят про Кентукки?

- Ты отвратительная.

- Твоя правда. Но еще я люблю побеждать.

Нора нажала на педаль газа и обогнала Мустанг Уесли. Тому видимо не понравилось, как лихо она его обставила на его же территории; посмотрев в зеркало заднего вида, Нора увидела, что машина Уесли ускорила.

- Не волнуйся, малой. Я понятия не имею, куда еду. Ты обязательно победишь в этой... ох, срань Господня. Это был замок?

Нора вытянула шею, чтобы посмотреть на здание с башенками, которое они проехали.

- Нет. Вроде того. Теперь это отель. Но когда-то был замком. Какой-то сумасшедший построил его для своей жены много лет назад. Ее мечтой было жить в замке. Но ей так и не удалось ее осуществить.

Нора нахмурилась.

- Это печально. Она умерла, прежде чем его достроили?

- Неа. Они развелись.

Смеясь, Нора оглянулась еще раз на замок, представлявший собой странное зрелище посреди россыпи мятлика лугового.

- Женщины. Иногда им просто невозможно угодить. Я думаю, что осталась бы замужем за парнем, который построил бы мне замок. Особенно, если он симпатичный.

Нора услышала, как Уесли тихо засмеялся на другом конце линии. Она не была уверена, слышала когда-нибудь раньше, чтобы его смех был таким. Каким-то гортанным, дерзким и чрезмерно сексуальным.

- Подожди, ты еще не видела мой дворец.

- Мы уже на месте? - спросила она, когда они завершили разговор.

Нора следовала за задними фарами Уесли всю дорогу до города под названием Версайллес*, который он произносил как Версалес. Они свернули на темную извилистую дорогу и значительно замедлились. Во время всего пути Нора пыталась заставить себя успокоиться. Все будет в порядке. Все будет прекрасно. Она снова со своим Уесли.

У нее было лето, смириться с тем, что ей придется жить без Уесли, что она не может быть одновременно собственностью и его и Сорена. Жизнь с Сореном почти все время казалась красивой клеткой, клеткой, которую она выбрала, клеткой, которую она никогда не покинет. Только отсутствие Уесли заставляло чувствовать себя в ней как в тюрьме, а не во дворце...

- Ох, ни хрена себе, - выдохнула Нора. - Да это же чертов дворец.

Перед ее глазами предстал, сияя, словно елка в Рокфеллер-центре, самый большой гребаный дом, который она когда-либо видела в своей жизни. Трехэтажный городской особняк Кингсли, поместье Гриффина, даже Нью-Гемпширский особняк отца Сорена, все они выглядели как дачные домики или ранчо в сравнении с величественным, цвета слоновой кости зданием перед ней. Она насчитала не менее двадцати восьми окон только на фасаде. Окна, двери, балконы... в долине реки Рейн в Европе, она видела дворцы поменьше, дворцы, в которых жила настоящая Европейская аристократия, а не только потомственная американская элита.

Уесли въехал на вымощенную круглым булыжником подъездную дорожку и выключил двигатель. Нора последовала его примеру. Она надеялась, что сейчас достаточно поздно и снаружи не будет никого, кто мог бы стать свидетелем ее глаза-на-выкате-и-челюсть-на-полу реакции на дом Уесли.

Выйдя из машины, она чуть не упала, споткнувшись о трещину в камне. Уесли подхватил ее и прижал к себе.

- Я специально споткнулась, чтобы ты бы поймал меня, - солгала она, обнимая его руками.

- Я специально сделал здесь трещину, так чтобы ты споткнулась.

Он улыбнулся ей, и у нее перехватило дыхание.

Уесли поднял руку и потрепал ее волосы с такой естественной интимностью, что прошедшие полтора года, что они провели порознь, исчезли, словно вся тоска и одиночество были лишь остатком кошмара, от которого она только что очнулась. Во сне, она потеряла своего лучшего друга в лабиринте и ни одна тропинка, которую она выбирала, не могла приблизить ее к нему. Но сейчас она проснулась с криком и нашла его рядом с собой в постели. И глядя на него, в эти большие карие глаза, на эту такую милую улыбку, Нора спросила:

- Ну, и что теперь? – ответ ей был безразличен. Она вернула своего Уесли. Может быть, только на день или на неделю или на месяц, но они были сейчас вместе, и она пойдет куда угодно, пока он идет с ней.

- Что теперь? Мы идем в дом и набираем какой-то еды.

- Великолепная идея. Умираю с голоду.

- Затем мы пойдем в мой дом.

- Подожди. Что? У тебя есть свой собственный дом? Здесь, что есть дом, внутри этого дома, который тоже твой дом?

- Гостевой домик. Сзади. И прямо сейчас в нем нет еды. Мы можем исправить это завтра.

Уесли взял ее за руку и повел к входной двери своего дворца.

- А потом?

Поспешила выяснить Нора, желая знать, чего именно он ожидал от нее. Будет ли как в старые добрые времена? Они жили под одной крышей и пытались не оказаться вместе в постели? Или же он хотел от нее большего?

Уесли усмехнулся, и ее сердце пропустило удар. Проклятие, она скучала по нему так охренительно сильно, что, быть с ним снова почти так же больно, как и отпустить его.

- Потом... - сказал Уесли, проводя ладонями вверх по ее рукам, и Нора задрожала от потребности, которая она думала, была давно похоронена... потребности в прикосновении рук, которые всегда были нежными.

Она отогнала эту мысль и эту необходимость. Конечно, после того, как они были полтора года врозь, чувства Уесли к ней изменились. Она не могла до конца поверить, как сильно он сам изменился. Сейчас он казался выше. Его южный акцент стал отчетливее. Его длинные волосы делали его старше. Сейчас он выглядел как мужчина, а не мальчик, которого она знала и любила, поддразнивала и издевалась.

Нора больше не могла справиться с этим промедлением. К черту. Она поцелует малого и посмотрит, что случится. Поднявшись на цыпочки, Нора обхватила затылок Уесли и приблизила его рот к своему. Он не сопротивлялся.

Парадная дверь дворца Уеса открылась, и их окликнул мужской голос.

- Джон Уесли! Ты же знаешь, что тебе позволено целовать Бриджит в доме.

Уес сделал шаг назад и повернулся на голос. Нора увидела мужчину, который стоял в дверном проеме, выглядевший как все красивые и богатые белые южане, которых она когда-либо видела по телевидению или в кино. Волосы с проседью, широкие плечи, широкая улыбка или то, что было широкой улыбкой, пока он не перевел взгляд на Нору и не увидел, что та вовсе не Бриджит.

Нора улыбнулась той улыбкой, которая, она надеялась, казалась дружелюбной и безобидной, в отличие от обычных ее улыбок, которые, как правило, можно было охарактеризовать как соблазнительные и опасные.

- Привет, пап.

Уесли схватил руку Норы и наполовину повел, наполовину потащил ее вперед. Отец Уеса прищурился, глядя на нее.

- Кто твоя подруга, Дж. У*.:?

Нора посмотрела на Уесли и произнесла одними губами:

- Дж. У?

- Элеонор, - ответил ей Уес одними губами, - Пап, это моя девушка, Нора Сатерлин.

Глаза Норы стали еще шире, нежели при первом взгляде на дом. Девушка? Кто? Она? Стирая шок со своего лица, она намеренно еще шире улыбнулась красавцу-отцу Уеса.

В ответ на эту улыбку, красивый отец Уесли посмотрел на нее с глубочайшим, основательным, прочным и решительным отвлечением.

- О да. - Она вздохнула, поскольку ее одна единственная молитва об этой поездке осталась без ответа. - Он слышал обо мне.

Примечания переводчика:

*линия Мейсона-Диксона, граница между Пенсильванией и Мэрилендом, проведенная двумя английскими топографами, Чарлзом Мейсоном и Джереми Диксоном, в 1760-е гг. До и во время Гражданской войны линия границы была символом разделения между рабовладельческим югом и свободным севером.

*Автор ссылается на одну из богатейших семейных династий США, по рейтингу журнала Форбс. Основатели сети магазинов Уолмарт и/или на Длительный американский телесериал «Ултоны» 1972-1981 гг. Сюжет сериала был сосредоточен на семействе из сельской местности в Виргинии во времена Великой депрессии и Второй мировой войны.

*Представитель младшего поколения Уолтонов, Джой Бой, поступает в колледж, чтобы осуществить заветную мечту и стать писателем.

* J.W. - сокращение от полного имени John Wesley.

Глава 4

Север

Прошлое

Кингсли в тишине обедал с остальными мальчиками, занимая рот едой, чтобы ни ухмылкой, ни улыбкой не выдать своего знания английского. Он до конца не был уверен, как долго сможет разыгрывать эту шутку, даже не был уверен зачем он это делает. Но сидя в столовой, за черным резным дубовым столом, с мальчишками слева и священниками справа, Кингсли пытался решить, какой грех он совершил, чтобы заслужить этот ледяной ад на земле.

Он хотел бы винить Кэрл, которая возглавляла группу поддержки в его старой школе. Блондинки были его слабостью. Или Дженис, которая пела национальный гимн на каждом домашнем матче. Со своим сопрано и рыжими волосами она не казалась лишней в списке его «побед». Сьюзан... Элис... и его голубоглазую Мандолин, длинноволосую дочь убежденных хиппи... начиная с августа и до каникул ко Дню Благодарения, он перетрахал три дюжины девушек в своей маленькой школе в Портленде. Но он не мог обвинить ни одну из своих подружек за его ссылку в эту тюрьму. Он винил их парней.

От природы сильный и быстрый, Кингсли знал, что он мог справиться с любым из мальчиков его школы, который бы напал на него. Но семеро сразу? Никто не смог бы убежать от такого. И он не смог. Он полз.

Он прополз пару шагов, прежде чем отключиться в луже крови, вытекшей из пореза над его сердцем. Этот порез, вероятно, и спас ему жизнь. У него остались совсем отрывочные воспоминания из инцидента, случившегося за стадионом, но нож он помнил хорошо. Когда появился нож, даже мальчишки, которые пинали его ногами, били кулаками, харкали в него, пока он пытался подняться на ноги, отступили на шаг. Мальчик с ножом, Трой, не был ничьим бойфрендом. Хуже, он был братом,

старшим братом Терезы и он опекал свою сестру очень серьезно. Он вытащил нож и полоснул Кингсли по сердцу. И только тогда другие мальчишки оттащили Троя и бросили истекающего кровью Кингсли на земле, избитого и окровавленного, но живого.

И теперь, обводя взглядом столовую и не видя ничего кроме других мальчиков возрастом от десяти до восемнадцати, высоких и низких, упитанных и худых, красивых и, к сожалению, нет, ему хотелось вернуться в то мгновение за стадион и шагнуть навстречу ножу, а не от него.

Он тяжело вздохнул, делая глоток чая, отвратительную дрянь, на самом деле. Он скучал по тем дням, когда его родители давали ему вино к ужину.

- Знаю. На вкус, как моча, да? - слышался из-за плеча голос отца Генри.

Кингсли уже было кивнул в знак согласия, как вспомнил, что он не понимает по-английски. Обернувшись на голос, он изобразил на лице маску растерянности. Отец Генри указал на чай Кингсли и сделал вид, что его сейчас вырвет. Тогда Кингсли позволил себе рассмеяться. Каждый умел разговаривать на универсальном языке отращения.

- Пойдемте со мной, мистер Буассоннэ, - сказал отец Генри, отодвинув стул Кингсли и указав жестом следовать за ним. – Давайте посмотрим, сможем ли мы найти Вам переводчика.

Переводчика? Пока Кингсли поднимался из-за стола, его сердце пустилось вскачь. Отец Генри говорил, что никто в школе не говорил по-французски кроме мистера Стернса. Каждый ученик этой школы, казалось, был в столовой, склонившись над дымящимися мисками томатно-базиликового супа. Каждый ученик, но не Стернс. Не то, чтобы Кингсли высматривал его, наблюдая за дверью и пристально изучая помещение между каждым глотком чая.

Отец Генри провел его в кухню, через стену пара. За громадной черной плитой, молодой священник взмахивал лопаткой для переворачивания пищи в унисон фразе, которую он повторял снова и снова. Создавалось впечатление, будто слова его - музыка, а лопатка – дирижерская палочка.

- А теперь повторяйте Вы: *Você não terá nenhum outro deus antes de mim.*

- *Si*, отец Альдо, – слова раздалась из-за стола, в нескольких шагах от плиты. - *Você não terá nenhum outro deus antes de mim.*

Кингсли почти вздрогнул при звуке голоса, элегантного тенора, глубокого и поставленного, но также холодного, отстраненного и далекого. Голос принадлежал Стернсу, белокурому пианисту, которого он увидел, когда сделал два шага вперед и осторожно заглянул за холодильник. У ног Стернса лежала черная кошка, свернувшись в плотный клубок и поглядывая на Кингсли недобрым взглядом своих

ярких зеленых глаз. Он наблюдал, как Стернс осторожно потер голову кошки, кончиком ботинка, произнося слова на языке, который Кингсли не узнал.

- Muito bom, - сказал священник, взмахнув лопаткой перед собой и поклонившись. – Отец Генри, что вы делаете на моей кухне? Мы уже говорили об этом.

- Мне жаль, что прерываю вас, отец Альдо, мистер Стернс.

- Нет. Вам не жаль. Вы всегда любите, прерывать. Это то, что у Вас получается лучше всего, - ворчал отец Альдо с широкой улыбкой на лице.

Кингсли попытался определить акцент. Бразилец, возможно? Если это так, то это означает, что язык, который учил Стернс - португальский. Но зачем кому-то у черта на куличиках, в штате Мэн, учить португальский?

- Отец Альдо, я прерываю Вас, потому что Вы чересчур много говорите. Я вынужден прервать, если я собираюсь высказаться до заката.

- Солнце село, и все же Вы по-прежнему мешаєте.

- Вы перебиваете мое перебивание, Альдо. И я очень извиняюсь за то, что прервал урок мистера Стернса. Но как раз в его лингвистических способностях мы и нуждаемся. Это Кингсли Буассоннэ, наш новый студент. Я боюсь, он совсем не говорит по-английски. Мы надеемся, что мистер Стернс сможет помочь нам. Если он сделает одолжение...

- Конечно, отец. – Стернс закрыл книгу перед собой и встал.

И снова Кингсли был впечатлен ростом блондина пианиста, его невыносимо красивым лицом.

- Буду рад помочь, чем смогу. Разумеется, мистер Буассоннэ не нуждается в моей помощи. В конце концов, он прекрасно говорит по-английски. Ведь так?

Кингсли замер, когда Стернс повернулся к нему, произнося эти два последних слова. Отец Альдо и Отец Генри уставились на него в недоумении.

- Мистер Буассоннэ? - сказал отец Альдо с характерным для бразильца акцентом.
- Это правда?

- Естественно, правда.

Стернс перешагнул черную кошку и встал перед Кингсли. Он должен был испугаться, должен был смутиться. Но, то как он сократил расстояние между ними и этот острый пронзительный взгляд, пробудили другие чувства в Кингсли, чувства, которые он поспешил спрятать глубоко внутри себя.

- Он смеялся, пока вы двое спорили. Он точно знал, о чем вы говорили между собой. Если он говорит по-французски в штате Мэн, он либо из Франции, где он начал изучать английский язык в возрасте семи или восьми, или он из Квебека и, следовательно, по меньшей мере, сносно говорит на двух языках.

Отец Альдо и отец Генри продолжали пялиться на него, в то время как Стернс сверлил его пронизательными, серо-голубыми глазами.

- Я, определенно, не из Квебека, - сказал, наконец, Кингсли, гордость в его крови урожденного парижанина победила всякое желание анонимности и безмолвия. - Я из Парижа.

Стернс улыбнулся и Кингсли ощутил, словно его кровь застыла.

- Лжец и сноб. Добро пожаловать в школу Святого Игнатия, месье Буассоннэ, - сказал Стернс. - Так приятно видеть вас здесь.

Второй раз за день, Кингсли фантазировал о том, как ступает навстречу ножу Троя, позволяя лезвию погрузиться в его сердце. Наверное, лезвие из настоящей стали причинило бы меньше боли, чем стальное осуждение в глазах Стернса.

- Я не хотел приезжать, - возразил Кингсли. - Я здесь, против моей воли. И я не обязан говорить, если не хочу.

- Вас ждет светлое будущее с цистерцианцами, - сказал Стернс, скрестив руки на груди. - Они тоже принимают обеты молчания. Правда, из соображений благочестия, а не во избежание нежелательного внимания.

- Мистер Стернс, - мягко упрекнул отец Альдо. - Мы можем быть иезуитами, но здесь мы чтим Устав святого Бенедикта*.

Стернс тяжело вздохнул.

- Конечно, отец. Простите меня.

Кингсли не расслышал в его голосе особенного раскаянья но, ни отец Альдо, ни отец Генри не высказали каких-либо дальнейших возражений. Казалось, они были запуганными, как и Мэтью. Что же за человек этот Стернс?

- Может, Вы покажете мистеру Буассоннэ общежития. Познакомьте его со школой лучше, нежели юный Мэтью, - сказал отец Генри. - Если у Вас есть время.

Стернс кивнул, сделал еще один шаг в сторону Кингсли, и, опустив голову, посмотрел ему в глаза. Опустив голову?

Кингсли измеряли в больнице и его рост ровно шесть футов. Стернс, должно быть, шесть и два дюйма, как минимум.

- У меня есть время. - Стернс улыбнулся ему еще раз. - Пойдем?

Кингсли колебался, не ответить ли - нет, опровергая то, что Мэтью недостаточно хорошо познакомил его со школой, что он не нуждается в повторном знакомстве, и поблагодарить за предложение. И все же, хоть и казалось, что Стернс уже недолго любит его, может даже ненавидит, Кингсли не мог отрицать, что все в нем хотело на мгновение остаться наедине с этим таинственным молодым человеком, с чьим мнением считались даже священники.

- Oui, - прошептал Кингсли, и красиво очерченные губы Стернса сложились в жесткую линию.

Кингсли последовал за ним из кухни. Как только они вышли за дверь и оказались одни в коридоре, Стернс повернулся к нему лицом.

- Père Henry est un héros, - начал Стернс на безупречном французском. Отец Генри - герой.

- Ты должен простить его за очень скудные знания о Франции. Во время Второй мировой войны, он был в Польше тайно переправляя евреев в безопасные места и скрывая женщин и девушек от русских солдат. Я знаю это только потому, что другой священник здесь сказал мне. Отец Генри не говорит о сотнях жизней, которые он помог спасти. Он говорит об итальянской еде и детективах. Отец Альдо бразилец. Он и двенадцать других были в плену у партизан в 1969 году. Отцу Альдо было двадцать девять лет, и, несмотря на принадлежность к богатой и влиятельной семье, он по собственному желанию был последним освобожден из плена. Он не покинул остальных пленных, пока они не были благополучно выпущены на свободу. Он простил своих похитителей и публично попросил суд проявить к ним снисхождение. Теперь он готовит для нас.

- Зачем ты все это мне рассказываешь? – спросил на английском Кингсли, чувствуя, что в первый раз после смерти родителей может легко расплакаться.

- Отец Генри попросил меня познакомить тебя со школой Святого Игнатия. Это я и делаю. Идешь? – спросил он, продолжая говорить на французском.

Кингсли ничего не сказал, но последовал за ним по коридору. Стернс остановился в дверях столовой. Только два мальчика остались за столом, кушая и разговаривая.

- Ton ami Matthew (прим. Твой друг Мэтью), - сказал Стернс, кивнув головой в сторону маленького рыжеволосого мальчика, который провел ему первую экскурсию по школе, сидевшего рядом с мальчиком чуть повыше, с черными волосами и в очках. - Он пришел сюда полтора года назад. Несмотря на то, что ему было одиннадцать лет, когда мы увидели его впервые, он выглядел едва ли старше восьми. Его родители не обращая на него внимания, едва не довели его до грани голодной смерти. Богатая католическая семья из той местности, где Мэтью был найден копающимся в мусорных баках, платит за его обучение здесь. Мальчик, что с ним рядом - это сын тех людей,

которые оплачивают обучение Мэтью. Ни один из них не знает этого. Они стали друзьями без давления извне.

Кингсли сглотнул, и ничего не сказав, вышел вслед за Стернсом из столовой.

- Я думаю, что отец Генри имел в виду, чтобы ты рассказал мне, в какое время начинаются занятия и тому подобное.

- Завтрак в семь. Служба в часовне в восемь. Уроки начинаются в девять. Завтра ты встретишься с отцом Мартином, который составит твоё расписание.

- Я полагаю, отец Мартин тоже герой.

- Отец Мартин астроном. Он открыл три кометы и изобрел формулу для расчета расширения Вселенной. Сейчас на пенсии. У него стало слишком слабым зрение, чтобы продолжать исследовать небеса. Так что теперь он преподаёт нам математику и естественные науки.

Стернс повел их из столовой на улицу, в библиотеку. Главный зал был пуст, но трое мальчишек примерно возраста Кингсли толпились возле камина у западной стены. Стернс подобрал упавшую со стола книгу, посмотрел на корешок и направился к книжному шкафу недалеко от места, где мальчики сидели и разговаривали.

- Стэнли Хорнгрен, он один носит пиджак, - сказал Стернс, царственно склонив белокурую голову в сторону одного из мальчиков. – У него двенадцать братьев и сестер. Он работает на двух работах каждое лето, чтобы оплатить свое обучение здесь, и не обременять свою семью дополнительными расходами. Джеймс Митчелл, сидит рядом с ним, он здесь на полной академической стипендии. Весьма впечатляет, учитывая, что он полностью глухой, у него никогда не было доступа в школу для глухих. Когда ты говоришь с ним, говори четко и убедись, что он может видеть твои губы. И говори только на английском языке, - сказал Стернс, мрачно взглянув на Кингсли.

Он небрежно поставил книгу на полку, несомненно, на то место, где она и должна быть.

- Мальчик на диване - Кеннет Стоу. Он провел два года в лечебнице, потому что его учителя думали, что он умственно отсталый. На самом деле у него незначительная необучаемость и гениальный IQ. Сейчас он круглый отличник. Библиотека закрывается в девять. Если тебе нужно будет остаться дольше, ты можешь попросить отца Мартина впустить тебя.

Стернс повернулся на каблуках и направился обратно, на улицу. Он остановился у двери в церковь.

- По выходным месса: в 5:00 вечера по субботам и 10:00 по воскресеньям. Это традиционное католическое богослужение. Ты католик?

Кингсли покачал головой.

- Мы потомственные французские протестанты.

Стернс выдохнул через нос.

- Кальвинисты. - Он произнес последнее слово, как проклятие, прежде чем продолжить. – Тебе будет поощрительно, но не обязательно посещать часовню. Тебя не попросят остричь свои длинные волосы. Тебя попросят носить школьную форму, лишь по той простой причине, что это помогает поддерживать атмосферу равенства. Никто из нас здесь не лучше, чем остальные. Ты уяснил это, правда?

Кингсли уставился в пол.

- Да.

Стернс отвел их к зданию общежития, остановившись снаружи для того, чтобы собрать охапку бревен. Кингсли взял немного дров тоже, думая, что они отнесут их в комнату общежития на втором этаже, но вместо этого Стернс вошел в комнату, где спали младшие мальчики и сложил дрова аккуратно возле очага. Он взял поленья из рук Кингсли и добавил их к куче. Несколько младших мальчишек сидели на своих кроватях, читая. Только один сумел пробормотать приглушенное «спасибо», в то время как двое других дезертировали. Стернс ничего не сказал, только слегка похлопал мальчика по голове в почти братском жесте. Все мальчишки в комнате, следили за Стернсом с широко раскрытыми, наполненными страхом глазами. Кингсли поплелся следом за Стернсом на верхний этаж общежития, в спальню старших мальчиков.

- Отбой в девять, - продолжил его гид на своем поразительно свободном французском.

Если бы Кингсли не знал наверняка, он бы предположил что Стернс был оттуда же родом, откуда и он сам.

- Если у тебя есть домашнее задание, которое задержит тебя подольше, ты можешь поработать в общей комнате внизу. Как говорит отец Генри: “Дрова не растут на деревьях”. Поэтому, пожалуйста, замени те поленья, которые использовал, новыми.

- *Bien sûr*, - сказал Кингсли, но знал, что он не подумал бы заменить дрова без чьего-то напутствия.

- Восемнадцать из нас спят в этой комнате. Уже девятнадцать, поскольку ты здесь. У Натана Вейца ночные кошмары по причинам, которыми он, еще не посчитал нужным поделиться. По крайней мере, один раз в неделю он просыпается с криком. Не обращай внимания. Он снова заснет через пару минут. Если ты видишь, что он ходит во сне, проследи за ним. Прошлой зимой он бродил по двору, и у него чуть не случилось переохлаждение. Джозеф Марксбери отвечает за список ежедневных обязанностей. Я предлагаю тебе поговорить с ним, прежде чем он сам подойдет, если

ты не хочешь дежурства только в туалете в течение всего семестра. Теперь, если ты извинишь, я должен вернуться к своему португальскому.

- Ты изучаешь и португальский тоже? - спросил Кингсли. - Сколько языков ты знаешь?

- Восемь.

- Я двуязычный. А как называют таких как ты?

Стернс изогнул бровь в ответ.

- Образованный.

Кингсли начал смеяться, но потом понял, что Стернс не шутит.

- Восемь, - повторил Кингсли. - Я бы сошел с ума от такого количества слов в моей голове. У меня достаточно проблем с тем, чтобы держать мой французский и английский по отдельности.

- Несколько учеников здесь немного говорят по-французски, но с тех пор как отец Пьер умер, я единственный в школе, кто свободно общается по-французски. Если тебе нужно будет поговорить по-французски, поговори со мной. И как ты понял, здесь полно добрых и мужественных священников и умных и трудолюбивых молодых людей, многим из которых пришлось преодолеть большие препятствия, чтобы быть здесь. Если ты когда-либо почувствуешь необходимость снова солгать, расскажи эту ложь мне.

Кингсли покраснел и скрестил руки на груди.

- Я извинюсь перед Мэтью.

- Очень хорошая идея, мистер Буассоннэ, - сказал Стернс.

- Ты можешь называть меня Кингсли. Это мое имя.

Стернс, казалось, обдумывал приглашение.

- Кингсли... - он кивнул, и Кингсли напрягся от того, как прозвучало его имя из уст белокурого пианиста, который, казалось, владел этой школой.

- Эта школа была моим спасением. Я был бы признателен, если ты, хотя бы делал вид, что проявляешь немного уважения.

Стернс повернулся и начал выходить из комнаты.

- Merci, - сказал Кингсли, прежде чем он ушел. - Спасибо.

- За что? - спросил Стернс возле двери.

- За Равеля, сегодня. Mon père aimait Ravel.

Только на мгновение Стернс остановил свой взгляд на нем. Кингсли хотел уклониться от его пронизательного взгляда, но стоял как замороженный, не моргая, не в силах отвести глаз.

- Aimait? Твой отец мертв?

Кингсли кивнул.

- Etmaman. Железнодорожная катастрофа в прошлом мае. Ты красиво играешь на фортепиано. Никогда не слышал Равеля в таком исполнении прежде.

Стернс вернулся в комнату и встал перед ним. Кингсли снова почувствовал его взгляд на своем лице и вдруг неожиданно осознал, что стесняется.

Стесняется? В шестнадцать лет Кингсли уже переспал почти с пятьюдесятью девушками. Нет, не только девушками, но и женщинами тоже. Даже с женой делового партнера своего покойного отца.

- Я был назван Маркусом Стернсом, - наконец сказал Стернс. – Но никто и никогда не называет меня Маркус.

- Почему нет?

- Потому что Маркус – имя моего отца, а я не сын своего отца.

Он произносил слова нарочито медленно, не спеша, как будто высказывая угрозу, а не просто информацию.

- Могу ли я называть тебя как-то иначе, не Стернс? Это звучит очень официально.

Стернс, казалось, обдумывал вопрос.

- Возможно, когда-нибудь.

- Есть еще что-то, что я должен знать? - спросил Кингсли, напуганный его присутствием, но по неизвестной причине, все же не желающий его отпускать.

Стернс затих и посмотрел на чемодан Кингсли у подножия кровати.

- Твоя кровать рядом с моей, - сказал он, наконец.

Руки Кингсли задрожали при упоминании о таком маленьком расстоянии между их кроватями. Он не знал, почему он реагировал на этого молодого человека так, как он реагировал только на красивую девушку. Он не мог перестать пялиться на него, не мог прекратить задаваться вопросом, какие тайны тот хранил, и что он хотел бы услышать те тайны, шепотом через подушку, ночью.

- Как оказалось, что ты спишь так далеко от камина?

- По собственному желанию. Мне и так достаточно тепло. Небольшой совет, - сказал Стернс, поворачиваясь и впиваясь взглядом в Кингсли, - не буди меня ночью.

Кингсли расхохотался.

- Что? Ты убьешь меня?

Стернс развернулся и направился к двери снова.

- Или хуже.

*Устав Святого Бенедикта — книга заповедей, написанных святым Бенедиктом Нурсийским (480-547 гг.), на протяжении полутора тысяч лет своего существования книга стала значительным проводником для западного христианства, жившего в монашеской общине. Суть Устава Святого Бенедикта суммируется в девизе Бенедиктинской Конфедерации: рах («мир») и традиционного *ora et labora* («молись и трудись»).

Глава 5

Север

Настоящее

Кингсли взял веревку и связал ее скользящим узлом. Девушка с опаской наблюдала за тем, как он надел петлю ей на шею, и позволил узлу свободно покоиться на ее горле.

- Это простая игра, *chègie*.

Он сделал виток вокруг ее тела и удовлетворенно кивнул.

Милая девушка. Двадцать девять лет. Голубые глаза. Инструктор по йоге или что-нибудь столь же глупое. Сегодня вечером он согнет ее пополам, и она будет благодарна ему после.

- Один конец веревки вокруг твоей шеи. А другой...

Он постучал ее под коленом, пока она не подняла ногу как хорошо обученный выставочный пони. Взяв ее за голень, он поднял и закрепил петлей вокруг нее другой конец веревки.

- Закрепим *là* (прим. здесь), на твоей прекрасной, точеной щиколотке. Ты говоришь, что можешь удерживать некоторые позы йоги в течение нескольких часов.

Давай посмотрим, как долго ты сможешь держать поднятой свою согнутую ногу, пока я буду трахать тебя в задницу. Нога начинает опускаться... ты начинаешь задыхаться. Просто. Oui?

Ее зрачки расширились, и она громко сглотнула.

- Oui, monsieur, - прошептала она.

- Bon. Теперь позволь я немного затяну вот здесь.

Кингсли привязал ее запястья к столбику кровати перед ней и укоротил веревку, соединяющую ее шею и лодыжку на несколько дюймов. Пока он мог сказать, что ей по-настоящему было чем гордиться. Ее согнутая нога оставалась высоко поднятой, и дыханию ничего не препятствовало. Конечно, как только он начнет ее трахать, она неминуемо потеряет концентрацию. Да, он любил эту игру.

Из тумбочки он вытащил смазку и презерватив. Смесь ее страха и возбуждения была такой сильной, что он мог чувствовать этот запах на расстоянии трех футов. Встав позади нее, он уже начал было расстегивать брюки, как дверь в комнату Кингсли открылась, и внутрь шагнул Сорен, взглянув на них из-под приподнятой брови, перед тем, как сесть в кресло около кровати Кингсли и закинуть свои длинные ноги в обуви на простыни.

- Нам нужно поговорить.

Кингсли направил на Сорена такой взгляд, который вызвал бы у любого нижнего в "Восьмом Круге" приступ паники. Сорен же просто пристально смотрел в ответ, не моргая.

Со вздохом разочарования Кингсли распустил узлы и, хлопнув девушку по заду, быстро и раздраженно произнес:

- Вон.

- Но..., - она взглянула сначала на него, затем на Сорена, который, к счастью, приехал в городской дом Кингсли инкогнито. Без воротничка. Он был одет в черную футболку, черные брюки, держа в руке свой черный мотоциклетный шлем.

- Вон, - повторил Сорен, и на этот раз она послушалась. Быстро подобрав свою одежду с пола, она вылетела из комнаты. Кингсли начал было закрывать за ней двери, как его вторая любимая девочка, Сэди, проскользнула внутрь и села у его ног.

- Ты никогда не слышал о том, что нужно стучать, не так ли? – бросил Кингсли на французском языке.

Он схватил Сэди, его единственную девочку-ротвейлера, за ошейник и повел к кровати. Та проворно вскочила на простыни, удобно устраиваясь.

Сорен улыбнулся и ответил на английском.

- Я слышал сплетни о хороших манерах. Но никогда не верил им.
- У меня были восхитительные планы на вечер.
- Теперь у тебя новые планы. Я звонил. Ответила Ирэна, не Джульетта.
- Джульетта уехала.

Кингсли сел на кровать возле Сэди и почесал ту за ухом.

- Уехала. Куда?
- На Гаити. Сегодня.

Он продолжал почесывать Сэди, отказываясь встречаться взглядом с Сореном.

- Ты никогда не отпускал Джульетту на Гаити одну.

Кингсли вздернул подбородок.

- Особые обстоятельства.
- Насколько особые? - Сорен снял ноги с кровати и поставил их на пол. Одно это движение Сорена сигнализировало о том, что их разговор перестал быть одним из повседневных.

- Я видел призрак.

Сорен поднял руку и неосознанно потер нижнюю губу кончиком пальца. Кингсли прикусил свою нижнюю губу в ответной реакции. Эти губы, одинаково и жестокие и чувственные, которые столько раз ранили его, что он не мог даже сосчитать. И все же он жаждал их сейчас, как и целую жизнь назад.

- Я не верю в привидения, и тебе не стоит, Кингсли.
- Почему нет? Я влюблен в призрак на протяжении тридцати лет.

Кингсли прошелся до кресла и сел на пуфик, стоящий между коленями другого мужчины.

Сузив глаза, Сорен посмотрел на него.

- Тело еще даже не остыло. Элеонор отсутствует всего день, а ты уже пытаешься снова затащить меня в постель?
- Снова? – Кингсли засмеялся, закатив глаза. – Всегда. Ты удивлен?

Сорен пожал плечами.

- Не особо. Расскажи мне о своем призраке.

На тумбочке лежала папка. Почти нехотя поднявшись, Кингсли взял ее в руки и принес.

Сорен на мгновение задержал взгляд на Кингсли, перед тем как взять у него черную папку и открыть ее. Он изучал ее содержимое, прежде чем снова закрыть файл и вновь посмотреть на Кинга.

- Это наша школьная фотография. У Элеонор есть копия. И что с того?

Кингсли взял файл и открыл его. Тридцать лет испарились в этом пространстве между его взглядом и фотографией, на которую он смотрел. Тридцать лет исчезло в мгновении ока.

Кинг по-прежнему помнил тот день, когда было сделано фото. Его ближайший друг из школы Святого Игнатия по имени Кристиан получил на Рождество камеру и решил, что однажды он будет работать на National Geographic*. Первыми животными, на которых он охотился со своим объективом, были его однокурсники. В тот день, день, когда было сделано фото, Кингсли и Сорен исчезли в лесу за школой и повздорили. Под школьной формой тело Кинга было в синяках и рубцах, покрывающих почти каждый дюйм его спины и бедер. Единственными видимыми отметками оказались два небольших синяка, по форме напоминающие отпечатки пальцев, что остались на его шее от акта, которым закончилась стычка.

- У меня тоже есть копия фотографии, - признался Кинг. - Я хранил ее всю свою жизнь.

- И? – Сорен забросил ногу на ногу в ожидании.

- И... - Кингсли вытащил фото из файла и перевернул его. На обратной стороне кто-то написал свои инициалы. Белизна бумаги выцвела и пожелтела. - Это не моя копия. Это оригинал.

Сорен, прищурившись, взглянул на Кингсли.

– Оригинал?

Кингсли кивнул.

- Я получил ее по почте вчера. Ни записки. Ни письма. Ни обратного адреса на конверте. Фотография в папке и больше ничего.

Сорен какое-то время хранил молчание. Кингсли ждал.

- Почтовый штампель?

- Нью-Гемпшир - твой дом, милый дом.

Сорен медленно поднялся на ноги и прошел к окну. Раздвинув шторы, он пристально посмотрел на городской пейзаж Манхэттена. Кингсли выписал бы ему чек

на миллион долларов прямо здесь, чтобы узнать, о чем он думал. Но он очень хорошо знал Сорена. Деньги ничего не значат для него. Секреты были более ценной валютой.

- Это не Элизабет, - сказал Сорен.

Кингсли встал возле него, наблюдая, как он взирал на город своими серыми глазами.

- Ты в этом уверен?

- Какой у нее может быть мотив? Зачем красть досье Элеонор из твоего офиса? Зачем отправлять тебе эту фотографию?

- Ты знаешь Элизабет лучше, чем я. Она посвятила всю свою жизнь помощи детям-жертвам насилия.

- И?

- Ты и твоя Малышка? Что бы твоя сестра почувствовала, если бы узнала о вас двоих?

- Элеонор тридцать четыре.

- Ей не было тридцать четыре, когда ты влюбился в нее. Я знаю, ты не сделал ничего плохого с ней. Я знаю, что ты оберегал и защищал ее даже от самого себя, несмотря на то, что твоя собственная зверушка умоляла тебя не делать этого. Но увидела бы Элизабет все в таком же свете?

Сорен выдохнул, нахмурившись.

- Нет. Нет, Элизабет не стала бы. Она предположила бы худшее, предположила, что я был, как и наш отец.

- Твоя сестра еще более травмирована, чем ты, Рёге Стернс. Она первая уничтожит тебя, даже не удосужившись задать вопросы.

- Возможно. Но она не пошла бы на это, когда было бы достаточно одного телефонного звонка.

- Элизабет сделала бы все, что в ее силах, чтобы уничтожить тебя, если бы узнала о тебе и твоей зверушке. Но да, это, кажется, не в ее стиле. Или в стиле твоей зверушки.

Когда он сказал “зверушки”, Сэди подняла массивную голову и уставилась на него с благоговейной преданностью. Если бы только всех женщин в его мире было так легко контролировать.

Кингсли еще раз взглянул на фотографию. Элизабет, сестра Сорена, красивая женщина даже в возрасте сорока восьми. Красивая, но сломленная. Нет, гораздо больше, чем сломленная, разбитая вдребезги. Кингсли был в ее обществе лишь

несколько раз, но он встречал французских солдат, ветеранов войны, мужчин, которые освобождали лагерь смерти и видели, как нацисты ставили Париж на колени, с меньшим количеством призраков в их глазах, чем в глазах сестры Сорена. Если бы она была просто изнасилована своим отцом в детстве, то она, возможно, выжила без тех душевных ран, что она носила на сердце. Но она обратила свою темноту на собственного брата. С той поры, когда она перестала быть жертвой и сама стала преступницей, никто не смог бы предугадать, на что такая израненная душа была способна. Кингсли знал, что значит израненная душа, в конце концов, он сам обладал такой.

- Кто же тогда? - спросил он, скользнув в пространство между Сореном и окном. Сорен сверкнул на него взглядом. Кинг только усмехнулся, ожидая, когда тот отодвинется. Он этого не сделал.

Сорен стоял молча. Кингсли знал, что не нужно говорить, знал, что не нужно торопить с ответом. Ответ будет своевременным. Терпение. Сорен всегда вознаграждает за терпение. Элеонор узнала это еще будучи девочкой. Если бы она попыталась форсировать события, Сорен бы охладел и не был так одержим ею. Она соблазняла и дразнила, не повиновалась и бросала вызов, все время ожидала, жаждая ответов, но, никогда не требуя их. До того дня, когда Сорен рассказал ей все и дал ей все. А потом она имела наглость бросить его. Сорен устроил пир для нее, а она едва притронулась к “лакомствам”, в то время, как Кингсли жадно слизывал крошки, падающие на пол.

- Это не Элизабет, - снова повторил Сорен. - Но она может что-нибудь знать. В конце концов, в Ленноксе живет только Элизабет и ее двое детей. Если штамп на письме оттуда, тогда...

- Тогда что, mon père?

Кингсли ждал, надеясь, что Сорен скажет именно то, что ему хотелось услышать. “Элеонор ушла. Джульетта ушла. Снова нас только двое”. Между ними снова могло быть все прекрасно, как это было, когда они были мальчишками в школе. Если бы только Сорен сказал то, что он так жаждал от него услышать...

- Тогда нам нужно съездить и поговорить с ней - тебе и мне.

Кингсли кивнул.

- Oui.

Отлично.

* National Geographic Channel — американский телеканал, транслирующий научно-популярные документальные фильмы о науке, природе, культуре и истории, производства Национального географического общества США.

Глава 6

Юг

В моменты, подобные этим Уесли все бы отдал, лишь бы так же свободно владеть искусством нецензурной лексики, как Нора. Сочное “твою мать” отлично охарактеризовало бы прямо сейчас его чувства. Судя по выражению лица отца, Уесли мог с уверенностью сказать, что это был не первый раз, когда тот слышал имя Норы Сатерлин. Но откуда его отец знал, кто она? Сатерлин была известна двум типам людей - это читатели эротики и почитатели БДСМ культуры. Уесу не хотелось думать, что его отец принадлежит к любому из этих лагерей.

- Ээ, пап?

- Дж. У... а где Бриджит?

Уесли взглянул на Нору. Он не успел рассказать ей о Бриджит.

- Я не знаю. У себя дома, думаю. Мы расстались.

Отец Уесли посмотрел на него своим фирменным взглядом со скептическим поднятыми бровями, который никогда не предвещал ничего хорошего для того, кому тот предназначался.

- Когда? Вы двое были здесь, на крыльце неделю назад, смеясь так громко, что я думал, придется направить садовый шланг на вас обоих, чтобы охладить.

Поморщившись, Уесли тут же отвел взгляд от Норы. Последнее, что он хотел увидеть, так это выражение ее лица от этой последней порции новостей. Но она, должно быть, восприняла всё хорошо, поскольку Уесли почувствовал ее ладонь на своей пояснице. Она быстро погладила его, прежде чем скользнуть рукой в задний карман его джинсов. И как бы сильно ему не нравилось ощущение ее руки в его Левисах, щупающей его за зад, это был не лучший способ сказать: “Привет” отцу, учитывая настроение, в котором тот пребывал сегодня вечером.

- Мы расстались после этого. Ничего не вышло...

- Мистер Райли, я уверена, мое появление из ниоткуда – своего рода шок для Вас, - сказала Нора, вытягивая руку из кармана штанов Уесли и делая шаг вперед. - Вся эта ситуация, своеобразный шок и для меня, тоже. Но Уес, и я знаем друг друга долгое время. И...

- Моему сыну двадцать лет, мисс Сатерлин. И он не может знать кого-либо долгое время.

Уесли наблюдал за тем, как Нора нацепила на лицо улыбку. Он видел эту улыбку прежде. Она зачастую использовала ее на мужчинах, которых она пыталась, запудривая им мозги, заставить плясать под ее дудку. Эта улыбка спасала ее от такого количества штрафов за превышение скорости, что Уесли не мог и сосчитать, два - только за эту поездку. Он хотел бы уметь телепатически общаться с Норой. Первое, что он сказал бы ей - это перестать улыбаться.

- Поверьте мне на слово. Я чувствую, что мы уже положили плохое начало, мистер Райли, - продолжала Нора. - Можем мы поговорить внутри пару минут? Уесли раньше работал на меня в Коннектикуте. Он...

Отец Уесли в неторопливой манере все ближе и ближе подходил к Норе. Ничего нового. Джексон Райли был хорошо известен тем, что делал все в неторопливом темпе. Еще когда Уесли был ребенком, он думал это значило, что его отец имел спокойный нрав, никогда не спешил, не торопился сам и не торопил кого-либо другого. Став старше и умнее, он понял, что его отец двигался медленно, потому что ему нравилось заставлять людей ждать его. Он принимал решение за секунду, но заставлял ждать ответа минуту. Он тратил часы на то, что могло занять всего лишь несколько минут, чтобы доказать, что он имеет время и деньги, которые может тратить впустую, даже если никто не тратил.

- Я знаю кто Вы, мисс Сатерлин.

Сердце Уесли ускорялось с каждым шагом отца по направлению к Норе. Дела обстояли скверно и становились все хуже с каждой секундой.

- Фанат? Как приятно.

Она продолжала улыбаться.

- Не совсем, мадам.

- Пап. Давай зайдем в дом и поговорим.

Уесли сделал шаг в сторону, отчаянно пытаясь протиснуться между отцом и Норой. Его отец не прибегал к насилию, но у него и не было причин для этого. Ему хватало и слов в качестве оружия, особенно, когда он был зол, как сейчас.

- Этой женщине не разрешено переступать порог моего дома, Дж.У, откровенно говоря, я в шоке даже от того, что ты сам предложил это.

- Этой женщине?

Уесли выпрямился и пристально посмотрел в голубые глаза отца. Он унаследовал свои карие глаза от матери, как и свой темперамент. Его родство с отцом выдавала разве что одинаковая форма челюсти.

- “Эта женщина” – мой лучший друг, папа. И если хочешь знать, по версии Нью-Йорк Таймс она уже четыре раза становилась призером в номинации «самый продаваемый автор».

- На самом деле, пять, - вставила Нора, лукаво подмигивая ему.

Это подмигивание придало Уесли смелости продолжать. Не имело значения, что скажет ей его отец, Нора сможет это стерпеть. За эти пятнадцать с половиной месяцев, что они провели врозь, он почти забыл, как она веселилась, когда на нее кричали.

- Прости, Нор. Забыл о последней книге. Многократно лучше продаваемая писательница по версии Нью-Йорк Таймс. Также она...

- Шлюха.

Слово вылетело изо рта его отца и повисло в воздухе между ними. Правая рука Уесли сжалась в кулак. Его отец не был вспыльчивым, но он приблизился чертовски близко, чтобы довести Уесли до этого состояния.

- Ооой, - сказала Нора со своей фирменной опасной улыбкой, улыбкой которая, заставляла людей либо падать к ее ногам, либо спастись бегством.... - Приму это за комплимент.

- Возьми свои слова назад, папа. - Уесли направил на отца свой самый холодный взгляд. - Ты не знаешь, о чем говоришь.

- Я точно знаю, о чем говорю, Дж.У. Ты думал твоя мать и я поверили, когда ты сказал, что просто хотел вернуться домой в Кентукки, потому что истосковался по дому? Ты потратил два года, говоря нам, как сильно ты любил Йорк, насколько сильно ты хотел провести всю свою жизнь в Коннектикуте, насколько счастлив ты был, а потом в один прекрасный день: “Я готов вернуться домой.” Ты думаешь, мы купились на это? Твоя мать – да, потому что это то, во что она хотела верить. Но меня не проведешь. Немного покопавшись...

- Иисусе, пап, ты копался в моем прошлом?

- Пришлось. И я сделал это для твоего же блага.

Нора тихо засмеялась.

- Можно мне воспользоваться моментом и сказать вам, что когда вы оба злитесь ваш акцент, становится еще смешнее?

Уесли и его отец взглянули на нее, Уесли – в шоке, отец – с отвращением.

- Ладно, тогда значит “нет”. Не отвлекайтесь.

Она сделала шаг назад и махнула на них рукой, чтобы те продолжали.

- Вы думаете это смешно, мисс? Что ж, мне не кажется это смешным. И моей жене тоже. Наш сын казался развалиной, когда притащился сюда. У меня был дядя, вернувшийся домой из Вьетнама, так он выглядел менее потрясенным, нежели мой мальчик в тот день, когда он появился здесь.

С лица Норы сошла улыбка. Кивнув, она снова шагнула вперед и взяла Уесли за руку. Он сжал ее пальцы и обнаружил, что они на удивление холодные, как будто она нервничала. Его Нора? Нервничает?

- Мне жаль, мистер Райли. Я знаю, я сделала больно Вашему сыну. И я буду сожалеть об этом до самой смерти. Но я...

- Сделали больно моему сыну?

Отец Уесли покачал головой и до ужаса холодно рассмеялся.

- Вы не сделали больно моему сыну. Если он падает с лошади, то ему больно. А Вы сломали дух этого мальчика. Раздавили его. Я знаю, о каких непристойностях Вы пишете. У моей жены целая полка подобного мусора в библиотеке. Насколько я могу судить, единственное, что отличает ваши книги и те, которые она читает это то, что у Вас они получаются немного более креативными. Ваши книги меня несколько не волнуют. Даже то, что Вы продаете свое тело, меня не волнует. Что меня волнует так это то, что Вы проделывали свои штучки с моим сыном. Вы использовали его, пожевали и сплюнули.

Уесли открыл рот, чтобы возразить, но Нора заговорила первой.

- Вы говорите, что знаете меня, мистер Райли, но, очевидно, нет. Если бы знали, Вы были бы в курсе, что я не сплевываю.

- Нора, пожалуйста, - сказал Уесли, будучи готовым упасть на колени и умолять ее, чтобы она позволила уладить все ему самому.

Не похоже, что бы это сработало. На какой-то миг Уесли ощутил прилив сочувствия к Сорену. Нора была необузданной, неуправляемой, неконтролируемой. Ей говорили одно, она делала другое. Она смеялась, когда другие плакали. Танцевала, когда другие сидели. Она проложила себе путь к вершине и даже не обломала ноготь по пути вверх. Никто не мог ее сломить. Никто не мог с ней справиться. Никто не мог заставить ее замолчать.

Господи, он скучал по этой женщине.

Уесли развернулся к отцу, встал прямо перед Норой и поднял подбородок.

- Папа, моя личная жизнь с Норой, и то, что произошло между нами двумя не твое дело. Мы утрясли этот вопрос. И она не шлюха. Не могу поверить, что ты это говоришь.

- Я сказал это и скажу еще раз. А как еще назвать женщину, торгующую своим телом?

- Хороший карьерный ход. - Нора выглянула из-под руки Уесли. - Хотя технически, я была Доминой...

- Нора, ты можешь дать мне минуту? - Уесли попытался спросить настолько вежливо, насколько позволяли его натянутые нервы.

- Не торопись, Уес.

Она снова погладила его по спине.

- Пап, я люблю тебя. Но ты вроде как бесишь меня сейчас. Нора - моя лучшая подруга. Она моя девушка. Она останется здесь со мной, пока я выясню, что делать дальше. Если у тебя проблемы с этим...

- Конечно у меня проблемы с этим...

- Тогда мы отправимся в отель.

- Очень хорошая идея, - ответила Нора сзади. - Мне понравился тот замок, что мы проезжали. Мы можем арендовать башенку? Я позвоню узнать о стоимости недельного проживания.

- Я лучше остановлюсь в Мотеле 6*, нежели позволю кому-либо так обращаться с тобой, Нора.

- Я слышала, они оставляют включенным свет. Как мило с их стороны.

Нора уже достала телефон, явно готовая убраться к чертовой матери из Кентукки. Или хотя бы с лужайки перед его домом. И ему не за что ее винить.

- Мотель 6? Зачем, спрашивается? - мать Уесли крикнула с крыльца. - Уесли? Ты добрался домой?

- Привет, мам.

Он схватил Нору за руку и потянул ее через лужайку туда, где под арочным навесом стояла его мать.

- Я хочу познакомить тебя с моей девушкой, Норой. Она приехала из Коннектикута навестить меня.

Уесли хотел сжать мать в медвежьих объятиях, но передумал. Его отец обвинит его потом за то, что он использовал мать, чтобы ему все сошло с рук. Он хотел, чтобы его отец, принял Нору, а не просто терпел ее, потому что его маме она нравилась.

- Здравствуйте, миссис Райли.

Нора снова улыбалась, но не той улыбкой, которая действовала Уесли на нервы. Простая улыбка, которую он видел только, когда они были один на один, или, когда она общалась с детьми. Он никогда не встречал никого, кто бы так хорошо обращался с малышами, как Нора. Она разбивала его сердце, утверждая, что совсем не хочет детей.

- Очень приятно познакомиться с Вами.

- Нора, говоришь? – повторила его мать, улыбаясь Сатерлин.

Сегодня его мама выглядела уставшей. Деловая составляющая их семейного бизнеса изнуряла ее, и Уесли боялся, что одно только чувство вины будет держать его на ферме всегда.

- Мне тоже приятно с Вами познакомиться. Но, Уесли, я думала...

Уес рассмеялся.

- Мама, Бриджит и я недавно рассталась. Нора и я были вместе, когда я был в Йорке.

- Я намного моложе, чем выгляжу, даю слово. – Нора улыбнулась шире. - Я стала ужасно выглядеть.

Его мама засмеялась.

- У меня было чувство, что мой Уесли клюнет на женщину постарше. Девочки его возраста просто недостаточно умны для него.

Она протянула руку и взъерошила волосы Уеса. Нора показала ему язык, а ее взгляд так и кричал «Судьба, порой, такая сучка, правда?».

- Я определенно недостаточно умна для него. Ведь я однажды позволила ему уйти. На сей раз, буду более осмотрительной.

- Умная девочка.

Уесли усмехнулся, когда его мать потянулась и похлопала Нору по руке.

- Уже поздно, мама. Разве ты не должна быть в постели? - спросил он, опасаясь, что ее разбудил его спор с отцом.

- Да, Кэролайн. Я тоже думаю, что это хорошая идея, - сказал отец Уесли тоном, не терпящим возражений.

- Да, сэр, - отозвалась она и потянулась за рукой мужа. - Уложи меня в постель. Убедись, что ты хорошо и плотно укутал меня одеялом.

- Я всегда так делаю. Должен как следует укутать, а не то ты сбежишь от меня.

Мать Уесли широко улыбнулась и ее бледное лицо мгновенно озарилось любовью. Уесли тоже не смог сдержать улыбку. У него и его отца были свои разногласия, но они оба поклонялись земле, по которой ходила Кэролайн Райли. По большей части только это удерживало их от начала Новой гражданской войны на земле Кентукки.

- Было приятно познакомиться с Вами, Нора, - сказала она, оглядываясь через плечо, пока Джексон провожал ее в дом. - Уесли, убедись, что у нее будет достаточно одеял. Ночью может стать еще холоднее.

- Будет сделано, мама. Мы с ней останемся в гостевом доме.

- Я не слышала этого, молодой человек, - сказала она, смеясь.

Уесли посмотрел на Нору, которая улыбалась ему. Оставшись снова наедине, Уесли привалился к одному из столбцов на крыльце.

- Ладно, все прошло хуже, чем я думал, - признался он. - Нора, я так сожалею. Не могу поверить, что мой папа вынюхивал о тебе и обо мне, и...

Сократив расстояние между ними в два больших шага, Нора обняла его.

- Вау, где ты этому научилась?

Он крепко сжал ее в объятиях.

- Уес, ты мой герой. Я не могу поверить, что ты так возражал своему отцу. Он немного...

Нора отстранилась, выразительно изобразив известную сцену убийства в душе из «Психо»*. Уесли смог только кивнуть, соглашаясь.

- Да, с этим не поспоришь. Он хороший парень. Правда. Он просто слишком заботится обо мне и маме.

- Семьянин. Я уважаю это. Мой отец продал бы меня с потрохами, чтобы погасить свой десятидолларовый долг, если бы знал, что выручит за меня десятку.

- Отец тебя недолюбливает просто...

- Ненавидит, он меня ненавидит, - исправила она.

- Хорошо, он тебя ненавидит просто потому, что думает, что ты причиняешь мне боль.

Нора потянулась вверх и погладила щеку Уесли. Он уткнулся лицом в ее ладонь и поцеловал.

- Уесли, я действительно причинила тебе боль.

Он кивнул, больше ничего не сказав. Нора снова сжала его в объятиях. Она обнимала его долго, так долго, что он даже забыл, что она обнимает его. Он поцеловал ее волосы, вдыхая ее аромат - аромат орхидей. Нора всегда пахла орхидеями... Когда-нибудь он спросит у нее почему.

- Я должна идти.

Она отстранилась.

- Что?

- Я могу остановиться где-нибудь в городе. Не хочу доставлять тебе еще больше неприятностей. Нора Сатерлин в доме = неприятности. Это законы математики.

Уесли покачал головой и взял ее за руку.

- Когда это ты начала заниматься математикой? Не отвечай. Слушай, ты не доставишь неприятностей. Мы собираемся послать все к черту и отдохнуть, провести время вместе и во всем разобраться. И никаких проблем, правда?

Нора тяжело вздохнула. Она скрестила руки на груди и прислонилась к колонне позади нее.

- Остайся на неделю. Пообещай мне неделю, - сказал Уесли. - Если ситуация с моим отцом будет прежней в течение этой недели, то мы вернемся в Коннектикут. Хорошо?

Уесли посмотрел на Нору. Она закрыла глаза и выдохнула через нос. Существовала ли в мире женщина красивее, чем Нора Сатерлин? Даже после целого дня за рулем и будучи одетой в простые джинсы и белую футболку, плотно обтягивающую ее восхитительную грудь, которая преследовала его во снах и наяву, и с ее густыми темными волосами, собранными сзади в хвост, и с растертым карандашом для глаз и поблекшей помадой... она сводила его с ума одним своим видом... но он так же знал, что под этим внешним слоем, скрывался ее ум, ее чувство юмора, ее дух, который никто не мог сокрушить. Даже Сорен. Проклятие. Нет другого слова для Норы Сатерлин. Только «проклятие».

- Ладно. Одну неделю, - пообещала она, открывая глаза.

- Хорошо. Думаешь, что сможешь вести себя хорошо в течение одной недели?

- Наверное, нет. Но я постараюсь. Ради тебя.

- Спасибо.

- Нет проблем, - ответила Нора, направляясь к ее машине. - Seriously, даже я не смогла бы доставить много неприятностей за неделю, верно?

*Motel 6 – сеть бюджетных мотелей в США и Канаде. Изначально в них предлагались услуги по исключительно низкой цене – 6 долларов за ночь. Этот гостиничный тариф впоследствии стал частью названия сети.

*Психо – психологический триллер Альфреда Хичкока (1960 г), в котором главную героиню убивают ножом в душе. Эта картина стала одной из самых шумевших и "цитируемых" лент в истории кинематографа.

Глава 7

Север

Прошлое

В течение двух недель, единственное, чем занимался Кингсли, это наблюдал за Стернсом. Он ходил на уроки, ел, делал вид, что относился по-дружески к другим мальчикам, но все, что он делал, было лишь притворством, маской, обманным маневром. Для того, чтобы искупить вину за свое поведение в первый день в школе Святого Игнатия, Кингсли разыгрывал из себя святого в глазах окружающих его людей. Но он существовал исключительно для Стернса, исключительно для греха.

Однако Стернс не поддерживал его игру.

- Аристотель, - произнес нараспев отец Роберт, скрипя сломанным куском мела по доске, - имел довольно необычную идею о мысли, о разуме. Он думал, что местонахождением разума было сердце. Мозг был не более чем охлаждающим пунктом воздухообмена - вентиляцией. Интересно, что древние египтяне тоже думали, что мозг был бессмысленным органом, в то время как само сердце было вместилищем для души и разума. Современная наука говорит нам, что это не так. Но что Иисус говорит нам об этом?

В глубине сознания Кингсли знал ответ на этот вопрос. Будучи ребенком, он редко, когда ходил в церковь. Но иногда мать брала его с собой. В соседней Католической церкви проходило богослужение на английском языке для американских эмигрантов как она. Она ходила туда, не столько для того, чтобы поклоняться Богу, сколько отвести душу, целый час слушая свой родной язык. Кингсли наслаждался теми моментами наедине с матерью. Его сестра, Мари-Лаура, никогда не выбиралась из постели раньше полудня в выходные. Его отец, ревностный протестант, зарекся и ногой не ступить в католическую церковь. Поэтому она была полностью в его расположении. Ничто не делало его счастливее, чем то, что мама была всецело посвящена ему. Хотя иногда он обращал внимание на священника и проповеди. И какая-то часть одной из этих проповедей осталась в его памяти даже столько лет спустя. Что-то про разум...

Класс сохранял молчание. Кингсли взял в руки Библию и начал листать ее. Возможно, если бы Бог был на его стороне, то он нашел бы страницу или нужный стих. Стернс тоже был в этом классе богословия, сидя в другой стороне, у окна, в самом холодном месте в классе. Несмотря на то, что он приходил первым, он мог бы сесть возле камина, но он никогда этого не делал.

- Ни одного ответа? – отец Роберт развернулся лицом к классу. – Кто-нибудь?

Кингсли увидел, как отец Роберт взглянул на Стернса, который, казалось, подавил вздох.

- От Матвея двадцать два, стихи двадцать семь - двадцать восемь, - сказал Стернс, когда стало ясно, что никто больше не будет говорить.

- Очень хорошо, мистер Стернс. Вы можете процитировать эти стихи для нас?

Прочитать? Кингсли уставился на Стернса, который, казался самым воплощением академического совершенства. Его школьная форма была безупречной, и каждый волос на его светлой голове был на своем месте. Как бы Кингсли ни старался, он все равно выглядел растрепанным и помятым. Отец Генри всегда дразнил его по этому поводу, говоря, что тот всегда выглядит так, словно только что вылез из постели. Если бы.

Не открывая своей Библии, Стернс заговорил.

– “Иисус сказал ему: Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь”.

- Очень хорошо, мистер Стернс. И какое же отношение этот стих имеет к нашей дискуссии о разуме и сердце?

- Иисус проводит различие между разумом, сердцем и душой. Они являются отдельными сущностями.

Отдельными сущностями? Глаза Кингсли расширились от сказанного Стернсом. Кто преподавал в классе?

- Является ли это доказательством того, что разум и сердце и душа совершенно отделены и не имеют ничего общего друг с другом? - продолжал отец Роберт.

Он махнул рукой на десять учеников в классе, словно пытаясь побудить их к ответу. Но ответа не последовало.

- Мистер Стернс?

Стернс сел ровнее.

- Не обязательно. Тринитарная формула*, которая предписывает креститься во имя Отца и Сына, и Святого Духа, была утверждена как догмат Первым

Константинопольским собором*, не взирая на то, что Троица содержала в себе три отдельных ипостаси, она также была единосущной. Когда Иисус говорит нам любить Господа нашим сердцем, душой и разумом, Он говорит нам, что они триедины в одной сущности, как и Бог.

- Очень хорошо, мистер Стернс. Теперь, если мы вернемся к катехизисам...

В то время как все в классе открыли свои книги, Кингсли мог только продолжать пялиться на Стернса. На миг тучи за окном разошлись и лучик солнца, которого не видели много дней, заполнил аудиторию белым светом. Кинг мог сосчитать каждую ресницу, обрамляющую глаза Стернса. И пока солнце не спряталось за тучу снова, Кингсли сидел, затаив дыхание.

Солнце исчезло. Он выдохнул. Стернс повернул голову и встретился с бесстыдным взглядом Кингсли. Кинг знал, что должен отвернуться. Вежливость требовала этого от него. Рассудительность требовала этого от него. Если он не прекратит пялиться, он чувствовал, что и отец Роберт и сам Стернс потребует этого от него.

Но он так же не мог отвести взгляд, встретиться бы он лицом к лицу с самим Богом.

Пока Питер читал из катехизиса, Стернс встал и, не спрашивая разрешения, покинул класс. Отец Роберт не сказал ни слова, чтобы остановить его, просто продолжал беседу с другими студентами. Сердце Кингсли колотилось, руки сжались. Если бы он сидел в кресле Иуды (*орудие пыток*), ему, наверное, было бы не так неудобно.

После десяти секунд попыток усидеть на месте, он встал и последовал за Стернсом. Оказавшись в коридоре, Кинг беспокойно огляделся. Стернса нигде не было видно. В какую сторону он направился? Вперед? Назад? Наверх?

Кингсли понятия не имел, почему он был охвачен этой манией, этой абсолютной потребностью следовать за Стернсом. Но он уже это сделал, оставил класс без разрешения. Обратного пути нет.

Он услышал стук шагов по кафельном полу, отдающихся эхом от бетонных стен. Помчавшись на звук, Кингсли нашел Стернса, расхаживающегося по площадке между третьим и четвертым этажами, с маленькой Библией в руке. Стернс остановился и повернулся к Кингсли. Он не говорил. Кингсли открыл рот. Но слов не последовало.

- Вы ушли, - сказал он, наконец, переходя на французский язык. - Vous avez quitté.

Vous? Они были равными, учениками той же школы. Почему Кингсли автоматически использовал vous вместо более привычного tu?

- Tu as quitté aussi. Ты также ушел.

Tu. Не vous.

- Я последовал за тобой.

Кингсли чувствовал себя более чем глупо, констатируя очевидное. Но у него не было других слов, никаких других причин. Что он мог объяснить? Он был здесь, потому что он был здесь.

- Почему ты ушел?

Стернс пристально посмотрел на него, прежде чем снова продолжить свое хождение взад-вперед.

– Мне позволено уходить.

- Я знаю. Тебе позволено делать все, что ты хочешь. Но это не ответ на вопрос. - Кингсли вперился в него взглядом, снова переходя с английского на французский. - Pourquoi?

- Ты пиялился на меня.

Однажды, Кингсли слышал фразу о благоразумии и бесстрашии, которую его мать сказала на английском языке. Он забыл, как это было сказано, при каких обстоятельствах. Это было не важно. Сейчас он был за рамками благоразумия, и ему было совершенно наплевать на бесстрашие.

- Oui. Да пиялился.

- Почему ты все время пиялишься на меня?

- Почему тебя это волнует?

Какое-то время Стернс не отвечал. Наконец, он встретился глазами с Кингсли.

- Я не знаю. Но волнует.

Если бы ему предложили миллион долларов в тот момент в обмен на то, чтобы не слышать тех слов, Кингсли сказал бы: “Заберите деньги”.

- Ты должен вернуться в класс, - сказал Стернс, снова опуская взгляд на свою Библию.

Кинг закатил глаза.

- Тебя не беспокоит, что отец Роберт относится к тебе так?

Он скрестил руки на груди и прислонился к стене. Стернс снова развернулся.

- Как?

Кингсли пожал плечами.

- Я не знаю. Ты делаешь всю работу за всех. Никто не отвечает ни на один вопрос кроме тебя. Он заставил тебя декламировать стихи из Библии. Декламировать их. Не читать. Ты выполняешь его работу.

На мгновение, задержав взгляд на Кингсли, Стернс возобновил свое хождение и снова открыл Библию.

- Он не заставляет меня выполнять его работу. Отец Роберт не выносит молчания. Никто здесь не заставляет меня делать что-либо.

- Я заметил.

- И что это должно означать?

Стернс снова навел на него стальной взгляд. Что-то в этом взгляде заставило смелость Кингсли пошатнуться. Он сделал быстрый вдох и подался вперед. Это был самый длинный разговор, которого он сумел добиться от Стернса с того первого ужасного дня здесь. Даже если он приводил его в ярость, по крайней мере, это обеспечит продолжение диалога между ними.

- Только ты можешь приходить на уроки и уходить, когда тебе будет угодно. Никто другой не может делать этого. Ты никогда не ешь в столовой вместе с нами, хотя Отец Генри сказал, что это требовалось от всех нас. Комендантский час, кажется, не относится к тебе. Почему?

- Эти правила предназначены, чтобы держать студентов в узде и обеспечивать безопасность. Отцы знают, что, если я не ложусь спать после комендантского часа, это - потому что я читаю. Если я покидаю класс, это - потому что у меня есть другие дела, которыми мне нужно заняться. Я ем с отцом Альдо в кухне, поскольку это - единственное время, которым мы располагаем, для моих уроков португальского.

Кингсли покачал головой.

- Нет, это другое. Что-то большее. К тебе здесь особое отношение, и я хочу знать, почему.

- Никакого особого отношения. Ко мне относятся как ко взрослому. И я заслужил это. Веди себя подобающим образом, Кингсли, и ты тоже сможешь заслужить такое отношение.

Стернс последний раз взглянул на него, перед тем как пройти мимо и спуститься по ступенькам.

Кинг знал, что должен вернуться в класс. Он хотел последовать за Стернсом, но что-то подсказывало ему Стернс выговорил на сегодня свою квоту слов и больше не будет говорить с Кингсли. Может быть, завтра. Или послезавтра. Он может подождать,

понаблюдать... Кинг мог сказать, что он раздражал Стернса. Не такой реакции он собирался добиться, но это лучше, чем ничего. Стернс обычно расхаживал по школе, как будто никого больше в мире не существовало, кроме него. Пробраться ему под кожу был шаг номер один. В его постель – будет шагом номер два.

- Кинг? Что ты здесь делаешь?

Кингсли посмотрел через плечо и увидел Кристиана, идущего по коридору. Он и Кристиан быстро стали надежными друзьями почти по умолчанию по истечению двух недель. Они были двумя из тех пяти мальчишек в школе, у которых был хоть какой-то опыт с девушками. Также Кристиан имел в запасе скверное чувство юмора и самые пошлые шутки среди воспитанников, особенно когда поблизости не было священников. Девственники в школе смотрели на них со смесью благоговения и зависти, после того, как он и Кристиан, а также парочка других обменялись рассказами о подругах и минетах и разборках с разъяренными братьями и ревнивыми бойфрендами.

- Стернс, - сказал Кингсли, не встречаясь взглядом с Кристианом. Он не мог перестать глазеть на ступеньки, за которыми Стернс скрылся из вида.

- Ага, он меня тоже, охренеть, как бесит. Но что поделаешь?

- Он тебе не нравится? – спросил Кингсли, наконец, отрывая свой взгляд от ступенек.

- Конечно, нет. Какое там “нравится”? Он умнее, чем все священники вместе взятые. Дети обдeldываются в ту же секунду, когда он входит в комнату. Он не будет разговаривать с любым из нас. Он сказал мне, наверное, пять слов за все четыре года.

Кингсли подавил улыбку. Пять слов? У него только что был полноценный пятиминутный разговор со Стернсом. Это, должно быть, что-то вроде школьного рекорда.

- Все делают вид, что боятся его, - предположил Кингсли. – Может быть, поэтому он не говорит много.

Кристиан хохотнул и похлопал Кингсли по плечу.

- Это не притворство. Мы боимся его.

- Почему? Он кажется... - Кингсли искал подходящее слово. Безобидным... это было не то слово. Стернс казался каким угодно только не безобидным. – Разумным?

- Кингсли, - начал Кристиан, глубоко вдохнув. - Я постоянно забываю, что ты новичок здесь. Есть кое-что, что ты должен знать о своем друге Придурке Стернсе.

- Quoi? - спросил Кингсли. Что?

- Поговаривают, что в его бывшей школе... он убил кого-то.

* Тринитарная фóрмула или формула Троицы — богословская фраза «во имя (Господа) Отца и Сына и Святого Духа», которую называют еще крещальной формулой.

* Первый Константинопольский собор, Второй Вселенский Собор — Вселенский Собор Церкви; созван в 381 году императором Феодосием I (379—395) в Константинополе. Признаётся Вселенским всеми церквями.

Глава 8

Север

Настоящее

Дорога от города к дому сестры Сорена в Нью-Гемпшире занимала около четырех часов. Сорен, как правило, хватался за любую возможность, “выгулять” свой Дукати на пустых дорогах, но Кингсли удалось его уговорить поехать с ним на Роллс-Ройсе. Им нужно поговорить, настаивал Кинг. Им нужен план. Скептически улыбаясь, Сорен, наконец, согласился. Кингсли прекрасно знал, что Сорен не дал себя одурачить. Им пока не о чем было разговаривать. Они еще ничего не знали. Кингсли просто хотел побыть наедине с Сореном на заднем сидении Роллс-Ройса.

- Что мы ей скажем? - спросил Кинг, пока они приближались к дому Элизабет. - Она захочет знать, почему мы здесь.

- Мы расскажем ей правду. Ты получил угрожающий пакет с почтовым штампом из Леннокса. Я посмотрю в ее глаза, на выражение лица. Увидим, что оно выдаст.

Сорен сидел на противоположном сиденье, глядя в окно. Он почти не встречался взглядом с Кингсли на протяжении всей поездки. Довольно несвойственно для него. Создавалось впечатление, что Сорену, доставлял большое удовольствие напряженный зрительный контакт. Он мог прочесть человека с одного взгляда, узнать его мотивы, его планы, чего тот хотел, кому доверял... Когда они были подростками, Кингсли думал, это был искусный “дешевый трюк”. Но несколько лет спустя, работая на французское правительство мастером на все руки, он понял, в чем была суть таланта Сорена. Дети, подвергавшиеся насилию, часто росли с необычайной способностью пронизательно судить о личности человека. Это был не дар. Не дешевый трюк. Это был вопрос жизни и смерти, навык выживания. Но Сорен не смотрел на него сегодня. Кинг решил принять это как комплимент.

Роллс вырулил на длинную петляющую дорогу, что вела к дому Элизабет. И хотя Сорен и не смотрел на Кингсли, это не мешало Кингу смотреть на него.

- Я в порядке, Кингсли, - сказал он, едва ли взглянув на него, перед тем как снова отвернуться к окну.

Кинг кивнул в сторону дома.

- Твоя мать была изнасилована в этом доме. Изнасилована твоим отцом.

- Это не новость для меня, - сказал Сорен бесстрастным голосом. - Собственно именно по этой причине, я и существую.

- Ты был изнасилован в этом доме. Изнасилован Элизабет, с которой нам предстоит вежливая дружеская беседа.

- Кингсли, я сказал, что я в порядке.

- Я знаю, что ты в порядке. Я знаю, что просто так ты не стал бы говорить, что ты в порядке. И именно поэтому ты единственный из всех людей и монстров в этом мире, которые вселяют в меня ужас.

- Это ложь, и ты это знаешь. Ты и Элеонор являетесь двумя единственными людьми в мире, которые не боятся меня.

- Повторяй это себе, если это помогает тебе спать по ночам.

Сорен, наконец, посмотрел на него, взглянув ему прямо в глаза.

- Бу, - сказал Сорен, на что Кингсли мог только рассмеяться.

- Без призраков, пожалуйста. - Кингсли поднял руки. – Тем более, что в этом доме их предостаточно.

- Я не один из них. - Сорен облокотился на кожаное сидение. - Элизабет - да. Она все еще не дает покоя этому дому или, возможно, это он не дает покоя ей. Я просил ее переехать. Она не слушает.

Сорен элегантно пожал плечами. Он коснулся шеи в том месте, где его пасторский воротничок упирался в горло, Кингсли редко был свидетелем этого жеста. Он знал, что большинство священников не часто носили традиционное облачение, когда посещали семью. С другой сестрой, Клэр, и его племянницей Лейлой, Сорен всегда носил обычную одежду. Но к Элизабет он надевал традиционное одеяние и воротник священника. Всегда. Это просто еще одна часть его брони.

- Думаешь, она мазохистка? - спросил Кингсли, улыбаясь. – Не удивительно, поскольку ее брат - садист.

- Может быть. Или возможно она хочет доказать себе, что наш отец не победил.

Кингсли приподнял бровь, вытянул ноги и, скрестив лодыжки, расположил их на сиденье возле коленей Сорена.

- Или...

Сорен сверкнул в него взглядом.

- Или что?

Одной глубокой зимней ночью тридцать лет назад, после того, как Сорен обнажил свое тело для Кингсли, он позволил себе обнажить кусочек своей души. Он рассказал Кингу о своей сестре Элизабет, о том, что она сделала с ним в ту ночь, когда он был одиннадцатилетним мальчиком, а ей было всего двенадцать. А потом, после долгой паузы, Сорен рассказал Кингсли, что они делали вместе следующей ночью и каждую ночь после, пока их отец не застал их на месте преступления.

- Возможно, это ностальгия.

Сорен не соизволил ответить на это чем-либо большим, нежели еще более холодным взглядом.

- Ты не можешь отрицать, что поводом могла выступить ревность, - продолжал Кингсли, снимая свои ноги с сидения и наклоняясь вперед, чтобы ответить на свирепый взгляд Сорена.

- Ревность? Ты серьезно?

- Не делай вид, что так скептически настроен. Я послал ту репортершу к Элизабет, чтобы она задала ей вопросы о тебе. Незнакомая женщина, которую она никогда прежде не видела, спрашивает о ее брате и что делает Элизабет? Рассказывает ей каждую мельчайшую подробность о вас двоих.

- Элизабет пыталась защитить меня.

- Или она хвасталась.

- Я молюсь за тебя, Кингсли.

Кинг усмехнулся.

- Молись усерднее.

- Это не Элизабет. Она ненавидит то, что произошло между нами, когда мы были детьми, даже больше, чем я.

- Ты ненавидишь? Правда? Сам же знаешь, что тебе нравилось. Как ты называл то лето, когда вы двое «играли»? Что вы были как... Адам и Ева?

Сорен замолчал на какой-то ужасный миг и только потом ответил.

- Я сказал, что мы были как Адам и Ева... в аду.

Шофер открыл дверь, и Сорен вышел, больше не сказав ни слова. Они шли к входной двери в тишине. Прежде чем Кингсли успел постучать или позвонить в звонок, дверь распахнулась, открывая их взору Элизабет, стоящую в сводчатом фойе. Когда Кингсли видел ее последний раз, она выглядела на десять лет моложе ее реального возраста. Темно-рыжие волосы, фиолетовые глаза - истинная красота Новой Англии. Но сегодня она выглядела испуганной, в бешенстве и резко постаревшей от страха.

- Слава тебе, Господи, - выдохнула она.

Бросившись вперед, она обняла Сорена за шею. Кингсли напрягся, но Сорен обнял ее, проявляя исключительно братские чувства...и больше ничего.

- Тебе позвонил Эндрю?

Сорен отстранился.

- Нет. Никто нам не звонил. В чем дело?

Она пробежала рукой по своим вьющимся волосам.

- Я даже думала позвонить в полицию, - сказала она, и глаза Кингсли округлились от удивления.

Элизабет ладила с полицией так же, как и он - с журналистами. Хотя он совсем недавно трахал репортершу практически до беспамьятства на заднем сидении своего Роллса. Но это было для дела, а не для удовольствия. Ну... для дела, и для удовольствия.

Элизабет перевела взгляд с Сорена на Кингсли и обратно.

- Скажи мне что случилось.

Сорен говорил утешительным тоном священнослужителя, хотя Кингсли смог распознать самый слабый оттенок страха под этим спокойствием. Страха? Сорен? Кинг никогда не думал, что доживет до этого дня.

- Я покажу тебе. Пошли со мной. - Элизабет наконец-то заметила Кингсли. - Ты, тоже, Кинг. Не знаю, зачем ты здесь, но я приму любую помощь, которую смогу получить.

- Всегда рад услужить. Мы ведь семья, в конце концов.

Он взглянул на Сорена, который ничего на это не ответил. Элизабет знала о коротком трагическом браке ее брата с Мари-Лаурой, сестрой Кингсли. Что она думала об этом, он не знал, да его это и не волновало, но брак, хоть и несчастливый, по крайней мере, дал Сорену безопасный предлог общаться с подобными ему.

- Я не знаю, можно ли назвать тебя семьей, как ты утверждаешь, - сказала Элизабет, ведя их вглубь дома к центральной лестнице. На верхней ступеньке, она повернула налево и повела их к восточному крылу, детскому.

Кинг украдкой наблюдал за лицом Сорена. Каждая комната в этом доме хранила воспоминания об ужасах его детства. Мать родила его в своей крошечной комнате в конце восточного крыла. И исключительно силой воли, она смогла родить абсолютно молча, не желая доставлять садисту-отцу Сорена удовольствие слышать ее крики. В библиотеке, Сорен чуть не попрощался с жизнью, когда его отец нашел их с сестрой совокупающимися на полу у камина.

Элизабет повела их к последней комнате слева. Детская спальня Сорена.

Она открыла дверь и позволила состоянию комнаты сказать за себя.

- Mon Dieu..., - выдохнул Кингсли, прикрывая рукой рот.

В этой комнате, одиннадцатилетний Маркус Стернс уснул однажды ночью и проснулся внутри своей собственной сестры. В этой кровати, он потерял свою девственность путем изнасилования и инцеста. И теперь кто-то поджег эту кровать и сжег ее дотла. На стене, написанные пеплом, были слова Love Thy Sister (Любовь сестры твоей).

- Стоит ли Кингсли... ? – прошептала Элизабет.

- Кингсли знает. Он один из двух людей, которым я рассказал.

Внутренне содрогнувшись, Кинг взглянул в лицо Элизабет. Сорен что только что проговорился, что у него есть кто-то еще, кому он доверяет? Как и ее брат, Элизабет была весьма сообразительна. Кинг молился, чтобы она предположила, что Сорен имел в виду своего собственного духовника. Если бы она узнала, что ее брат-священник соблазнил девушку из своей паствы, весь мир горел бы в аду за это.

Элизабет кивнула. Сорен же просто смотрел на слова на стене.

- Я не звонила в полицию, - продолжала она. - Я не хотела рассказывать им о нас и что это значит. Но у меня есть сигнализация на дверях. Я всегда включаю ее в ночное время. У меня даже есть камеры на участке перед домом и на подъездной дорожке. Никто не появлялся. Должна ли я вызвать полицию? Я так и сделаю, если ты скажешь.

Сорен медленно покачал головой.

- Нет, не должна. Это вне их компетенции.

- Тогда что...

- Уходи. - Сорен повернулся к сестре, положив руку ей на плечо. – Уходи и забирай мальчиков с собой, подальше отсюда. Европа. Азия. Австралия. Уезжай за границу и не оставайся на одном месте. Уезжай сейчас.

- Что происходит? Почему ты приехал? Я обнаружила кровать, в таком состоянии только сегодня утром. Я послала мальчиков к подруге. Целый день я пытаюсь решить, что делать.

Сорен снова перевел взгляд на кучу золы, где когда-то стояла его кровать, и молчал. Кингсли ответил за него.

- Я получил по почте фотографию, на которой запечатлены мы в наши школьные годы. Она была отправлена отсюда. Никаких других опознавательных знаков. Просто школьная фотография, но, тем не менее, угрожающе.

Элизабет отстранилась от двери и пошла по коридору, сделав несколько шагов, прежде чем снова развернуться.

- Маркус, что происходит? - спросила она, и ее голос был низким и холодным.

Кинг застыл. Никто не называл Сорена Маркусом - именем данным ему при рождении, никогда. Он не позволял. И, конечно, Элизабет это хорошо знала, знала, как сильно он ненавидел, когда его называли именем, которое также носил его отец. Либо она была в таком смятении, что забыла, либо была настолько зла, что ей было все равно. Сорен посмотрел на нее и выдохнул.

- Я не знаю, Элизабет.

- Ты лжешь мне. Ты знаешь больше, чем говоришь.

- Я знаю больше, чем говорю тебе. Но я не лгу. Я действительно не знаю, кто за этим стоит. Расскажи нам все, что знаешь.

Качая головой, она повернулась к ним спиной.

- Проснувшись сегодня утром, я встала с постели и почувствовала странный запах в доме. Я последовала за ним. Проверила каждую комнату. В эту я зашла в последнюю очередь. Я пытаюсь никогда не заходить сюда. Ты это знаешь.

Ее брат кивнул. Кингсли не хотелось и представлять, что чувствует Сорен, стоя в дверях этой комнаты. Он застыл, словно киношный вампир, будучи не в состоянии переступить порог без приглашения. Никакого приглашения не последовало.

- Открыв дверь, я увидела кровать, слова на стене. Меня чуть не вырвало. Кто-то знает о нас, о том, что случилось. Я ломала голову над тем, кто бы это мог быть. Моя мать мертва. Наш отец. Кто же? Я рассказала той репортерше о нас. Но, несомненно...

- Я знаю Сюзанну, - сказал Сорен. - Мало того, что она не сделала бы этого, она и не могла. Она сейчас в Ираке.

- Ну вот. Но ты говоришь, Кингсли знает. - Элизабет указала в его сторону. - Кто еще? Ты сказал он один из двух людей, которым ты рассказал. Кто тот другой?

Челюсть Сорена сжалась почти незаметно. Но Кинг заметил.

- Никто, кто бы смог рассказать.

- Ты в этом уверен? – потребовала она.

- Я могу поставить на это свою жизнь.

- Значит, так и есть. - Она подняла руки и прикрыла лицо. - Я просто не могу себе представить кто или почему... Кингсли.

- Oui?

- Ты знаешь. Ты кому-нибудь рассказывал?

Кингсли понадобилось все его самообладание, чтобы не взглянуть на нее с крайним отвращением. Он был шпионом для французского правительства. Шпионом и намного больше, чем просто шпионом. Пустые сплетни могли стоить ему жизни в то время. Он знал, как использовать свой рот в других видах деятельности нежели распускать слухи.

- Согласно моей репутации, у моего языка большой опыт, *ma chère*. Но не в разговорах. Твой секрет в безопасности со мной. Единственный человек, которому я рассказал, мертв уже тридцать лет.

Элизабет покачала головой и вздохнула.

- Конечно. Прости меня. Во мне говорит паника.

- Собирай вещи, Элизабет, - приказал Сорен. – Ты напрасно тратишь время. Мы не узнаем ничего, глядя друг на друга. Кинг и я выясним, что происходит. Позвони мне через месяц. Я дам тебе знать, если будет безопасно возвращаться. Никому не говори, куда едешь. Даже мне.

Она долгое время смотрела на них обоих, прежде чем развернуться и чуть ли не бегом направиться в другое крыло дома.

Кингсли снова открыл дверь спальни, изучая погром. Ничего не осталось от кровати. Он даже не мог понять, как преступнику удалось сжечь только кровать и оставить все остальное не поврежденным. Такой пожар должен был сжечь весь дом. Пепел на полу. Пепел на стене. Но все остальное на местах.

Возлюби сестру свою.

Это звучало почти по-библейски. Возлюби ближнего своего. Возлюби Господа Бога твоего. Что это значит? Приказ? Или подпись?

Люблю, твоя сестра.

Остальная часть комнаты осталась нетронутой. В детстве Сорен сидел за этим маленьким резным столом, изучая английский язык. Как тихая форма мести, его мать учила его датскому языку, а не английскому. Когда его часто отсутствующий отец обнаружил, что его пятилетний внебрачный сын не понимает ни слова по-английски, мать Сорена отправили обратно в Данию. Все языки, кроме английского были изгнаны из дома. Кингсли иногда задавался вопросом, было ли это первопричиной одержимости Сорена изучением языков.

Рядом с письменным столом располагалась книжная полка. Здесь было много изданий классической детской литературы в красивых кожаных переплетах, весьма вероятно, стоящих небольшое состояние, учитывая их отличный вид, который объяснялся тем, что юный Маркус Стернс никогда не брал книги, не сгибал обложки. Будучи ребенком, он читал Библию. Шекспира, Мильтона. Не Джорджа Макдональда или Льюиса. Только книги Льюиса Кэрролла привлекли внимание Сорена из всех остальных. Учитывая одержимость Кэрролла молодой Алисой Лидделл, и одержимость молодой Элеоноры Шрайбер книгами, казалось, все сходилось.

Рядом с книжной полкой было окно, из которого открывался вид на холмистые ухоженные газоны. Небольшой лесистый участок граничил с задней частью дома. Много лет назад Сорен признался Кингсли, что он и Элизабет часто занимались... в лесу, подальше от любопытных глаз слуг. Там они были, просто двумя детьми, играющими в лесу. Так невинно. Так идеалистично и по-крестьянски. Если бы только служанки знали, что происходило за завесой этих деревьев.

- Деревья..., - сказал Кинг, глядя в окно на лужайку.

- Что сними? – спросил Сорен, по-прежнему решительно отказываясь пересекать порог и входить в свою старую комнату.

- Кто бы ни пробрался сюда, он пришел со стороны леса. Кингсли встал у окна, указывая направление. - Он не смог бы войти через двери. Элизабет держит их запертыми и на сигнализации. Остается окно. Чтобы обойти камеры, он должен был пройти через лес. Больше нет логического объяснения. - Кингсли повернулся к Сорену. - Пойдем?

Сорен не ответил. Он шагнул в коридор. Кинг последовал за ним вниз по лестнице и вышел через заднюю дверь. Они шли через лужайку в тишине.

- Я могу пойти посмотреть один, если пожелаешь, - предложил Кинг. - Я знаю, что это не твое любимое место.

- Это в прошлом, Кинг. Все в прошлом. Если Элизабет имеет мужество жить здесь, я, определенно, могу пережить день в этом помещении.

- Когда ты был здесь в последний раз?

- На похоронах отца несколько лет назад.

- Ты входил в свою комнату тогда?

- Да. Мой отец был мертв. Это казалось достойным поводом.

Они перестали разговаривать, войдя в рощу деревьев, примыкающих к окну бывшей спальни Сорена. Лесная земля действительно казалась недавно истоптанной, но с двумя сыновьями Элизабет, живущими в доме, невозможно было предсказать, это было сделано ими или преступником. Двое мужчин несколько минут блуждали между деревьев, пока не вышли на поляну. Кинг увидел следы в грязи, мелкие. Скорее всего, Эндрю, одиннадцатилетнего сына Элизабет. Они могли принадлежать только мальчику или очень миниатюрной женщине.

Кингсли посмотрел на деревья и вдохнул запахи леса.

– Сосна..., - пробормотал он.

Сделав глубокий вдох, он снова набрал полные легкие чистого, сладкого воздуха. Закрыв глаза, он опять стал шестнадцатилетним. Он был напуган в тот день в лесу, напуган даже больше, чем сегодня. И от страха он убежал вглубь чащи. Он бежал не для того, чтобы убежать, а только для того, чтобы продлить ожидание, чтобы отсрочить неизбежное. И чтобы спасти репутацию. Он хотел, чтобы это произошло, но не было никакой надобности Сорену знать, насколько сильно. И тогда... он был пойман. Он все еще мог чувствовать ту железную хватку на своей шее, то давление пальцев на своем горле. Жесткую лесную почву, впивающуюся в спину и щеку.

- Кингсли, ну в самом то деле.

Смеясь, Кинг посмотрел на Сорена.

- Ничего не могу с собой поделаться. Слишком мощные воспоминания.

- Постарайся, - сказал Сорен, хотя Кинг увидел намек на улыбку на губах.

- Ты никогда не думаешь об этом? - спросил Кингсли, оставляя ботинками большие следы в болотистой почве, шагая навстречу Сорену.

- Ту ночь в лесу возле школы? Тот день изменил нас обоих, изменил все. Ты сам знаешь, что ничего хорошего не выйдет из того, что мы будем это обсуждать. Прошлое должно оставаться в прошлом.

Кингсли покачал головой.

- Non. Прошлое останется в прошлом, если оно того захочет. Вот только что-то в твоём прошлом не желает там оставаться.

- Что ты имеешь в виду?

- Из тысячи досье, что у меня есть, было украдено, то что принадлежит Элеонор. По почте пришла наша с тобой фотография. Взломали и осквернили дом Элизабет. Элеонор, Элизабет и я... что же нас всех объединяет?

Сорен взглянул на отпечатки на земле. Рядом с большим отпечатком ботинка Кингсли была цепочка гораздо меньших следов босых ног. Сорен посмотрел на небо и смежил веки. Кинг ничего не сказал, позволяя ему помолиться. Медленно, священник выдохнул и открыл глаза.

- Я.

Глава 9

Юг

Во второй раз за этот вечер, челюсть Норы ударилась о землю и там и осталась.

- Уес.

- Нора?

- Серьезно?

- Что?

- Ты сказал, что живешь в доме для гостей.

- Это гостевой дом.

- Он больше чем мой дом в Коннектикуте.

- У нас много гостей.

Бросив сумку в холле, Нора огляделась вокруг. Гостевой дом был совершенно не похож на главный дом, но оказался по-своему не менее роскошным. Экстерьер из грубого камня скрывал изысканный интерьер, изобилующий мягкой черной и желто-коричневой мебелью, хорошо подобранной и удобной. Нора насчитала два этажа, хотя она чувствовала, под ними находится еще и подвал. Целая стена в гостиной состояла из массивного каменного камина, который поднимался до самого потолка.

- Уесли, это немного абсурдно. Что это за место?

- Ты бы мне все равно не поверила, даже если бы я сказал.

- В любом случае скажи.

- Это бывшее общежитие для рабов. Понятное дело, отремонтированное.

Глаза Норы стали еще шире.

- Ты это серьезно?

Он кивнул.

- Кентукки был рабовладельческим штатом. Мы не отделились во время гражданской войны, так что Прокламация об освобождении на самом деле к нам не относится.

- Ты говоришь мне, что живешь в настоящем доме для рабов? Настоящие рабы жили в этом доме?

Уесли поморщился.

- Ну, если ты можешь называть это жизнью.

Нора посмотрела вокруг и кивнула в знак одобрения.

- В этом есть что-то извращенное.

- Пойдем. Я покажу тебе твою комнату.

- Это рабская комната?

- Возможно.

- Ты собираешься избить меня и заставить изменить свое имя на Тоби?

- Как ты можешь быть такой расисткой, Нора?

- Уес, моя единственная подруга - гаитянка. Мы любим вместе смотреть Корни* и опрокидывать по рюмке водки каждый раз, когда кто-то говорит "Тоби".

- Вот именно. Мотель 6 ждет тебя.

Смеясь, Нора обняла Уесли снова и сжала его в объятиях. Она, казалось, не могла перестать делать это. Реальность его присутствия все еще шокировала. Пятнадцать месяцев врозь и вдруг вот он был прямо перед ней. У нее в руках. Все шесть футов его красивого, двадцатилетнего тела. Нора вздохнула у его плеча, купаясь в его тепле, в его запахе.

- Лето..., - прошептала она, глубоко вдыхая. - Ты всегда пахнешь летом. Я когда-нибудь говорила тебе об этом?

Уесли хихикнул, и Нора улыбнулась, когда его грудь завибрировала от звука.

- Да. Ты сказала мне это в ту ночь, когда я впервые остался в твоём доме. Ты была на заднем крыльце, приносясь к воздуху. Ты сказала, что пахнет...

Нора подняла на него взгляд.

– Как Сорен.

Уесли кивнул.

- Ага. Как тот парень.

- Ты встретился с ним. Наконец-то. Каково твое мнение?

Нора отстранилась и села на спинку дивана.

- Я думаю, что он слишком высокий.

Она скрестила ноги в лодыжках и улыбнулась.

- Ты можешь сказать мне правду. Нет ничего ужасного, что ты можешь сказать о нем, что я еще не слышала или не думала, или, скорее всего, уже сказала ему в лицо.

- Тогда, ладно. Я думаю, что он придурок. Он высокомерный и холодный, и он действительно искренне верит, что ты его собственность. Ты же понимаешь это, да? Я знаю, что вам, извращенцам, нравятся игры в подчинение. “Он - мой раб”. “Она - мое домашнее животное”. Но не в этом дело. Он думает, что он владеет тобой. Сто пятьдесят лет назад, ты могла бы жить в этом доме, когда он был для настоящих рабов, и он бы насиловал и хлестал тебя, когда ему этого хотелось.

- Наверное. - Она не спорила, не могла спорить. - Хорошо, что сейчас двадцатый век, правда?

- Двадцать первый.

- Он не плохой человек. Нет. Он является, по сути, самым лучшим человеком на земле, но никто не верит мне, когда я говорю это.

Уесли медленно выдохнул. Нора склонила голову и улыбнулась ему. Она не была уверена, увидел ли он ее улыбку, но ей было все равно. Она просто не могла смотреть на него без улыбки. На его лицо, такое нежное и красивое. Эти милые глаза. Эти чертовы чересчур длинные волосы, которые она собиралась остричь в ту же секунду, когда он позволит себе расслабиться.

- Я скажу одну хорошую вещь о нем, - наконец сказал Уесли. – Он позволил тебе уехать со мной.

Нора сглотнула.

– Никто мне не позволял. Уес, только мысль, что ты был в пределах сотни ярдов от меня... никакие войска ни в этом мире, ни в следующем не смогли бы помешать мне добраться до тебя.

Она встретила его взгляд и увидела в нем удивление. Это удивление сменилось чем-то другим. Уесли сделал шаг вперед. Потом еще. Нора не дала ему сделать третий шаг. Она встала и потянулась к нему, оказавшись в его объятиях снова. Но на этот раз, никто не прервал их, когда на нее обрушились его губы. На вкус он был, как лето, а его прикосновения жгли ее тело, как солнце.

Его язык исследовал ее с такой осторожностью, что она едва не захихикала. Бедный малой. Он понятия не имел, сколько он мог бы дать ей, сколько она смогла бы взять от него. Зарываясь руками в его слишком длинные волосы, она притянула их лица еще ближе друг к другу, простонав в его рот, тихо радуясь, когда Уесли понял намек. Его руки скользнули вниз по ее спине и нежно обхватили ее зад. Интимность его прикосновения откликнулась глубоко внутри нее. Какая-то часть ее скучала по этому, чем бы это ни было, по этой его робости, по этому его преклонению, которое она чувствовала в его руках, на его губах. Он бережно относился к ней. Вот что это было. Он касался ее так, словно боялся, что, может сломать. Она никогда не была с мужчиной, который не хотел бы сломать ее, или быть сломанным ею. Это потребует привыкания.

- Ты так прекрасна, - прошептал Уесли ей на ухо. – Я не переставал думать о тебе с той секунды, как мы расстались.

Он запустил пальцы в ее волосы и прижал ее к своей груди.

Ладно, она уже к этому привыкла.

- Я тоже по тебе скучала. Я знаю: ты можешь не верить, но я скучала по тебе каждый гребаный день. Я... - Нора держалась за Уесли так, как будто ее жизнь зависела от этого, и в тот момент она думала, что так оно и было. - Я люблю Сорена. Я не буду тебе лгать. Ты не поймешь то, что между нами, и это нормально. Очень немногие люди понимают. Но когда я была с тобой... Уесли, мне нравилось кем я была, когда я была с тобой. Ты делаешь меня другой, лучшей. А потом ты ушел, и та Нора ушла тоже. Я скучала по тебе, да. Так чертовски сильно. Но я скучала по тому, кем я была с тобой, так же сильно.

Уесли поцеловал ее в макушку. Взяв ее за плечи, он пристально посмотрел на нее сверху вниз.

- Есть только одна Нора Сатерлин - умная, забавная, милая, глупая, бегающая-вокруг-в-пингвино-пижамах Нора Сатерлин, которая беспокоится о рукописях и обо мне, и о том, чтобы вздремнуть два раза в день. Нора, которой ты была со мной, была настоящая Нора, есть настоящая Нора. Не садистка Нора. Не скандально известная Нора. Просто моя Нора. Если я не буду занят ничем другим на этой неделе, я смогу убедить тебя в этом.

- Удачи. - Она улыбнулась ему сквозь слезы. – Тебе потребуется много аргументов.

- Тогда мне лучше начать прямо сейчас.

- Уже поздно. Пора в кровать, малыш.

Уесли положил ладонь на ее лицо и смахнул слезу с ее щеки большим пальцем.

- Ты права. Уже поздно. - Его рука двигалась от ее лица к шее и вниз к ее талии. Его пальцы задержались всего на мгновение, прежде чем впились в ткань ее футболки, начиная тянуть ее вверх. - Пойдем в кровать.

От удивления у Норы перехватило дыхание.

- Правда?

Уесли кивнул, усмехаясь.

- Правда. Шутки в сторону. И мне нужно чтобы ты поверила, потому что я не смогу снять это с тебя, без небольшого сотрудничества с твоей стороны.

- О, да. Прости.

Нора подняла руки и позволила Уесли стащить с нее футболку. Она стояла перед ним в гостиной в джинсах и черном бюстгальтере. Она чувствовала себя грязной после дороги, измотанной, измученной и такой возбужденной, что с трудом могла смотреть прямо. Потянувшись вверх, она расстегнула верхнюю пуговицу на помятой цвета ультрамарина оксфордской рубашке Уесли.

- Знаешь, мне всегда нравился этот цвет на тебе. Не знаю, говорила ли я тебе об этом когда-нибудь.

- Однажды, - сказал он, проводя руками вверх и вниз по ее рукам. Его пальцы на ее обнаженной коже послали дрожь по всему ее телу. - Два года назад. Вот поэтому я и ношу ее.

- Ты купил рубашку цвета парижской лазури, чтобы носить ее для меня? Даже не зная, увидишь ли меня снова?

- Нет. - Уесли опустил голову и быстро поцеловал ее в губы. - Я купил пять таких.

Нора молчала. Она потеряла все силы. Все, что она могла, это продолжать расстегивать пуговицы. С каждой расстегнутой пуговкой она чуть больше спускала рубашку с его плеч, пока та не спустилась с его рук и не упала на пол.

- Выглядит даже лучше, чем на тебе, - сказала она. - Я думаю, что вся твоя одежда выглядит лучше на полу. - Нора поцеловала его голое плечо. - Пошли, выясним, так ли это.

Она взяла его за руку и начала тащить к лестнице. Но вместо этого он дернул ее к себе и поднял на руки.

- Ты, должно быть, шутишь, Уес. Я вешу намного больше, чем кажется.

- Да. И с чего бы это? - спросил он, пока нес ее к лестнице.

- Мышцы. Чистые мышцы. И довольно большая задница.

- Идеальная задница. - Он неловко шлепнул ее, и Нора засмеялась, переполняемая роскошным, запретным счастьем.

- Ты действительно собираешься, нести меня вверх по лестнице? Это так в стиле Унесенных ветром.

- Никогда не смотрел.

Уесли поднимался по широким, покрытым коврами ступенькам.

- Это классика, - упрекнула она. - Гражданская война и всякое такое. Большие платья. Переигрывание. Горячий секс без согласия. Кроме того, кино идет четыре часа.

- У меня дела.

Они дошли до конца лестницы без происшествий.

- Какие могут быть дела, важнее просмотра самого легендарного фильма про Юг, который когда-либо снимали? - спросила Нора, когда Уесли ногой открывал дверь в свою спальню. Он не то положил, не то бросил ее на кровать, которая была застелена красно-белыми простынями, и Нора утонула в покрывалах.

Уесли посмотрел ей в глаза, скользнув рукой в ее волосы.

- Ну, сегодня мне нужно заняться с тобой любовью.

Руки Норы на миг застыли от его слов. Их сладость в сочетании с выражением его глаз обрушились на нее словно волна.

- Достойное оправдание.

Она пробежала ладонями по его голым плечам. У него были такие красивые руки, такая молодая, упругая кожа, что на мгновение она действительно ощутила себя неловко в своем тридцатичетырехлетнем теле.

- Что? - спросил он, пока она пропускала его длинные темно-русые волосы сквозь пальцы. - Что-то не так?

- Твои волосы.

Улыбаясь, Уесли встряхнул головой.

- Я постригусь завтра. Клянусь.

- Хорошо. Но дело не в этом. Ни одного седого волоска.

Уесли закатил глаза.

– Как и у тебя, Нора.

- Да, и я плачу триста долларов каждые шесть недель, чтобы поддерживать их в таком виде.

На миг его улыбка дрогнула.

- Я не знал, что ты красила волосы.

Она пожала плечами.

- Я вынуждена. Темные волосы – часть моего имиджа. Седина не в моде. Мне тридцать четыре года. Ты знаешь это, ведь так?

- Конечно, знаю. Меня не волнует наша разница в возрасте. Я просто... Я не знал, что ты красила волосы, вот и все. Ты можешь быть рыжей в следующий раз? У меня пунктик насчет рыжих.

Нора усмехнулась.

- Как насчет обмена? У меня будут светлые волосы, а у тебя - темные.

- Это сделало бы мои карие глаза более выразительными? - спросил он, игриво хлопая ресницами.

- Не делай так, - поддразнила она. – Выглядишь как припадочный.

- О, жаль. - Ресницы Уесли вернулись к прежнему состоянию. – На чем мы остановились? Я думаю, что мы так соскучились по разговорам друг с другом, что это мешает нам... ну ты знаешь. Все, не разговариваем.

- Мы не обязаны делать это сегодня. Если ты устал или хочешь поговорить... Я не уйду от тебя. Я здесь. Я с тобой. Мне наплевать, если твой папа уже меня ненавидит. Меня ненавидят лучшие из лучших. Я могу с этим справиться

- Нет, я хочу это сделать. Я хотел сделать это с того дня, как увидел тебя в Йорке.

Нора прижалась губами ко впадинке его горла.

- Хорошо. Мы можем это сделать. Если ты ждал этого два года, теперь...

- Два года? Я ждал двадцать.

Уесли застенчиво улыбнулся ей.

Уже в третий раз за ночь глаза Норы широко раскрылись от шока, и ее рот приоткрылся от удивления. Она оттолкнулась от кровати и приняла сидячее положение.

- Что такое, Нора?

- Уесли? Ты все еще девственник?

* «Корни» (англ. *Roots*) — американский телесериал, основанный на книге Алекса Хейли «Корни», транслировался на канале ABC в 1977 году. История о юноше Кунте Кинте из народа Мандинка (Гамбия, Западная Африка), которого продают в рабство и переправляют в Америку, где плантатор Джон Рейнолдс приобретает и даёт ему рабское имя «Тоби». Только после длительной порки розгами, он принимает новое рабское имя.

Глава 10

Север

Прошлое

Мэн. Кингсли ненавидел Мэн. Погоду, людей, абсолютное отсутствие чего-либо. Чего-либо, ради чего стоит жить. Ненавидел. Презирал. Не мог найти ничего, что компенсировало бы его пребывание в этом месте.

Почему же он тогда не мог перестать улыбаться в последнее время?

В этом году весна пришла рано. Снег начал таять и коричневые и зеленые ростки лесной почвы снова доказали свою жизнестойкость. Через неделю после окончания зимы, весенняя лихорадка поразила школу и весь студенческий состав, все сорок семь воспитанников высыпали на один плоский пятачок земли, взяв с собой бейсбольные и футбольные мячи. Футбольные мячи?

Кингсли закатил глаза. Он покажет этим глупым американским мальчишкам настоящий футбол. Из-под своей кровати в общей спальне, он достал футбольный мяч и взял с собой на газон. Другие мальчишки бросали Фрисби и мячи для американского футбола друг другу, а Кингсли стоял в одиночестве в стороне и начал набивать мяч коленями. Ради забавы он поменял ноги, перекидывая его с колена на лодыжку, слева направо, а затем обратно. Когда прошло несколько минут, и мяч не остановился, не упал на землю, вокруг начали собираться зрители. Аудитория сокурсников начала дразнить его, бранить, пытаясь помешать его концентрации. Но Кингсли не замечал этого, однажды он проделывал этот трюк больше часа. По какой-то причине ему думалось лучше, когда он набивал ногами футбольный мяч. Его разум очищался, и все, о чем он беспокоился, исчезало: его родители исчезли сейчас, его стареющие и беспокоящиеся о нем дедушка и бабушка, его сестра, Мари-Лаура, пробивающаяся

балерина в Париже. Она постоянно писала ему письма, залитые слезами письма, которые он едва мог читать. Ее горе, ее отчаяние... она клялась, что сойдет с ума, если не сможет увидеть его в ближайшее время. Он почти верил ей.

Но когда он был наедине с футбольным мячом, она и все остальные исчезали. Почти все.

Одно лицо отказывалось исчезать из сознания Кингсли. Одно невыносимо красивое лицо, которое, он заметил краешком глаза среди лиц других воспитанников школы. В отличие от них, Стернс не освистывал его или не делал ничего, чтобы повредить его концентрации. Но одни только его глаза, которые просто пристально глядели на юного француза, чуть не заставили Кингсли допустить ошибку.

Левое колено. Правое колено. Правое колено. Левое колено. Кингсли продолжал подбрасывать, продолжал дышать. Просто, чтобы вызвать восторг у публики и, возможно, слегка впечатлить Стернса, Кинг подбросил мяч в воздух и отбил его головой обратно на колено. Он принял удар снова и дал мячу «отдохнуть» секунду на затылке, перед тем как отправить его в полет и снова и снова отбивать коленями.

Правое колено. Правое колено. Левое колено. Левая лодыжка. Правое колено.

- Ты вообще умеешь играть в футбол, Кинг? – спросил Кристиан. - Или ты только свои шары гоняешь изо дня в день?

- Я умею играть, - сказал Кингсли, не вдаваясь в подробности. Он мог больше, чем играть. В Париже, он был лучшим в своей школе. Ему уже предложили выступать за футбольный клуб Пари Сен-Жермен и он имел твердое намерение присоединиться к ним, как только достигнет совершеннолетия. Но это было до несчастного случая, до Мэна. - Проблема в том, что здесь нет никого, кто смог бы сыграть против меня.

- Сожалею. Мы все американцы, - подтрунивал Кристиан. - Мы играем в настоящий футбол.

Кингсли рассмеялся.

Левая лодыжка. Правая лодыжка.

- А вам и нужно сожалеть. Однажды против меня выступила вся команда, пытаюсь помешать мне забить гол. Тем не менее, я сделал это.

- В самом деле? - вопрошал Дерек. - Целая команда?

- Было такое ощущение, что так, - сказал Кингсли, усмехаясь. - Но какое это имеет значение? Никто из вас не знает, как играть. Так что я просто буду играть с самим собой.

Он подмигнул Кристиану и в течение нескольких минут разговор велся только вокруг шуток о мастурбации.

Правое колено. Правое колено. Правое колено. Левое. Охи. Ахи. Подколки. Смех.

- Я знаю, как играть.

В шоке от наступившей тишины, Кингсли упустил мяч. В одночасье все двадцать учеников повернули головы в сторону Стернса.

- Ты умеешь играть в футбол?

Кингсли поднял футбольный мяч с земли. Слова Стернса ошеломили всех настолько, что ни один человек не подтрунивал над Кингсли за то, что тот уронил мяч после почти десяти минут набивания.

- Я ходил в школу в Англии.

Стернс сбросил пиджак и начал засучивать рукава. Кингсли мог только таращиться на него, на его запястья, которые он медленно открывал с каждым отворотом манжеты.

- Но... ты играешь на фортепиано.

Кингсли понятия не имел, что хотел этим сказать, но, по его мнению, музыкант не может быть спортсменом. Стернс не ответил. Он скрестил руки на груди и ждал. Все сохраняли молчание. Кингсли физически ощущал в воздухе атмосферу напряженного ожидания. Он не знал, что сказать, что сделать. Стернс поднял бровь, а в его серо-стальных глазах Кинг заметил то, чего раньше не видел - веселье.

Мало того, что Стернс ясно осознавал, какое неудобство причинял Кингсли, он также и наслаждался этим. Это веселье раздражало Кинга. Хуже, чем раздражало, оно его просто бесило. Кем был этот парень, который получал удовольствие, заставляя людей чувствовать себя неудобно? Что же он за садист такой? Стернс поднял светлую бровь на миллиметр выше. В уголках его идеальных губ притаилась улыбка.

- Школу в Англии, oui? - спросил Кингсли.

- Oui, - отозвался Стернс.

Бровь медленно двинулась еще выше. Весь его рот растянулся в улыбке.

- Это объясняет твой пафосный акцент.

По толпе пронесся всеобщий вздох. Кингсли понял, что он, наверняка, самый первый ученик, который когда-либо возразил Стернсу. Хотя бы только потому, что, скорее всего, Стернс никогда ни с кем не разговаривал.

- И кто мы такие, чтобы говорить с пафосными акцентами? - спросил Стернс, используя преувеличенно псевдо-французский акцент. Акцент прозвучал как естественная манера речи Кингсли. Он мог говорить по-английски без своего

французского произношения, но это так изматывало его, что он редко заморачивался. Тем более, девушки млели от его французского говора. Жаль, Стернс казался невосприимчивым к его чарам.

- Très Bien, - сказал Кингсли. – Так ли ты хорошо играешь, как говоришь?

- Мы можем это выяснить. Бросай мяч. - Стернс сделал шаг вперед.

- У нас нет поля.

- Придумай что-нибудь.

Кингсли огляделся по сторонам. Им действительно не нужно поле, так как у них не было даже команд. Все, что действительно было нужно двум игрокам, это забить гол в ворота.

- Деревья... - Кингсли кивнул в сторону деревьев в конце поля. – Это наши ворота. Я постараюсь забить. Ты попытаешься меня остановить.

- Ты сказал, что против тебя выступала целая команда и ты все равно забил. Конечно, ты можешь выстоять против меня одного.

- Bien sûr.

Само собой, он мог. Нападение было его сильной стороной.

- Тогда бросай мяч.

Стернс сделал еще шаг вперед. Собравшиеся ученики сделали шаг назад. Кингсли не мог поверить, полностью поверить, что это происходит на самом деле. Вся школа наблюдала в благоговейной тишине.

Он опустил мяч на землю.

Сначала Кингсли боялся, что соперник его обманет. Стернс и бровью не повел, лишь пристально смотрел на него. Кингсли поднял левую ногу в готовности ударить по мячу.

Стернс опередил его. Мяч покатился по полю, и благодаря отточенным рефлексам и тренировкам, Кингсли последовал за ним. Стернс не отставал от него, не пускал к мячу. Кингсли считал, что эта игра будет простой. Ни один пианист, невзирая на то, насколько он высокий или устрашающий, не в состоянии составить ему хоть сколько-нибудь серьезную конкуренцию. Но у Стернса длиннее ноги, острее внимательность и какие-то невероятные спортивные способности. Они бежали по полю плечом к плечу.

Как раз тогда, когда Кингсли думал, что контролирует мяч, Стернс выбивал его из-под ног и завладевал им снова. Кинг никогда не играл с кем-то настолько агрессивным прежде, агрессивным и спокойным. Ужасающая комбинация.

Ужасающая, но и одинаково волнующая. Он никогда еще не был так близко к Стернсу. Он мог слышать его дыхание, громкое, но размеренное. Он мог чувствовать аромат его кожи с запахом зимы и легким оттенком тепла. В разгар такой ожесточенной борьбы за мяч у Кинга не было ни одной резонной причины заметить, что у Стернса были необычайно темные ресницы для того, кто имеет настолько светлые волосы. Но он заметил. Он заметил все.

Они приблизились к двум деревьям, которые определили, как ворота. Кингли выбросил вперед ногу, вернул мяч, и одним изящным ударом послал тот к деревьям. Теперь его не остановить. Он начал улыбаться. Но Стернс вошел в раж. Благодаря преимуществу в длине ног он опередил высокую, изогнутую траекторию полета мяча, и, вытянув руки, поймал его, прежде чем тот успел пройти между стволами.

Собравшаяся толпа взорвалась смехом и восторженными возгласами. Кингли мог только ошарашенно пялиться на Стернса, который, безмятежно улыбаясь, держал мяч одной рукой.

- Нельзя быть вратарем и защитником одновременно. - Кингли свирепо посмотрел на него.

- Почему нет? Ты не устанавливал каких-либо правил. Ты просто обозначил ворота и сказал мне помешать тебе забить гол. Сказано-сделано.

- Это нечестно.

- Тогда мы сделаем это снова.

Стернс подбросил мяч и отбил его лодыжкой, а затем коленом. Правая нога. Правая нога. Правая лодыжка. Правая нога.

Кингли молча смотрел. Стернс не просто хорошо управлялся с футбольным мячом, он был так же хорош в этом, как и сам Кингли.

- Нет, - сказал он. - Я не хочу больше играть.

- Потому что ты проиграл? - спросил Стернс, подбросив ногой мяч в воздух и поймав его одной рукой.

Каждое движение, которое он делал, казалось, предназначено для того, чтобы ослепить своей абсолютной непринужденностью. Кинг мог творить волшебство на футбольном поле, но он должен был пахать как проклятый за каждое очко. Стернс же едва вспотел.

- Потому что нет смысла. Ты будешь играть, как тебе нравится и выигрывать независимо от того, что я делаю.

- Возможно. Но если ты установишь правила, я буду им следовать.

Кингли покачал головой, выхватил мяч в воздухе и направился к общежитию.

- Новое правило - найди кого-нибудь другого на роль проигравшего.

Кингсли покинул поле, все взгляды были устремлены на него, пока он уходил. Но ему было плевать на них. Его заботило только то, что Стернс наблюдал за ним. Кингсли даже не знал, откуда взялась эта вспышка гнева. Стернс был прав, Кинг не устанавливал никаких правил. Но все равно, Стернс приводил его в бешенство. Он был идеальным. Кингсли никогда не встречал никого умнее, красивее, талантливее... он казался нереальным, как ангел или какое-то мифическое существо. Кингсли ненавидел Стернса за это, за его красоту, его совершенство, желая и жаждая его в то же время. Злость на поле была не совсем злостью, понял Кингсли, когда добрался до комнаты общежития и рухнул на кровать. Это было разочарование.

Разочарование усугубилось после того, как проходили минуты и Кингсли проигрывал весь сценарий в голове, смотря на потолок комнаты и считая трещины на штукатурке. Это мог быть его шанс, наконец, стать ближе к Стернсу. Ведь Стернс никогда не говорил ни с кем, кроме священников, никогда не общался с кем-либо из учеников. Крайне редко он говорил с кем-то из одноклассников, и то, если только смельчак заговаривал с ним первым. И вот Стернс добровольно присоединился к нему поиграть в футбол. И Кингсли все испортил.

- А ты хорош.

Кинг повернул голову в сторону источника голоса. В дверях комнаты стоял Стернс. Пожав плечами, Кингсли снова посмотрел на потолок. Сердце забилось в его груди быстрее, дыхание участилось. Он заставил себя не думать о причинах.

- Как и ты. Ты много играл в Англии?

Стернс шагнул за порог и подошел к кровати Кингсли.

- Да. Но я не играл уже давно. Мне было десять, когда я покинул ту школу.

Со стоном, Кинг выпрямился и скрестил ноги.

- Вот почему все тебя ненавидят, ты же знаешь. Потому что ты так чертовски идеален. Ты не играл в футбол семь лет, и ты лучше меня. Меня уже присмотрел "Пари Сен-Жермен". А ведь это профессиональная команда.

Стернс ничего не сказал поначалу. Кингсли ждал и смотрел.

- Все ненавидят меня?

Он не казался обиженным, когда задал вопрос, но Кингу сразу захотелось вернуться назад во времени и взять слова обратно. Он хотел забрать все обратно: демонстрацию своего нрава на поле, злые слова, разочарование, которое приближало его ближе и ближе к критической точке каждый день.

- Non, pas du tout, - сказал Кингсли, взрываясь шквалом французского. По некоторым причинам, он чувствовал, что по-французски мог извиниться красноречивее. - Никто тебя не ненавидит. Я сказал это в запале. Мне просто жаль, что я сам не ненавижу тебя.

Стернс подошел еще ближе. Он сел на кровать напротив Кингсли.

- Почему тебе жаль, что ты не ненавидишь меня? – Стернс смерил его прямым взглядом, и Кингсли еще раз отметил темноту, пышность его ресниц и то, как они заставляли его серые глаза казаться еще более непроницаемыми.

Кинг вздохнул. Он уронил футбольный мяч на пол между ними. Мягко коснувшись носком мяча, он позволил тому откатиться к Стернсу. Стернс поставил ногу сверху на него, останавливая.

- Что ты такое? - спросил Кингсли, не зная, что он подразумевал под этим вопросом, но нуждаясь в ответе. Стернс, казалось, понял вопрос, даже если сам Кингсли - нет.

Он вздохнул и легонько пнул мяч, так что, тот мягко покатился обратно к Кингу.

- Отец Пьер, священник, который преподавал мне французский язык, у него была теория насчет меня.

- Она о том, что ты - образчик Второго Пришествия Христа? Если так, то я уже слышал это.

Стернс ничего не сказал, только впился взглядом в Кингсли, сжав губы в тонкую, неодобрительную линию.

- Извини. Seriously, расскажи мне его теорию. Я хочу знать.

- Отец Пьер обладал фотографической памятью. Он заучил Библию полностью на французском и английском языках. Он смог вспомнить почти все, что он когда-либо читал десятилетия назад, один лишь раз взглянув. Удивительно.

- Так что, у тебя фотографическая память?

Стернс покачал головой.

- Нет, вовсе нет. У меня нечто другое. Если я делаю что-то один раз, делаю это хорошо, я знаю, как сделать это совершенно, почти интуитивно. Если я ударю по мячу, мое тело понимает игру. Я разучил гаммы на фортепиано и как-то знал, как играть. Отец Пьер верил, что у меня фотографическая мышечная память.

- Футбол задействует ноги. Пианино - руки. Теория отца Пьера не объясняет, почему ты так преуспеваешь в изучении языков.

Кингсли пнул мяч и отправил его обратно к Стернсу.

- Нет, объясняет. Язык - это мышца.

Стернс сказал слова просто. Конечно. Конечно, язык был мышцей. Но подтекст этих слов... Стернс мог однажды использовать язык для чего-то другого – возможно, поцелуя – и он навсегда запомнит, как идеально целоваться...

- Я соврал, - тихо сказал Кингсли. - Я действительно ненавижу тебя.

Стернс лишь снова улыбнулся.

- Почему?

- Ты... - Кингсли остановился. - Я слишком много о тебе думаю.

- Да, это проблема.

Стернс откатил мяч ему еще раз.

- Oui. Une Grande Probleme. Мне следовало бы думать о стольких вещах, школе, моей сестре в Париже, моих родителях, Терезе, Кэрол, Сьюзан, Жаннин...

- Кто они?

Кингсли улыбнулся.

- Подружки.

Глаза Стернса слегка расширились от удивления.

- Все они?

Кивнув, Кингсли ответил:

- Oui. Или были. Прежде, чем я приехал сюда. Хотя они пишут мне письма. Замечательные, ужасные письма. Я мог бы продать их в этой школе и заработать достаточно денег, чтобы заплатить за свое обучение здесь. - Кингсли выразительно поиграл бровями, глядя на Стернса. - Эти девчонки хотят меня. И я хотел их.

- Хотел? В прошедшем времени?

- В прошедшем времени. Oui. Я едва ли сейчас могу вспомнить, как они выглядят. Я хочу верить, что забыл их из-за того, что произошло. Но это не так.

Кингсли взглянул на Стернса, а затем обратно на пол. Он едва коснулся мяча кончиком пальца, и мяч прокатился между ног Стернса.

- Что с тобой случилось?

- Футбольная команда. Американский футбол, не настоящий футбол, - пояснил Кингсли. - У меня была девушка, красивая девушка. И у нее был брат. Очень большой брат. Он узнал, что мы были вместе, что я лишил невинности его милую сестренку...

Кингсли чуть не рассмеялся вслух, просто говоря эти слова. Тереза? Невинная? Эта девушка раздвинула ноги для половины школы, прежде чем он добрался до нее. Но Тереза не просто раздвигала ноги для Кингсли, она влюбилась в него. И когда он переспал с другой следующей ночью, тогда она пошла плакаться к своему брату.

Кинг рассказал Стернсу всю историю: о руке на его затылке на стоянке за стадионом, о семерых футболистах, которые окружили его, о ноже, который Трой вонзил ему в грудь, но порез оказался косым, что в конечном итоге и спасло ему жизнь.

- Нож? Тебя порезали? - Стернс склонил голову набок и посмотрел на Кинга долгим, загадочным взглядом.

- Ах, да. Ты еще не видел шрам? - Кингсли сдернул футболку через голову. Он подошел к другой кровати и сел рядом со Стернсом. - Прелесть, правда?

Развернувшись к Стернсу, Кинг продемонстрировал рану на своей груди. Порез в основном зажил, после аккуратного шитья и лечения, но двухдюймовый длинный белый рубец все еще украшал кожу над его сердцем.

Стернс ничего не сказал, он изучал шрам. Медленно, он поднял руку и кончиком пальца погладил его от края до края. Кингсли не шевелился, не позволяя себе ни двигаться, ни дышать.

Как он мог? Стернс дотрагивался до него. Слова отдавались эхом в голове: Стернс дотрагивался до него... Стернс дотрагивался...

Кингсли наклонился вперед и прижался губами ко рту Стернса. И на один прекрасный миг Стернс разрешил им находиться там.

Как только этот идеальный миг прошел, Кингсли оказался на спине, с руками над головой, с запястьями, плотно и прочно вжатыми в матрас. Стернс схватил его за запястья так сильно, что Кингсли, подумал, будто услышал, как что-то треснуло внутри его руки.

- Прости, - выдохнул он. – Я не знаю, что...

Он старался вырваться из железной хватки Стернса, но никакие усилия не могли освободить его. Стернс возвышался над Кингсли, стоя одним коленом на кровати, и одной ногой на полу, вдавливая его все глубже и глубже в матрас. Лицо Стернса зависло всего в шести дюймах от его собственного. Боль в запястьях, страх в его сердце, все угрожало вызвать у Кингсли панику. Но, несмотря на панику, он почувствовал еще что-то, странное спокойствие, чувство капитуляции. Кинг настолько сильно хотел Стернса, что был бы рад позволить тому сделать с ним что угодно, даже убить его.

- Прости, - повторил Кингсли. - Я...

- Замолчи. - Стернс выговаривал слова холодно, спокойно, и Кинг немедленно подчинился. Он приподнялся снова, и Стернс толкнул его обратно вниз с еще большей силой. - Прекрати дергаться.

Кингсли замер. В ожидании.

Он осознал, что за всю свою жизнь никогда не был так возбужден. Глядя в глаза Стернса, Кингсли заметил, что его зрачки были чрезмерно расширены. И совершенно бледная кожа Стернса слегка покраснела. Старания на футбольном поле не вызвали у пианиста и половины той реакции, в сравнении с той, что появилась от того, что он удерживал Кинга на постели.

- Ты играешь в очень опасную игру, Кингсли. - Понизил голос Стернс.

Когда он высказал прямую угрозу, каждый нерв в теле Кингсли напрягся.

Он молчал, как было приказано. Палец Стернса переместился и коснулся точки пульса на правом запястье Кингсли. Прикосновение было настолько удивительным, настолько неожиданно нежным, что Кинг застонал от удовольствия. Негромкий стон, едва слышный. Но Стернс ясно расслышал его; его глаза снова расширились.

- Ты не боишься меня. - Утверждение без вопросительной интонации, но все же Кингсли услышал под этими словами вопрос. - Почему?

- Нет ничего, что бы ты мог сделать со мной сейчас, чего я не хочу.

Стернс осмотрел Кингсли с головы до ног, будто понимая, что в данный момент перед ним лежит не человек, а инопланетянин.

- Что ты такое? - Стернс задал тот же вопрос, который задавал ему Кингсли, но у того ответ был гораздо проще.

- Я француз.

Стернс сделал глубокий, но судорожный вдох. Закрыв глаза, он вдавил Кингсли на один миллиметр глубже в матрас, прежде чем, наконец, отпустил его запястья.

Кинг заставил себя принять сидячее положение, пока Стернс шел к двери.

- Ты действительно убил мальчика в твоей бывшей школе? - крикнул он ему вслед, отчаянно пытаясь сделать что-нибудь, сказать что-нибудь, чтобы заставить его остаться.

- Да.

Стернс остановился на пороге.

- Что он сделал?

Кингсли зашагал к двери, но взгляд Стернса заставил его замереть на полпути.

- Он поцеловал меня.

Глава 11

Север

Настоящее

Кингсли не мог оторвать глаз от Сорена всю дорогу до аэропорта. После того, что они видели в доме Элизабет, после того, что они обсуждали, после того, что Кингсли видел в глазах Сорена, он не мог заставить себя смотреть никуда кроме как, на его ближайшего друга, на его дражайшего врага. Что за безумие происходит с ними? За тридцать лет, Кингсли видел ярость в глазах Сорена, похоть, потребность, голод, благочестие, даже случайные вспышки любви. Но никогда прежде, он не видел страх, настоящий страх. Тот, который он увидел в доме Элизабет, на пороге детской спальни давнего школьного товарища.

- Хватит пялиться на меня, Кингсли, - сказал Сорен, переводя взгляд от дороги за окном к лицу Кинга.

- Я пялюсь на тебя вот уже тридцать лет. Пора бы привыкнуть, mon ami.

Сорен слабо усмехнулся, что слегка разрядило тревожную обстановку, которая пугала Кингсли.

- Да, полагаю, что так. Тебе не следовало ехать со мной. Поездка вполне может оказаться бессмысленной. И я знаю, что у тебя не самые теплые воспоминания о школе Святого Игнатия.

Кингсли медленно выдохнул. Слова были и правдой, и ложью.

- Перед тем, как Мари-Лаура... - начал он и остановился, чтобы взять себя в руки. Разговоры о сестре давались ему труднее, чем любые другие. – До того, как она приехала, все было идеально. Воспоминания о школе Святого Игнатия, мои самые любимые. Мне хотелось бы, чтобы ты в это верил.

- Я верю в это. - Вздохнул Сорен. - Мне только хотелось бы, чтобы это было не так.

Кингсли наклонил голову. В прошлом Сорена внимание привлекала только бесстрашная дерзость. Именно благодаря ей, когда Кингсли поцеловал его, все получилось в тот день в комнате общежития. Может быть, она помогла бы и сейчас.

- Неужели тебя беспокоит то, что я до сих пор тебя люблю?

- Кингсли, серьезно. - Сорен закинул ногу на ногу.

- Я есмь. Я есмь то что я есмь.*

- Богохульство ни к чему не приведет.

- Я уже оставил попытки привести куда-либо нас с тобой. Mais c'est vrai.

- Тридцать лет, Кингсли. Мы были любовниками тридцать лет назад.

- Non. - Кингсли наклонился вперед на своем сидении. Он бросил взгляд на окно между ними и шофером, чтобы убедиться, что то было полностью закрытым. Последнее, что ему было нужно, чтобы их прошлое с Сореном, вышло наружу. БДСМ сообщество на словах очень даже уважало странности других, но он знал, что на мужчин сабмиссивов часто смотрели свысока мужчины Доминанты. И женщины Доминанты. И женщины сабмиссивы...

- Нет?

- Это было не тридцать лет назад. Это было четырнадцать лет назад. Это была ночь...

- Я помню ту ночь.

Оборвал его холодно Сорен и Кинг снова откинулся на сиденье.

- Воп. Рад, что ты помнишь. Я никогда не забуду ту ночь, даже если бы ты захотел.

Сорен еще раз отвел взгляд, уставившись в окно.

- Я не забыл. И не хочу забывать ту ночь.

Сердце Кингсли подпрыгнуло от слов Сорена. "И не хочу забывать ту ночь". Та ночь...

В нескольких минутах езды до аэропорта, Кингсли закрыл глаза и позволил своим мыслям воспарить назад в прошлое. Та ночь... он будет помнить ту ночь даже на смертном одре.

Он все еще помнит тот ледяной холод, который прошиб его тело в день, когда Сорен признался, что влюбился в девочку из своей церкви. Кингсли знал, что между ними все будет по-другому, когда они вновь встретились, уже повзрослев, после десяти лет разлуки. Сорен вернулся из своего изгнания с белым воротником на шее. Кинг вернулся из ада с зажившими пулевыми отверстиями на теле и незаживающими ранами в сердце.

Они были вежливы друг с другом после того, как снова встретились. Порой даже были нежны. И Кингсли мечтал, что он и Сорен продолжают с того, на чем они

остановились в школе Святого Игнатия, но мечты не оправдались, поскольку ночи проходили одна за другой, а Сорен оставлял его одного в своей постели.

И тогда прозвучал те слова, те страшные слова:

“Кингсли, я нашел ее”.

Сорен видел огорчение Кингсли и заверил его, что ничего не изменится. Они мечтали о такой девушке, как эта, мечтали, но не смели надеяться, что она на самом деле существовала. О такой девушке, которая необузданнее и опаснее, чем они двое вместе взятые... Сорен нашел ее. И он хотел разделить ее с ним.

Но годы шли, а Сорен оставлял Элеонор девственницей. Кинг чуть не свихнулся от желания, жажды быть с этим совершенным диким созданием, которое Сорен нашел для них. Но на самом деле, он желал не Элеонор, хоть он никогда и не встречал женщины более волнующей, более опьяняющей. Разделить ее означало, что он и Сорен будут в одной постели еще раз. Даже если бы Элеонор лежала между ними, у Кингсли был бы шанс, по крайней мере, увидеть его еще раз обнаженного, прекрасного и возбужденного.

Возможно, даже прикоснуться к нему. И он к нему прикоснулся.

В течение нескольких месяцев Сорен хранил Элеонор только для себя. Это не удивляло Кинга. Девочка нуждалась в обучении, нуждалась в дрессировке. И вопреки всем обещаниям Сорена, что она будет принадлежать им, Кингсли знал, что Элеонор будет принадлежать только одному священнику. Сорен хотел владеть этой девочкой.

Но вместо этого он влюбился в нее. И, осознавала она это или нет, но из-за его любви к ней, она владела им так же, как и он ею.

Однако наступила та ночь, когда Сорен привел Элеонор в городской дом, в постель Кингсли. Он должен был поговорить с ней сначала. Она так боялась позволить какому-то мужчине, не ее хозяину, трогать ее, что каблуки ее туфель отбивали дробь по кафельному полу.

Наедине в музыкальной комнате его особняка, Кингсли разговаривал с ней, дразнил ее, обещал, что не причинит ей вреда. И, наконец, она расслабилась, наконец, улыбнулась. И в ту же минуту, как они вошли в его спальню, она стала сиреной, которую описывал ему Сорен.

- Кто из нас первый? - Сорен спросил из-за плеча Элеонор.

И Кингсли воспользовался возможностью помучить ее, поскольку Сорен мучил ее так много раз.

- Выбор за леди, конечно.

Свирепый взгляд, который Элеонор направила Кингсли, практически прожег в нем дыру. И заставил его хотеть ее еще больше. Все еще в бешенстве, что ее владелец решил поделиться ею с другим мужчиной, Элеонор ответила, - Кингсли.

И началось веселье.

Элеонор упала на колени перед ним и расстегнула его штаны. После того, как она взяла его член в рот, он сразу понял, почему Сорен так сильно запал на эту девушку. Она подчинилась бы чему угодно. И хотя она протестовала, жаловалась, сопротивлялась в душе, она хотела подчинения, любила подчинение, нуждалась в подчинении. Что ж, Кингсли заставил ее подчиниться. Сначала его члену, а затем его кнуту.

После порки Сорен забрал Элеонор на кровать и связал ей руки над головой. Сидя перед ней, Кингсли скользнул одним пальцем внутрь ее лона и подался вперед, открывая ее. Но когда Сорен начал входить в нее, Кингсли оставил палец внутри. Она была настолько мокрой от совместного проникновения его пальца и Сорена, что жидкость стекала по его руке, пачкая манжету рубашки. Он сберег эту рубашку, что висела теперь в его шкафу, никогда снова не надетая, никогда не стирания.

И время пришло. Сорен лежал на спине, опираясь на гору подушек. Он притянул Элеонор, обнаженную, не считая пары белых туфель на высоких каблуках, на свою грудь.

И, пока Сорен держал ее в руках, Кинг трахал ее. Никогда ни до, ни после этого, он не брал женщину так жестко и так основательно. Она стонала от удовольствия, вздрагивала от боли и закрывала глаза в экстазе. Но когда ее глаза закрылись, Кингсли посмотрел на Сорена, который в ответ посмотрел на него. И Кингсли понял...это случится этой ночью.

Они вымотали Элеонор через час, и разрешили ей отдохнуть.

- Вино, - Сорен сказал, что хотел вина.

- Нет, - Кингсли нахмурился. Туман в голове развеялся. Кинг предложил вина. Сорен охотно согласился. Он поцеловал свою Элеонор и уложил ее в кровать. Плечом к плечу они покинули спальню. Вина они так и не выпили. Очутившись в коридоре, Кингсли ощутил руку на затылке, пальцы впивались в его кожу. Он помнил ту руку, те пальцы...

Сорен поднес рот к уху Кингсли.

– Останови меня прямо сейчас, - он приказал, и Кинг подавил улыбку.

– Остановить что, сэр?

- Это.

И Кингсли внезапно оказался прижат к двери одной из многих гостевых комнат, грудь Сорена прижималась к его спине.

– Я покалечу тебя, если ты меня не остановишь.

Сорен зарылся рукой в длинные волосы Кинга, скрутив их, обнажил часть шеи. Когда губы Сорена прикоснулись к пульсирующей жилке под его ухом, Кингсли уже знал, ничего, им сказанное или сделанное, не остановило бы их сейчас. Кинг открыл дверь в гостевую спальню. Сорен закрыл ее за ними.

- На кровать, - приказал Сорен, и Кингсли беспрекословно повиновался.

Он всегда повиновался Сорену. В постели, но больше нигде. Кингу рано довелось узнать о пристрастиях Сорена. У него не заняло много времени понять, что молодой человек, в которого он влюбился в школе, был сломлен. Но сломлен так, что когда он исцелился, то стал сильнее, нежели до того, как в нем произошел надлом. Впоследствии этого надлома, возбудить его могло лишь причинение боли. Предпочтительно физической боли, но и жестокое унижение не стоило сбрасывать со счетов. Поэтому, когда Сорен вывернул ему руку за спину, Кингсли знал, что не нужно подавлять вздох боли. Эти звуки: вздохи и всхлипы, рыдания и слезы они были тем, ради чего жил Сорен. Кинг принял это, еще будучи юношей, понял на уровне инстинкта. Этого не было, пока он сам не начал играть в ту же игру, тогда он понял эротическую власть причинения боли любовникам и созерцания того, как он или она принимают ее, упиваются ей, даже любят.

Часть его хотела привычного проявления привязанности, хотя бы в этот раз. И если не привязанности, то, хотя бы в какой-то мере милосердия. Но Сорен был не в настроении для милосердия этой ночью, и Кингсли не пришлось подделывать крик агонии от первого проникновения. Он вгрызался в простыни, чтобы заглушить свой голос. Сорен едва не вывихнул плечо Кинга из сустава одной только мощью своих толчков. Была кровь, и Кингсли наслаждался ее видом.

Доказательство. Он протянул свои пальцы Сорену.

– Ты не можешь отрицать этого, mon ami. Верно? - Он продемонстрировал ему окровавленную руку. - Ты все еще хочешь меня.

В тот момент Сорен стоял у двери, ожидая, пока Кингсли закончит одеваться и придет в себя.

- Я никогда не отрицал, что хотел тебя. Я лишь отказывался брать тебя.

- Pourquoi? - вопрошал Кингсли. - Почему? Ты берешь ее всеми возможными способами, пользуясь каждой предоставленной тебе возможностью. Почему ее, а не меня?

Сорен не ответил, и за это Кингсли был ему бесконечно благодарен. Он знал ответ, но услышать его, означало, что сломается единственная, оставшаяся не сломанной, часть его духа.

Они вернулись в спальню Кинга, и Сорен не включил свет. Если бы он это сделал, Элеонор увидела бы кровотокающие следы укусов на груди Кингсли, синяки на его бедрах, рубец на пояснице. Кинг погрузился в тело Элеонор, смакуя непринужденность соития с настолько податливой и настолько желающей, но непокорной женщиной. Кингсли увидел что-то в Элеонор той ночью, искру жестокости в ее глазах, вспышку бунта и неповиновения. Сорен думал, что нашел в ней идеальную пару для себя, идеального сабмиссива. Возможно, она была так же идеальна, как и он; безусловно, она была так же красива. Но не сабмиссив. Не совсем.

Кингсли умел распознать свитча в человеке. В конце концов, он видел его каждый день в зеркале.

Снова и снова, той ночью они брали Элеонор, пока она практически не стала отключаться. И даже тогда это не имело значения. Кингсли скользнул на ее бесчувственное тело, входя в нее, и медленно толкнулся. Она проснулась на мгновение, негромко засмеялась и снова погрузилась в сон. Но Кингсли продолжал трахать ее. Что угодно, чтобы доказать Сорену, что, несмотря на то, что ему было больно от их интерлюдии, он не пострадал.

За час до рассвета, пока Элеонор спала, Кингсли опустился на четвереньки возле кровати. И своим ртом, Кинг показал Сорену свою благодарность за то, что священник поделился самым драгоценным с ним в ту ночь. Кингсли сглотнул, наслаждаясь ощущением спермы внутри. То, что было между ним с Сореном, погибло, и было воскрешено на одну ночь. Без финального единения вечер не мог быть завершен. Восемь лет спустя он обнаружил, что Нора видела все это.

И восемь лет спустя это перед ней он опустился на колени. Если он не мог заполучить хозяина, как ему хотелось, он мог, по крайней мере, служить рабыне хозяина.

- Кингсли?

- Oui, mon ami? – Кингсли открыл глаза.

- Мне не стоит знать, о чем ты думаешь, не так ли? - спросил Сорен.

- Ты и так это знаешь.

Кингсли попытался и не смог замаскировать горечь в голосе.

- Не нужно ненавидеть ее, - сказал Сорен. - Это – я тот, кто причинил тебе боль. Ненавидь меня.

Роллс-ройс прибыл к их месту назначения в аэропорт, где их обоих ждал частный самолет. Их фотография, оригинал которой был отправлен Кингсли, хранилась в школе Святого Игнатия. Не зная, куда еще пойти, что еще предпринять, Сорен решил отправиться туда и навести справки. Кинг отказался позволить ему поехать одному.

Шофер подогнал автомобиль к остановке у ворот, вышел и открыл для них дверь.

- Не волнуйся, mon ami, - сказал Кингсли Сорену. - Я так и делаю.

* Когда Моисей шел по горе Синай и увидел какой-то кустарник, который горел, но не сгорал, он спросил: "Кто ты?" и в ответ услышал слова Бога: "Я ЕСМЬ ТОТ, КТО Я ЕСМЬ". Это выражение дословно значит - Бог во мне есть.

Глава 12

Юг

Нора сделала себе мысленную заметку, что в следующий раз, когда она спросит кого-нибудь, "Вы не видели случайно Уесли Райли?" и они ответят, "Он в конюшне", она проявит упорство и спросит, "О какой из семнадцати долбанных конюшен идет речь?"

В течение двух часов она бродила из амбара в амбар, каждый из которых был белым с красной аккуратной внутренней отделкой, в поисках Уесли, и не находила его. Малой лучше её знал, как спрятаться.

Малой... Нора сделала себе в уме вторую заметку, перестать думать о Уесли как о малом или малыше, или в принципе ребенке. Ей бы не пришлось охотиться на него среди семи тысяч идентичных конюшен, если бы она смогла смириться с мыслью, что Уесли был уже взрослым. Минувшей ночью в его постели она должна была довести дело до конца. Это было то, чего он хотел, что он заслужил. Но Нора была так шокирована фактом его девственности, что запаниковала прошлой ночью, так же, как она испугалась полтора года назад, когда в последний раз они пытались заняться сексом. Вроде бы, это она была той, у кого был сексуальный опыт. Тогда почему же именно она продолжала бояться?

Наконец, в амбаре номер два миллиона тридцать пять, она обнаружила Уесли в стойле, расчесывающего гриву самой толстой лошади, которую она когда-либо видела.

- Господи Всевышний, чем вы кормите это создание? - Нора уставилась на огромный живот рыжего зверя.

- Другими лошадьми.

Уесли даже не взглянул на нее.

- Пожалуйста, скажи мне, что ты шутишь.

Она слышала, что коров кормят другими коровами, но молилась, что лошади не едят других лошадей.

- Я шучу. Просто внутри у нее другая лошадь.

Нора вздохнула с облегчением.

- Залетела, да?

- Ага. Ей рожать на этой неделе. В любую минуту.

Уесли пробежался щеткой с толстыми щетинками по спине кобылы, и животное вздрогнуло в явном удовольствии.

- Как ее зовут? – Нора открыла дверь стойла и мягко ступила внутрь. Последнее, чего она хотела бы, это напугать беременную лошадь.

- Бегущая Красотка. Так ее назвала мама. Это наша лучшая племенная кобыла.

Нора протянула руку и коснулась носа Бегущей Красотки, улыбнувшись от ощущения бархата под кончиками пальцев.

- Она красавица, за исключением брюха.

Нора пыталась улыбаться Уесли. Он не улыбнулся в ответ.

- Она – мамина детка.

- Мамина другая детка? – поддразнивала Нора.

Уесли покачал головой.

– Даже моя мама больше не считает меня ребенком. Только ты.

Нора тяжело вздохнула.

– Уес... я не считаю тебя ребенком. Или малышом. Или кем-то другим, нежели двадцатилетним сногшибательным великолепным парнем, которого я обожаю.

- У тебя странный способ демонстрировать это.

- И у тебя странный способ...

- Чего? – спросил Уесли.

- Всего.

Нора провела руками по спине Бегущей Красавицы и по ее раздутому животу. Она не могла даже представить, что эта бедная лошадь чувствовала, вынашивая другую лошадь внутри своего тела.

- Что это должно означать?

- Это означает что ты, Уесли, странный. У тебя была девушка, правильно? Эта, как ее там, Бриджит? Как долго вы были вместе?

Уесли пожал плечами.

– Несколько месяцев.

- И у тебя с ней не было секса?

- Нет. Не было.

- Почему нет?

Уесли обошел вокруг Бегущей Красотки и начал чистить щеткой другой ее бок. Нора приподнялась на носочки, чтобы посмотреть на Уесли через спину лошади.

- Уес, почему ты не переспал со своей девушкой, пока вы были вместе?

- Я не хотел.

- Чушь собачья.

- Что?

Нора пристально взглянула на него.

- Чушь собачья. Ты гетеросексуальный двадцатилетний парень. И я предполагаю, что эта цыпочка была красоткой. Да?

Уесли помолчал, прежде чем кивнуть.

– Она была прекрасной.

Нора внутренне поморщилась от искренности в его голосе. Да... от того, что она была красоткой не должно быть больно. А вот то, что она была прекрасной... Это больно.

- Так почему же нет?

Уесли провел руками по длинной шее Бегущей Красотки. Кобыла повернула голову и уткнулась носом в живот Уесли.

- Ты действительно хочешь спросить именно об этом?

- Думаю да, раз я спрашиваю.

Нора обошла вокруг и встала рядом с Уесли. Его тело, казалось, натянулось от напряжения. Ее переполняла потребность прикоснуться к нему, но она боялась, что он отстранится, если она попробует.

- Бриджит была... - он остановился и сделал рваный вдох. – Она была необыкновенной, Нора. Даже ты была бы в восторге от этой девушки. Женщины. Двадцати семи лет. Похожа на классических Голливудских красавиц. Как называются те юбки, которые ты иногда надеваешь в церковь? Те, узкие, до колена?

- Юбки-карандаши?

- Ага, они. Она носила их все время, с теми стильными рубашками, которые делали ее... я не знаю... в каком-то роде гламурной. Ей оборачивались вслед как сумасшедшие, когда мы выходили на публику. Я взял ее с собой на благотворительный вечер, где доход каждого приглашенного насчитывался миллионами долларов, а Бриджит зарабатывает, может, сорок тысяч в год. Но ни одна женщина на том мероприятии не получила и половины взглядов, что достались ей. Я едва ли смог с ней потанцевать. Парни увивались вокруг нее. Она умная. Студентка последнего курса коневодческих дисциплин, Гарвардский диплом MBA. Она когда-нибудь будет управлять такой же большой фермой, как эта. Скорее всего, рано или поздно. Для парня вроде меня, кто унаследует тысячи акров лошадиной фермы она была идеальной женщиной. Мама и папа уже планировали свадьбу.

Нора сглотнула. Каждый комплимент о Бриджит, который слетал с его языка, ударял ее сильнее, нежели трость в руке Сорена.

- Так в чем же была проблема? – Нора попыталась задать вопрос спокойно, без эмоций. Но ее голос был едва ли громче шепота.

- Проблема в том, что... - Уесли встретил взгляд Норы впервые за этот день, - она не ты.

Какое-то время Нора пыталась придумать умный ответ, такой, что заставил бы Уесли смеяться, такой, что снял бы напряжение. Но слова ее подвели, и она молчала.

- Я не мог с ней спать, - продолжил Уесли, - потому что она - не ты. И я не удивлюсь, если причина, по которой ты продолжаешь меня динамить, потому что я - не он.

Наконец, Нора поняла. Полностью поняла. Впервые в жизни она точно знала, что чувствовал мужчина перед ней, что ему нужно, чего он хотел. И единственный раз в ее жизни, она точно знала, как это ему дать.

- Нет. Ты не Сорен. Если бы ты был им, да, я бы переспала с тобой вчера ночью, как я спала с ним миллион раз прежде. Но ты не Сорен, и я могла бы встать на колени и поблагодарить Бога за это, прямо здесь и сейчас, если бы, не огромная куча лошадиного дерьма у моих ног. Одного Сорена вполне достаточно для этого мира.

Теперь Уесли, казалось, лишился дара речи. Она решила воспользоваться внезапно наступившей тишиной.

- Я сплю в твоей постели, Уесли.

- Что?

- Я сплю в твоей постели, в моем доме в Коннектикуте. Я не спала в своей постели с того самого дня... с того дня, как я вернулась к Сорену. Я ни разу не спала в моей спальне. Я сплю в твоей комнате, когда я дома. Я сплю в твоей комнате, надевая футболку с надписью Кентукки, которую ты оставил в грязном белье. Я пыталась спать в своей кровати, но я просто не могла заснуть.

- Ты тоже была двадцатилетней девственницей. Ты сказала, что до тех пор Сорен не...

- Во-первых, я никогда не была девственницей. Наличие неповрежденной девственной плевы не делает меня девственницей. Отправься в мусульманскую страну. Там девицы предлагают своим парням задницы, чтобы как подобает совершить процесс дефлорации в первую брачную ночь. Девственная плева не равняется девственности.

- Прекрасно. Но все-таки...

- Но ничего. А задница всё. Сорен начал обучать меня для себя в день, когда мне исполнилось восемнадцать лет. Нет. Стоп. Забудь. Он начал мое обучение в тот день, когда мы встретились. Он научил меня сидеть и стоять, выполнять его приказы, повиноваться, служить ему и каждому его желанию, его потребности и прихоти. Он мог сказать мне, встретить его в три часа возле его офиса только одним взглядом. И я не преувеличиваю, Уес. К тому времени, когда мы провели нашу первую ночь вместе, я была готова к нему, готова к испытаниям. И, Бог мой, он испытывал меня. Я была разбита вдребезги, и каждый кусочек меня любил его за это. Но мы были вместе. Я была в его ошейнике. Он владел мной. Я принадлежала ему.

- Нора, что ты говоришь?

- Я говорю, что в последний раз, когда у меня был секс с девственником, он оказался связанным по рукам и ногам с ожогами от восковой свечи. Я говорю, что я могла бы сломать тебя, как Сорен сломал меня. Но, может так случиться, что ты не будешь любить меня за это на следующее утро. И если я разрушу тебя, я не знаю, как собрать тебя заново.

- Нора, до тебя так и не дошло, правда? - Уесли обхватил ладонями ее лицо и улыбнулся.

- Не дошло что?

- То, что мне известно, что быть с тобой большой риск. И то, что ты этого стоишь.

Руки Норы сжались также сильно, как и ее сердце.

- Я знаю, как завязывать такие узлы, что моряки, которые провели половину своей жизни в море, никогда даже не слышали о них. Я могу взламывать замки, которые озадачили бы половину воров-домушников в Нью-Йорке. Я могу разрезать блокнотик с липучими листочками пополам кончиком кнута. Я могу заставить любого в мире мужчину-извращенца упасть на колени, целовать мои ноги и признаться мне в своих темных грехах просто для удовольствия от того, что я накажу его за них. Но, Уесли, я не знаю, как быть с кем-то, таким как ты: милым, добрым, ванильным девственником. Это ставит меня в тупик. Прошло пятнадцать месяцев с последнего раза, когда мы пытались, и я до сих пор не поняла как.

Уесли выдохнул так шумно, что его дыхание потрепало гриву Бегущей Красотки. Лошадь дернула головой в легком раздражении.

- Знаешь, если ты хочешь понять, как быть со мной может быть, ты могла бы просто спросить меня?

Нора открыла было рот, но помолчала и закрыла его.

- Вот, честно, никогда не приходило в голову.

Уесли рассмеялся и Нора тоже. И она чуть не заплакала от абсолютного облегчения, услышав, как они вдвоем смеются.

- Ладно, ванилька. - Нора положила руку поверх руки Уесли. Шерсть Бегущей Красотки топорщилась под их переплетенными пальцами. - Так скажи мне, как быть с тобой.

- Не так уж трудно объяснить. Ты знаешь, как мы были вместе у тебя дома? Как мы тусовались и смотрели фильмы, разговаривали и ужинали вместе и все такое?

- Я помню. Я помню, словно это было вчера.

Ее рука скользнула с его запястья на его лицо.

- Мне нужно, чтобы все было точно так же, за исключением, разве что...

- Разве что?

- Разве что у нас не будет отдельных спален, мы будем спать вместе. Можешь это сделать?

Нора провела рукой по его длинным волосам.

- Я могу попробовать.

Уесли начал наклоняться вперед, чтобы поцеловать ее, но по конюшне разнесся громкий звук щелканья пальцев, заставив их отскочить друг от друга.

- Давай, Джон Уесли. Мы опоздаем.

Нора видела, как отец Уесли свирепо смотрит на нее через дверь стойла. Он одарил Уесли мрачным взглядом прежде, чем уйти.

- Сейчас же, Дж.У., - крикнул он.

- Ты можешь пойти со мной, - сказал Уесли.

- Куда мы идем?

- Нужно кое с кем встретиться насчет лошадиных бегов.

Нора остановилась на выходе из стойла.

- Пожалуйста, скажи мне, ты сказал это не в буквальном смысле.

Глава 13

Север

Прошлое

Кингсли вошел в сад рядом с часовней. Пока он бродил по мощенной тропинке среди цветов, его окружали кусты роз, горящие красным цветом. Сад был гордостью отца Генри. Чтобы сохранить цветы живыми в таком негостеприимном климате, требовалась постоянная работа и уход. Каждую свободную минуту, что выпадала отцу Генри, его можно было найти в саду.

- Мой сад - это моя Гефсимания* (*Гефсимания — местность у подножия западного склона Елеонской горы, в долине Кедрон, восточнее Старого города Иерусалима, в Израиле. Гефсиманский сад традиционно почитается, как место моления Иисуса Христа в ночь ареста: согласно Новому Завету, Иисус и его ученики регулярно посещали это место — что и позволило Иуде найти Иисуса в эту ночь.*), - шутил отец Генри, и Кинг всегда улыбался. Он не понимал шутку, если это, на самом деле, была не шутка.

Кингсли пришел сюда, чтобы убежать от мальчишек из его комнаты в общежитии.

Приход лета ознаменовал окончание учебного года. Атмосфера неистовства была слишком даже для Кингсли. Другие ученики не могли дождаться, когда родители заберут их из ссылки и вернут в мир девушек и фильмов, и возможности спать,

сколько душе угодно. Это все будет в той же мере доступно и Кингсли через два дня, когда за ним приедут его бабушка и дедушка. Но в отличие от других мальчишек в школе, он не мог ликовать по этому поводу.

Стернс уничтожил его. Уничтожил все. Летнее возвращение к цивилизации не радовало. Три месяца он будет без Стернса, даже без мимолетного взгляда на него. Кингсли уже предвкушал мучения этого времени, проведенного порознь. Каждый луч желтого солнечного света будет напоминать ему о волосах Стернса. Каждый раз, глядя в чистое серое вечернее небо, он будет видеть в нем глаза Стернса. Каждый раз, касаясь себя, Кингсли будет представлять руки Стернса на своем теле, вместо своих собственных. Не то, чтобы Стернс когда-нибудь прикасался к нему так, только в мечтах Кингсли. Но с того дня, в общежитии, когда Стернс скрутил его на кровати, все изменилось между ними.

Они практически перестали разговаривать. Но по какой-то причине, Кингсли чувствовал себя даже ближе к нему. Всякий раз, когда он находил Стернса, сидящим в одиночестве за чтением или письмом, он брал свое домашнее задание и садился на пол возле кресла Стернса. Почему пол, а не диван, стол, другое кресло, Кингсли не знал. Но всякий раз, когда он вспоминал о подушечке пальца Стернса, ласкающей место на запястье, где бился его пульс, Кингу хотелось опуститься на колени, сесть у ног Стернса и остаться там навсегда.

Его тоска от мысли, что он так много времени проведет вдали от Стернса, отправила Кингсли в сад отца Генри. Он хотел попробовать то, чего никогда не пробовал раньше. Возможно, это было влияние Стернса... Кинг видел его в часовне буквально вчера, он молился в тишине битый час с четками в руке. Кингсли знал, что это был целый час, поскольку он сидел за три скамьи позади него и наблюдал за ним все это время. Ровно через час, Стернс поднялся со своего места и развернулся.

- О чем ты молился, *mon ami*? – спросил Кингсли.

- Молился о том, о чем молюсь, каждый день с тех пор, как встретил тебя, - сказал Стернс, крутя четки вокруг ладони.

- И что же это?

Стернс открыл ладонь, чтобы показать бусинки четок, которые он перебирал между пальцами как паутинку.

– Сила воли.

Он закрыл руку снова и положил ее на грудь над сердцем. Стернс покинул часовню, но Кингсли остался.

Сила воли. Эта фраза сказала Кингсли все. Ему не были нужны никакие другие намеки, никакие другие слова. Теперь он знал правду. Но вместо того, чтобы освободить его, правда потянула Кингсли еще глубже в загадку, которой был Стернс.

Сила воли.

Это означало одно, только одно. Стернс хотел его.

Пальцы Кингсли сжались в кулак. Стернс молился о том, чтобы противостоять соблазну. Значит должен и он.

Сорвав с куста самую большую, самую первозданно чистую из красных роз, Кингсли держал ее в руке, уставившись на сердцевину цветка.

- Assistez-Moi. Помогите мне, - молился Кинг, переходя на французский язык. Он не мог себе представить, как Бог говорит на любом другом языке, кроме его родного. - Assistez-Moi, s'il vous plaît, mon Dieu.

Кингсли открыл глаза. На краю сада, в тени дерева, стоял Стернс, наблюдающий за тем, как он молится. Из-за нервозности, роза выпала из его руки.

Стернс сделал шаг вперед. Кингсли сделал шаг назад. Стернс остановился. Кингсли побежал.

Школа была словно оазис в пустыне деревьев. Ничего, кроме густого леса, окружавшего это место... лес, холмы, скалы, долины. Кингсли, как правило, находил его чем-то страшным, угрожающим, неким лабиринтом. И теперь, он бежал туда, спасаясь.

Но деревья не особо могли защитить его. Пока Кинг мчался заброшенными тропами, ветви с зелеными листьями хлестали его, обжигая кожу, лицо. Но он не мог остановиться. Позади него слышались шаги. Кингсли мог только заставить ноги нести его еще быстрее, невзирая на боль от избивающих его ветвей, несмотря на страх, что практически валил его наземь.

Он выбрался на поляну. Небо над ним окрасилось заходящим солнцем в красный цвет. Наступали сумерки, и он мог потеряться здесь, в лесу. В одиночку или хуже. Не один.

Он подскочил и обернулся, поскольку звук трескающихся веточек предупредил его о присутствии кого-то другого. Кингсли не колебался. Он сорвался с места, углубляясь дальше в лес. Купол деревьев закрылся над ним. Упав на четвереньки, Кингсли пополз через небольшое отверстие, закричав, когда шипы кустарника вонзились в его лоб. Его зрение окрасилось красным от крови. Но он двигался вперед, прорвался сквозь куст, поднялся и начал бежать снова. Или попытался. Но взявшаяся из ниоткуда рука схватила его за рубашку и прижала к дереву. Кора врезалась в его спину. В полумраке Кингсли едва мог видеть. Он ощупывал темноту, ощутив ткань под своими руками, и рванул ее. Его пальцы коснулись чего-то холодного. Он дернул, и оно сорвалось ему в руку. Хватка на нем на мгновение ослабла, достаточно для того, чтобы Кингсли обрел почву под ногами и бросился снова бежать.

Пот и кровь струились по его лицу. Кингсли вытер глаза. Его зрение прояснилось, и он обнаружил, что держит маленький серебряный крестик на тоненькой цепочке. Кингсли держал его высоко, поднимаясь вверх по склону горы, шаги, по-прежнему преследовали его.

На следующей поляне, он остановился и упал на колени. Ему некуда было больше бежать. Хватая ртом воздух, он услышал звук ботинок, скользящих по одеялу из листьев. Пальцы Кингсли сжались вокруг крестика. Не имеет значения, что с ним произойдет, он просто так не сдастся.

Ни один из них не проронил ни слова. Кингсли предпринял еще одну последнюю попытку сопротивляться, пока Стернс раздевал его донага и бросил грубо на живот. У него не было сил ни на что, кроме капитуляции. Каждое маленькое движение заставляло его стонать от боли. Это было не так, как он хотел, не здесь, не на лесной земле, сокрушенный, окровавленный и перепуганный. Но он примет эту боль, это унижение. О единении он молился, он примет все это.

Стернс погладил Кингсли от его шеи к бедру. Да, Кинг решил, это было в точности так, как он хотел.

Одна рука вытянута на восток. Другая на запад. Он крепко зажал крестик между пальцами. Когда Стернс толкнулся в него, Кингсли закричал. Стернс закрыл ему рот рукой. Кингсли прикусил его ладонь и кивнул, радуясь пальцам между зубами.

Боль проникновения была за пределами всего, что он когда-либо чувствовал в своей жизни. Ножевое ранение в грудь было ничем. Ничто не болело так, как это, ничто ни снаружи, ни внутри, ничто в его теле или душе.

В разгар агонии он почувствовал рот Стернса сзади на своем плече. Кингсли растекся по земле. Уцелеет он сегодня или нет, это перестало быть проблемой. Прикосновение губ Стернса к его коже, было всем, в чем он когда-либо нуждался. Кингсли стал цельным, он мог умереть счастливым, если бы на то была воля судьбы.

Время шло, но Кингсли не мог сосчитать его. Через минуту, или час, кровь начала облегчать движения Стернса в нем. Боль превратилась не в удовольствие, а в нечто больше, чем удовольствие. Своего рода экстаз, что угрожал разрушить его до основания, погубить его и ничего от него не оставить. Но это не имело значения.

Стернс был внутри него.

По мере того как багряный вечер превращался в черную ночь, Кингсли ликовал от этой истины. Он слышал, рваное дыхание Стернса или это было его собственное? Он не знал и не тревожился. Он глубоко вдохнул и почувствовал запах сосны в воздухе. Красивый аромат. Он сделал еще один полный вдох.

Кингсли кончил с содроганием на сырой земле, что отдалось болью во всем его теле. Стернс был внутри него. Его молитвы были услышаны. Возможно. А, возможно,

его молитвы были наказаны. Рай и ад стали бессмысленными словами для Кингсли. Рай был сейчас, в этот момент под Стернсом. Адом был и будет каждый момент после.

Стернс был внутри него.

Он повторял эти слова в голове, пока они не стали единственными словами, которые он знал на каком-либо языке.

Все завершилось, наконец-то, может после часа. Может двух. Или, может, спустя несколько минут. Он почувствовал, что вес чужого тела покинул его, почувствовал, что его собственное тело пустое.

Медленно, Кингсли оперся на руки и перевернулся на спину. Небо над ним кричало звездами. Опавшие листья под ним ласкали его кожу как одеяло из живого шелка.

Он слышал шорох ткани, одеваемой одежды. Он мог бы лежать здесь под небесами вечно, голый, истекающий кровью и бесстыдный. Он бы умер под Стернсом. Умер и возродился снова.

Что-то коснулось его лица. Рука? Нет, пара прекрасных губ. Губы переместились со лба на щеку и накрыли его рот. Поцелуй продлился вечно и закончился слишком быстро.

- Мое имя Сорен.

Кингсли кивнул и подготовил собственные слова.

- Je t'aime, - ответил он на языке, которым говорил Господь. - Я люблю тебя.

Глава 14

Север

Настоящее

Ничего не изменилось. Кингсли не мог поверить, что по истечении тридцати лет, абсолютно ничего не изменилось. Дорога к школе Святого Игнатия по-прежнему петляла по наиболее безлюдной, опасной местности, что когда-либо встречалась ему за пределами Европы. Деревья по-прежнему окутывали школу как вечнозеленое одеяло. И все до единого здания выглядели как церковь.

- Как давно это было, mon ami? – Кингсли спросил Сорена, когда они выходили из задней двери машины, арендованной Кингсли, для поездки в их альма-матер.

- Пожалуй, лет пять. - Сорен стоял посреди двора и оглядывался по сторонам. – Я приезжал, когда хоронили отца Генри.

- В его саду?

Сорен улыбнулся.

– Где же еще? Пять лет... длительный период.

Кивнув, Сорен медленно развернулся, вглядываясь в окружавший их лес.

- Я стараюсь часто не приезжать. Не совсем удобно бывать здесь, учитывая сложившиеся обстоятельства.

- Je comprende. - Кингсли действительно понимал. Когда его отец умер, Сорен унаследовал от него приблизительно полмиллиарда долларов. Наследство – это был последний шанс его отца не дать Сорену принять духовный сан, зная, что его сын не мог владеть такой суммой денег и все еще быть иезуитом. Однако Сорен пожертвовал их. Все до последнего пенни. И школа Святого Игнатия извлекла из этого весомую выгоду, в размере почти двадцати пяти миллионов долларов.

- С такими-то богатствами, ты не находишь, что школа должна выглядеть сейчас как дворец?

- Отец Генри вложил большую часть денег в трастовый фонд, чтобы позаботиться о мальчиках, которые были под опекой государства. Были произведены незначительные улучшения в удобствах. Но отец Генри никогда не хотел, чтобы школа выглядела претенциозно. Демонстративное проявление богатства оскорбляло его.

- Интересное мнение для католика.

Сорен пристально посмотрел на него.

– Мы не будем начинать спор о Базилике Святого Петра снова*(*Собор Святого Петра (лат. Basilica Sancti Petri, итал. Basilica di San Pietro;)* — католический собор, центральное и наиболее крупное сооружение Ватикана, крупнейшая историческая христианская церковь в мире. Над его созданием трудилось несколько поколений великих мастеров: Браманте, Рафаэль, Микеланджело, Бернини. Вместимость около 60 000 человек + 400 тыс. человек на площади.).

- Я подарю тебе пару красных кожаных сапог на Рождество. Почему Папе должно доставаться все веселье?

- Временами я скучаю по тому, чтобы надрать тебе задницу, Кингсли. Очень скучаю.

Вдвоем они пошли к главному зданию, в котором располагались кабинеты преподобного, отца Томаса, и других священников. Кингсли устремил взгляд на дверь,

а свои мысли подальше от прошлого. Он и так излишне предавался мыслям о прошлом во время полета сюда. Это был лес, окружающий их школу, где мальчик, Кингсли Буассоннэ, умер, а мужчина, ставший потом Кингсли Эджем, был возрожден.

И именно здесь умерла его сестра, Мари-Лаура, так и не возродившись.

- Постарайся не думать о ней, Кинг, - предостерег Сорен.

Кингсли убил бы его на месте за этот небольшой совет, если бы не почти нежное беспокойство в его голосе.

- Это невозможно. Она была всем, что у меня осталось после смерти родителей. В день, когда они забрали меня от нее...

Кингсли заставил воспоминаниям вернуться и уйти.

- У меня были синяки пару недель, - сказал Кингсли, сжимая пальцы в кулаки.

- От Мари-Лауры или от меня?

Кингсли полоснул Сорена взглядом. Священник пытался любой ценой избежать разговора о той ночи, когда они стали любовниками. Однако сейчас, Кингсли вдруг принял спокойный вид.

- Ранам от Мари-Лауры потребовалось три недели для заживления. От тебя...

- От меня?

Кингсли мрачно усмехнулся ему.

- Я скажу тебе, когда заживут.

Сорен тяжело вздохнул и открыл рот, чтобы ответить. Но дверь главного здания открылась, и к ним суетливо вышел мужчина в рясе широкого покроя.

- Отец Стернс, - сказал священник, затаив дыхание, пока пожимал руку Сорена. - Я понятия не имел, что Вы приедете.

- Так приятно видеть Вас снова, отец Маркзак. Мы здесь с коротким визитом. Это - Кингсли Эдж, друг и еще один выпускник школы Святого Игнатия.

- Очень рад познакомиться с Вами, мистер Эдж.

Кингсли пожал руку отца Маркзака и кивнул. Он был не в настроении сегодня маскировать свой французский акцент и совсем не имел терпения для всех вопросов, которые вдохновлял его акцент. Лучше сохранять молчание. Он усвоил это, еще будучи шпионом, что чем меньше скажет он, тем больше ему скажут другие.

- Что привело вас двоих сюда сегодня? Отец Томас на конференции, и я боюсь, что я плохая замена.

- Мы здесь лишь по причине ностальгии. Пожалуйста, не беспокойтесь. Мы просто хотели увидеть школу.

- Конечно. Мы сделали некоторые улучшения в последнее время, благодаря вашей щедрости. Новая сантехника. Новые тепловые узлы. Крыши были заменены на всех зданиях. Вы не представляете, как высоко мы ценим...

Сорен поднял руку, чтобы прекратить поток благодарностей. Кингсли знал, что Сорен посещал бы школу гораздо чаще, если бы ему не приходилось иметь дело со всей этой экспансивной благодарностью каждый раз, когда он приезжал.

- Я просто рад, что смог помочь школе продолжить свою работу. Это место спасло мою жизнь.

- А вы спасли эту школу.

- Тогда будем считать, что мы в расчете, - сказал Сорен, и отец Маркзак улыбнулся, неохотно соглашаясь.

- Конечно. Я буду у отца Генри, я имею в виду, у отца Томаса в кабинете. Если вам понадобится что-нибудь, не стесняйтесь, найдите меня. Вы можете смело побродить по школе. Мальчишки любят, когда их уроки прерывают посетители.

- Спасибо вам, отец. Кстати о посетителях, был ли кто-нибудь, примечательный в последнее время?

Отец Маркзак бросил на каждого из них любопытный взгляд, но не стал просить разъяснений.

- Нет. Вообще-то нет. Несколько студентов навещалось за последние несколько недель. И, конечно, родители абитуриентов, желающие посмотреть школу.

- Никто из них не показался не совсем обычным? Подозрительным? Я просто интересуюсь, потому что получил записку без подписи на бланке школы Святого Игнатия в которой спрашивалось о школе.

Кингсли взглянул на Сорена. Для священника, поклявшегося придерживаться Десяти Заповедей, он мог врать не хуже других. Отец Маркзак пожал плечами.

- Действительно, нет. У нас была одна мамочка неделю назад. Задавала много вопросов о школе, больше, чем остальные родители вместе взятые. Много вопросов об истории школы и о выпускниках, чем они занимаются сейчас, чего они достигли.

- Она говорила с акцентом? - спросил Сорен, и Кингсли нахмурился. Откуда взялся этот вопрос?

- Нет, акцента я не заметил, - сказал отец Маркзак. - Милая женщина, на самом деле, если вы простите меня за эти слова.

Сорен взглянул на Кингсли.

- Спасибо, отец. Мы обязательно зайдем к Вам перед отъездом.

Отец Маркзак пожал им руки и снова вернулся в свой кабинет.

- Мы должны расспросить его поподробнее, - сказал Кингсли. - Как она выглядит, откуда, по ее словам, она родом...

Сорен покачал головой.

- Слишком рискованно. Или женщина, с которой он общался, не причастна к этому и, скорее всего так и есть, или она ему сказала достаточно лжи, так что его ответы будут бесполезны.

Кингсли не мог поспорить с его логикой.

- Тогда что же нам искать, *mon père*? Куда нам идти?

- Наша фотография могла бы быть в архиве в библиотеке.

- Тогда, в библиотеку.

Внутри библиотеки Кингсли обнаружил, что значительная часть денег отца Сорена нашла свое применение здесь. Во время их учебы в школе Святого Игнатия, библиотека была холодным, скудно обставленным пространством. Дешевые металлические книжные шкафы были заполнены тухлявыми религиозными фолиантами. Потертые кресла располагались на еще более потертых коврах. Но когда они вошли в комнату сейчас, они словно перенеслись в библиотеку Ватикана. Металлические шкафы были заменены на книжные полки из темного дуба, с вырезанными на них библейскими сценами и символами. Без сомнений, книг, что заполняли полки, стало в четыре раза больше. Элегантные зоны отдыха были разбросаны по длине и вдоль и поперек здания. Железные люстры свисали с потолка и бросали приветливый свет на мальчиков, сидящих в этих дорогих креслах с книгами и компьютерами на коленях.

- Oh la la, - смеясь, сказал Кингсли. - Библиотека или дворец?

- Библиотека и должна быть дворцом. Ты же читаешь, правда, Кингсли? Я имею в виду, что-нибудь кроме своих досье?

- *Bien sûr*. Я читаю романы, что пишет твоя зверушка. Мне доставляет удовольствие читать их и видеть, сколько она ворует из моего мира, и переносит в свой.

- Это и ее мир тоже, стоит ли тебе напомнить?

- Это был ее мир. И она оставила его.

- Она вернется. Я знаю, что вернется.

Кингсли улыбнулся и вздохнул.

- Приятно знать, что я не единственный из нас, кто принимает желаемое за действительное. Ага, она вернется к тебе в тот день, когда ты вернешься ко мне.

Сорен ничего не сказал ему, пока они направлялись в архивный зал. Кингсли засчитал это как победу.

Они провели час, копаясь в студенческих архивах. Остальные фотографии школы, что сделал Кристиан, все еще оставались в коробках. Кингсли взял несколько снимков и сунул их в портфель.

- Что ты делаешь?

Кингсли усмехнулся.

- Кто знает? Мы могли бы получить отпечатки пальцев, peut-être?

- Я бы не хотел, чтобы ты задействовал свои связи с полицией в этом деле.

- Очень хорошо, тогда я позвоню в ФБР.

Сорен пристально посмотрел на него. Снова. Если он не прекратит глазеть на него, Кингсли поцелует его прямо в библиотеке перед пятьюдесятью студентами школы Святого Игнатия. Что может вызвать у них некоторое недоумение.

- Я не вижу, чтобы другие фотографии отсутствовали. Кристиан пронумеровал все пятьдесят. Наша была тридцать третья. В этой коробке с первой по двадцать пятую. Ты взял двадцать шестую и двадцать седьмую из другой коробки. Только наша фотография исчезла.

- Как вор узнал, в какой точно коробке искать?

Как только Кингсли задал этот вопрос, он уже знал ответ. Он постучал по верхней части каждой коробок и посмотрел на Сорена.

Тот выдохнул и обратил свой взор к потолку.

- Конечно, - сказал он. - Это должно быть, сделал еще один ученик. Кто-то из наших одноклассников. Как еще вору стало известно о фотографии?

- Ученик или один из священников, - напомнил ему Кингсли.

- Мы пойдем к отцу Маркзаку и спросим имена студентов, которые были с нами. Может быть, что-то придет в голову. Я не припоминаю каких-либо неприятных стычек с кем-то из них.

- И не припомнишь. Они были в ужасе от тебя.

- Ты преувеличиваешь.

Сорен покинул библиотеку и направился в кабинет отца Маркзака. Кингсли последовал за ним во двор, потом остановился и устремил взгляд к лесу.

- Я учился здесь всего две недели, когда Кристиан сказал мне, что ты убил ученика в своей бывшей школе. Я говорю “в ужасе”, mon ami, потому что все до одного были в ужасе. Я не преувеличиваю. На самом деле, я может даже, немного преуменьшаю.

- Я даже не знаю, как история о том, что произошло в Англии, вышла наружу. Я рассказал её одному из священников, когда приехал сюда, отцу Пьеру. Он выступал в качестве моего духовника, пока не умер, за несколько месяцев до твоего приезда.

- Он разболтал?

- Нет, он не стал бы. Я мог бы доверить этому священнику хранить мои тайны, так же надежно, как доверить их трупу.

- Возможно, твой отец сказал священнику, а студент подслушал.

- Возможно. Он действительно любил похвастаться, что его сын убил мальчика. Пойдем. Поговорим с отцом Маркзаком.

- Non, - сказал Кингсли, по-прежнему пристально вглядываясь в деревья. - Ты иди охотиться на своих призраков. А я - на наших.

Он прошел к краю леса с большей уверенностью, нежели ощущал. С первым шагом в лес, ветка треснула под подошвой его сапога и воспоминания о ночи, когда он бежал через эти самые деревья, вернулись.

Кристиан рассказал ему, что Сорен убил ученика в его бывшей школе в Англии. Это известие не испугало Кингсли, оно его просто заинтриговало, заставив его желать Сорена еще больше. Но в ту ночь, когда он бежал по лесу, а Сорен следовал за ним по пятам, он познал настоящий ужас. И все же, как бы упорно и как быстро он не бежал, в глубине души он хотел быть пойманным. Он бежал так, чтобы Сорен мог преследовать его. Он бежал, потому что хотел быть взятым. Он бежал упорно и бежал быстро, да. Но не так упорно и быстро, как мог бы.

Шорох листьев предупредил Кингсли о чем-то присутствии позади него. Не оборачиваясь на Сорена, он знал, священник преследует его, как преследовал в ту ночь.

- Почему ты погнался за мной? – спросил Кингсли, по-прежнему не оглядываясь.

- Потому что ты бежал.

- Ты знаешь, почему я бежал от тебя?

- Потому что ты хотел, чтобы я поймал тебя.

Кингсли засмеялся, не отрицая этого.

- Ты знал, что изнасилуешь меня, когда поймаешь?

- Можно ли всерьез называть это изнасилованием? - спросил Сорен, с оттенком мрачного веселья в голосе.

- Как еще это следует называть?

- Это вряд ли изнасилование, ведь ты хотел этого.

- Тем не менее, ты не знал этого тогда, не так ли?

Кингсли прошел мимо деревьев, которые хлестали его плоть в ту ночь и разодрали его одежду. Помнили ли они все так же хорошо, как и он?

- Ты постоянно пялился на меня, везде следовал за мной. Ты наблюдал за мной спящим, Кингсли.

- Откуда ты это знаешь?

Кингсли вздрогнул, когда по лесу пронесся смех Сорена.

- Я наблюдал за тобой, пока ты наблюдал за мной.

Сегодня Кингсли удалось уклониться от тернового куста, который распорол его лоб, от чего кровь струилась, застилая его глаза. Когда он вернулся в школу после летних каникул, он выучил каждый сантиметр леса, окружавшего школу. Но нигде, на тысячах гектарах, по которым он блуждал и выучил наизусть, никогда ему не встречался еще один терновый куст. Только здесь, охраняющий поляну, где он лежал под Сореном и позволил парню, в которого был влюблен, его уничтожить.

- Когда ты понял, что хочешь меня? – спросил Кингсли, выйдя на поляну, где он умер и, истекая кровью, был снова возрожден. - Тебя я захотел, даже до того, как увидел. Когда я услышал первые ноты Равеля, доносящиеся из часовни.

- Отец Генри сказал мне, что в школу Святого Игнатия приедет студент француз. Я никогда не играл Равеля прежде. Я думал, что должен сыграть что-то французское, чтобы ты не так скучал по дому.

Кингсли посмотрел на Сорена и ничего не сказал. Сорен молча встретил его взгляд.

Закрыв глаза, Кингсли вспомнил тот день, в часовне, оцепеневший Мэтью рядом с ним, пытающийся предостеречь его, чтобы он оставил Стернса в покое. Кингсли должен был прислушаться, он бы прислушался, если бы не одно «но» ...

- Я полюбил тебя из-за Равеля. Сыграл бы ты любую другую пьесу, я бы подумал, что ты просто красивый и очаровательный.

Сорен посмотрел на небо.

- Тогда я рад, что сыграл ее.

Кингсли сделал шаг по направлению к нему и замер в ожидании. Сорен ничего не сделал, ничего не сказал, чтобы остановить его. Поэтому Кингсли не остановился.

Еще один шаг. А потом еще. А после еще одного шага, он стоял перед Сореном, практически вплотную друг к другу.

- Я подумал, что ты самое прекрасное создание на земле, - признался Кингсли. - Я был бы атеистом, если бы ты не доказал мне, что и рай и ад были реальными, даже если они существовали, только когда я был с тобой.

- Я не могу сказать, в какой момент я осознал, что хотел тебя, - сказал Сорен. – Возможно даже перед тем, как мы встретились. Иначе, зачем бы я выбрал Равеля? Я всегда думал, что меня и Элеонор свел вместе Бог.

- Тогда на кого пенять нашу встречу? На Дьявола?

- Я надеюсь - нет. - Вздохнул Сорен. - У меня нет намерения встречаться с ним. Даже для того, чтобы поблагодарить его.

Сорен повернулся лицом к Кингсли.

- Ты по-прежнему самое прекрасное создание на земле, - сказал Кингсли, делая смысловое ударение на каждом слове.

- Я ненавижу то, как ты пялился на меня.

Сорен поднял руку и положил ее на плечо Кингсли. Его рука переместилась вверх на шею Кинга и большой палец прижался к впадинке на его горле.

- И почему так?

- Потому, - сказал Сорен, царственно склонив голову на четыре дюйма, что разделяли их, - что из-за этого я не мог пялиться на тебя в ответ.

Их губы соприкоснулись впервые за тридцать лет. Даже в ту ночь, когда Сорен взял его четырнадцать лет назад они не целовались. Поцелуи Сорена предназначались лишь для Элеонор. То, что произошло в ту ночь, было просто насильем, даже не похотью или любовью. Но Кингсли не чувствовал насилия в этом поцелуе. Рот Сорена был прохладным и свежим. Их языки переплелись нежно. Но нежность продлилась всего несколько секунд, и Кингсли знал, что это было лишь плодом их собственного изумления от того, что этот поцелуй состоялся.

Пальцы на его затылке. Он вспомнил те пальцы.

Рука впиалась в его бедро с силой, оставляющей синяки. Кингсли помнил ту руку.

Боль с каждым прикосновением. Боль с каждым поцелуем. Боль с каждым ударом его сердца. Кингсли любил эту боль. Сорен толкал его, пока Кингсли не ощутил кору под своей спиной, вонзающуюся через его рубашку в плоть. Они пожирали друг друга поцелуями, кусая губы, встречаясь языками. Кингсли ощущал вкус крови и знал, что это была его кровь.

Или нет?

- Остановись, Кинг. - Сорен отдал приказ, оторвавшись от рта Кингсли. Он не остановился.

- Ты никогда не говорил мне свое стоп-слово, - прошептал Кингсли в ответ. – Я остановлюсь, только если услышу стоп-слово.

Он засмеялся, и Сорен внезапно и резко ударил его по губам, оборвав этот смех. Затем они поцеловались снова, жестче, глубже. Кингсли ощущал поцелуй в своем животе, в своих бедрах. Брюки, что он носил, пошиты лучшим портным в мире и стоили целое состояние. Он хотел упасть на землю в них, взять плоть Сорена в рот, а потом отнести брюки к своему портному и требовать отремонтировать прорехи на коленях.

- Я сильнее, чем она, - прошептал Кингсли на ухо Сорену. Сорен ответил Кингу таким жестоким укусом в шею, что тот вскрикнул. – Я могу вынести намного больше боли, нежели она. Она ушла. Не имеет значения, вернется она или нет. Пока что, ее нет. Позволь мне согреть твою постель вместо нее.

- Вместо кого? – Сорен еще сильнее прижал Кинга к дереву и толкнулся бедрами между ног Кингсли.

- Элеонор.

Кингсли был свободен. Больше не было удерживающих его рук. Не было рта, что его целовал. Он стоял у дерева, один, нетронутый. В изумлении, он уставился на Сорена, который стоял в пяти футах от него, тяжело дыша. Сорен поднял руку и вытер каплю крови в уголке рта.

- Mais... - запротестовал Кингсли.

Сорен опустил руку.

- Ты сказал мое стоп-слово.

Глава 15

Юг

Он не мог долго злиться на эту женщину, даже если бы его жизнь находилась под угрозой. Как можно злиться на Нору? При ее внутренней силе, ее необузданности... Само собой, она не переспала с ним прошлой ночью. Хотя это именно то, чего Уесли хотел, именно тогда, когда он хотел, и именно с тем, с кем он хотел. И этого не произошло. Всё происходило исключительно на условиях Норы. Вот поэтому из-за нее ему хотелось орать временами. Вот поэтому она заставляла его любить ее все это время.

Уесли вел Нору по тихим конюшням. Десятки лошадей приветствовали их низким, хриплым ржанием. Ему пришлось физически удерживать ее несколько раз, чтобы она не тянулась погладить их.

- Чистокровные скакуны, Нор. Они Чистокровные скакуны, а не котята. Они на взводе и готовы бежать. И они укусят тебя, если ты застанешь их в правильном настроении. И сейчас, они в правильном настроении.

- Но у них такие миленькие носочки, - сказала она, потянув Уесли к другому стойлу, где лошадь по имени Не Нужно Денег раздраженно гарцевала. - Плюс, я кусаюсь в ответ.

- Ты же знаешь, что скачки называются спортом королей, не так ли? - поддразнил Уесли.

У Норы был довольно непочтительный взгляд на скачки. Парень винил всех ее клиентов, которые были любителями пони-плей. Она не могла смотреть на седло или уздечку, не сказав ему о своем бывшем клиенте, который смотрел "Мой друг Флика"* по тем же причинам, по которым другие парни смотрели порно. *(Семейный фильм (1943). 10-летний мальчик мечтает о собственной лошади, и получив согласие отца, он выбирает красивую, но ретивую кобылку по имени Флика, чьи предки известны своим неукротимым норовом. Теперь все в руках Кенни: либо ему удастся приручить Флику, либо он ее потеряет.)

- Так что здесь происходит? - Нора махнула рукой в сторону стойла.

- Подготовка перед скачками. Коней чистят и одевают. Потом сразу уводят к стартовым воротам.

- Трибуны не выглядят такими уж полными. Неужели люди действительно делают деньги скачках?

- Нора, именно эти бега, которые проходят здесь в Чарльстон-парке? Люди во всем мире делают ставки на них.

- Вот черт!

- Знаю. Кошельки - не единственное место, где есть деньги. Ты хочешь выиграть скачки, значит, твой конь доказывает, что он может их выиграть. Таким образом, другие владельцы лошадей будут платить тебе состояние, чтобы скрестить своих лошадей с твоими.

- Значит, они могут одержать победу на скачках и не выиграть много денег, но затем продать лошадиную малафью* (*сперма животных*) для следующего поколения.

- Правильно. Отвратительно, но правильно.

- Так лошади любят бега?

- Что?

Нора развернулась и прислонилась спиной к стене конюшни. Лошадь по кличке Ей-богу Мисс Молли* высунула голову в окно стойла и показала язык Уесли.

* («Good Golly Miss Molly» — песня, написанная американскими музыкантами Джоном Мараскалко и Робертом Блэкуэллом. Впервые была записана Литл Ричардом в 1956 году и стала одним из его самых популярных хитов. Сингл занял 10-е место в «горячей сотне» журнала «Биллборд» и 4-е место в категории ритм-н-блюза.)

- Неужели им это нравится? Они наслаждаются этим?

- Я не говорю на языке лошадей. Но думаю, большинству из них нравится. Они обучены наслаждаться этим, обучены хотеть бежать.

- Но это опасно.

- Быть дикой лошастью тоже опасно. Быть животным - это опасно. Быть человеком - это опасно.

- Надевать уздечки на них, заставляя их делать опасные вещи для удовольствия других, разве это правильно?

Только тогда Уесли заметил озорной огонек в глазах Норы. Они были зелеными сегодня. Он спросил ее однажды, почему ее глаза так часто меняют цвет. В одно мгновение они ярко сияли изумрудно-зеленым. В тот же миг они могли стать черными, как ночь.

«У меня глаза настроения, - ответила она. - Зеленые, когда я счастлива. Черные, когда я возбуждена».

Ему даже хотелось, чтобы прямо сейчас они были черными.

- Ты же не про скачки, да?

Нора покачала головой.

- Да. Но нет.

- Скачки - не то же, что и извращения. Да, и то и другое может быть опасным. И да, есть некоторое, не знаю... несогласие сторон...

- И кнуты.

- Да, и кнуты. Но есть большая разница между конными скачками и извращениями.

- И что это?

Огонек в ее глазах все еще мерцал.

- Печально, когда породистые скакуны калечатся в гонке. Но когда Сорен делает тебе больно, я умираю внутри.

Нора ничего не сказала. Блеск в ее глазах поблек. Она оттолкнулась от стены конюшни, и подошла к молодому человеку. Обвив руками его шею, она приблизила губы к нему и поцеловала его долго и глубоко. Уесли был настолько потрясен внезапным поцелуем, что ему потребовалась секунда для того, чтобы суметь ответить на ее поцелуй. Но когда он сделал это, он встретил ее страсть собственной жаждой, встретил ее губы своим языком, ее вожеление - любовью. Уесли скользнул руками по ее спине, и Нора отстранилась.

- Что? – спросил он, ища в выражении ее лица какой-нибудь ключ к разгадке, почему она остановилась.

- Сегодня вечером, - сказала она, тяжело дыша.

- Что сегодня вечером?

Нора положила руки ему на грудь. Она поднялась на цыпочки и поцеловала его в щеку.

- То, что ты хотел. Мы тусуемся, смотрим кино, ужинаем вдвоем, разговариваем. Но вместо отдельных спален... мы ложимся в кровать вместе.

Она развернулась и ушла. Однако прежде Сатерлин посмотрела на него еще раз и подмигнула. Уесли никак не мог перестать улыбаться. Ее глаза стали черными как ночь. Он начал идти за ней, но услышал, как отец, зовет его по имени.

- Что? – спросил Уес, и его голос прозвучал более раздраженно, чем ему хотелось. Отец сверкнул на него взглядом.

- Прости. Я хотел сказать, в чем дело?

- Ты хочешь увидеть эту лошадь или нет?

Уесли решил, что, ответив честно, ему не выиграть ни одного очка в этой ситуации.

- Да. Точно. Пойдем.

Уесли и его отец прошли мимо загона к другому ряду конюшен.

- Где эта твоя женщина?

- Папа, она моя девушка, не моя женщина. И ты знаешь, ее зовут Нора.

- Меня не волнует, как ее зовут. Просто хочу знать, где она находится.

Уесли попытался и не смог подавить порыв закатить глаза. Слава Богу, он не забыл надеть солнечные очки. Ничто не выводило отца из себя больше, чем неуважение.

- Она послушается по конюшням. Она будет вести себя хорошо.

- Сильно сомневаюсь в этом.

Уесли тоже сильно сомневался в этом. Но с таким количеством жокеев и тренеров поблизости, Норе никоим образом не удастся стать причиной каких-нибудь проблем. Максимум, небольшого погрома. Худший сценарий случился бы, если бы она оскорбила жокеев своими пони-плей шутками. И было бы настоящим чудом, если на протяжении дня, она не опробовала бы на ком-то кнуты.

Они вошли в стойло, где стояла и била копытами землю кобыла, на которую хотел посмотреть отец. Подтянутая и с хорошо развитой мускулатурой, она едва ли могла стать упряжной лошадью в паре, зато вероятно, могла бы обогнать любого мерина на поле. Ветеринар и отец говорили о ее данных и жизненно важных органах, в то время как Уесли делал вид, что читает ее родословную. Хорошие гены, бравшие свое начало от Резвой*. *(Ruffian - 1972 года рождения, английская чистокровная кобыла, легендарная лошадь Америки, внучка знаменитого Болда Рулера. Она не занимала вторые или третьи места - Раффиян только выигрывала в хорошем стиле. 7 июля 1974 года поставила рекорд резвости (1 мин. 09 сек.) Лишь скачка, ставшая роковой, положила конец не только её победам, но и жизни.)*

Если отец знал, что делает, он свел бы вместе эту кобылу и Прощайте Чары. У них получился бы адский скакун с таким генетическим коктейлем, что стал бы, вероятно победителем Дерби. Может быть, даже первым победителем Тройной Короны, утверждённой с 1978. Деньги польются в семью Райли рекой. Самое известное коневодческое хозяйство в индустрии станет легендой во всем мире. И Уесли было на это глубоко все равно.

- Сын?

- А? – Уес взглянул на отца. - О, да. Могло бы сработать.

Отец кивнул, читая согласие Уесли в пустом выражении его лица. Такая кобыла будет стоить денег, и не малых. У его отца было достаточно денег, чтобы купить и продать весь штат Кентукки с десятков раз до завтрака, но он не имел бы всех этих денег, если бы не копил каждый цент.

Кобыла была достаточно спокойной, поэтому позволила Уесли погладить ее бок. Упругие мышцы лошади подергивались под его руками. Бойкая штучка. Она и Нора прекрасно бы поладили. Нора... полтора года совсем ее не изменили. Он все еще не мог поверить, что это произошло, пфф, она вернулась в его жизнь снова. Все то время порознь исчезли в одно мгновение, в одном объятии, в одном предложении, что она простонала ему в ухо, когда обвила его руками.

«Боже, тебе нужно подстричься».

Уесли все еще не мог думать об этом без улыбки. И все же он был так напуган сначала. Он пока не мог до конца поверить, что Сорен позволил Норе быть с ним. Но несмотря на ненависть к Сорену, он не мог отрицать, что священник будет делать все, чтобы защитить женщину, которую он считал своим имуществом, даже расстаться с ней. Сорен, кто он? За два года Нора говорила о мужчине, оплакивала его отсутствие в ее жизни и в ее постели, пыталась ненавидеть его, пыталась держаться подальше от него, пыталась убедить Уесли, что он не монстр, как казалось...

Но до этого лета, Уесли никогда не встречался с ним. И как только это произошло, Уесли пожалел об этом. Он увидел, этого шести футов с лишним, белокурого священника, который выглядел... выглядел в точности наоборот, нежели Уесли хотелось, чтобы он выглядел. Нора когда-то пыталась описать Сорена Уесли.

- Думаю, Стинг плюс Джереми Айронс, но выше, сексуальнее и опаснее их обоих вместе взятых.

- Ты не преувеличиваешь, а?

- Уесли, я бы не стала преувеличивать или гиперболизировать за миллиард долларов за миллион лет.

- Нора.

И тот дикий свет в глазах Норы блеснул, и улыбка исчезла с ее лица.

- У него самый красивый рот из всех мужчин, которых я когда-либо видела, - сказала она тогда, говоря больше себе, чем Уесли. – Нежный... и жестокий.

- Нежный и жестокий? Это сейчас прозвучало, как строчка из твоих собственных книг, - поддразнил Уесли, надеясь вернуть ее улыбку. Его пугало, когда она становилась такой, когда она смотрела мимо него, а не на него, и он знал, что она вернулась к Сорену. По крайней мере, в ее сознании.

- Подожди, пока не встретишься с ним, - сказала она, вздыхая и заставляя себя улыбнуться в ответ. – Тогда скажешь, насколько я права.

Она была права.

Спальня Норы была последним местом, где Уесли ожидал, встретиться с этим человеком. Когда Уес и Нора жили вместе, соблазн улизнуть утром в воскресенье и посетить мессу в Пресвятом Сердце порой практически взрывал ему голову. Но что-то подсказывало ему, что это было бы опасной ошибкой. Он знал, Нора все еще любила своего священника, и последнее, что Уесли хотел сделать, это доставить мужчине удовлетворение знать, что тот его пугал.

Тем более, что Сорен совсем не боялся Уесли.

Но Уес отказался быть запуганным чувствами Сорена или Норы к нему. Ведь перед ним, стоя в загоне и флиртуя с Джоном Хантли, одним из тренеров в Калумете, была одна единственная и неповторимая Нора Сатерлин, его Нора, здесь в Кентукки с ним, с Уесли.

И ему стоило поблагодарить за это Сорена.

Уесли еще помнил свой шок, когда он протискивался мимо Сорена, готовый бежать из дома Норы и от присутствия человека, у которого вошло в привычку превращать ее безупречную бледную кожу в черно-синюю.

Но Сорен говорил слова, которые Уесли знал, могли бы изменить его жизнь еще до того, как священник разъяснил их подробнее.

- Уесли мне нужно попросить тебя об одной услуге.

Уесли медленно развернулся и столкнулся со священником еще раз.

- Услуге? Какой?

Он услышал ненависть в своем голосе. Это прозвучало так непривычно. Уесли никогда никого не ненавидел и не думал, что может. До этого момента.

- Как я уже сказал, кое-что происходит. Я обеспокоен тем, что Элеонор угрожает опасность. Я хотел бы, чтобы она уехала отсюда на некоторое время. Я надеялся, что Кингсли и я сможем исправить ситуацию, пока она была на севере штата этим летом, но, к сожалению...

- Подожди. Что? Ты хочешь, чтобы я...

- Я знаю, кто ты, Уесли. Я знаю, что ты. Я знал это прежде, чем позволил тебе переехать к Элеонор.

- Позволил? Что ты имеешь в виду, говоря, что “ты позволил” мне переехать к Эле... к Норе? Она спросила меня. Я сказал да.

Сорен улыбнулся, и от этой улыбки по спине Уесли прошел мороз.

- За Элеонор следят.

Уесли сделал шаг вперед, пребывая в ярости.

- Ты невероятный кретин. Ты шпионишь за своей собственной девушкой?

- Это не шпионаж, Уесли. Элеонор является моей собственностью. Моя обязанность следить за ее безопасностью. Ты ведь запираешь дверь своего автомобиля и никогда не оставляешь его на опасных улицах. Зачем? Чтобы его не украли. Я слежу за тем, чтобы за Элеонор приглядывали, так что ей не будет причинен вред. Тот же принцип.

- За исключением того, что Нора не автомобиль или дом. Она человек.

- Да. И поэтому неизмеримо более драгоценное, чем любое другое движимое имущество. Поэтому, как только она заинтересовалась тобой, я велел Кингсли выяснить, кем ты был.

Уесли ничего не сказал в тот момент. Он боялся, что это закончится тем, что он убьет Сорена или же тот убьет его, после того как он заговорит. Нора и движимое имущество используется в одном и том же предложении. И в тот момент Уесли решил, что он будет делать все, что потребуется, чтобы навсегда забрать Нору от этого человека и держать ее подальше от него.

- Принц Кентукки. Тебя ведь так называют, правильно?

Уесли стиснул челюсти.

- К несчастью.

Сорен слегка приподнял бровь.

- Ты никогда не говорил Элеонор, что твоя семья стоит порядка одного миллиарда долларов. Почему, молодой человек? Ты не из рода обманщиков.

- Люди смотрят на тебя по-другому, когда у тебя есть деньги. Я хотел, чтобы она видела во мне личность, мужчину, а не ...

- Деньги.

И как бы он не хотел соглашаться с ним, Уесли кивнул.

- У себя дома, я даже не могу пойти на сбор средств без того, чтобы не попасть в идиотские светские хроники. Я пытался посетить некоторых детей в больнице, и какая-то медсестра выложила фотки со мной и больными детьми повсюду на фейсбуке. Я ненавижу это. Я ненавижу то, что я Джон Уесли Райли, сын Джексона Райли, тех Райли, что из штата Кентукки. На мне печать доллара. У меня была подружка в школе, Мэдисон. Я подслушал, как она рассказывала кому-то из наших

друзей, что она встречалась со мной только потому, что у нее был доступ во все лучшие клубы в городе. Я не хотел, чтобы Нора видела меня в таком свете.

- Ты же понимаешь, что ни меня, ни Элеонор не привлекают деньги.

Уесли пожал плечами.

- Тогда я этого не знал. И казалось, помощь мне делала ее счастливой.

- Она любит своих зверушек, правда? Ты был любимым питомцем из всех ее щенков.

Уесли накрыло красной пеленой из-за насмешливого тона в голосе Сорена. И вскоре красный цвет сменился черным. Уесли бросился вперед, намереваясь впечатать Сорена в стену. Щенок вырос. Но одним четким движением, Сорен шагнул в сторону, обхватив пальцами шею Уесли, и сильно вдавил его в дверь. Его голова ударилась об дерево, и в глазах потемнело на долю секунды. Все это произошло так быстро, так изящно, что он понял - ему никогда не победить Сорена физической силой. Мужчина был неестественно силен, и имел много лет практики в том, как ставить людей на свои места. Но Уесли было то, чего не было у Сорена. И в тот момент, когда он был пригвожден за горло, пальцами Сорена, впивающимися в его шею, зрение Уесли прояснилось, и он понял, что будет делать.

- Веди себя прилично, молодой человек. Ты очень дорог для Элеонор, и я не хотел бы, сломать одного из ее любимчиков. Я позволю ей сделать это самой, если ты готов принять ее, взять ее в Кентукки с собой, пока Кингсли и я решаем кое-какие незавершенные дела.

Уесли сглотнул и почувствовал, как рука Сорена пережимает сухожилия в его шее.

- С Норой ты также выигрываешь сражения? - Уесли отказался поддаваться панике, которая грозила захлестнуть его. - Душишь ее? Колотишь головой о стену?

- Я держу тебя недостаточно сильно, чтобы хотя бы слегка пережать твои дыхательные пути. Ты сильно вздрогнул, поэтому и ударился головой. Когда я делаю это с Элеонор, она намокает по совершенно иным причинам, в отличие от тех, по которым собираешься это сделать ты.

- Ты садист. Я знаю, ты наслаждаешься этим. Я не собираюсь доставлять тебе удовольствие своим страхом.

- Наслаждаюсь этим? – Сорен наклонился, приблизив свой рот к уху Уесли. – Простите, молодой человек, но вы действительно не в моем вкусе. - Пальцы Сорена вжались крепче в его шею, и Уесли охнул в тихом ужасе.

- Или, может быть, в моем... - прошептал Сорен.

А потом, так же внезапно, как начал, Сорен отпустил его и отступил назад. Уесли потер горло, тяжело глотая воздух.

- Если она пойдет со мной, я сделаю все от меня зависящее, чтобы убедиться, что она не вернется, - поклялся он.

- Она всегда возвращается ко мне, Уесли. Ты знаешь это.

- Ты не видел мой мир. У тебя есть церковь. У меня есть дворец. У тебя - обет бедности. У меня - больше денег, чем у Бога. Ты даже не можешь появиться с ней на публике. Я могу стоять перед тысячей камер, когда весь мир наблюдает, и целовать ее.

Сделав глубокий вдох, Уесли повернулся и уставился на Сорена. Он увидел что-то в его глазах. Вспышку страха. Внезапно появившуюся. Внезапно исчезнувшую... Но Уесли ее увидел. И это дало ему надежду, в которой он нуждался. Если Сорен боялся, что Нора могла остаться с ним в Кентукки, тогда Уесли знал – у него есть шанс.

- Прекрасно. Да. Я возьму Нору с собой в Кентукки. Она может остаться со мной навсегда, если захочет. Я буду беречь ее, но поскольку тебя там не будет, это вроде как, само собой разумеется.

- Очень хорошо. Как только она вернется в город, я пошлю за тобой.

Уесли повернулся, чтобы уйти из дома Норы, их дома.

- Я не позволю ей вернуться к тебе, - сказал Уесли. - Справедливое предупреждение.

Сорен прищурился и улыбнулся.

- Не позволишь ей? - повторил он. - Уесли, ты начинаешь быть похожим на одного из нас.

- Уесли?

Придя в себя, Уес развернулся и обнаружил Нору, стоящую позади него и удерживающую лошадь под уздцы.

- Нора, что ты...

- Могу я оставить его себе? Он милый.

Нора усмехнулась ему, перед тем, как повернула голову и поцеловала коня в морду. Животное выдохнуло, встряхивая гривой.

- Его зовут Ни За Что Отшлепанный. Это судьба. Мы принадлежим друг другу.

Простонав, Уесли подошел к Норе и взял коня под уздцы.

- Нора ты не можешь ходить вокруг, забирая лошадей из стойл. Это, вроде как, тут не одобряется.

- Он последовал за мной.

- Он этого не делал.

- Нет, но я сделал, - раздался голос из-за лошади.

Уесли посмотрел через спину Ни За Что Отшлепанного и увидел высокого, красивого мужчину явно ближневосточного происхождения, улыбающегося Норе. Глаза Уесли расширились. Нора хихикнула. Мужчина вышел из-за лошади и встал рядом с ней.

- Уесли, это мой друг...

- Талел-бинт-Насер II, - сказал Уесли, протягивая руку.

- Вы знакомы? - спросила Нора, улыбаясь сначала ему, а затем Талелу.

- Как раз то же я собирался спросить у тебя.

Уесли увидел, как Талел подмигнул Норе. Подмигнул? Один из сыновей ближневосточного царя только что подмигнул Норе?

- Вы встречались?

Нора кивнула с ухмылкой.

- О, да. Мы старые друзья. Талел, и я давно знакомы.

- Дорогая, как там поживает автомобиль? - спросил Талел на прекрасном английском, более беглом, нежели у большинства жителей Кентукки, с которыми Уесли сталкивался.

Что не удивительно, учитывая его Оксфордскую степень и годы, проведенные в Соединенных Штатах. Все, кто вращался в индустрии скачек, знали Талела.

- Все еще мурлычет, как котенок, как и ее владелец. Уес, Талел - тот друг, который подарил мне мой Астон Мартин.

Нора одарила его косым взглядом.

Нора как-то намекнула, что ее клиент, член ближневосточной королевской семьи, подарил ей спортивный автомобиль в качестве благодарственного подарка после прекрасно проведенной вместе недели. Конечно, это должно быть один из шейхов, участвующих в скачках. Талел был почти так же высок и красив, как Сорен, хотя в отличие священника, у него была темнее кожа, а волосы черные, в отличие от блондина Сорена. И если он действительно был клиентом Норы, это означало одну вещь, и эта одна вещь - мужчина был сексуальным сабмиссивом. Вдруг перед

мысленным взором Уесли предстала картина: Талел на земле и стоящая на его спине Нора с хлыстом в руках. Этот образ доставил ему извращенный момент удовольствия.

- И как так получилось, что ты знаешь Принца Кентукки, мадам? – спросил Талел, взяв руку Норы и галантно поцеловав ее запястье.

- Уес и я жили вместе. Я здесь, у него в гостях на некоторое время. Он мой...

- Бойфренд.

Уесли сказал слово твердо и тоном, не терпящим никаких возражений. Он ждал, когда Нора начнет перечить ему. Она, наверное, будет. Он даже не знал, почему сказал это, за исключением того обстоятельства, что Талел выглядел слишком счастливым от встречи с Норой, а Нора – от встречи с ним.

- Да, - сказала она, отпустив руку Талела и протянув Уесли. - Мой бойфренд. Ударение на слове *бой** (*Boу* англ. - мальчик). У меня сейчас период Миссис Робинсон.*

(Героиня фильма «Выпускник». Комедийный «фильм воспитания», с Дастином Хоффманом в главной роли, сделавший его голливудской звездой. Один из самых кассовых фильмов 1960-х годов, В 1998 году был включён в Национальный реестр фильмов США. Семь номинаций на премию «Оскар», в том числе как лучшему фильму года, одна из которых оказалась победной. В фильме рассказана история 21-летнего Бена Брэдока, недавно окончившего колледж, которого соблазняет жена одного из партнеров его отца, после чего у них начинается роман, который длится почти все лето или Героиня нашумевшего эротического романа британской писательницы Э. Л. Джеймс “50 оттенков серого”(2011), в котором миссис Робинсон, подруга матери главного героя Кристиана Грея, будучи намного старше, соблазняет его в юном возрасте, приобщает к миру БДСМ).

- Я не жалуясь. - Уесли поцеловал макушку Норы.

Он любил целовать ее туда. Она была размером с креветку по сравнению с ним. Сатерлин могла возвышаться над ним величиной своей личности, но, по крайней мере, он может обставить ее в росте.

- А Вам и не следует, молодой человек. - Талел потянулся и пожал руку Уэсли. - Иметь такую женщину в своей жизни – настоящее благословление. Мы лишь принцы, ты и я. Но она - королева.

Нора кивнула в знак согласия.

- Не могу поспорить с этим. Ну, я могла бы, но не стану. Ни За Что Отшлепанный – это конь Талела. Он позволил мне одолжить его просто, чтобы немного подоставать тебя. Сработало?

- Нужно придумать что-нибудь покруче, чем кража лошади, чтобы напугать меня. Это же ты, в конце концов.

- Хорошая мысль. - Нора еще раз поцеловала Ни За Что Отшлепанного в нос и передала его обратно Талелу. – Он участвует в скачках сегодня?

- Да. Однако, на твоем месте я бы не ставил на него. Ты очаровала его, миледи, а одурманенная лошадь – это рассеянная лошадь.

Нора улыбнулась от уха до уха.

- Это ужасно. Мы не можем этого допустить.

Шагнув вперед, она обхватила руками морду Ни За Что Отшлепанного и уставилась ему в глаза.

- Ты должен победить сегодня. Выиграй для меня. Понимаешь?

Конь фыркнул сквозь губы, и Нора потрепала его по голове.

- Я приму, это как “да”.

- Он был бы глупцом, послушавшись Вас, Госпожа, - сказал Талел, провожая Ни За Что Отшлепанного обратно в конюшню. - Как и любой другой.

- Мне нравится, этот парень, - сказала Нора. – У него невероятный вкус в женщинах.

Уесли посмотрел на нее сверху вниз. - Я не могу поверить, что ты знаешь Талела-бинт-Насера.

- Я не могу поверить, что ты знаешь Талела. Неужели все в сфере лошадиных скачек знают друг друга?

- Вообще-то да, - сказал Уесли, когда они прошли мимо загона к букмекерским будкам.

- Неужели все в мире извращенцев знают друг друга?

- Абсолютно. По крайней мере, в кругах Нью-Йорка, да. Я вроде как удивлена тем, как много совпадений наблюдается. Гриффин и Талел и ты...

- Я не отношусь к сообществу извращенцев Нью-Йорка.

- У Кингсли Эджа в кабинете есть на тебя досье толщиной в дюйм. Нравится тебе это или нет, ты один из нас, - сказала она. - Теперь, как мне поставить на Ни За Что Отшлепанного?

- Это зависит от того, хочешь ли ты сделать ставку на его победу, место в гонке или показатели? Ты можешь подключить фантазию и сделать комбинацию ставок.

Может быть тройную или суперфекту* (ставка, в которой можно выбрать первых четырех финиширующих в скачках, в правильном порядке).

- Понятия не имею, что это значит. - Нора вытащила стодолларовую купюру и положила ее на стойку. - Я хочу, чтобы Ни За Что Отшлепанный выиграл. Вот и все.

Женщина в букмекерской будке протянула Норе ее билет, и Уесли проводил ее к трибунам. Они заняли свои места, и Уесли достал бинокль.

- Хороший устойчивый беговой путь. Не было дождя, по крайней мере, неделю. Бега будут быстрыми сегодня.

Он любил знакомить новичков со скачками. Они всегда были поражены тем, как быстро заканчивалась гонка. В свои лучшие дни, Уесли мог пробежать милю за семь минут. Самый быстрый конь может это сделать за сто тридцать одну секунду, едва ли больше двух минут. Ему взрывало мозг, когда он думал о том, что более тысяч фунтов конской плоти охватывали полную милю за две минуты. Конная индустрия, Чистокровные рысаки, скачки, среди которых он вырос, и к которым давно потерял интерес, не желая быть частью этого мира. Но сами лошади по-прежнему поражали его. Сирены взвыли, предупреждая всех, что гонка начнется через секунды. Нора забрала у него бинокль и обратила свое внимание к стартовым воротам.

- Смотри, как они вырываются из ворот, - сказал Уесли. - Это самая захватывающая часть, не считая финиша. Эти лошади настолько взвинчены от адреналина сейчас, что, когда эти ворота откроются, для них это сродни взрыву бомбы.

- Звучит опасно.

- Это и есть опасно. Именно здесь происходит очень много несчастных случаев. Много лошадей умерло прямо у ворот. Переломы лодыжек, переломы ног. Жокеи тоже там калечатся.

- Бедные ребятки.

- Некоторые жокеи-женщины, Нора.

- Бедные девочки.

- Скачки - это не миловидный спорт, - признался Уесли. - Лошадей разводят для скорости, а не для сердечности. Ноги как веточки. Они легко калечатся и так усердно бегут, что их легкие могут кровоточить. Они хрупкие животные.

- Хрупкие как раз в моем вкусе. Действительно ли скаковые лошади ссут, как скаковые лошади?

- Если у лошади кровотечение в легких, ей дают Лазикс. Это мочегонное средство. Они могут пописать около двадцати галлонов.

- Хмм... двадцать галлонов. Влить достаточное количество Шардоне в меня, и я могу составить им конкуренцию.

- Мы можем зайти в бар позже. Или ты можешь. Я все еще несовершеннолетний.

- Не нужно упоминать об этом, малой. Seriously. Не нужно.

Нора повернула голову и лукаво улыбнулась ему, прежде чем снова обратить все свое внимание к гонке. Уесли покраснел. Он старался не думать о сегодняшней ночи с Норой. Ему хотелось быть способным ходить в общественных местах без заметной эрекции в джинсах.

- Ни За Что Отшлепанный лидирует. Сколько денег я заработаю?

- Пару тысяч долларов. На него большие ставки.

- Миленько. Мне быгодились деньги. Я видела кнут в сувенирном магазине, и я должна забрать его домой с собой.

- Нора, сколько кнутов тебе нужно?

- Всего лишь еще один. Как всегда. - Нора встала и прокричала "Вперед Ни За Что Отшлепанный!" но ее голос заглушил рев толпы, когда лошади приблизились к финишу. Ни За Что Отшлепанный обходил остальных, по крайней мере, на несколько корпусов.

Ни За Что Отшлепанный пересек финишную черту на полтора корпуса быстрее лошадь, пришедшая второй. Нора встала ногами на свое сидение, крикнув пару раз "Да! Твою мать!", от чего Уесли хотелось и смеяться и плакать одновременно.

- Пошли, заберем твои деньги.

Он взял ее за руку и снял с сидения. Они обналичили выигрышный билет Норы, и она потратила половину своего выигрыша в сувенирном магазине, накупив футболок.

- Для чего они все тебе? - спросил он. Нора не очень часто носила футболки и уж точно не размера L.

- Одна - для Гриффина.

- Ну, конечно.

- Одна - для Микаэля.

- Кто этот Микаэль?

- Его саб.

- Почему я задаю эти вопросы?

- Одна - для Джульетты.

- А это кто?

- Секретарша Кингсли. Ну, она же и его сексуальная собственность. Он белый и француз. Она темнокожая и гаитянка.

- Это должно быть незаконно.

- Они так мило смотрятся вместе.

- Твои друзья приводят меня в ужас.

- Они безвредны. Ну, пока ты их не достанешь. Эта - для Талела. У него должна остаться память о своей большой победе сегодня.

Нора перекинула футболку через плечо и зашагала к выходу из сувенирного магазина.

- У него будет около ста тысяч долларов в кошельке и венки из роз и трофей. Разве недостаточно сувениров?

- Кто скажет "нет" футболке?

Уесли больше ничего не сказал, догадываясь, что Норе просто нужен был повод, чтобы снова поговорить с одним из таких, как она. Он снова привел ее в конюшни, к стойлу Ни За Что Отшлепанного. Им крупно повезет, если они сумеют пробраться к Талелу. С такой-то победой, он, наверное, был в окружении доброжелателей, спортивных комментаторов и других, пытающихся урвать долю этой победы. Ни За Что Отшлепанный доказал свою огромную ценность сегодня. Плата за случку с ним, вероятно, утроилась. Как минимум. Но сцена празднования была не той, что открылась их взгляду, когда они подошли к стойлу. Уесли увидел униформы, врачей, администрацию скачек... это было зрелище, которое он видел раньше.

- Нора... пойдём.

- Нет, я хочу увидеть Талела. Что случилось?

- Кое-что.

Она остановилась, направив на него испытывающий взгляд. Он взял ее за руку, но она вырвалась, быстро протискиваясь вперед сквозь толпу.

- Талел? - позвала она, и у Уесли не осталось другого варианта, кроме как мчаться вслед за ней.

- Нора, пойдём, - сказал он, когда догнал ее, прямо перед стойлом.

- Дерьмо.

Уесли расслышал горе в ее голосе, страдание, и понял причину. Большой, красивый Ни За Что Отшлепанный лежал на боку в стойле, тихо и неподвижно. Ничего не казалось сломанным. Ничего не казалось неправильным. Спящий конь, вот и все. За исключением того, что лошади, не оставались подолгу без движения, и они, конечно, не лежали вот так.

Талел опустился на колени возле коня, а ветеринар что-то шептал ему на ухо.

- Ну же, Нора. Мы не можем ничем здесь помочь.

Талел поднял голову и встретился глазами с Норой.

- Что случилось? - прошептала она.

- Он мертв.

Глава 16

Север

Прошлое

Он никому не сказал, откуда взялись его увечья, отказываясь отвечать на любые вопросы. Дедушка и бабушка приехали за Кингсли в последний учебный день и были крайне удивлены, обнаружив его в лазарете в синяках, с рассеченной губой, зашитым лбом, порезами на коленях, рубцами на руках и одним либо ушибленным, либо треснувшим ребром. И то это были только те раны, которые он позволил осмотреть врачу. Он знал, что ему больно от внутреннего разрыва. Определенно, разрыва. Но он хранил эту боль в тайне, как и маленький серебряный крестик, что сорвал с шеи Сорена. Кингсли сжимал его в руке всю ночь и весь день, отказываясь выпускать из своих пальцев.

Бабушка и дедушка допрашивали его так же тщательно, как и священники. Кингсли даже не попытался солгать, хотя мог бы сказать: “Я упал в лесу”, положив этому конец. Но та ночь с Сореном в лесу означала для него слишком много, чтобы запятнать ее ложью. Он просто сказал: “Я не хочу говорить об этом. Со мной все хорошо”. Он нашел утешение в словах. За два дня, он, должно быть, говорил их сотню раз, повторял их до тех пор, пока они не стали единственными словами, что он знал. Но даже эти слова не были полностью правдой. Он хотел поговорить об этом, но только с Сореном. И с ним не было все хорошо. “Хорошо” не смогло бы даже близко описать блаженство, которое он испытывал в ту ночь, когда Сорен растерзал и оставил его безжизненно лежать там под сенью звезд. У Кингсли не было слова для этого, кроме, возможно, “Бог”. С ним не было все хорошо. Он был Богом.

И Сорен был Богом и Кингсли поклонялся ему и боготворил его. Но его заперли в лазарете, без разрешения выходить и принимать посетителей. Он предполагал, отцы надеялись, что изоляция заставит его раскрыться и рассказать о том, что произошло. Вместо этого, вынужденное одиночество лишь укрепило его решимость сохранить в секрете ту ночь. В любом случае, у него не находилось слов, ни на английском ни на французском языке, чтобы объяснить случившееся с ним, чтобы хотя бы кто-нибудь понял. Между ним и остальным миром выросла стена. Священник, бабушка и дедушка, остальные ученики сказали бы – изнасилование. Но Кингу лучше знать. Он побежал, потому что хотел, чтобы его поймали. Он позволил себя раздеть и изнасиловать. И когда он сдался Сорену, именно в этот момент он стал собой.

- Кингсли, пожалуйста. *S'il vous plaît...*

Бабушка Кингсли нежно положила руку на не ушибленную сторону его лица. Он улыбнулся на ее попытку говорить на французском. Его тронуло то, что она пыталась разговорить его на его родном языке, но он все равно ничего бы не сказал. На вторую ночь, в лазарет вломился его друг Кристиан. Кингсли проснулся от легкого сна, обнаружив своего одноклассника, глядящего на него с ужасом в глазах.

- Все не так плохо, Кристиан. - Кинг улыбнулся и зевнул, а Кристиан только смотрел.

- Ты выглядишь... как ты вообще еще жив?

- По Божьей милости, *mon ami*.

- Кто это с тобой сделал? Скажи, чтобы я мог пойти убить его и вернуться к тебе с его сердцем на блюде.

Из-за преданности Кристиана, его дружбы и ярости, Кингсли хотелось погладить того по голове, как верного пса. Хороший мальчик.

- Я в порядке, Кристиан.

- Ты не выглядишь в порядке.

Кингсли повернулся и улыбнулся красивому юному Кристиану, который теперь, казался другом из далекого прошлого.

- Я еще никогда не чувствовал себя лучше.

Сказанное не было ложью.

Умиротворение, что он чувствовал, продолжалось до тех пор, пока он не вернулся в дом бабушки и дедушки в Портленде, и его окружила реальность отсутствия Сорена.

После того как завершилось то, чем бы это у них не было, Сорен ушел и оставил его там на земле. Кингсли не возражал. Это было именно то, чего он хотел, чтобы его

оставили наедине со своими ранами, со своей любовью. Он любил то, что Сорен растерзал его, но он не хотел, чтобы Сорен увидел его растерзанным.

Оставшись один, он собрал свою потрепанную одежду. Кингсли закашлялся и его вырвало - весь его ужин, смешанный с кровью, остался на земле. Он плакал, пытаясь встать, но в итоге, вновь и вновь тяжело приземлялся на колени. Кингсли сдался после третьей попытки идти и пополз через лес, обратно в школу, рухнув на крыльце часовни. Отец Генри нашел его там и, приложив каждую крупницу силы, оставшейся в старике-священнике, поднял его и понес в лазарет.

- С тобой все в порядке, сынок? - спросил отец Генри. - Сынок? Кингсли, ты смеешься?

Но теперь, дома, в часах езды от Сорена, который еще был в школе, Кингсли чувствовал, как начинают закрадываться в душу сомнения, страх. Действительно ли это произошло? Да, у него были заживающие раны, доказывающие это. Но произошло бы это снова, вернись он обратно? Что же произошло?

Секс. Вот что произошло. У него никогда не было секса как тот прежде, и, если они собираются сделать это снова, им придется найти способ делать это, не причиняя Кингсли внутреннего кровотечения. Эту боль, он лелеял, но он хотел жить, чтобы трахаться снова и снова. И секс... это лишь малая часть того, что произошло в тот день.

Сорен... У Кингсли появилась привычка писать это имя на клочках бумаги. Затем он зажигал спичку и улыбался, пока имя сгорало. Ритуал утешал его. Он видел в часовне задумавшегося и склонившего голову Сорена в свете маленьких свечей. Вот поэтому сжигание имени Сорена по ощущениям было как молитва. Сорен... познать это имя казалось гораздо более значимым, более значительным, чем даже секс. Все в школе называли его Стернсом, кроме священников, которые называли его мистером Стернсом. Его звали Маркус. Все это знали, хотя никто не смел произносить это вслух. Но Сорен - было *его* имя. Кингсли не знал, как, и не знал, почему. И его это не заботило. Его не заботило ничего, кроме возможности увидеть Сорена снова.

Дни лета шли, и Кингсли сделал все возможное, чтобы доказать бабушке и дедушке, что он был здоров, что все, что случилось с ним, не причинило ему непоправимого вреда. Он вернулся к своему распутному образу жизни, закрутив со всеми своими старыми подругами. За лето он с легкостью избегал парней и братьев, которые были занозой в заднице во время учебы в школе Портленда. Он позволял своим милым дамам заезжать за ним, и они пропускали фильмы, пропускали ужин, пропускали все, кроме того, чтобы припарковать автомобиль неизвестно где и сделать все, что угодно на заднем сиденье. Но только на заднем сиденье. Сьюзен хотела постелить одеяло на земле и заниматься сексом под звездами. Кинг отказался. Подобное предназначалось только для Сорена. Он солгал Сьюзен что-то про ядовитый плющ, и девушка сдалась перед его превосходящей мудростью, с выгодой для себя, раздвинув ноги внутри кожаного салона отцовского Кадиллака.

К последней неделе июля, Кингсли чуть было не сошел с ума от тоски по Сорену, но он знал, что нет способа поторопить дни или связаться с ним. Он боялся отправлять ему письмо. Священники сортировали и доставляли почту. Кингсли отказался объяснить причину его травм. Никто никогда не беспокоил Сорена, если в этом не было необходимости. Поэтому Кингсли был бы единственным студентом, отправившим ему письмо за все лето... нет, слишком рискованно. Он не мог позвонить, не мог написать, поэтому он ждал и молился. Прошло много дней и ночей, и его тело полностью зажило. Настолько полностью, что он наконец-то чувствовал себя комфортно снова полностью раздетым.

В конце июля он и Джеки, зубрилка, но красивая рыжеволосая сестра квотербэка, лежали в ее спальне однажды в среду вечером, когда ее родители уехали отмечать свой юбилей. Тот вечер был ничем не примечательный, на самом деле. Ничем не примечательный, кроме одной вещи, одного акта, который пришел в качестве ответа на его невысказанные молитвы.

Джеки прокладывала дорожку из поцелуев от его бедра к шее.

- Мы можем сделать кое-что другое? - прошептала она, покусывая мочку его уха.

- Что угодно, ma chérie. Все, что пожелаешь...

Он специально подчеркивал свой французский акцент с американскими девочками. Большинство мальчишек, он знал, накачивали подружек пивом, чтобы заставить их раздвинуть свои стройные бедра. Кингсли нужно было всего несколько слов по-французски.

- Я хочу сделать то, чего ты никогда ни с кем не делал.

Кингсли улыбнулся в потолок. Перевернувшись, он бросил Джеки на спину, прижав ее открытые ноги своими коленями. Он позволил головке своей твердой плоти легко ласкать ее набухший клитор. Она ахнула и гортанно засмеялась.

Вытянув руку, девушка указала вниз на пол. Кингсли удивленно приподнял бровь.

- Под кроватью, - сказала она.

Он наклонился и приподнял простыню. Из-под кровати он вытащил пластиковый тюбик с какой-то жидкостью.

- C'est quoi?

- Мой отец врач-гинеколог. Это называется К-У *(речь идет о вазелине или, предположительно, гель-смазке фирмы Jonson&Jonson). Я слышала, как он рассказывал маме, что с этим делают некоторые люди.

- Ты же знаешь, что сейчас я учусь в католической школе. – Кингсли снова приподнял бровь. - Содомия не одобряется.

- Ну и..? – переспросила Джеки.

Не говоря ни слова, Кингсли перевернул девушку на живот, поставил на колени, покрыл прохладной жидкостью и начал входить в нее. Он застонал глубоко и громко, от давления вокруг него, от тесноты. Джеки извивалась под ним и схватила его за руку.

- Ты уже делала это раньше, – сказал Кингсли, отметив, с какой готовностью она приняла его внутрь себя.

Джеки хихикнула.

– Ну... никогда с кем-то, кроме себя.

Кингсли прикусил ее плечо, чтобы заглушить смех. Джеки хотела стать библиотекарем. Конечно, библиотекарем. Эти тихони всегда такие...

После того, как они закончили, Кинг попросил оставить лубрикант себе, в качества сувенира. Она пообещала ему дюжину тюбиков такого добра, если он придет на этих выходных, и сделает это с ней еще раз. Обещание было с готовностью дано и с легкостью выполнено.

Так все встало на свои места. Он горел для Сорена таким огнем, что ни девушка, ни женщина никогда не пробуждали в нем. Сорен взял его на лесной земле. Это случится снова. Это должно случиться снова. Кингсли умрет, если это не случится снова.

Но повторится ли это? Прошло два месяца, и его раны полностью зажили, Кингсли начал бояться, что все это он придумал. Это произошло, часто напоминал он себе. Конечно, это произошло. Чем еще можно было объяснить настороженные взгляды бабушки и дедушки, их шепот, когда он входил в комнату?

У него было одно неопровержимое доказательство, что осталось даже после того, как все синяки выцвели. Крестик... маленький серебряный крестик, который он сорвал с шеи Сорена и уцепился, держал, на протяжении всей ночи. Он никогда не расставался с крестиком. Он хранил его всегда в кармане, как талисман, как бремя, как икону.

За две недели до начала школьных занятий, Кингсли сидел на заднем крыльце дома бабушки и дедушки, общаясь со звездами. Они утешали его... по-настоящему утешали. Эти звезды были единственными свидетелями той ночи. Помнят ли они ее, также как он? Кингсли начал спрашивать их, что они видели, когда услышал голоса в кухне.

- Мне плевать, что он говорит, он не в порядке. Он определенно, не в порядке.

В словах, произнесенных бабушкой, Кингсли услышал эхо голоса покойной матери. Как он тосковал по Маман. Кингсли знал, что бабушка винила его покойного отца в смерти своей дочери. Она уехала в парижскую школу и влюбились в пожилого француза. Ублюдок имел наглость полюбить ее в ответ и даже вступить в брак с восемнадцатилетней Карен Смит и сделать ее мадам Буассоннё. Даже двое детей, которых они вырастили, не убедили ее родителей, что отец Кингсли был никем иным, как соблазнителем молоденьких девушек. Каков отец, таков и сын, Кингсли знал, что дедушка и бабушка именно так думали. Если бы они только знали, что, хотя он и соблазнял девушек, существовал другой молодой человек, которому принадлежало его сердце.

- Что ты мне предлагаешь? – спросил дедушка, в его голосе сквозило разочарование.

Кингсли предположил, что сегодня был не первый раз, когда они начинали этот разговор.

- Сегодня позвонил отец Генри. Он думает, Кингсли не должен возвращаться. Они беспокоятся о нем, о том, что произошло, о том, что он не хочет говорить об этом.

Не возвращаться? Единение Кингсли со звездами разрушилось от одной этой мысли. Почему он не должен возвращаться? Отец Генри не говорил ему ничего о том, чтобы он не возвращался. Откуда родилась такая идея?

Сорен... Может это была идея Сорена? Он сожалел о той ночи? Рассказал ли Сорен отцу Генри, что он знал что-то о той ночи?

Кингсли поглотила паника. Что делать, если это было дело рук Сорена? Даже священники считались с Сореном. На протяжении последующих нескольких дней, Кингсли прошел через все возможные муки неуверенности в себе. Он не мог вернуться, если Сорен не хотел, чтобы он был там. Но он должен был увидеть его снова. Он должен был вернуться. За неделю до начала учебного года, он молча сидел за кухонным столом с бабушкой и дедушкой, не приступая к еде.

- Тебе сегодня пришло письмо.

Бабушка передала ему белый конверт. Кингсли не взглянул на него. Несомненно, еще одно письмо от Мари-Лауры. Он прочтает его позже.

- Скоро начнутся занятия. - Дед посмотрел на него поверх своих очков для чтения. - Твоя бабушка и я решили оставить решение за тобой. Школа Святого Игнатия или Старшая школа Портленда?

Выбор лежал перед ним. Оба варианта казались неприемлемыми. Он не мог вернуться в Портленд. Там не будет Сорена. Он не мог вернуться в школу Святого Игнатия, если Сорен не хотел, чтобы он был там.

Кингсли покачал головой, скрестив руки на груди и положив голову на стол. У него болел живот. Голова раскалывалась. Ему нужен хоть какой-нибудь знак.

Письмо лежало у него на коленях, и он увидел, что почерк на нем не принадлежал Мари-Лауре или любой другой женщине. Мужской почерк, сильный и жизнеутверждающий.

Медленно, дрожащими пальцами, Кингсли открыл письмо и прочел единственное слово, написанное на листе бумаги цвета слоновой кости.

«Reviens». *Вернись.*

Письмо было подписано только одной витиеватой буквой S с диагональной, перечеркивающей её, линией.

Кингсли поднял глаза на бабушку и дедушку.

- Я возвращаюсь в школу Святого Игнатия.

Глава 17

Север

Настоящее

Пристальный взгляд Кингсли был нацелен на Сорена лишь мгновение, прежде чем он, покачав головой с явным отвращением, ушел глубже в лес. Он услышал шаги за спиной и не повернул назад. Сегодня Кингсли не бежал, но ему и не особенно хотелось быть пойманным. Прошло тридцать лет с тех пор, как он проходил по этой опасной, густо заросшей деревьями местности, которая сменялась внезапными обрывами. Даже спустя такое количество времени, его ноги сохранили память о столь многих прогулках этой тропой. Через полчаса он пришел к гребню горы с видом на крутой каньон.

- Mon Dieu... - выдохнул он.

После всего этого времени... конечно, нет. Но вот он, по-прежнему здесь.

- Еще в обиходе. - Сорен подошел и встал рядом с ним. - Они отремонтировали его. Там довольно симпатично внутри.

- Наш эрмитаж [*фр. Ermitage - уединенное место; одинокий дом*]?

В сердце Кингсли хлынула давняя любовь, и он простил Сорена вполне достаточно для того, чтобы засмеяться.

- Наш эрмитаж. Он никогда не был по-настоящему нашим, ты же знаешь. Мы просто прозвали его так.

В нижней части каньона стояла крошечная лачуга из камня. Сто лет назад первые иезуиты, которые пришли в деревенский Мэн, построили сначала часовню, затем жилые помещения, и, наконец, скит для отца Чарльза, который принял обет молчания.

- Довольно симпатично... - повторил Кингсли. Само собой, они перестроили его после того, как мы перестали им пользоваться. Всегда так. Боже мой, какая это была адская дыра.

Сорен тихо рассмеялся.

- Несомненно. Но идеально подходила для наших целей.

- Oui, - Кингсли согласился. - Parfait.

Эрмитаж был их убежищем, после возвращения Кингсли в школу, когда он и Сорен продолжили то, на чем остановились. Кингсли оторвал взгляд от домика, где он уступал свое тело Сорену тысячами способов так много лет назад. В сотне ярдов от лачуги, маячил громадный замшелый утес. Целую минуту Кингсли смотрел на него. Только когда он почувствовал руку на шее сзади, нежную руку, нежное прикосновение, совершенно доброе и без скрытого мотива он зажмурился и отвернулся.

- Это было там?

Сорен опустил руку. Кингсли стало не хватать ее, в ту же секунду, как она исчезла.

- Oui. Прямо там. Она так неудачно приземлилась... - он остановился и сглотнул. Ему нужно моргнуть снова, чтобы стереть стоявший перед глазами образ тела своей сестры. – Ее лицо...

- Je sais, - прошептал Сорен. – Я знаю.

Конечно, он знал. Мари-Лаура приходилась сестрой Кингсли, но, когда она умерла, она была женой Сорена. Мари-Лауре исполнилось только двадцать, она была балериной из Парижа.

- Мы убили ее, mon père.

- Я давно освободил тебя от любого чувства вины, Кингсли. Ты сам должен научиться освобождать себя.

- У нее не осталось лица, когда ее нашли. - Он повернулся к Сорену. - Мир воображает, что я красивый, ты красивый, твоя Элеонор прекрасна, но мы ничто по сравнению с тем, какой была Мари-Лаура. Я, ее брат, не мог порой отвести от нее глаз. Все тускнело рядом с ее лицом. И когда она умерла, когда мы убили ее...

У нее не было лица. Совсем. Вследствие падения ее череп был разможен и лицо напрочь отсутствовало. Ее опознали лишь по обручальному кольцу.

- Она побежала. Она упала. Ты не толкал ее. И не я.

Сорен говорил слова тихим голосом, подходя ближе. Как же Кингсли хотелось сделать шаг назад и прижаться к Сорену. Однажды, когда они были подростками, стоя в лесу и вглядываясь в ночное небо, Сорен обернул руку вокруг груди Кингсли. Жест был простым, бездумным, даже не ласковым, только собственническим. И он спас душу Кингсли. Чтобы почувствовать это снова с Сореном, Кингсли бы утроил свои капиталы и отдал бы все до последнего пенни.

- Она любила тебя, - сказал Кингсли. – И она доверяла мне.

И она увидела их. Вместе.

- Пойдем, - сказал Сорен. – Нам нужно возвращаться.

- Ты иди. – Улыбнулся ему Кингсли. - Я хочу остаться еще на минуту.

Сорен поднял руку и слегка сжал длинные волосы Кинга, прежде чем опустить их и уйти.

- Конечно.

Стоя в одиночестве, на вершине холма, Кингсли смотрел то на скалы, где умерла его сестра, то на эрмитаж. Им следовало быть там внутри, ему и Сорену. Если бы они были в эрмитаже, она бы никогда не увидела их. Все, чего Кингсли когда-либо желал от Сорена, чтобы тот хотел его так же сильно, как той ночью в лесу. Сорен никогда больше так не терял контроль с ним. Ох, Сорен причинял ему боль, жестоко обращался с ним, ломал его. Но он сохранял спокойствие, контролируя, приручал свой голод, направлял и сдерживал его. Кингсли жаждал страха, который он чувствовал в ту первую ночь. Поэтому он подстрекал Сорена, бросая вызов его власти. Наконец, Сорен поддался и потащил Кингсли в лес. Ревность привела Кингсли к вспышке ярости. Сорен женился на его сестре, и Мари-Лаура внезапно, казалось, полюбила его больше, чем своего собственного брата. И как женатый мужчина, Сорен спал в постели Мари-Лауры, в то время как Кингсли в очередной раз спал один. Ему нужно было подтверждение, что Сорен по-прежнему воцарялся над ним, как никого другого. И он добился этого. Только уже в этот раз звезды были не единственными свидетелями.

Кингсли осторожно спустился вниз по извилистой дорожке, которая вела к скиту. Но прежде чем пойти к домику, он повернулся и пошел к скале.

В последний раз, когда ему довелось смотреть на нее, она была окрашена в красный цвет кровью сестры. Тысячи ветров и тысячи дождей смыли ее кровь, позволив камням снова стать серыми и зелеными. Кингсли положил ладонь на холодный камень. Мари-Лаура... Как хорошо было просто произнести ее имя, чтобы допустить, даже если только для себя, что она жива. Она должна быть живой. Он

давно простил Бога за смерть своих родителей. И смерти его дедушки и бабушки были едва ли осколком по сравнению с пулевым ранением в сердце, которым стала родительская смерть. Но смерть Мари-Лауры разрушила его. Она взорвалась у него внутри, как бомба. Все рухнуло, и осталась только оболочка. Он упивался смертью после этого. Пока не пришел Сорен и не вернул его снова к жизни.

- Ma soeur, - прошептал он.

- Ты должен знать, Кингсли, она ушла не по-настоящему.

Глава 18

Юг

Нора шикнула на Уесли в десятый раз за одну поездку на автомобиле.

- Что? Почему ты шикаешь на меня?

- Я думаю о серьезных вещах. Ты знаешь, как это для меня трудно.

Закрыв глаза, она снова прислонилась головой к подголовнику пассажирского сидения, визуализируя скачки, поток лошадей, летящие бока и Ни За Что Отшлепанного, лидирующего и отказывающегося сдаться.

А потом, всего лишь через час, эта тысяча фунтов мышц в движении, лежал неподвижно, мертвый на полу своего стойла, без видимых повреждений. Она смотрела на лошадь, подходила к нему, видела его своими глазами, прежде, чем приземлиться на колени на землю рядом с Талелом, и обнять мужчину за плечи. Они не разговаривали. У нее не было слов, что помогли бы ему. Она могла выразить свое сочувствие только прикосновением. Не было бы там Уесли, она оказала бы помощь Талелу иным образом.

Талел... она все еще не могла поверить, что этот призрак из ее прошлого объявился в мире Уесли. Нора прокручивала цепь событий в своем мозгу. Уесли ушел с отцом и оставил ее одну возле конюшен. Краем глаза она увидела знакомые очертания. Ее глаза расширились, ее сердце забило чаще. Талел? Здесь?

Забыв все свои данные Уесли обещания придерживаться правил приличия и хорошего поведения, она крикнула: «Талел!» и помчалась к нему. Он развернулся на звук ее голоса. Потомок ближневосточной королевской семьи, или нет, мужчина все еще по-прежнему очевидно поклонялся перед ней. Они обнялись со смехом и поцелуями. Очутившись в его объятиях, Нора почувствовала, как к ней вернулось спокойствие, спокойствие, которого она не ощущала, с тех пор, как покинула безопасность Нью-Йорка.

- Как там поживает мой автомобиль? - спросил он, и Нора рассмеялась ему в лицо.

- Мой автомобиль. Ты подарил мне Aston Martin. Он мой.

- И я твой, - сказал он, целуя ее руку.

- Ничего подобного. Эта машина доставила мне столько же неприятностей, как и ты.

- Таков был мой план, Госпожа. Я надеялся, ты попадешь в такие неприятности, что только я смог бы выручить тебя из них.

Он прошептал слова ей на ухо, и она игриво замурлыкала.

Талел... она нарушила множество правил с этим мужчиной. Три года назад Кингсли узнал, что экстравагантный шейх, приехавший в Нью-Йорк якобы по дипломатическим вопросам, ненавязчиво интересуется, где и как он смог бы насладиться времяпрепровождением с одной из городских легендарных Домин. Кингсли не видел ничего, кроме печати доллара на Талеле. Однако Нора видела больше. Жизнь в строгой мусульманской стране сделала его голодным до пороков западного мира. Однако еще больше он нуждался в обычных ласке и одобрении. В его мире, его желания были табу. Его отец изгнал бы его, дойди до него сведения, что у Талела в характере была черта сексуального подчинения, шириной как пустыня, которая окружала его страну. У Кингсли было одно жесткое правило о Доминантах и сабмиссивах в его штате - никакого секса с клиентами. Кингсли с гордостью мог сказать, что он не сутенер. Стоит лишь Норе переспать с Талелом, как он перестанет быть платежеспособным клиентом.

Она переспала с ним. И Кингсли пришел в ярость. Не то чтобы Норе было не все равно. Она просто сбежала в Иорданию с Талелом на неделю и скрывалась в роскошнейшем местном отеле. День за днем, ночь за ночью, она стала для Талела оазисом, давая ему то, чего он жаждал в своем пустынном доме, но никогда не мог найти. На протяжении одной прекрасной недели с ним, она упивалась своей доминирующей стороной, избивая Талела, связывая его, ставя его на колени снова и снова. Он целовал ее сапоги, повиновался каждому приказу, жил и умирал между ее бедер. Он выпрашивал у нее все, каждое прикосновение, каждый поцелуй, и только если он достаточно хорошо умолял, она уступала ему. В конце недели он умолял ее об еще одной милости.

“Останься со мной... останься навсегда”.

И во второй раз в своей жизни, она смотрела в глаза мужчине, которого обожала, мужчине, который мог подарить ей роскошную жизнь, мужчине, который хотел ее больше, нежели воздух в своих легких, и она сказала - “Нет”. И она сказала это Талелу по той же причине, по которой отказала другому красивому, убитому горем мужчине

годами ранее. Дэниелу... Талелу... даже Гриффину - она могла заполучить их, но ушла, и все по той же причине.

Сорен.

Но он простил ее, Талел простил. И он любил ее, несмотря на то, что знал, она любит другого. А через неделю по возвращении в Америку, она обнаружила адско-красный Aston Martin с номерным знаком, который гласил MSTRSS, стоящий на ее подъездной дорожке.

Увидеть его снова, здесь на ипподроме в тысяче миль от Нью-Йорка и миллиарде миль от его родной страны, Нора не могла поверить своим глазам, своей удаче. Как только она очутилась в руках Талела, она снова почувствовала себя как дома. Эти богатые южане со своими акцентами “на миллион долларов” и своими пони стоимостью в двадцать-пять миллионов долларов, они не были ее людьми. Талел, с его жаждой к женскому доминированию, его готовностью выполнить все, что она хотела сделать с ним, его шепотом “Да, Госпожа” ей на ухо... с ним она почувствовала себя как дома.

Поэтому она расстроилась еще больше, что Ни За Что Отшлепанный был одним из его лошадей. Такое прекрасное создание с белой звездой на лбу и маленькими красными носочками на лодыжках. Талел сказал, что думал о ней, когда называл лошадь. Она шлепнула его по крепкому заду в ответ.

- У меня из-за тебя будут неприятности, если кто-нибудь увидит нас вместе, - сказал Талел, ухмыляясь ей.

- Лошади не говорят, верно? Или говорят? Мистер Эд* был не настоящим, ведь так?

(Прим. Комедийный сериал производства Filmways, который транслировался с 5 января по 2 июля 1961 года, а затем каналом CBS с 1 октября 1961 по 6 февраля 1966. Всего было произведено 143 серии. Главными героями которого были говорящая пегая лошадь мистер Эд и ее хозяин. Когда он покупал лошадь, она впервые сказала ему, что никогда не испытывала желания с кем-либо поговорить, пока не встретила его.)

- Нет, Госпожа. Лошади не разговаривают. Слава Богу. Я могу только представить, что сказал бы этот скверный зверь, обретя он дар речи. Ничего, что пристало слышать леди.

- Хорошо, что здесь не присутствуют леди. Но он, кажется, не злится на меня. Правда, Отшлепанный?

Протянув руку через дверь стойла, она погладила животное по его бархатному носу.

- Он сегодня на редкость в хорошем настроении. Даже покорном. Я уверен, причиной этому твое присутствие. Но расскажи о своем присутствии здесь. Я не могу поверить своим глазам.

- Я верю твоим глазам.

У Талела были самые темные, самые проникновенные глаза, что она когда-либо видела. Глаза, которые могли бы хранить секреты.

- Мое присутствие... Я здесь с моим бойфрендом?

Предложение получилось вопросительным, а не утвердительным.

- Бойфрендом?

Талел казался настроен так же скептически, как и она, и гораздо в большем шоке от слова «бойфренд», нежели от ее присутствия здесь, на скачках.

- А твой священник?

- Он знает, что я здесь. Я не уверена, почему он позволил мне приехать, но думаю, он думал... я не знаю. Я никогда не знаю, что на уме у этого мужчины.

- Но ты вернешься к нему?

И на этот вопрос Нора решила не отвечать. Затем она увидела Уесли, стоящего у загона и, скорее всего, высматривающего ее. В ярком свете дня, солнечный свет играл с его слишком длинными волосами и он, казалось, на мгновение был окружен нимбом. Случайно брошенный взгляд на него, заглушил ее слова и пробудил ее томление. Это может быть неправильное решение забрать девственность Уесли, а потом вернуться к Сорену, но Уесли был достаточно взрослым, чтобы столкнуться с рисками. И она должна заполучить его.

Уесли... Нора открыла глаза и вернулась в настоящее. Парень только что свернул на подъездную дорожку своего дома.

- Что случилось сегодня? С Отшлепанным, я имею в виду?

- Не знаю. Он ничего не сломал. Лошади чертовски хрупкие. Может быть, сердечный приступ от такого усердного бега? Может, электротравма?

- Ты шутишь?

Он пожал плечами.

- Неа. Можно убить лошадь электрическим током, настолько слабым, что даже человек никак не отреагирует. Не так давно, когда на провод попала вода, было убито стадо лошадей, они стояли слишком близко. Просто несчастный случай.

- Ты думаешь, это был несчастный случай?

- А почему нет?

- Этот конь был совершенно здоров, Уес. Я гладила и целовала его. И когда он бежал, словно кто-то превратил ветер в неистовство, а неистовство - в лошадь... Я никогда не видела ничего подобного. Это было красиво.

- Ты начинаешь говорить, как любитель скачек. Это не к добру. Мне не нужно, чтобы ты промотала все до последней копейки, делая ставки.

- Ты никогда не даешь мне развлекаться.

Уесли перестал улыбаться.

- Я мог бы сказать о тебе то же самое.

Все внутри Нора сжалось от боли в голосе Уесли.

- Я пытаюсь изо всех сил, Уес. С тобой. Понять тебя. Я хочу, чтобы мы были вместе, действительно вместе. Этот случай с Ни За Что Отшлепанным сводит меня с ума.

- Это хреново и грустно, но так случается. Это классный вид спорта, но он опасный. Ты должна понимать это.

- Я понимаю. Я правда понимаю. Но люди не так часто не умирают из-за случайности, даже те, кто практикует БДСМ. Поездка в скорую помощь при растяжении запястья или чего-нибудь такого? Да. Но не в морг.

- Я говорил тебе, лошади хрупкие и несчастные случаи происходят.

- Но я не думаю, что это был несчастный случай.

Уесли подъехал к гостевому дому и заглушил мотор. Он смотрел на нее, а Нора собиралась с духом. Некоторые стороны ее характера, некоторые части ее прошлого, она пыталась держать их подальше от Уесли, для его же блага. Такому неиспорченному мальчику, как он, не нужно было знать, что она сама отправляла людей на больничную койку, что она разбила сердце не только ему, что она сделала аборт, что она совершала такие вещи, которые он никогда бы не простил никому другому, только ей, но она знала, что он должен был знать это.

- Нора, что знаешь ты, чего не знаю я?

Она вытащила маленький красный предмет из бюстгальтера. В стойле с Талелом, она сразу увидела, узнала и быстро спрятала его, где никто не будет искать. Теперь она показывала его Уесли.

- Что это? – спросил он.

- Это зубчатый зажим.

- Где ты нашла его?

- В стойле среди сена возле тела Ни За Что Отшлепанного. Уес, ты знаешь для чего такие используются, да?

- Ага, мой стоматолог использует их, чтобы пристегивать нагрудники.

Она издала холодный смешок.

– Это не такой зажим. Этот для проведения электрического тока.

Уесли широко раскрыл глаза в шоке, а затем понимающе прищурился. – Ты уверена, что...

- Да, я абсолютно уверена.

- Откуда ты знаешь, что это такое?

- Я использовала их раньше.

Его глаза сузились еще сильнее.

– Для чего?

Нора сглотнула, выдавливая из себя слова.

– Для пыток людей электрическим током.

Глава 19

Север

Прошлое

Кингсли вернулся в школу Святого Игнатия в сентябре, исцелившийся и невредимый, отчаянно желая увидеть Сорена. Сорен... он не мог поверить, что из всех учеников школы, каким-то образом именно он смог заслужить право называть Сорена его именем. Его друзья, Кристиан и другие, приветствовали его горячо, но настороженно, когда он появился снова на территории кампуса, с чемоданом в руке, собранными в хвост волосами, и синяками на шее от любовных укусов Джеки на прощание прошлой ночью. Его улыбка и рассказы о его летних подвигах, казалось бы, успокоили их. Никто не спросил его о том, что с ним случилось за два дня до окончания школьного года. Даже если бы и начались расспросы, он бы просто повторил свою мантру для них. Он никогда и ни с кем не будет говорить о той ночи, кроме Сорена.

Но где же Сорен?

Кингсли вернулся в спальню и занял кровать рядом с той, что занимал Сорен в прошлом учебном году. Взглянув туда, Кингсли встревожился, не увидев ни одной из вещей Сорена, его Библии, написанной на каком-то скандинавском языке; его ботинок, на два размера больше, чем у Кингсли и всегда отполированных до идеального блеска на полу рядом с чемоданом. Даже большой деревянный сундук с латунным замком исчез.

- Твой друг Стернс окончил учебу, - сказал Кристиан, заметив, как Кингсли таращится на кровать Сорена.

- Что? - Кингсли уставился на него в ужасе.

- Да. Окончил. Он съехал из общежития и сейчас в помещениях для священников. Слава Богу, верно? Этот парень до усрачки пугал меня. Мне всегда было страшно, что я пойду ночью отлить, и по дороге туда он убьет меня. Отцы сейчас тише воды, ниже травы.

- Так он до сих пор здесь?

Он не оставил школу.

Кингсли чуть не рухнул от облегчения.

- Теперь преподает. Иностранные языки. Ни один из отцов не владеет ничем, кроме латыни, греческого и иврита. Они поставили Стернса преподавать французский, испанский и немецкий. Не знаю, почему. Ты должен быть тем, кто преподает французский язык.

- Возможно, я мог бы быть его ассистентом. - Кингсли улыбнулся при этой мысли, но Кристиан только посмотрел на него, широко раскрыв глаза. - Это была шутка, Кристиан.

- Я надеюсь. Иисус, ты можешь представить его бедных студентов? Ну, они, по крайней мере, будут учить язык. Ведь они будут слишком напуганы, чтобы отлынивать.

- Не думаю, что он так ужасен, как ты думаешь.

Кристиан в шутку хлопнул его по руке и двинулся к выходу из общежития.

- Ну, тогда ты храбрее меня. Или просто шизанутый.

Вновь оставшись один, Кингсли собрал свои вещи и переложил их на бывшую кровать Сорена. Он не знал, смогут ли они когда-нибудь спать вместе теперь, по крайней мере, не в той же комнате. Но Кингсли мог спать в кровати Сорена. Хотя бы так.

В тот вечер в столовой Кингсли почти не ел. Потребность, стремление видеть Сорена вытеснили остальной голод. Но Сорен не явился ни на ужин, ни на Вечерню, ни на отбой.

В тот вечер Кингсли лежал в постели, уставившись в потолок, в то время как, один за другим, все двенадцать остальных мальчиков погрузились в сон. Их тяжелое, ритмичное дыхание и тихий храп заполнили комнату. Кингсли перевернулся в постели и смотрел на свет из коридора, расползающийся из-под двери. Свет мерцал, как будто что-то перекрыло его. Что-то... кто-то.

Кингсли откинул одеяло и прошмыгнул так тихо, как только мог, к двери. Затаив дыхание, он повернул ручку и открыл ее, молясь, чтобы она открылась медленно, не издав своего обычного громкого скрипа. Его молитва была услышана. Кингсли выскользнул в коридор, закрыв за собой дверь, и очутился сразу у стены, прижат лицом к прохладным камням.

Тепло тела обожгло его спину. Он лег спать, не надев ничего, кроме пары черных боксеров, которые подарила ему Сьюзан. Поэтому на своей коже он ощутил пуговицы Оксфордской рубашки, шелк галстука, холодный металл пряжки ремня. Глубоко вдохнув, Кингсли почувствовал запах зимы.

- Я скучал по тебе, - прошептал он на французском.

Сорен ничего не сказал, только теснее прижался к нему. Едва он увидел, что в полоске света под дверью скользнула тень, Кингсли возбудился. Он хотел почувствовать возбуждение Сорена тоже, хотел почувствовать своей спиной, на себе и внутри себя. Кингсли уперся в стену руками. Сорен схватил его за запястья, легко сжимая.

- Ты вернулся, - проговорил Сорен в волосы Кинга.

- Ты мне так сказал.

В этих четырех словах, Кингсли почувствовал, своего рода, сокровенную правду, которую никогда не испытывал в себе ранее. *Ты мне так сказал.* Кингсли бы сделал что угодно, абсолютно что угодно, для Сорена.

- Я тебя ранил. Seriously.

Сорен произнес эти слова просто, без тени вины или стыда.

- Oui.

- Тебе это понравилось.

Это был не вопрос.

- Oui. Mais...

Кингсли не знал, как заговорить. Он замолчал, и оставил его единственное слово возражения висеть в воздухе.

- Я найду способ быть более осторожным, - пообещал Сорен.

Он положил руку на плоский живот Кинга, и тот резко вдохнул. Прикосновение руки Сорена к коже прошло сквозь него удовольствием.

- У меня есть кое-что, что должно помочь, - сказал Кингсли.

- Хорошо.

Сорен поцеловал его голое плечо.

- Сейчас?

Он почувствовал, как Сорен качает головой.

- Не сегодня. Не здесь. Но скоро.

Кингсли кивнул. Он был разочарован, но все равно не ожидал, что это произойдет в момент, когда он вернется в школу.

- Возвращайся в кровать, - приказал Сорен. – Иди спать.

- Oui, monsieur, - сказал Кингсли, улыбаясь в стену.

Низкий смех Сорена вызвал мурашки, которые побежали по центру позвоночника Кингсли. Сорен оттолкнулся от него медленно, и ему тотчас стало не хватать этого жара на своей похолодевшей коже.

Повернувшись, он столкнулся лицом с Сореном. Боже, тот стал еще красивее за лето. На вид его волосы стали примерно на дюйм длиннее, даже глаза более серые. Сорен отказался от школьной формы в пользу настоящего костюма, сделавшего его похожим на мужчину, которым он стал.

- Я твой, - прошептал Кингсли. Он положил обе ладони на грудь Сорена. – Ты знаешь это.

Сорен посмотрел вниз на его руки.

– Я знаю. Я... - начал было он, и остановился перевести дыхание. - Я не хотел делать тебе больно так, как сделал.

Кингсли улыбнулся.

- Мне понравилось, что ты сделал мне больно.

- Хорошо. Я должен был сделать тебе больно.

- Должен?

Кингсли встретился глазами с Сореном. Их выражение Кингсли было непонятно. Что же он там увидел? Сожаление? Нет. Не стыд. Не страх.

- Я другой.

Сорен повернул голову и уставился на тускло освещенный коридор. Тени притаились в углах. Но Сорен смотрел на тени или на что-то в них?

- Нет, не другой. Лучший, - заверил его Кингсли.

Сорен слабо улыбнулся и оторвал взгляд от темноты в конце коридора.

- Да. Я не могу...

Кингсли ахнул, когда Сорен вдруг сунул руку в боксеры Кингсли и обхватил его пальцами.

- Это, - прошептал Сорен, приблизив свой рот к уху Кингсли. - Пока я не сделаю тебе больно, пока я не причиню тебе страданий, я не могу...

И Кингсли понял. Сорен не мог возбудиться, если не причинял боли. Теперь все встало на свои места. Отдаленность Сорена, стена самозащиты, что он построил вокруг себя, его отчужденность, которая держала подальше от него других мальчишек, все сделано специально, чтобы защитить любого, кто хотел приблизиться к нему. Подобраться к Сорену - означало выйти живым из огня, пройти босиком по стеклу, проползти через ад.

Кингсли выгнул бедра, толкаясь в руку Сорена. Он чуть не кончил от одного этого движения.

- Je comprends.

Сорен медленно освободил Кингсли и отдернул руку, слегка расширив глаза, как будто в удивлении.

- Ты понимаешь меня, - сказал он. - Но я не понимаю тебя. Ты не боишься этого?

Кингсли пожал плечами.

- Я говорил тебе, я француз. Когда-нибудь читал Маркиза де Сада?

Он ухмыльнулся от уха до уха, и улыбка Сорена стала шире.

- Иногда мне кажется, что я это он. Еще я читал Макиавелли. Государь *. (*The Prince* от итал. *Il Principe*; также часто встречается более близкий к оригиналу, но менее точный по смыслу перевод «Князь»). Это одно из самых знаменитых произведений мировой литературы, которое было написано Никколо Макиавелли еще в 1513 году. Эта книга — трактат флорентийского философа, в котором цинично и откровенно описываются правила настоящего лидера государства, методы захвата

власти, приемы правления и навыки, необходимые для эффективного правителя.)
Лучше, чтобы тебя боялись, нежели любили.

Кингсли услышал печаль в голосе Сорена, стремление к чему-то, что, по его мнению, он не мог иметь.

- И, - продолжал Сорен, - безопаснее, чтобы тебя боялись, нежели любили. Во всяком случае, когда дело касается меня.

Он улыбнулся почти застенчиво, и Кингсли вдруг понял, почему Сорен был настолько холоден, настолько далек, почему он мог и действительно вселял такой страх в сердца каждого, кто оказывался рядом с ним. Он делал это нарочно. Он делал это, чтобы сохранить их в безопасности.

Потянувшись, Кингсли положил руки на грудь Сорена и почувствовал, как его сердце бьется медленно, размеренно.

- Я не хочу быть в безопасности, - прошептал Кинг.

- Ты не знаешь, о чем говоришь, Кингсли.

- Я знаю точно, о чем говорю. Ты думаешь, что ты сломлен. Non, ты совершенен.

Он произнес эти слова по-французски. Гораздо проще говорить правду на родном языке.

- Будь у тебя выбор, ты бы согласился быть таким как я?

- Я уже сделал выбор. Ты сожалеешь о том, что одинок, потому что думаешь, будто должен держать других подальше от себя. Но это не удержит меня на расстоянии.

- Всегда..., - Сорен снова отвел взгляд, посмотрел вверх и вздохнул. - Я всегда хотел верить, что Бог создал меня таким по какой-то причине.

- Je suis la raison.

Я и есть эта причина.

Сорен медленно выдохнул. Он провел ладонью вверх по руке Кингсли к плечу. Обхватив сбоку его шею, он приблизил свой рот к Кингсли. Кинг открылся поцелую, позволив языку Сорена прикоснуться к его. Такой нежный поцелуй, такой интимный, даже осторожный.

- Ma raison d'être, - прошептал Сорен, и Кингсли задрожал от желания.

- Ты сдерживаешься. Я чувствую это. - Кингсли проговорил слова в губы Сорена.

- Я должен сдерживаться. По крайней мере, сейчас. Или я опять разорву тебя на куски.

- Я хочу этого. Я хочу тебя.

Сорен оставил еще один быстрый поцелуй на губах Кингсли.

- Скоро. Я найду способ для нас быть вместе. Но я снова причиню тебе боль. Я уверен в этом. Ты должен будешь помочь мне удержаться и не уйти слишком далеко.

Кингсли сжал рубашку Сорена обеими руками и попытался притянуть его ближе. Два с половиной месяца порознь, он жил в агонии. Он не мог позволить Сорену уйти. Еще нет.

- Я умолял тебя остановиться той ночью. Я говорил “стоп” и, “пожалуйста” и “нет”, а ты продолжал. Я не хотел, чтобы ты останавливался, но я не знаю, что делать, чтобы заставить тебя остановиться, если слово “стоп” не работает.

- Оно не сработало, потому что я знал, что ты не хотел, чтобы я останавливался. Когда-нибудь я смог бы. Тогда говори..., - Сорен сделал паузу и оглядел коридор. Холодные каменные стены без украшений, кроме нескольких изображений различных святых и пап, - ...милосердие.

Кингсли рассмеялся.

- Милосердие? Серьезно?

Сорен кивнул. Но он не засмеялся, даже не улыбнулся.

- Милосердие (*Mercy*). Это звучит как мерси, ты знаешь.

Mercy. На английском языке это означало акт прощения, сострадания. **Merci** - на французском это “спасибо”.

- Я знаю.

Сорен одарил его такой улыбкой, от которой у него чуть не подкосились колени.

- Кто ты?

Вопрос вылетел прежде, чем Кингсли смог его остановить.

Сорен лишь посмотрел на него.

- Я имею в виду... твое имя, Сорен. Откуда оно взялось? Говорят, тебя зовут Маркус Стернс. Но я знаю, что это не так.

Сорен молчал с минуту и Кингсли молился, чтобы он сказал ему, чтобы он ответил. Необходимость ответов Сорена перевешивала даже его желание секса.

- Маркус - так зовут моего отца, - сказал Сорен просто, без эмоций. - Он изнасиловал мою мать, и родился я. Он назвал меня в свою честь. Но она дала мне другое имя, имя ее отца. Никто не называет меня Маркусом, кроме отца.

- Кто называет тебя Сореном? В школе, я имею в виду.

Сорен слегка коснулся губами Кингсли.

- Только ты.

- А почему я?

Это был вопрос, который мучил его в течение десяти недель, начиная с той ночи изнасилования на лесной земле. Из всех мальчиков в школе, почему он? Почему Кингсли? Почему Сорен выбрал его, чтобы рассказать свои тайны, чтобы поделиться своим телом?

- Потому..., - Сорен опустил руки, чтобы удержать Кингсли за бедра. Он прислонился лбом ко лбу Кингсли, сделав два медленных вдоха. - Потому что ты не боишься меня.

С этими словами, он отстранился и удалился по коридору. Кингсли стоял снаружи общей комнаты, глотая огромными глотками воздух, прислонившись спиной к холодному камню стены. Закрыв одной рукой глаза, он скользнул другой рукой в свои боксеры и погладил себя несколько раз, пока не кончил с содроганием и чуть слышным вздохом.

Мокрый, от собственной спермы, Кингсли вернулся в свою постель, не заботясь, даже о том, чтобы в первую очередь привести себя в порядок. Сорен подарил ему эту эрекцию и практически подарил ему оргазм. Он не хотел, смывать его так же, как не хотел принимать ванну после той ночи в лесу. Знание, что Сорен кончил внутри него, сделало все тяжелое испытание стоящим всего того страха и всей той боли.

И скоро, он пройдет его снова. Но как скоро?

Кингсли прожил следующий день, едва ли заметив что-то вокруг себя. Он прикладывал усилия, чтобы казаться здоровым и сознательным, узнающим свое окружение. Он отвечал на уроках. Он болтал с одноклассниками на обеде. Во время службы он даже вызвался почитать ежедневные чтения. Но его разум существовал исключительно для Сорена. И к вечеру он, наконец, мельком увидел его. Прогуливаясь по второму этажу библиотеки, Кингсли услышал голос Сорена. Но был ли это Сорен? Голос вроде его. Но нет. Этот голос звучал весело, ободряюще, с ноткой сухого остроумия. Он все еще мог с уверенностью сказать, что, если приплюсовать по времени, то сумма его разговоров с Сореном будет равна чуть менее одного часа. И каждая из этих бесед была переполнена напряженностью. Он остановился в коридоре и заглянул в аудиторию. Сорен стоял у доски перед классом, одетый в коричневые брюки, коричневый узорчатый жилет и белую рубашку с элегантно подвернутыми

манжетами. Перед ним десяток одиннадцати - и двенадцатилеток, мямля, спрягали по-испански слово *говорить*.

- *Yo hablo tú hablas él habla nosotros hablamos...*

- Хорошо. Очень хорошо, - сказал Сорен, когда ученики закончили. - Теперь давайте попробуем снова, но на этот раз громче. *Говорить*, пожалуйста.

- *Говорить?* Не *hablas inglés?*

Нервный, но искренний смех прокатился по классу. Сорен улыбнулся и кивнул. В этот раз с каким-то намеком на произношение ученики снова повторили спряжение.

- Лучше. *Gracias*.

В унисон класс ответил: - *De nada*.

Кингсли закрыл рот, чтобы заглушить угрожающий вырваться из него смех. Сорен, который пугал каждого мальчика в школе, будучи студентом, теперь, казалось, заслужил абсолютную преданность своих учеников.

Его ученики? В тот момент Кингсли сразило осознание, и он убрал руку ото рта. Он почувствовал, как дрожит, отстраняя себя от сцены в классе и оказавшись снова за ее пределами.

Тот риск, который они принимали, будучи вместе, казался довольно значительным, когда Сорен был студентом. Но сейчас Кингсли все еще был студентом, а Сорен стал учителем.

Учителем... мой Бог, он спал с одним из преподавателей. А предполагалось, что дедушка и бабушка отправили его сюда, чтобы удержать подальше от еще большего количества сомнительных сексуальных приключений.

На свежем воздухе, Кингсли глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. Его пульс замедлился, и паника прошла. Он доверял Сорену целиком и полностью. Если Сорен чувствовал, что они были в безопасности, находясь вместе, значит, так и было. Да, то, что сейчас Сорен был учителем, было плохо, неловко. Им следует стать еще более осторожными. Но все могло быть гораздо хуже.

По крайней мере, он не был священником.

Глава 20

Север

Настоящее

Кингсли обернулся и очутился лицом к лицу с улыбающимся призраком из прошлого.

- Mon Dieu, - выдохнул он, в мгновение ока узнавая стоящего перед ним человека.

- “И это обещание, которое Он дал нам, есть жизнь вечная.” 1-е от Иоанна 2:25.

Кингсли вытаращил глаза в немом изумлении. Черная ряса, белый воротник и тридцать лет не сделали это лицо неузнаваемым.

- Кристиан?

- Теперь Отец Кристиан Эллиот. Помнишь? Или ты не читаешь рассылку наших выпускников?

Кристиан и Кингсли обнялись как братья. Кристиан был первым из мальчиков в школе Святого Игнатия, который подружился с ним и единственный, кто попробовал найти его после того, как Кингсли покинул школу.

- Боюсь, я пренебрег возможностью передать мой новый адрес комитету выпускников.

Кингсли потрепал Кристиана по щеке.

- Приятно видеть тебя снова. Выглядишь ужасно.

Его старый друг от души рассмеялся и повернулся вокруг своей оси.

- Что? Тебе не нравится?

Кингсли покачал головой с отвращением.

- Да ты примкнул к Божьей армии. Как ты мог? Я принимаю это как личное оскорбление.

- Отцы в школе Святого Игнатия ставят своей целью превратить одного студента из каждого класса в иезуита. Радуйся, что это был я, а не ты.

- Им бы не удалось взять меня живым, mon frère*(брат/монах).

Какое-то время они смотрели друг на друга, затем снова рассмеялись. Годы между ними, и такие разные пути, что они выбрали, исчезли в одно мгновение.

- Не могу поверить, что смотрю на Кингсли Буассонё. Честно говоря, я думал, что увижу тебя снова только на небесах.

- Там меня точно не будет.

Кингсли сверкнул своей дьявольской улыбкой.

- А ты ни капли не изменился. В отличие от меня. Это не справедливо. Я постарел на тридцать лет за тридцать лет. Почему ты нет?

- Я француз.

- Конечно. Я уже и забыл. Я видел Стернса... отца Стернса несколько лет назад. Он сохранился даже лучше, чем ты.

Кристиан благодушно улыбнулся. Кинг понимал, что тот пытался подцепить его, упоминая о Сорене. Священники никогда не прекращали свои игры разума. Не то, чтобы он возражал. Это было одним из их лучших качеств.

- Думаю, он продал душу дьяволу за такое лицо, как у него. Ты можешь увидеть его сегодня, если тебе угодно. Он здесь со мной.

Глаза Кристиана округлились.

- В самом деле? Вы двое по-прежнему...

- Семья. Моя сестра умерла, да. Но мы с ним по-прежнему близки. Были трудные времена... в течение нескольких лет.

Они двинулись в сторону Эрмитажа.

- Ты уехал сразу после того, как... все произошло. Куда ты отправился?

- Во Францию, - просто сказал Кингсли, и стал ждать. Кристиан больше ничего не сказал. Со вздохом, Кингсли продолжил. - Я вступил во Французский Иностранный Легион. Определенно не Божья армия.

- Я слышал о Легионе. Меня абсолютно не удивляет, что ты оказался именно там. Интересную униформу вы, легионеры, носите.

Он одарил Кинга беглым оценивающим взглядом.

- Видел бы ты меня, когда я не пытаюсь слиться с толпой.

Для поездки в школу Святого Игнатия, Кингсли отказался от своей обычной одежды: сапог для верховой езды и костюма Викторианской или Регентской эпохи черного или серого цвета. Он оставил вышитые шелковые жилеты, милитари жакеты и

свои шейные платки в шкафу. Сегодня он надел простой костюм от Армани - черный и однобортный. Один из его сотрудников сказал ему, что он выглядел бледно и не опасно в таком виде — как раз то, что нужно.

- Я оставил Легион много лет назад ради Манхэттена.

- До меня дошли слухи, что ты стал бизнесменом. Стоит ли мне спрашивать, какого рода этот бизнес?

Кингсли хлопнул Кристиана по плечу.

- Non.

Смеясь, Кристиан открыл дверь Эрмитажа. Кингсли остановился на пороге, вдруг не желая входить внутрь. Так много воспоминаний... все из них яркие, но не все из них хорошие.

- Ты можешь зайти. На самом деле здесь нет призраков. Отец Генри говорил так, только чтобы отпугнуть младших мальчиков. Опасная местность... ох, Кинг. Прости меня.

Кингсли шагул в Эрмитаж, не желая, чтобы прошлое возымело над ним еще больше власти, чем уже есть.

- Кристиан, прошло тридцать лет. Я могу вынести упоминание о ней и ее смерти. Поверь мне. Согласись, мы вряд ли бы остались друзьями с этим блондинистым монстром?

- Не могу поверить, что вы двое были друзьями даже тогда.

Кристиан махнул рукой на стул, и Кингсли уселся на него с благодарностью. Он скучал по своим сапогам для верховой езды, по их эластичной коже и поддержке. Эти туфли... ему нужно будет дать задание одному из своих помощников сжечь их в ту же минуту, как только он вернется в таунхаус.

- Не то, чтобы я дурно отзывался о другом иезуите, но он сложный человек. Трудно себе представить, как с ним вообще можно дружить.

Кингсли услышал незнакомую ноту в голосе Кристиана. Он не мог поначалу определить, что это, потому что не часто слышал ее. Ноту... осведомленности. Кингсли прищурился и решил выяснить точно, что именно тот думал, что знал.

- С ним непросто сблизиться. Но, тем не менее, как только ты это сделаешь, тебе воздастся, - сказал Кингсли, искусно закидывая приманку Кристиану в ответ.

Кристиан поставил чайник на плиту. Кингсли оглядел Эрмитаж и увидел, что Сорен был прав насчет ремонта. Тридцать лет назад, когда они с Сореном использовали этот коттедж для своих тайных встреч, здесь не было ничего, кроме грубого деревянного стола, стула и гниющей кучи дров у кишашего пауками камина.

- Я помню эту хижину, Кристиан. Это была адская дыра в наши дни. Теперь, похоже, над этим местом поработал дизайнер с Пятой авеню. Сочетающаяся мебель? Кожаные кресла? Бог мой, да ты роскошно живешь для священника, - съязвил он.

Кристиан широко улыбнулся.

- Не жалуясь. Я отказался от женщин ради этой работы. По крайней мере, мне дали неплохое жилище.

- Как давно был ремонт?

- Вскоре после того, как твой друг Стернс пожертвовал нам свой щедрый дар. Он был заброшен. Некоторое время тут жили беженцы из Канады.

- Беженцы из Канады?

- Или беженцы из Америки, направляющиеся в Канаду. Каждый год у нас есть такие постояльцы. Эта долина соединяет две дороги.

- Здесь смертельно опасное место. Никто не знает этого лучше, чем мы.

Кристиан кивнул.

- Несколько умерли, пересекая эту местность. Мы стараемся хоть как-то контролировать ситуацию. Но люди проникают сюда незаметно. Целая семья спала в этой хижине, когда мы пришли, чтобы начать перестройку.

- Уверен, отцы позаботились о них.

- Мы стараемся. Чаю?

- Да, спасибо.

Кингсли взял чашку у Кристиана, который сидел напротив него возле камина.

- Ах, вот и французский. У тебя еще есть акцент, но я соскучился по языку.

- Я никогда не потеряю акцент. Он помогает мне оплачивать счета.

Кристиан снова улыбнулся.

- Ты был прав. Я действительно не хочу знать, в каком ты бизнесе. Уверен, ты удержишь его подальше от ваших отношений с отцом Стернсом.

Кингсли приподнял бровь. Его губы дрогнули от усилий сдержать улыбку.

- *Bien sûr.*

Они попивали чай у камина, как два английских джентльмена, не считая того, что один был иезуитским священником, а другой - французским грешником.

- Могу я спросить, что привело вас сюда? - спросил Кристиан, изучая Кинга поверх края своей чашки.

- Призраки прошлого.

Кингсли перевел взгляд на холодный камин и еще раз обдумал свои слова. Именно Кристиан сделал тот снимок, который отправили ему и Сорену. Возможно, он что-то знал.

- Поскольку ты теперь священник, я могу верить, что все, что я скажу останется только между нами.

Возможно, если бы он сказал немного правды, Кристиан открыл бы даже больше.

- Ты можешь сказать мне что угодно. Для меня большая честь услышать твою исповедь.

- Только не отпускай мне мои грехи, s'il vous plaît. Я буду скучать по ним, а они - по мне.

- Даю слово. А теперь скажи... кто же тот призрак, который привел тебя сюда после стольких лет?

- Хотел бы я знать, mon frère. Mon père. - Кингсли подмигнул Кристиану. - Ты помнишь фотографии, на которых были запечатлены все мы?

Кристиан нахмурился, его глаза расширились от воспоминаний.

- Да, конечно. Мне же подарили камеру на Рождество. Думал, что проведу всю свою жизнь, делая обложки для National Geographic.

- С животными, конечно же. Не женщинами-аборигенами?

Кингсли удивленно приподнял бровь и Кристиан слегка покраснел.

- Я бы отправился туда, куда они послали меня. Да, я помню эти фотографии. Я пытался взять такой ракурс, чтобы в кадр попали все.

- Ты сделал один снимок со мной и отцом Стернсом. После уроков. Я помогал ему проверять контрольные работы его учеников по французскому.

- Я не помню подробностей. Мы были в библиотеке?

- В часовне.

Кингсли помнил каждую деталь того дня. Он и Сорен подрались в эрмитаже. Сильно подрались, как они имели обыкновение делать. Юный Кинг был бурным, страстным, и по большей части отчаянным с Сореном, так, он получал от него больше ласки. Сорен, тогда, как и сейчас, был холоден, спокоен, рассудителен... а его безмятежное выражение лица приводило Кинга в еще большую ярость. Кингсли

подстрекал Сорена, отчаянно нуждаясь в любой реакции от него. Наконец, он получил ее. Сорен бросил его на койку и привязал его запястья к металлической раме. В течение получаса, он трахал его в полной тишине и без всякой пощады, одной рукой зажимая рот Кингсли, чтобы заглушить его стоны, и другой рукой обхватывая шею, чтобы удержать его на месте. После секса, ноги Кингсли тряслись от подавляющей силы оргазма, что Сорен выжал из его тела.

Они вернулись в школу и занялись делами, как обычно, Кингсли был снова умиротворен. В пассивном блаженстве он сидел у ног Сорена, пока они тихо просматривали стопку домашних работ по французскому, обводя ошибки и внося исправления. На полу рядом с креслом Сорена, помогая ему с работой, Кингсли чувствовал себя даже ближе к Сорену чем, когда они познавали плотские радости их романа. Так было до его встречи с Джульеттой.

- Часовня. Да. Я вспомнил. Я боялся вам помешать. Вы говорили по-французски друг с другом. Немного. Вы, казались, спокойными, погруженными в работу. Я надеялся сделать фото, чтобы никто из вас не заметил.

- Мы заметили. Но не подали виду.

Кристиан допил чай и наполнил следующую чашку.

- Значит, мое фото вас двоих... и что с того?

- Кто-то прислал мне его по почте. Оригинал.

- Кто?

Кингсли покачал головой.

- Вот это действительно вопрос.

- Какие-нибудь идеи на этот счет?

- Ни одной. Оно было отправлено анонимно. В качестве угрозы или предупреждения... или, возможно, банальной провокации.

- Угрозы? Разве секрет, что ты и отец Стернс были вместе в школе?

Кингсли снова что-то услышал в голосе Кристиана. Тот что-то знал. Возможно, он даже не догадывался о своих знаниях. Но Кингсли выяснит это.

- Не секрет, что мы вместе учились в школе. Non. – Кингсли ждал и позволил тишине между ними, заполнить комнату, словно прибывающей водой.

- Твоя сестра... - начал Кристиан и остановился.

Кинг ничего не ответил. Он видел сотни людей, близких к тому, чтобы сорваться, и знал это выражение в их глазах. В этот момент Кристиан стоял, балансируя на краю

скалы, скалы вроде той, что убила Мари-Лауру. Не нужно сейчас ничего не делать, надо просто позволить ему упасть.

- Ты и Стернс...

- Что насчет нас?

Кристиан уставился на свои сцепленные руки.

- Она пришла ко мне однажды... в слезах. Она сказала, что думала, будто Стернс, что ее муж был влюблен в кого-то другого. Она сказала, что он никогда не...

- Притрагивался к ней.

Кристиан встретился глазами с Кингсли.

- Я не поверил ей. Кроме священников и нас здесь никого не было. Она была единственной девушкой на много миль вокруг. И даже если бы было иначе, разве можно влюбиться в кого-нибудь больше, чем в нее?

- Он мог, - сказал Кингсли, не сумев сдержать оттенок гордости в голосе.

Он, возможно, уже потерял первенство своей любви для Сорена в сравнении с чувствами к его Малышке, но когда-то именно Кингсли был победителем.

- Он любил тебя. - Кристиан сказал эти три слова так, словно обнаружил Святой Грааль. - Всю свою жизнь я задавался вопросом... смерть Мари-Лауры - это как рана, что не зажила. Почему она умерла. Что заставило ее... ты и Стернс. Я подозревал, но никогда не верил.

- Что ты подозревал?

Качая головой, Кристиан оглядел комнату, словно никогда не видел ее прежде.

- Свадьба. Я наблюдал за вами тремя. Мари-Лаура не могла перестать пялиться на него. Конечно. Она была невестой. Но ты не смотрел на нее, на твою собственную сестру, которая выходит замуж. Ты смотрел на него. И он...

- И он смотрел на меня.

- Господи Боже..., - его старинный друг поставил чашку чая обратно на стол и уставился на него. Он пробежал пальцами сквозь волосы, или то, что от них осталось и потер свое лицо. Его руки повисли по бокам, и он выпрямился. - Перед окончанием школы... перед летними каникулами... тебя отнесли в лазарет. Ты...

- Non. Это не так. Это не было... мне сложно объяснить.

- У тебя было так много подружек.

Кингсли встал и подошел к Кристиану.

– У меня до сих пор их много. Как там в том стихе? “Нет ни еврея, ни грека, нет ни раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского ибо все вы одно в постели Кингсли”?

Он потрепал Кристиана по щеке в снисходительной манере. Его друг вздрогнул, поймал себя на том, что вздрогнул, а затем рассмеялся.

- Это должно быть какой-то перевод “К Галатам”*(Прим. Послание к Галатам — книга Нового Завета, написанная апостолом Павлом и адресованная христианской общине Галатии), который мне не знаком.

- Это мой личный перевод. С тобой все в порядке, Кристиан? Выглядишь немного бледным.

- Я справлюсь. Может быть. Я пытаюсь, уложить в голове все это... хотя, некоторые вещи обрели смысл. Стернс всегда был таким отчужденным.

- Просто так получилось... мы были всем друг для друга. В эту школу, кроме медсестры, не ступала ногой ни одна женщина.

- Медсестра Джен, в возрасте девяти лет и весом в сто девять килограммов.

- Exactement. Точно.

- И твоя сестра, - напомнил ему Кристиан.

- И моя сестра.

- Значит, кто-то отправил тебе мою фотографию, где вы со Стернсом. А ты и Стернс были...

- Мы были любовниками, Кристиан, - поддел Кингсли. – Ты священник, а не девственник.

Кристиан одарил его полуулыбкой.

- Правда. Ты говоришь “были”. Это действительно дела минувших дней. Он священник сейчас. Он не может...

- Не беспокойся о le prêtre. Он и я далеко в прошлом. Его прихожане поклоняются ему почти так же, как Богу. Он никогда не предавал их доверие.

- Хорошо... это хорошо. Я никогда бы не рассказал, конечно. Я не могу рассказать ничего из этого никому. Но я буду лучше спать, зная, что ваше прошлое в прошлом.

- Так и есть. Или было. Кто-то знает о нас. Или думает, что знает.

- Были какие-то другие угрозы?

- Были инциденты. Кое-что было украдено из моего дома. В детскую спальню отца Стернса вломились. Но я не могу говорить об этом.

- Ты думаешь, - начал Кристиан, и остановился. - Я имею в виду, вы были на скале, где нашли Мари-Лауру.

- Я был там, да.

- Зачем?

Кингсли уставился на Кристиана.

- Je ne sais pas. *Я не знаю.* Воздавал дань уважения. Она была всем для меня после смерти родителей. У меня почти не было отношений с бабушкой и дедушкой, которые взяли меня к себе. Они любили меня, потому что я был их внуком, и ни по какой другой причине. Но Мари-Лаура, она сделала все, чтобы приехать в Америку, чтобы быть со мной. Pourquoi?

Кристиан посмотрел на него пустым взглядом.

- А почему ты спрашиваешь? - повторил Кингсли.

- Я не уверен. Просто мысли. Ты не думаешь, что кто-то считает, будто ее смерть не была несчастным случаем? Что если кто-то подумал... если кто-то обвинил вас? Без обид, но я помню ее первый день здесь лучше, чем помню твой первый день здесь. Черт возьми, лучше, чем я помню мой собственный.

- Я почти не обиделся. Я никогда не встречал ей равных по красоте. Ты думаешь, что...

Кристиан подошел к окну скита и отодвинул занавеску. Он указал на горный хребет, где Кингсли и Сорен стояли менее часа назад.

- Что случилось в тот день, Кинг?

- Она была зла на меня. Она убежала. Она упала и разбилась о скалы.

- Упала... или прыгнула?

Кингсли не смог встретиться взглядом с Кристианом. Священник задал ему тот же вопрос, который Кингсли задавал себе с того момента, как увидел внизу разбившееся тело своей сестры.

- Она прыгнула... мне кажется. Но я не могу сказать наверняка. Она сменила веру, когда они с отцом Стернсом поженились. Ей могло быть отказано в католическом погребении, если бы она совершила самоубийство. Mais...

Кристиан посмотрел на него с глубоким состраданием.

- Ты говорил, что вы повздорили. Что было причиной вашей ссоры?

Кингсли застонал и сжал переносицу.

- Она... Мари-Лаура...

Он обнаружил, что на мгновение не в состоянии продолжать. Разговоры о том времени, о смерти Мари-Лауры, наполняли его чувством, которое он редко - если и вообще когда-либо испытывал - стыдом.

- Она застучала отца Стернса и меня вместе. Она увидела нас.

- О Боже. - Кристиан поднял руку ко лбу. - Это происходило между вами и после того, как он женился на ней?

Кингсли кивнул.

- У меня и Мари-Лауры не было ничего, ни цента за душой. Мы хотели остаться в Америке, остаться вместе, но не могли. Ей нужно было возвращаться в Париж, к своей балетной труппе. Я не мог ее снова потерять. И Стернс, он предложил идеальное решение. Если бы он женился, то получил бы трастовый фонд, что его отец создал для него - миллионы долларов после его двадцать первого дня рождения или на следующий день после его свадьбы, в зависимости от того, что наступит быстрее.

- Значит, она знала, что этот брак только на словах.

- Ты же видел le grêtre. Ты помнишь, как он выглядел тогда - почти так же красив, как и сейчас. Она согласилась на брак и сказала, что поняла, что все было только ради денег. Но она любила его.

- Она любила его, а мы его ненавидели.

- Потому что вы не знали его. Я любил его. Тот, кто знает его, любит. Если его не любят, значит его не знают.

Кристиан продолжал смотреть на Кингсли.

- Ты все еще любишь его, мой друг.

Кинг попытался посмотреть в глаза Кристиану и не смог.

- Это единственный грех, который я позволю отпустить мне.

Кристиан подошел к нему и мягко положил руку на лоб Кингсли.

- Любовь - не грех. Это единственная вещь, из всех, что ты сказал мне, которую я не хочу тебе отпустить.

Смеясь, Кинг снял руку Кристиана со лба и оттолкнул ее. Тридцать лет исчезло с одним игривым жестом. Они были мужчинами сейчас, но все еще мальчиками.

- Он знает? - спросил Кристиан.

Он сел за кухонный стол и отодвинул чашки в сторону.

- Да. Он всегда знает. Я любил его, когда мы были подростками, и он никогда не отвечал мне взаимностью. Ни тогда. Ни сейчас. Не таким же образом. Или, возможно, таким же образом, но не так сильно.

- Тогда, он не должен был использовать тебя.

- Peut-être. *Может быть.* Но даже если бы ты сказал, что тогда он не любил меня и никогда бы не полюбил... - Кингсли снова расплылся в греховной улыбке, - ...я бы не стал ничего менять.

- За исключением смерти Мари-Лауры, конечно.

Это утверждение прозвучало, как вопрос, и Кингсли был вынужден ответить на него.

Если бы Мари-Лаура не умерла, как бы они жили сейчас? Она и Сорен до сих пор были бы в браке. Что бы это означало для них обоих? Сорен хотел попытаться построить жизнь с Мари-Лаурой. После того, как он понял, что его молодая жена действительно любила его, он был полон решимости быть хорошим мужем для нее. Их брак не был консумирован в течение нескольких месяцев после свадьбы. Сорен ждал подходящего момента, чтобы сказать ей о своих потребностях, что только причинение боли смогло бы удовлетворить его.

Он выложил этот план Кингсли. И тогда они боролись еще жестче, чем в тот день, когда Кристиан сделал их фото. Кинг сходил с ума от ярости и горя при мысли о Сорене с кем-либо еще, особенно с его собственной сестрой. Любой другой брат защищал бы честь сестры, отказываясь разрешить ее садисту мужу сказать ей, что он должен будет ее бить, если они когда-нибудь станут любовниками. Но страдания Кингсли были только за себя одного. Если Мари-Лаура хотела боли, у нее был весь мир для этого. Но жестокость Сорена принадлежала Кингсли.

Он угрожал Сорену, пригрозил рассказать всем в школе о том, что они были любовниками. Глупая, пустая угроза, что не имела бы никакого влияния, даже если бы Кингсли пришлось пойти на это. Трастовый фонд Сорена уже принадлежал ему. Теперь он и Мари-Лаура были богаты. Вольны идти, куда им заблагорассудится. Кинг боялся больше всего на свете, что Сорен и Мари-Лаура уйдут и оставят его позади.

Сорен оставался спокойным во время худшей из истерик Кинга, и в конце, когда тот исчерпал себя от горя и гнева, Сорен взял лицо Кингсли в свои руки и поцеловал. И этот поцелуй превратился в нечто большее. Когда рубашка Кингсли соскользнула с его плеч и приземлилась с шорохом на землю, Сорен опустил голову и впился зубами в ключицу Кингсли, заставляя того застонать от удовольствия и боли и чувства огромного облегчения и... вот тогда Мари-Лаура застала их врасплох. И хотя ее сердцу оставалось биться еще лишь несколько минут, пока она мчалась через лес, Кингсли знал, что это и был тот самый момент, когда она действительно умерла.

- Конечно, - ответил он сейчас, но не был уверен, что говорит правду. Будь Мари-Лаура живой, Сорен стал бы учителем фортепиано или профессором колледжа, и его призвание к священству осталось бы без ответа. Кингсли знал, что без Сорена, он был бы покойником. На протяжении более чем десяти лет после того, как он и Сорен расстались, Кинг жил самой опасной жизнью, которой мог. Он бежал от смерти, как он бежал в ту ночь от Сорена, в надежде, что будет пойман и взят. До тех пор, пока они не воссоединились, Кингсли не находил цели, причины жить.

И Элеонор... Нора... Малышка Сорена. Она тоже могла бы покоиться в могиле, в шести футах под землей, не появившись Сорен в ее жизни. Заманчиво, признался себе Кингсли. Мир без Норы Сатерлин - ему почти хотелось посмотреть на это.

- Я имею в виду только то, что произошло между отцом Стернсом и мной в подростковом возрасте. У меня нет никаких сожалений о том, несмотря на то, что теперь он священник. И очень набожный.

- Но не слишком набожный, чтобы показываться в общественных местах с тобой.

Кристиан улыбнулся.

- Вряд ли это общественное место. Да и сейчас он, скорее всего, читает мессу в часовне с отцом Альдо.

- Ах, отца Альдо давно нет. Венулся в Южную Америку. Теперь он спасает души южного полушария.

- Уверен, студентам не хватает его стряпни.

- Всем нам не хватает. Только Мари-Лауре удавалось приготовить крем-брюле лучше. Ради него можно было умереть.

Кингсли тяжело вздохнул.

- Возможно, именно поэтому она умерла.

Кристиан поджал губы и посмотрел на него наполовину с весельем, наполовину с отвращением.

- Ты ненормальный. Ты понимаешь это, да?

- Ты священник или психолог? Я не совсем уверен, что хуже.

- Я и то и другое. - Кристиан уселся на край кухонного стола. - Магистр богословия и психологии. Кандидат психологических наук. Священники должны быть психологами. Особенно в школе для проблемных мальчиков. И не нужно быть доктором наук, чтобы увидеть, что ты по-прежнему глубоко скорбишь о своей сестре. Каждая твоя маленькая шутка об этом - еще одно доказательство.

Кингсли чуть не пошутил еще раз, но остановил себя. Кристиан был прав. Зачем отрицать правду?

- Bien sûr. Конечно, я до сих пор скорблю о ней. В последнее время больше, чем последние годы. Пребывание здесь не помогает.

- Из-за этого гораздо труднее забыть, я уверен.

- Разговор с тобой помогает. Признаю, что в большой мере за ее смерть был ответственен я.

Кристиан покачал головой.

- Не уверен, что так было на самом деле. Самоубийство... является тягчайшим из всех грехов. Убить другого, это убить одного человека. Убить себя - это убить всех людей. Увидеть своего мужа со своим братом, ужасно? Да. Абсолютно ужасно. Но убить весь мир за это? Возможно, там происходило что-то гораздо большее.

- Больше?

Кристиан опять встал и начал наматывать круги по маленькому помещению. Кингсли помнил эту его привычку. Кристиан никогда не мог усидеть на месте. Он должен был ходить и ходить, если нужно подумать.

- Фотография тебя и Стернса, та, которую я сделал, была отправлена анонимно. Ты принял это как угрозу.

- Это угроза. Другие инциденты... они тоже представляют собой угрозу. Детская кровать отца Стернса была сожжена дотла. Из моего офиса был украден документ. Этот документ содержит частную информацию о Стернсе. Информацию, которая может навредить ему. Он этого не заслуживает. Если кто и заслуживает того, чтобы быть священником, это он.

- Что ж, если ты так говоришь, я верю тебе. Значит, все эти угрозы имеют отношение к частной жизни Стернса. Мари-Лаура умерла там, на той скале. И угрозы... все эти угрозы...

- Все они связаны с ним, да. Мы знаем это.

- С кем еще они связаны?

- С тремя людьми. Только три человека, с которыми он когда-либо был, и это все, что я могу сказать.

- Только три? - Кристиан ухмыльнулся и Кингсли мельком увидел озорного подростка, которого знал. - Тогда даже я обставил его.

Кинг выдохнул через нос и уставился на голые поленья у камина, где он и Сорен как-то ютились под одеялами вместе, чтобы согреться, в морозный зимний вечер. Кингсли никогда раньше не был так благодарен за холода.

- Я просто не знаю, кто бы посмел причинить ему...

- Кингсли, я собираюсь рассказать тебе кое-что, и я не хочу, чтобы ты меня ненавидел за это.

Кинг вскинул на него острый взгляд.

- Расскажи мне.

- Я ненавидел Стернса. Еще когда мы были в школе. Я не использую слово *ненависть* необдуманно.

- Я знаю, что ему завидовали.

- Завидовали и ненавидели. Он был лучше, чем все остальные. И нет, я не говорю, что он думал, будто был лучше, чем мы. Я не верю, что он так думал. На самом деле он был лучше, чем все мы - умнее, красивее, да до сих пор красивее, чем любой человек, которого я когда-нибудь видел. Он мог выучить новый язык быстрее, чем я мог выучить новую мелодию на гитаре. Он играл на пианино, как Бог. И местные священники поклонялись ему. И когда твоя сестра, самая красивая девушка из всех, кого когда-либо видели, приехала в гости, именно он был тем, в кого она влюбилась и вышла замуж. Тридцать лет назад я хотел его смерти.

- А сейчас?

Кристиан покачал головой.

- Подростковые гормоны и тоска. Теперь я могу только восхищаться им. И немного беспокоиться за его прихожан.

- Не волнуйся. Они находятся в лучших руках. Но о чем ты говоришь?

- Я говорю, что кто-то явно ненавидит Стернса. Все еще ненавидит его. Если кому-то известно что-то о тебе и о нем, о Мари-Лауре... если кто-то любил ее даже больше, чем я, и обвинил Стернса в ее смерти...

Кристиану не было нужды продолжать. Мотив, который ускользал от Кингсли все лето, после того, как он обнаружил свою свору ротвейлеров накачанными наркотиками и что документ об Элеонор исчез, вдруг все стало ясно. Первой любовницей Сорена была его собственная сестра Элизабет. Его вторым любовником был Кингсли, студент, когда тот сам был учителем. Запретный плод во многих отношениях. И его Элеонор, его истинная жена намного больше, чем Мари-Лаура, ей было только пятнадцать лет, когда Сорен и она влюбились друг в друга. В пятнадцать лет она была его прихожанкой.

- Кристиан, ты можешь быть прав. Кто-то мог быть влюблен в Мари-Лауру, влюблен достаточно, чтобы искать возмездия для отца Стернса даже после всего этого времени. Ты дружил со всеми в школе. Кто еще был в нее влюблен?

Кристиан тяжело вздохнул. Он подошел к небольшому письменному столу и открыл средний ящик. Из него он достал фотографию в рамке и понес ее Кингсли. Кинг взял фото и уставился на него. Дыхание перехватило в горле, и он не мог сглотнуть. Из рамки на него смотрела девушка, едва ли двадцати лет. Ничем, кроме избитых фраз невозможно было описать ее красоту; шелковые красновато-коричневые волосы, медные глаза в обрамлении бесчисленных ресниц, веселая улыбка, что не вполне отвечало тому неземному взгляду. Она была танцовщицей с изящной шеей и руками, и оливковым цветом лица как у ее брата.

- Ма соеиг... - Кинг прикоснулся кончиками пальцев к стеклу.

Он перевел взгляд от фотографии к Кристиану.

- Кто был влюблен в нее? - повторил Кристиан. – Кингсли... мы все были.

Глава 21

Юг

Как только они вошли в гостевой дом, Нора добралась до своего ноутбука и телефона. Неизвестно почему, но Кингсли не отвечал по своей частной линии. Она пыталась дозвониться до его помощницы, но не получила ничего, кроме загадочной отговорки. Кинг был как раз тем человеком, который был ей нужен для этой работы.

- Нора, оставь это, - сказал Уесли, пока она опять обрывала горячую линию Кинга.

- Он ответит. - Нора набрала номер еще раз. - Это горячая линия. Он всегда отвечает по горячей линии. Я слышала, как этот француз трахается так много раз, что сбилась со счета, потому что независимо от того, что он делает, или кого он отделявает, он всегда отвечает по горячей линии.

- Прекрати названивать ему. Если Ни За Что Отшлепанный погиб от удара током или чего-то еще, следователи разберутся и оштрафуют тех, кто должен быть оштрафован.

- Но это же конь Талела. – сидя на полу, Нора повернулась к Уесли, который присел на угол своей кровати, наблюдая за ней. - Я знаю Талела. Он и мухи не обидит, не то, что убьет электрическим током коня.

Уесли поднялся с кровати и встал перед ней.

- Послушай, Нора, я знаю, что он твой друг, и это здорово. Но скачки — грубый бизнес. Это не груды шелка и “Район Миллионеров”. Это жестоко, опасно, и грязно.

- Но Талел...

Нора стала листать список контактов в телефоне. Конечно, у нее где-то был номер Талела. Она должна была поговорить с ним о сегодняшнем дне. Она знала его. Даже в библейском смысле. Он хотел боли, это было его извращенной фантазией. Но причинить боль кому-то? Никогда. Сатерлин отказывалась в это верить.

- Талел миллионер-коневладелец и эксцентричный извращенец, как и остальные твои друзья. Он не святой, понятно? Ты знаешь, как можно определить, что у Чистокровной кобылы было потомство? - Нора услышала едва сдерживаемый гнев в голосе Уесли.

- Нет. Как?

- Потому что у кобылы есть рубец и видимый шов под ее вагиной. Да. Факт. Кобылу разрезают, чтобы она смогла принять жеребца побольше. Затем ее сшивают. Потом снова разрезают для следующего спаривания. Затем сшивают. Потом опять разрезают. Вновь и вновь.

Нора зажала ладонью рот с отвращением.

- Ты, должно быть...

- Шутишь? Нет. Я это сам видел. Это лишь часть той мерзости, что происходит в этом королевском спорте. Твой лучший друг Ни За Что Отшлепанный мог бы прожить тридцать и больше лет. Но либо кто-то хотел получить за него немного денег со страховки, либо, чтобы у него было еще несколько побед, от которых он получит такой гонорар, что мало не покажется. Ты видишь в лошади домашнее животное. Талел и каждый коневладелец видит знак доллара. Много знаков доллара. Лошади всего лишь гоночные автомобили для этих людей. Ты разбиваешь автомобиль, звонишь в страховую компанию и получаешь чек. Мне не нравится, ни то, ни другое, но это так.

Желудок Норы сжался в твердый ком от чувства вины.

- Гоночные автомобили не живые. Они не чувствуют боли. Они...

- Теперь ты знаешь, почему я не полностью в семейном бизнесе.

- Да, вижу. Прости меня, Уес. Просто, Талел и я давно знакомы, и он хороший...

- Ты спала с ним, да?

Уесли задал вопрос без тени злобы и обвинения в голосе. Только печаль. Она предпочла, чтобы он назвал ее шлюхой в лицо, как его отец.

- Да. Несколько лет назад. Он подарил мне Астон Мартин.

Какое-то время Уесли молчал. Нора только смотрела на него, пока он, казалось, подыскивал слова. Она редко видела его таким мрачным и таким тихим. Когда они жили вместе, он постоянно шутил и дразнил ее. И она упивалась его молодым мужским вниманием. Но Уесли больше не был подростком со стояком на женщину постарше. Он признался, что любил ее, по-прежнему любил после пятнадцати месяцев разлуки. И у него был шанс заняться сексом со своей прекрасной старшей подружкой, и он не воспользовался им. Это было не мимолетным увлечением, Уесли любил ее. И она оставила Сорена, оставила свой ошейник, ради Уесли. Как надолго, она не знала. Но Сорен запретил ей бежать от него, и в ту же секунду, как только она исчезла с поля его зрения, она сбросила высокие каблуки и помчалась, словно судьба мира зависела от того, чтобы добраться до Уесли в рекордно короткие сроки. Она тоже любила его. Хотела она этого или нет.

- Уесли?

- Знаешь, - сказал он, одарив ее слабой улыбкой, - я мог себе позволить купить все Астон Мартини, которые бы ты пожелала.

Нора отбросила в сторону мобильник и столкнула свой ноутбук на пол. Вставая на ноги, она начала тянуться к парню, но он сделал шаг назад.

- Пойду покормлю сомов. Я вернусь.

Он повернулся на пятках и резко вышел из комнаты.

Оглядев пустое пространство, Нора могла только повторить «*Покормлю сомов?*» Она начала идти за ним, но ее мобильный разразился "Болеро" Равеля.

- Кинг, слава Богу. Я звонила тебе весь день. Ну, на протяжении последних пяти минут. Где тебя черти носят?

- В Мэне, ma chérie, - ответил Кингсли своим самым жизнерадостным голосом. - Вижу, ты звонила много раз. Так по мне соскучилась?

- Черта с два. Но я соскучилась по твоим связям. Угадай, кого я встретила сегодня?

- Талела.

Нора вытянула руку и какое-то время пялилась на телефон, прежде чем приложить его обратно к уху.

- Я ненавижу, когда ты так делаешь: знаешь о моей жизни больше чем я.

- Я внимателен, ma chérie. Ты же - писательница.

- Намек понятен. Все равно, его конь погиб. И он, возможно, убит электрическим током. Я не думаю...

- Chérie..., - Кингсли тяжело вздохнул, и Нора услышала что-то в его голосе, что она слышала редко, разочарование. - Боюсь, смерть лошади - это наименьшая из моих забот сейчас. У меня и твоего священника есть проблемы гораздо серьезнее.

- Но...

- Это для твоего же блага, Maîtresse. Оставь это. Это просто лошадь. Они приносят превосходные entrée (Прим.: гонорары).

- Но...

- Нора?

- Что?

- Ты сама по себе.

И с этими поистине безучастными словами, Кингсли повесил трубку. Нора смотрела на телефон несколько секунд, прежде чем бросить его на пол и погнаться за Уесли.

Покормить сомов? Неужели это означает, что он на самом деле собирался... кормить сома?

За пределами гостевого дома, Нора остановилась и огляделась. Куда, черт возьми, ушел Уес? Она нашла дорожку, выложенную булыжником, за домом и решила следовать по ней. Низкий каменный забор граничил с тропой. Пока она шла, Нора думала о прошедшей паре дней с Уесли. Все было идеально и одновременно ужасно.

В их первые часы вместе они не делали ничего, кроме как беспрерывно говорили о последних пятнадцати месяцах, обо всем, что произошло за то время, пока они были в разлуке. Пятнадцать месяцев разделяло их, когда они обнимали друг друга в Белой Комнате Восьмого Круга. Но проходили часы, а они рассказывали историю за историей, что заполнило разрыв между ними. Нора рассказала Уесли о воссоединении с Сореном, какими странными были те первые несколько недель, когда она снова стала его собственностью. В ту ночь, когда они показались в Восьмом Круге с ней, одетой в ее ошейник, весь клуб пиялился, в ошеломлении. Она так нервничала, ей было так неудобно, что она была Госпожой, а теперь вновь стала нижней Сорена. Как пало ее могущество. Но затем она увидела, как деньги переходят из рук в руки. Как собравшиеся давали друг другу "пять". Как тыкали пальцами. И множество "я же тебе говорил", и "я так и знал". Люди делали ставки на то, когда она вернется к Сорену. И никогда не стоял вопрос, капитулирует ли она перед ним. Вопрос был лишь в том - когда.

А Уесли, он рассказал ей о том, что происходило в его мире за эти пятнадцать месяцев после того, как он переехал обратно в Кентукки. Ничего не произошло, по его словам. Он закончил учебный год как в тумане, упаковал вещи, отдал свой потрепанный желтый фольксваген и улетел обратно в Кентукки. Пару дней в неделю он работал в местной больнице санитаром, только, чтобы не потерять голову от всех денег и привилегий в его мире, и всей бедности и страданий повсюду. Остальное время он помогал на ферме. Семья Райли содержала несколько тысяч гектаров земель с чистокровными Рысаками, стоимостью в миллион долларов. На территории фермы была не одна, а две больницы для лошадей, десятки амбаров, таких же роскошных, как особняки, даже с плавательными бассейнами для лошадей. Уесли признался, что чувствовал себя комфортнее в своей комнате в маленьком тюдоровском домике Норы, в Коннектикуте, нежели он когда-либо ощущал себя на ферме своих родителей. Вот почему он не сказал ей о деньгах, ферме, известности, которую он носил как плохо сидящий костюм в коневодческих кругах. Вот почему он купил подержанный Жук, чтобы приехать в Коннектикут, и не взял с собой в университет свой Шелби Мустанг. Вот почему он оставил все вещи от Гуччи дома в Кентукки и носил одежду из GAP и Old Navy (Прим.: *Gap Inc. Gap Inc. (произносится Гэп) — американская компания, крупнейший ритейлер одежды в США и владелец второй по величине в мире сети магазинов по продаже одежды. Насчитывает 3150 магазинов в США, Великобритании, Канаде, Франции, Ирландии, и других странах. Одежда продаётся под торговыми марками Gap, Banana Republic, Old Navy и Piperlime*), будучи в Йорке. И когда Нора решила стать Госпожой еще раз, а Уесли предложил ей все до гроша, ей следовало принять это. Нора заснула на груди Уесли в их первую ночь вместе. Они не целовались, не занимались любовью, только говорили. Но их слова свели их снова вместе той ночью. И именно слова, будучи по-настоящему мощной силой, развели их сегодня.

Приближаясь к концу мощеной тропинки, Нора вдохнула запах теплой стоячей воды и водорослей. Впереди она увидела высокий фонарь, освещающий деревянный причал, который выходил на большой пруд. А в конце причала стояла так же богато украшенная беседка, как ее собственный дом в Коннектикуте, с диким плющом, опутавшим ее с боков, и полдюжиной горящих свечей от комаров. Уесли стоял на краю причала, уставившись на черную воду. Тысячи звезд мерцали на спокойной поверхности.

- Так значит, - Нора вышла на причал и встала возле него, - кормишь сома?

Он старался не смотреть на нее, когда кивнул.

- Ага. Смотри.

Уес набрал металлическим совком то, что выглядело как корм для собак, и бросил его в пруд.

- Отличный бросок, - сказала Нора.

Собачий корм взлетел дугой в воздухе и теперь плавал на поверхности, в тридцати футах от причала.

- Это не самая прикольная часть. Вот эта прикольная.

- Что э... Бог мой, что это было?

Нора услышала громкий всплеск и увидела, как вода начала бурлить.

- Сомы. - Улыбнулся Уесли. - Городская девочка.

Она показала ему язык.

- Вот так... срань Господня, там их миллионы.

Вода вспенилась от того, что, казалось, сотнями длинных коричневых тел, шлепающих, плюхающихся и вращающихся в воде.

- Всего лишь около ста, думаю. - Уесли бросил еще один ковш еды в воду. - Не помню, сколько насчитали в прошлый раз. Они спят на дне весь день, поднимаются по ночам. Особенно, если ты их кормишь. Среди них есть пара альбиносов. Видишь где-нибудь серых?

- Никаких мини-Моби Диков.

Нора опустилась на четвереньки на край причала, вглядываясь в воду. Длинные чешуйчатые усы выглядывали из нее, гораздо привлекательнее и менее пугающие, нежели акулы плавники.

- Уес, они такие прикольные. Можно мне одного?

Она протянула руку и коснулась спины одного извивающегося сома. На ощупь он был теплый и липкий. Взвизгнув, когда он обрызгал ее, Нора вскочила на ноги.

- Можешь забрать их всех.

- Спасибо тебе. Пусть пока поживут в пруду.

- Хорошая идея.

Уесли положил металлический совок обратно, скрестил руки на груди и посмотрел в ночь. Нора проследила за его взглядом. Они, казалось, не смотрели на луну или даже на звезды, только в темное пространство между ними. Рыбы наелись досыта, и вода стала снова спокойной. Нора осознала, что затаила дыхание, не совсем понимая, почему. Уесли сделал глубокий и медленный вздох.

- Нора я должен ненавидеть тебя. Ты знаешь это, да?

Она взглянула на него и кивнула. Бросив взгляд на небо, Сатерлин нашла одну яркую звезду и начала рассматривать ее.

- Да. Знаю.

- Ты пыталась электрическим током людей. Я стараюсь уложить это в голове.

- Не старайся. В этом нет необходимости. Это просто часть моей работы. Некоторые люди любят, когда их бьют флоггером. Другие - когда их секут кнутом. Некоторые люди любят, когда через их тела пропускают электрический ток. У каждого свои извращенные желания.

- У меня их нет.

- Не иметь извращенных желаний - само по себе извращение.

- Спасибо, что не сказала мне снова, какой я ванильный.

- Уесли, почему я здесь?

- Мы кормим сомов. Вот почему ты здесь.

- Ты понимаешь, о чем я.

Он покачал головой.

- Если ты не знаешь, почему ты здесь, то я-то уж точно не могу тебе этого сказать.

Нора неловко засмеялась. Она никогда не знала, как справиться с Уесли, когда он был настолько отстраненным, что два фута между ними, ощущались, как в две мили.

- Здесь мило. Красиво. Мне нравится эта беседка.

- Мои родители поженились там. - Уесли повернулся и взглянул на нее. - Прямо под этой аркой. Все гости выстроились на причале, как почетный караул. Свадьба года, говорили все. Они сказали, что моя свадьба тоже будет здесь.

Уесли подошел к арочному входу белой беседки и уставился на длинный причал.

- Я приходил сюда, чтобы отвлечься. Это было хорошее безопасное место, чтобы думать о тебе. Или, честно говоря, пытаться не думать о тебе.

- Я думала о тебе каждый день, пока мы были порознь, - призналась Нора. - Каждый божий день.

- Я тоже. Как бы я ни пытался не делать этого. Я приходил сюда, стоял и смотрел на звезды. И когда я поворачивался, я видел, как ты шла по причалу ко мне.

- Я сделала это сегодня.

- Не так, как я мечтал. - Он застенчиво улыбнулся. - В моих мечтах... ты была в свадебном платье.

Нора внутренне поморщилась.

- Думаю, я буду глуповато выглядеть в большом белом свадебном платье.

- Не в моих мечтах. В моих мечтах... ты выглядела красиво.

Она сделала шаг к нему, желая прикоснуться, но вдруг испугалась.

- Уес, ты не должен так сильно меня любить. Я олицетворяю собой многое, но все это не для такого, как ты. Я не знаю, почему я здесь, разве что я просто не могу быть сейчас в другом месте. Я не смогла уйти, как ни пыталась.

- Это пока. Но ты опять уйдешь, верно?

Нора тяжело вздохнула.

- Когда-нибудь ты научишься не задавать вопросы, на которые не хочешь получать ответы.

- Нет причин не задавать вопросы. Ты не можешь сделать мне больнее, Нора. Не больше, чем уже сделала. Ты меня сломала.

- Я никогда не хотела причинить тебе боль. Я пыталась уберечь тебя.

- Уберечь меня? От чего?

- От меня. Моего образа жизни. Моего мира.

- Я не нуждался в спасении. Я нуждался в тебе. Я нуждался в нашей жизни вместе в нашем доме. Это был наш дом, ты знаешь. Ты купила его, я знаю. Но он был наш.

Комок в горле Норы стал больше, и ей пришлось сглотнуть два раза, чтобы избавиться от него.

- Я мог бы выкупить твой дом у тебя, имея те деньги, что были у меня на текущем счете, - продолжил Уесли. - Это карманные расходы для семьи Райли. Ты не знала этого, ты, скорее всего, даже не заметила, но время от времени, когда ты хотела отправить свой ипотечный платеж в банк, я брал чек и разрывал его. И я делал платеж сам, только потому, что мог. Так что да, это был наш дом.

Нора не пробовала заговорить снова. Она не была уверена, что смогла бы.

- И ты меня выгнала. Ради Сорена. Ты заставила меня уехать, после того как я прожил с тобой целых полтора года. А ведь я мыл посуду и готовил еду, убирал твой кабинет и относил тебя в постель после того, как ты отключалась от либо слишком обильного количества вина, либо от переутомления своей писаниной, или того и другого... я ушел. Как будто все это для тебя ничего не значило.

Наконец, Нора обрела голос.

- Это значило для меня все. Просто, Уесли..., - она закрыла глаза, чтобы стереть звезды. - Тебе было восемнадцать лет, в день, когда я встретила тебя.

- Семнадцать.

- Что?

- Мне было семнадцать лет. День рождения в сентябре, помнишь? Мне исполнилось восемнадцать на второй неделе занятий.

Нора прижала руку к животу.

- Семнадцать... еще даже недостаточно взрослый, чтобы голосовать. Семнадцать, в день, когда я встретила тебя, в первый день занятий. Кингсли позвонил мне в то утро. Я была с похмелья и верхом на Гриффине Фиске, когда зазвонил телефон. Один из лучших клиентов Кингсли оказался деканом твоего университета.

Уесли холодно рассмеялся.

- Я не хочу, да мне и не нужно знать это.

- Ты должен это знать. Кингсли позвонил и отправил меня в Йорк, в твой бывший университет. С парнем, который должен был учить ту литературно-писательскую группу первокурсников, случился сердечный приступ. Его нужно было заменить. Я была единственным писателем, которого они могли получить в такой короткий срок. Боже, это было чертовски ужасное утро. Перепалка с Кингсли о работе, перепалка с Гриффином о том, что я никогда не позволю ему доминировать надо мной, наполовину больная от парочки стопок крепкого алкоголя прошлой ночью, а затем мой бывший редактор с Либретто прислала мне семнадцать страниц изменений по моей книге. Семнадцать долбанных страниц. Я сказала ей, что она меня перепутала с Норой Робертс, я писала порнографию. У меня были мои шесть жестких трахов в книге. Пусть примет это или бросит. Плохой день. Очень плохой день. Все, что я хотела в тот день все, что я отчаянно, охренеть как, хотела, был Сорен. Я болела им. Он бы сделал так, что все плохое исчезло. Если бы я была его, в то утро, он вселил бы благоговейный страх в Гриффина, сказал Кингсли, чтобы тот нашел кого-нибудь другого, сказал бы мне заткнуться и делать то, что говорит мой редактор, и тогда он бы раздел меня догола, положил в постель, прижался своим красивым голым телом к моему, и держал меня, пока я не уснула бы и снова проснулась человеком.

- Я не хочу этого слышать. Я не...

- Уесли, просто слушай. День, когда я встретила тебя, начался ужасно. Так ужасно, что я хотела было отказаться от жизни, что я строила для себя, и вернуться к Сорену, и жить у его ног. Ты думаешь, что он ужасный и опасный. Правда в том, что мне никогда не было безопаснее, чем, когда я была с ним. И когда я ушла от него, было страшно и становилось паршивее, сложнее. В какие-то дни мне нравилось работать на Кингсли. В другие, меня едва ли не рвало в своей машине после сеанса с

клиентом, который заплатил мне за то, что не следует делать, ни по любви, ни за деньги. Я была готова сделать это, вернуться к Сорену. Я собиралась позвонить ему в тот день. Я бы пошла в твою аудиторию и посмотрела на тот дурацкий класс, подняла бы всех на уши в надежде, что они покажут мне на дверь, а затем я собиралась позвонить ему и спросить, могу ли я встретиться с ним в приходе. И оказавшись там, я бы отдала ему свой ошейник, встала на колени и умоляла его принять меня обратно. Таков был план. И это бы произошло. В этом нет сомнений. Если бы не одна вещь.

Уесли оторвал взгляд от ночного неба и посмотрел на нее.

- Какая? - прошептал он.

Нора улыбнулась.

- Я увидела тебя.

Наконец, Нора утихомирила Уесли.

- Я увидела тебя, моего Уесли. И я просто забыла. Забыла, что я собиралась вернуться к нему. Совершенно вылетело из головы. И весь день, после того первого занятия, все, о чем я могла думать, был ты. Те твои большие карие глаза и та улыбка, и то, как ты смотрел на меня, как будто... как...

- Как будто я никогда не видел ничего подобного раньше и не думал, что когда-нибудь снова увижу, поэтому я лучше не буду отрывать глаз от тебя ни на секунду.

- Да. - Нора вздохнула. - Точно так. И я даже не вспомнила на следующий день, что хотела вернуться к Сорену. И на следующий тоже. У меня был ты. Помнишь все те наши перекусы в кафетерии в Йорке? Все те взгляды на нас?

- Они не могли поверить, что я обедал с моей горячей преподавательницей по литературе и приносил с собой Библию.

- Хорошие обсуждения у нас были. Я до сих пор жалею, что не приобщила тебя к теологии освобождения* (*Прим.: Христианская школа теологии, в особенности в Римско-католической церкви*).

- Я чересчур Методист* (*Прим.: Методистская церковь — протестантская церковь, главным образом в США, Великобритании. Методисты проповедуют религиозное смирение и кротость*).

К сожалению.

Нора рассмеялась. Затем ее смех поблек и умер.

- Ты сказал, что думал, будто должен уехать из Йорка. Ты до смерти напугал меня. Вот почему я попросила тебя переехать.

- Я сказал это, просто надеюсь, что ты скажешь что-то типа того, что будешь скучать по мне. Приближались зимние каникулы. Я просто хотел узнать твой номер телефона.

- Ну, ты его получил, а затем кое-что еще.

- Больше, чем я когда-либо мечтал получить.

- Но все же недостаточно?

Нора встретила с ним взглядом и попыталась улыбнуться.

Уесли прикоснулся лбом к ее лбу на мили секунду.

- Это, должно быть, один из тех вопросов, которые тебе не стоило задавать.

- Уес, я... - и ничего. Больше ничего не прозвучало. Никакие слова не могли затянуть рану, которую она нанесла его сердцу.

- Я иду спать, - сказал Уесли, отступая от нее подальше. - Уже поздно. Прости, что привез тебя сюда. Нам было лучше остаться где-нибудь на севере. Я просто хотел, чтобы ты увидела мой мир. Но он не так хорош, как я думал.

- Ты здесь. И это делает эту местность прекрасной.

Уесли промолчал и снова обратил взгляд к ночному небу.

Нора протянула руку, чтобы коснуться его руки и остановилась. Забавно, в течение этих пятнадцати месяцев порознь, она чувствовала себя ближе к нему, чем ощущала сейчас, в полуметре от него.

Она сделала шаг назад. Затем другой. Завтра... завтра будет лучше. Сегодня ночью они поспят и очистят мысли, если смогут.

Три дня и Нора должна была признать, что между ними никогда не будет того, что они имели раньше.

- Нора?

Она обернулась. Уесли посмотрел на нее со всей силой своего взгляда. Его глаза горели ярко, как свечи в беседке.

- Что такое, Уес?

- Я должен ненавидеть тебя... но я не чувствую этого.

Нора распознала этот взгляд. Она видела его в глазах десятков мужчин - накал, голод, потребность... Но никогда он не сиял так сладко, так ярко и так красиво. Нет, никогда между ними не будет как прежде. Но все могло быть лучше. На протяжении

трех лет Уесли любил и хотел ее. Он даже сберег себя для нее. Три года... она не заставит его ждать ни дня дольше.

Глава 22

Север

Прошлое

Прошел один день. Два дня. К третьему дню Кингсли думал, что умрет, если Сорен не предпримет каких-либо действий. Он впервые оказался в подобной ситуации. Как правило, это он всегда был преследователем, соблазнителем. Он выбирал девушку и делал по отношению к ней надлежащие ходы, и когда он приглашал ее в свою спальню и говорил ей расставить ноги, она делала именно так, как ей велели. Всегда. Всенепременно. Затем он отпускал ее и оставлял у телефона в ожидании его последующего вызова.

Теперь ждал он, говоря себе: *«Сегодня, это случится сегодня»*. Но этого не случилось ни сегодня. Ни завтра. Кингсли никогда не был более благодарен тому факту, что в ваннных комнатах в общежитии у старших мальчиков были двери, которые запирались. Он проводил там больше времени, чем обычно, и не из соображений гигиены или по причине желудочно-кишечных расстройств. Эта попытка, это ужасное ожидание что Сорен найдет его, удерживало Кингсли в постоянном состоянии нервного возбуждения. Он кончил, почувствовав стеснение в животе, боль в спине, напряжение в бедрах... Ничто не могло облегчить эту потребность, кроме ночи с Сореном. Ночи, которая, казалось, никогда не наступит.

Через неделю по возвращении в школу, Кингсли решил, что Сорен издевается над ним. Той ночью в лесу было насилие, и ничего более. Не похоть, не любовь, а простое насилие. Это значило *все* для Кингсли и ничего для Сорена. По крайней мере, это то, что он говорил себе, или пытался говорить. Если бы он все еще был Стернсом, а не Сореном, Кингсли может быть поверил, что та ночь ничего не значила. Но сейчас он знал имя Сорена и он ощущал его силу. Поэтому он продолжал разгуливать с тяжелыми, как свинец яйцами, с болью в животе, с ноющим сердцем.

В ночь пятницы Кинг не мог заснуть. Физический дискомфорт тускнел перед душевными муками желания Сорена и ожидания Сорена и отсутствия любых знаков от Сорена.

В какой-то момент Кингсли задремал, ему снился дом и кровать в огне, и проснулся он только когда пламя начало лизать его ноги. Его глаза распахнулись, и он

сел в постели, тяжело дыша. Поднеся руку ко лбу, он почувствовал, что пот пропитал его кожу. Он провел пальцами по своим длинным, влажным волосам.

Чашка холодной воды появилась у его губ и Кингсли с жадностью выпил ее. *Подождите. Вода?* Кингсли чуть не подавился, но его рот накрыла рука и заглушила кашель.

- Ты болен?

Кингсли больше почувствовал шепот, нежели услышал.

Он покачал головой, и рука медленно отодвинулась от его рта.

- Merci, - сказал он. - Не болен. Просто плохой сон.

Постель слегка прогнулась, глаза Кингсли быстро привыкли к темноте. Сорен сидел на краю кровати, держа теперь пустой стакан.

Кинг моргнул, не совсем уверенный, что он не спал. Сорен на его кровати посреди ночи. Он мечтал об этом. Грезы наяву, но все еще мечты.

Он никогда не видел Сорена так небрежно одетым раньше. Тот был в одних штанах и белой оксфордской рубашке с расстегнутым воротом. Ни галстука. Ни жилета. Ни пиджака. Ни даже обуви.

Без обуви? Кингсли посмотрел на босые ноги Сорена. Тишина. Он не надел обуви, поэтому он мог двигаться по коридорам в тишине. Хорошая мысль. Кингсли запомнит это.

- Что ты здесь делаешь? – спросил он на французском.

Если вдруг кто-то из мальчиков проснется и услышит их разговор, по крайней мере, он не поймет, о чем они говорят.

Сорен не ответил. Но никаких слов не нужно было, не при таком выражении его глаз. Уже несколько дней Кингсли жил на грани паники при одной мысли о еще одной ночи с Сореном – или еще хуже, что у него никогда не будет еще одной ночи с ним. Но теперь, когда Сорен сидел на его постели, готовый взять его, Кингсли совершенно успокоился. Его сердцебиение замедлилось, дыхание восстановилось.

Куда угодно... он бы последовал за Сореном куда угодно. И что угодно... он сделал бы что угодно, что попросил Сорен.

Сорен встал и подошел к двери. Потянувшись под кровать, Кингсли схватил свою футболку и небольшой рюкзак с вещами.

Когда они покидали комнату, Кинг огляделся, чтобы убедиться, что все его товарищи по-прежнему спали. При его таланте к обману, он не мог придумать

правдивое объяснение, почему они с Сореном пробирались тайком посреди ночи вместе.

В тишине они проскользнули через общежитие, плитка пола была прохладной и гладкой под босыми ногами Кингсли. Он шел за Сореном, а не рядом с ним. Сорен не сказал ему делать так, на словах, но властная природа его позы требовала от Кинга идти позади, и что-то внутри него торжествовало принятием меньшей роли. Он напрягся, когда они подошли к двери сада. Сорен открыл ее для них, и Кингсли опустил голову в знак благодарности, проходя мимо. Дверь за ними закрылась. Они были одни снаружи под Богом и всеми звездами.

- Куда мы идем? - спросил Кингсли, пока они осторожно ступали по прохладной, росистой траве.

К счастью, сентябрь в штате Мэн был еще достаточно теплым - замерзнут только пальцы. Кингсли вдохнул запах ночи и попытался запомнить запахи в воздухе. Сосна... так много сосны. Трудно различить что-то, кроме сосны. Но он мог распознать следы океана не так далеко, и далекого дыма от чьего-то костра. Этот красивый парфюм, парящий в ночи, он будет помнить всегда. Он говорил это себе, следуя за Сореном к опушке леса и вниз по протоптанной дорожке.

- Здесь есть место, куда я хожу иногда читать. Там ты будешь в безопасности.

- Ты беспокоишься о моей безопасности?

Кингсли чуть не рассмеялся. Сорен замолчал и обернулся.

- Конечно, беспокоюсь, - сказал он, и снова начал идти. – За ту ночь... я не буду извиняться.

- Я не хочу, чтобы ты извинялся.

- Я хочу... мне сложно объяснить, чего я хочу.

- Можешь попробовать?

Сорен выдохнул и Кингсли поморщился. Ему действительно было все равно, почему Сорен хотел того, что делал с ним, до тех пор, пока Кинг оставался предметом его желаний. Но ему было любопытно.

- Мне нужно причинить тебе боль. На протяжении многих лет лишь боль была единственным удовольствием для меня. Или, по крайней мере, единственным средством к его достижению. Я думаю то, что случилось, когда я был младше, сделало невозможным для меня, быть нормальным...

- Хорошо, - сказал Кингсли серьезно. - Я провожу слишком много времени с нормальными. Мне нравится, что ты не нормальный. Мне нравится, что ты хочешь сделать мне больно. У меня было так много девушек. Ты даже представить себе не

можешь, сколько девушек у меня было. Пятьдесят, может быть? Далеко не все были девушками. Женщины тоже. Даже учительница один раз. Теперь, я полагаю, два учителя.

Кингсли усмехнулся, когда Сорен тихо рассмеялся.

- Мне кажется, ты никогда не был с девушкой. Не имеет значения. Честно говоря, ты ничего не пропустил. Она лежит себе, хихикает и вздыхает, пока ты вставляешь ей. Я могу проводить лучше большинство ночей наедине с моей рукой. Только... иногда, если она немного боится меня, или девственница и очень боится меня... тогда я наслаждаюсь этим больше. Этот страх я могу пить.

- Я чувствую то же самое, - согласился Сорен, когда свернул с главного пути на узкую тропинку с густыми деревьями. - Но с болью. Мысль о том, чтобы делать то, что ты только что описал с кем-нибудь, оставляет меня мертвым внутри, холодным. Я не верю, что могу быть с кем-либо таким образом. Не делая им больно, вначале. Но ты должен знать кое-что. Я был с другим человеком.

- Кем он был?

Кингсли поморщился, когда наступил на острый камень. Сорен оглянулся через плечо с улыбкой и продолжил идти. Это была часть его плана, Кингсли без обуви на пути, по которому он никогда не ходил раньше. Его ноги начнут кровоточить к тому времени, когда они дойдут до конца. И он знал, что возбуждение Сорена будет нарастать все больше и больше с каждым содроганием и вскриком, слетающим с губ Кингсли. Кинг перестал смотреть, куда он ступал, позволив лесной земле глотать его ноги.

- Это не он.

- Девушка? Я думал, ты жил здесь на протяжении многих лет?

- Я здесь с той поры, как мне исполнилось одиннадцать.

- Одиннадцать?

- Единственной девушкой, с кем я разговаривал, когда мне было одиннадцать, была моя собственная сестра.

Сорен остановился и обернулся. Он ничего не сказал, но ему и не нужно было.

- Mon Dieu... - прошептал Кингсли. - ...Ты и твоя сестра?

Сорен развернулся и продолжил идти.

- Хватит тратить время.

Несмотря на бешеное любопытство, Кингсли закрыл рот и продолжал идти, вздрагивая от каждого сучка или камня, на который наступала его нога. Если они не

попадут туда в ближайшее время, Сорену придется нести его обратно в чертову школу.

Тропинка вывела их на поляну. Огромный плоский камень выступал из холмистого леса, с видом на резкий обрыв над долиной внизу. Кингсли поставил свою сумку у хилого деревца и ступил на каменное плато. Небо взорвалось звездами вокруг них. Кинг подошел к самому краю скалы, пока не встал так, что его пальцы выступали над пропастью. Простирая руки по сторонам, насколько он смог дотянуться, он сдался, подчинился, отпустил себя, и позволил ночи завладеть им.

Его мирная капитуляция длилась до тех пор, пока Сорен не обернул руку вокруг его груди, оттащил его от края скалы и швырнул на землю. Сила падения выбила весь воздух из его легких. Пока Сорен раздевал его догола, Кинг мог только лежать, задыхаясь, мучительно хватая воздух, словно рыба, выброшенная на песчаный пляж.

Воздух. Ему нужен воздух. Камень под его туловищем ощущался, словно железные легкие. Он знал, что завтра его спина будет покрыта множеством синяков от того, как решительно Сорен толкнул его на землю. Завтра он едва ли будет в состоянии двигаться... если выживет сегодня.

- Дыши, - прошептал ему на ухо Сорен.

Кингсли кивнул, все еще не в состоянии говорить. Сорен опустил голову к центру груди Кинга и поцеловал его над грохочущим сердцем. Прикосновение губ Сорена к его обнаженной коже было всем, что ему необходимо. Он успокоился и обмяк в руках Сорена.

- Хорошо. Расслабься для меня.

Сорен говорил тихо, почти нежно, но Кингсли знал, что это были приказы, а не просьбы, и он предчувствовал, что наказание за непослушание будет таким же суровым, как и награда за уступчивость. Кингсли расслабился, как приказал Сорен, позволяя своему телу обмякнуть на камне. Сорен скользнул рукой между его ног и проник в него пальцем. Кинг резко выгнулся и ухватился за плечо Сорена. Сорен взял руку Кингсли и толкнул назад к земле.

- Не сопротивляйся мне.

Кингсли покачал головой. Он не хотел, сопротивляться Сорену, только прикоснуться к нему. Но Сорен, казалось, намеревался забрать все сегодняшние прикосновения себе. Он оставался полностью одетым - в штанах, в рубашке - в то время как Кингсли лежал обнаженным под ним. Сорен приблизился своими губами ко рту Кинга и поцеловал его с грубым нажимом. Кусая, потягивая, повреждая кожу... Кингсли никогда не целовал девушку и с половиной той страсти, с которой его целовал Сорен. Палец внутри него нашел точку, о существовании которой Кинг не знал, и когда Сорен нажал на нее, Кингсли закричал в чистом шоке удовольствия.

Но радость была недолгой. Сорен вышел из Кингсли и оставил того на земле, когда встал и направился к опушке леса. Он подхватил рюкзак Кингсли и принес, но помимо этого сорвал тоненький прутик с дерева.

- На четвереньки, - сказал Сорен, бросая сумку обратно на землю и встав рядом с Кингсли.

- Что?

Сорен поставил ногу на грудь Кингсли и сильно толкнул его, перекатив на живот.

- На четвереньки, - повторил он, и Кинг с трудом поднялся, как было приказано.

На его спину опустился прут. Один раз. Второй. Третий. После пятого Кингсли перестал считать. Через пять минут Кингсли перестал дышать. Он рухнул на грудь, смутно помня, как Сорен отбросил ветку в сторону, как на его рюкзаке открывается молния и что-то холодное и влажное заполняет его. Но когда он почувствовал Сорена, Кингсли пришел в себя.

- Да... - Выдохнул он, и Сорен глубоко погрузился в его тело.

Больно. Без сомнений, это больно. Но это исцелило его. Рубцы на нем, порезы и ушибы, были ценой, которую он платил за такой подарок, как этот момент.

Кингсли вжался ладонями в камень, чтобы удержаться, пока Сорен брал его снова и снова. Он подавался назад, когда Сорен подавался вперед. В момент полного проникновения, Кингсли перестал быть человеком, человеческим существом, и стал ничем иным, кроме как собственностью, объектом принадлежащим и используемым для удовольствия другого. Тем другим был Сорен, которого Кингсли любил. Принадлежать ему, в этом была честь выше, чем что-либо, что он мог себе представить. Если бы мир предложил ему замки и троны, шанс править как принц или король, и все богатства, которые он мог себе вообразить, в обмен на отказ от этого, Кингсли бы сказал "нет", и он не пожалел бы о своем выборе. Ни тогда. Ни впредь.

Тело Кинга начало открываться для Сорена. Боль уменьшилась. Удовольствие возросло, а Сорен двигался в нем методичными толчками и в полной тишине. Кинг жаждал чего-то, чего-нибудь от него, прикосновения, слова, какого-то утешения или успокоения. Но ему также пришлось по вкусу, что Сорен считает его недостойным ласк, присущим цивилизованному сексу.

Сорен зарылся рукой в волосы на затылке Кингсли, по-прежнему удерживая его, пока он толкался в него еще жестче. Более чем нецивилизованно, это было дикостью, и Кингсли наслаждался каждой необузданной секундой.

Он хотел сказать что-то Сорену, хотел сказать ему, как он чувствовал себя, от того, что происходит с ним, но он не знал слов, ни по-французски, ни по-английски, ни на любом из языков... Сорен знал, а Кингсли - нет. Он должен был сказать ему что-

нибудь. То, что он чувствовал, что он чувствовал себя использованным, во владении, как собственность, как раб, заветным, желаемым, нужным, как объект безграничной ценности, из-за которого в желании обладать им, Сорен опустился до кражи, чтобы сделать Кингсли своей собственностью. Под Сореном, Кингсли становился более живым, чем он когда-либо чувствовал себя на любой из девчонок. Он любил своих девочек, любил их всех. Но это было больше, чем любовь. Он не мог придумать слова...не *l'amour*, не *la passion*... *la vie*. Это было самое близкое слово к тому, что он чувствовал, что он мог найти.

La vie. Жизнь.

Пальцы Сорена двинулись от волос Кингсли, на плечи, вниз по спине, пока не остановились у впадин на его боках. Ему нужно было кончить, необходимо кончить, но каким-то внутренним чутьем он знал, что ему не стоит этого делать. Еще нет. Пока не дали разрешения. Сорен даже не прикоснулся к нему и не погладил его, а Кингсли уже чувствовал, что может взорваться в любой момент. Глубоко дыша, чтобы содержать свою потребность, он уставился на землю, на камень, почти черный в ночи. Кинг не был уверен, который был час, но надеялся, что рассвет приближался. Он хотел встретить утро с Сореном. Это утро и каждое следующее.

Но в небе светили звезды, а солнце пряталось за горизонтом. Казалось, прошел час, хотя более рациональная часть мозга Кингсли знала, что все только ощущалось так долго. Боль остановила время в некотором, даже более мощном отношении, чем способна скука. Экстаз прошел в считанные секунды. Агония длилась вечно. И на холодном скалистом утесе, с Сореном ставящим ему синяки с каждым прикосновением, Кингсли имел и то, и другое.

- Пожалуйста..., - слово слетело с губ Кинга, прежде чем он даже подумал об этом. Он сказал это снова. И еще раз.

- Скажи мне, - приказал Сорен, толкая его плашмя на живот.

Кингсли повернул голову, чтобы защитить лицо от камня. Но Сорен остановил его прикосновением. Согнув руку, он расположил ее на земле. С благодарностью, Кингсли лег щекой на предплечье Сорена. Этот жест, такой простой, но такой бережный, почти погубил его. Он бы заплакал от радости, если бы уже не плакал от боли.

- Я не знаю...

И он не знал. Не знал, почему он сказал *пожалуйста*, не знал, о чем он просил. Но ему нужно было что-то от Сорена.

Как-то инстинктивно Сорен, казалось, понял, в чем нуждался Кингсли даже лучше, чем он знал сам. С последним выпадом, он толкнулся в него и кончил в полной тишине, зубами оставляя синяк на шее Кингсли.

Кингсли прикусил руку Сорена, чтобы заглушить собственный стон боли, когда Сорен медленно выходил. Он схватил Кингсли за плечи и перевернул его на спину. В свете луны и звезд, Кинг смотрел, как Сорен расстегнул рубашку и стащил ее. Он аккуратно сложил ее, поднял шею Кингсли и положил рубашку ему под голову. Кинг расслабился на импровизированной подушке и отвел глаза, пока Сорен смотрел на него сверху вниз. Инстинктивно, Кингсли знал, что не должен встречать взгляд Сорена без разрешения. Сейчас он был меньше, чем человек, и не заслуживал тех же привилегий, что и другие люди. Или, возможно, Сорен был больше, чем человек прямо сейчас, и, следовательно, имел право играть роль Бога среди людей. Играть роль? В этот момент, с луной на его плече и всем миром у его ног, Сорен был Богом.

И Бог поцеловал его.

Поцелуй сначала поразил его своей совершенной мягкостью. Губы Кингсли раскрылись, и он вдохнул воздух Сорена. Сорен распахнул рот Кинга шире. Их языки соприкоснулись и переплелись. Сорен не просто пах как зима, он и на вкус был таким же. Несмотря на то, что теплый рот Сорена имел привкус льда, он успокаивал сухие и горящие губы Кингсли. Он хотел, чтобы Сорен растаял ему в рот, чтобы он смог выпить его.

Когда губы Сорена отстранились, Кингсли застонал от страдания. Поцелуй...в котором он мог бы жить вечность. Но он вздохнул от вновь обретенного блаженства, когда Сорен прижался губами к впадинке на его горле. И от его горла, губы Сорена двинулись к плечу Кинга. Правому, затем левому. Над сердцем, Сорен поцеловал его снова. Затем вниз по его груди и над твердой ровной поверхностью живота Кингсли. Если бы они были в постели, Кингсли бы вонзил пальцами глубоко в матрас, чтобы оставаться спокойным. Но не было ничего, кроме камня под ним. Он цеплялся за него и не нашел ничего, чтобы ухватиться.

Сорен, казалось, ощутил его потребность. Он взял руку Кингсли в свою и сплел их пальцы в замок. Интимность этого действия заполнила пространство внутри сердца Кингсли, а ведь он даже не подозревал, что там было пусто. Он хотел все прекратить прямо там и сейчас, чтобы он смог поговорить с Сореном об этом. То, что они делали сейчас, Кингсли знал, было столь же мощным, как миллионы лет солнца и ветра и дождя, что вырезали это плато из склона горы. Каждый поцелуй вырезал что-то из старого Кингсли и создавал новую форму из него.

Однако поцелуи Сорена спускались ниже, и он взял Кингсли в свой рот. И тогда Кинг больше не хотел ничего останавливать. Это может продолжаться вечно. Десятки девушек делали это с ним в прошлом, и он всегда любил это, знали ли они или нет, что делают. Вид невинных девичьих лиц между его ног, с его членом между их мягких, ангельских губ, губ, которыми они целовали своих бабушек, и девиантности этого действия было достаточно, чтобы он кончал с впечатляющим успехом каждый раз. Но теперь, когда Сорен делал это ему, весь смысл акта изменился. Он чувствовал себя недостойным чувствовать рот Сорена на себе. Раньше, со своими девочками, минет

был его правом. Он просил об этом и получал его. С Сореном это ощущалось, словно подарок, которого он не заслуживал. Удовольствие было сверх всего, что он чувствовал за всю свою жизнь. Ничто не приравнивалось к нему. Ничто и никогда.

Кингсли выгнулся, пока его захлестывала волна за волной. Его бедра приподнялись с земли, и пальцы крепко сжали пальцы Сорена. Он зажмурился, когда Сорен подвел его к самому краю. Затем, внезапно, его тело ощутило поток холодного воздуха, когда Сорен отстранился от него. Без предупреждения Кингсли был вынужден опять встать на четвереньки. Он не мог остановить оргазм, поэтому, когда он кончил, это произошло не в рот Сорена, а на холодную каменную почву под ним.

Внезапная перемена в поведении Сорена пристыдила его. Его сперма на земле пристыдила его. То, как Сорен неподвижно удерживал его, пока Кингсли переводил дыхание, пристыдило его. Последняя дрожь оргазма прошла через него, и удовольствие, которое он принял со стыдом, пристыдило его.

Кинг перевернулся на спину и поморщился от боли. Что будет завтра? Он практически страдал, желая увидеть рубцы и синяки. Они были подарками для него, подарками от Сорена. Кингсли будет дорожить каждым моментом, когда будет носить их, и когда они исчезнут, он попросит еще.

Абсурд, не правда ли? Дорожить синяками, словно те были золотыми? Безумие. И, тем не менее, правда. Что-то пробудилось внутри Кинга. Что-то, чего он не мог сдержать. Он опять широко раскинул руки, как будто сдавался небу. И, не осознавая почему, он начал смеяться. Смех наполнил его доверху и излился из него. Он поднялся в воздух и возрос, скатившись к лесу, и эхом раздался через всю долину вниз.

И Кингсли услышал кое-что другое. Другой смех. Смех Сорена. Слышал ли он, как Сорен смеется раньше? Нет, конечно, нет. Он бы запомнил такой звук. Такой не свойственный ему, такой легкий и живой, но столь весомый и реальный. Если бы Бог смеялся, это звучало бы так же.

Сорен дотянулся до Кинга и притянул его ближе. Кингсли лег поперек ног Сорена и расслабился в жаре его тела. Сорен закинул руку на спину Кингсли, и в тишине они оба устали в ночь. Они молчали в течение, по крайней мере, пяти полных минут, пока Сорен не заговорил снова.

- Ты замерз? – спросил он.

- Нет. Я в порядке.

- Ты хорошо справился.

Сорен провел двумя пальцами вниз по позвоночнику Кингсли, и тот возликовал от прикосновения.

- Mercí, - вздохнул Кинг.

Ему не терпелось услышать эти три слова от Сорена, те же три слова, что Кингсли сказал ему после их первой ночи на лесной почве. Но по какой-то причине «Ты хорошо справился» казалось серьезнее, чем простое «Я люблю тебя».

- Уже поздно. Тебе надо поспать. Одевайся. Я отведу тебя обратно в постель.

- Да, сэр.

Кингсли скатился с коленей Сорена и медленно встал. Все болело. Не так, как в первый раз. В первый раз, он был разорван и разрушен. Сегодня он был только надломлен. Это хорошо. Дайте ему неделю, и он будет готов еще к одной ночи, сродни этой.

- Сэр? - повторил Сорен.

Кинг снова засмеялся, пока натягивал одежду.

- Ты учитель, а не один из священников. Я слышал, твои студенты обращаются к тебе *сэр*. Кажется, тебе это нравится. Я мог бы называть тебя *monsieur*.

Сорен обхватил лицо Кинга и тот сразу перестал смеяться.

- Мне нравится «сэр».

Он очертил нижнюю губу Кингсли большим пальцем. Кинг ничего не сказал, лишь кивнул.

Сорен опустил руку и шагнул к краю обрыва. Уже одетый, Кингсли подошел и встал рядом с ним.

- Это Мэн, - сказал Кингсли.

- В самом деле? Я и не заметил.

Кинг подавил желание закатить глаза.

- Я имею в виду, скоро настанут холода. Слишком прохладно по ночам для подобных встреч.

Лицо Сорена оставалось суровым.

- Ты полагаешь, это постоянная договоренность?

Сердце Кингсли упало на дно долины. Или начало падать, пока он не заметил улыбку, притаившуюся в уголках губ Сорена.

- Ты блондинистый монстр, - сказал Кинг, толкая его.

Сорен засмеялся и толкнул его в ответ с удвоенным изяществом и в десять раз сильнее. Кингсли снова оказался на спине, с Сореном оседлавшим его бедра.

- Скажи это, - приказал Сорен. - Извинись.

Он крепко пригвоздил Кингсли к земле.

- Простите, сэр.

- Хороший мальчик.

Кингсли застонал, когда Сорен оторвал его ноющее тело от земли.

- Мы найдем место, - сказал Сорен. - Если понадобится, построим дом своими руками... мы найдем место, чтобы быть вместе.

Вместе... Это одно слово исцелило все раны внутри Кингсли. Синяки остались на теле, рубцы и порезы. Но боль испарилась. Он стал снова невредимым.

- Что если, вон там?

Первые лучи рассвета начали выглядывать над вершинами холмов. У основания долины стоял крошечный каменный домишко, практически поглощенный плющом и сорняками.

- Это старый скит. Он не использовался со времен отца Леопольда в 1954 году.

- Там четыре стены, дымоход...

Что еще им нужно? Ничего, кроме укрытия от непогоды, когда придет зима.

- Это адская дыра. Я видел его.

Кингсли уставился на крошечный домик.

- Ад нам подойдет. Господь точно не хочет иметь с нами ничего общего.

Глава 23

Север

Настоящее

Кингсли нашел Сорена в часовне, сидящим за роялем и играющим перед замороженной аудиторией двадцати мальчиков-подростков. В наши дни, Кингсли с трудом верилось, что подростки были настолько увлечены классической музыкой. Музыкой барокко, исправился он, когда узнал произведение Вивальди Зима, Аллегро для фортепиано. Сорен имел пристрастие к Вивальди, Красному Священнику* (*За*

непривычный для венецианцев рыжий цвет волос, который Антонио унаследовал от отца, его в последствии называли «рыжим священником» (итал. *il prette rosso*)), как он был известен в свое время. Кингсли остановился в задней части часовни, закрыв глаза и позволив музыке властвовать над ним.

Антонио Вивальди ... Кинг делал письменную работу о композиторе тридцать лет назад для музыкального семинара отца Генри. Сорен предложил ему этого композитора. Кингсли немного о нем помнил. Он вспомнил, что Вивальди страдал от астмы настолько сильно, что не мог вести мессу. Вместо жизни в приходе, он отправился в детский дом, где обучал музыке незаконнорожденных дочерей куртизанок. Когда Кингсли прочитал это в биографии Вивальди, он понял, почему Сорен думал, что они с Вивальди могли бы поладить.

Пьеса закончилась, Сорен встал и церемонно поклонился толпе мальчишек, которые собрались послушать. Несколько из них подошли к нему и что-то говорили, пока он прокладывал себе дорогу к задней части часовни. Они, наверное, не встречали священника, как Сорен, который мог бы, так очевидно, получить любую женщину или мужчину, мог иметь карьеру в любой области, но вместо этого принял обет безбрачия и бедности, и отдал все свое время и таланты Богу. Или, по крайней мере, большинство из своих талантов. Несколько он зарезервировал для Элеонор. Повезло сучке.

Сорен подошел к нему и Кинг ничего не сказал, только кивнул, показывая свою готовность уехать. Сорен махнул вежливо на прощание мальчишкам, пожал руку нескольким священникам, когда они уходили. Как только они благополучно оказались внутри автомобиля, со стеклом, отделяющим их и водителя, Кингсли наконец-то почувствовал себя в безопасности, чтобы говорить свободно.

- Ты что-то знаешь, - сказал Сорен, до того, как Кингсли успел открыть рот.

- Я ничего не знаю, - ответил он, наблюдая за тем, как школа Святого Игнатия исчезала позади. – Но, по крайней мере, у меня есть теория.

- Расскажи мне.

- Я виделся с Кристианом. Он теперь священник. Ты знал?

- Конечно, - сказал Сорен. - Я присутствовал на его рукоположении. Он в эрмитаже сейчас?

- Oui. Мы долго говорили.

- О чем?

Сорен сидел напротив Кингсли, который не смог устоять и вытянул ноги, расположив их на сиденье рядом с бедром Сорена.

- О твоей жене.

Сорен сощурил глаза на него и усмехнулся Кингу.

- О твоей сестре?

- О ней сáмой. Кристиан считает, что возможно, кто-то знал о тебе и мне, когда мы были в школе, и предположил, что Мари-Лаура покончила с собой из-за этого.

- Ты действительно веришь, что она совершила самоубийство.

- Я всегда в это верил. Ты женился на ней, но ты не знал ее. Она не была способна на любовь, только на одержимость. Она чуть не оторвала мне руку в день, когда нас разлучили. Она была одержима тобой, и когда она увидела нас вместе... - Кингсли сделал паузу и больше ничего не сказал.

- Она убежала в слезах, упала и разбилась насмерть. Возможно, это было самоубийство, но это был ее выбор. Ты берешь на себя слишком много вины.

- Ты хочешь узнать эту теорию, или ты хочешь спасти мою душу?

- И то и другое. Но на твою душу потребуется немного больше времени. Расскажи мне теорию.

- Кристиан считает, что этот кто-то был влюблен в Мари-Лауру и теперь угрожает нам в отместку.

- Мечь... - Сорен тяжело вздохнул, откинув свою царственную голову на спинку сиденья. - Слишком мелодраматично все это. Фотографии, сожженная кровать... У меня есть любовница, Кингсли, и половина Преисподней знает это. Я влюбился в нее, когда ей было пятнадцать лет. И в тот день я решил, что буду владеть ею. В тот день, я начал тренировать ее для своей постели. Это не секрет. Лишь один телефонный звонок епископу, и я отлучен от церкви. Если кто-то хочет разрушить мою карьеру священника, им нет необходимости прибегать к таким мерам.

- У тебя есть любовница, да, и вся Преисподняя знает, и она и я уничтожили бы любого, кто попытается уничтожить тебя. И да, ты влюбился в нее, когда ей было пятнадцать лет, но ты не взял ее, пока ей не исполнилось двадцать, подвиг титанических масштабов, учитывая, как она провела эти годы, пытаясь соблазнить тебя. Даже если бы твоя паства поймала тебя с рукой вокруг ее горла и на восемь дюймов в ней на алтаре той самой церкви, где они поклоняются, они любят тебя слишком сильно, чтобы рассказать хоть одной живой душе об этом. Ты, вполне вероятно, самый защищенный человек на земле.

- Так что же тогда?

- Цель, которую они преследуют, может быть больше, нежели разрушение карьеры, mon père. Это, прости мой французский, мозготрах. Который, как известно во всей Преисподней, твоя фишка. Кто-то делает с тобой то, что ты делаешь с другими.

- И ты веришь, что это кто-то, с кем мы ходили в школу?

- Должно быть. Кто еще мог знать о нас? О нашей фотографии, сделанной Кристианом?

- У Элеонор есть копия.

- Ты думаешь, Элеонор стоит за всем этим?

- Конечно, нет.

- Тогда кто?

Сорен выдохнул через нос, покачал головой с явной досадой и повернулся, уставившись в окно. Несмотря на то, что он знал, что был в такой же опасности, как и Сорен, Кингсли не мог не посмаковать извращенное удовольствие от бессилия Сорена в этой ситуации. Независимо от того, что случилось в их мире, Сорен всегда держал это под контролем. В любой ситуации, которая возникала, он всегда имел эрудицию, ответы и силу духа, чтобы справиться с этим. Когда садист в 8-м Круге отбивался от рук, Сорен ставил его на место. Когда молодой сабмиссив переставал быть в состоянии отличать, реальность внешнего мира от фантазии сцены, Сорен вправлял ему мозги. Независимо от того, какая драма постигала их мир, Сорен справлялся с ней. Он справлялся с драмами, он справлялся с Преисподней, и он даже справлялся с Норой Сатерлин, единственной женщиной, с которой ни Кингсли, ни любой другой мужчина на земле не мог справиться. Но Сорен, казалось, не мог справиться с этим.

- Кингсли, - начал он, и встретил его взгляд. – Как ты думаешь, кто это?

Кинг мог только пожать плечами.

- Je ne sais pas. Не могу себе представить. Но думаю, в словах Кристиана есть смысл. Мы были так заиклены друг на друге, и не замечали, что были единственными в школе, кто не был влюблен в мою сестру.

- Она была красивой девушкой.

- И единственной девушкой в радиусе пятидесяти миль. Женщин никогда не пускали на военные и пиратские корабли именно по этой причине. Единственная женщина среди мужчин означает бедствие.

- Бедствие – мягко сказано. - Сорен поднял руку ко лбу и оперся локтем на подоконник. - Это было катастрофой. Все это.

Кингсли ошетинился на подтекст сказанного.

- Все это? Я думаю, это несколько преувеличенно. То, что было у нас тобой, разрушено...

- То, что было у нас с тобой, было тем, из-за чего Бог не хотел иметь ничего общего с нами.

Слова Сорена прошили Кингсли, словно пули.

- Я отказываюсь верить, что ты так думаешь.

Кинг обратил на него пристальный взгляд.

- Это были твои слова, Кингсли, после нашей второй ночи вместе. Это то, что ты сказал, когда мы стояли на скале над скитом. Ты тот, кто это сказал, и я цитирую: "Господь точно не хочет иметь с нами ничего общего". Ты, а не я.

Кингсли услышал остатки старого гнева в голосе Сорена, с оттенком горечи, обиды. Обиды? Тридцать лет назад он случайно бросил фразу после того, как был избит и оттрахан, практически до потери сознания и три десятилетия спустя Сорен помнил ее слово в слово. Помнил слова и помнил боль.

- Mon Dieu... Я никогда не думал, что придет этот день. И, наконец, в этот раз, я причинил тебе боль.

Кингсли действительно рассмеялся, громко и нездорово. Сорен свирепо смотрел на него, пока тоже не засмеялся.

- Боже, Кингсли, мы тогда были детьми. Глупыми детьми, играющими в опасные игры после наступления темноты.

- Игры? Это то, чем все было для тебя? Моя кровь на твоём теле, это было игрой?

Сорен тяжело вздохнул. Он сложил руки, словно в молитве, и смотрел на Кингсли над шпилем своих пальцев.

- Нет. Не игрой. Вообще нет. В некотором смысле, то, что было у нас, являлось моим спасением. Я так думал об этом тогда. Молился о том, что это было так, молился, что Бог послал тебя ко мне. Когда ты сказал, что Господь не хотел иметь ничего общего с нами... да, это больно.

Кингсли сохранял спокойное выражение лица и пытался притвориться, будто слова Сорена не наполнили его сердце, как вода наполняет сложенные ладони.

- Я спас твою душу, проливая свою кровь за тебя. Как по-христиански с моей стороны.

Сорен одарил его кислой улыбкой.

- Бог спас мою душу. Ты, однако, спас мой рассудок. До тебя, я думал, что...

Голос Сорена затих и Кинг вдруг понял, что наклонился вперед на своем сиденье. Он хотел прикоснуться к Сорену, его колену, его руке, его лицу, но не отважился, чтобы не разрушить момент. Сорен признавался ему в редких случаях. Поздними

ночами в городском доме, в приходском доме, когда они оба выпивали слишком много вина и слишком мало спали... Сорен иногда немного обнажал свое сердце для Кингсли, достаточно, чтобы Кинг мог понять, что у Сорена оно было...

- Что ты думаешь?

- Ужасные мысли, mon ami. - Сорен улыбнулся. - После того, что случилось тем летом с Элизабет. Я думал, что должен был держаться подальше от всех, как можно дальше от них, чтобы они не заразились тем, чем бы это ни было, что превратило меня в такого. Еще до Элизабет, я знал, что со мной что-то не так. С ней я узнал, что это было.

- Ты унаследовал садизм твоего отца, как я унаследовал глаза моего отца. Но я не он, и ты не твой отец. У тебя есть совесть. У него не было.

- Теперь я знаю это. Будучи ребенком, я не понимал, не мог понять. Я думал, что был рожден ущербным.

- Ущербным? - Кингсли с трудом верил своим ушам. - Когда я увидел тебя впервые, я почувствовал себя исцелившимся. Если ты ущербный, то мне остается только молиться, что когда-нибудь и я стану ущербным.

Сорен опустил сложенные руки и зажал их между коленями. Когда-то, это место было домом для Кингсли. Он любил сидеть у ног Сорена, между его коленей. В эрмитаже, после того, как они вымещали свою похоть и жестокость друг на друга, они превращались из чудовищ обратно в студентов. Сорен принимался за чтение и проверку работ, в то время как Кингсли прижимался спиной к голням Сорена и работал над собственными уроками. Такая цивилизованность после такого насилия, однако ни один из них никогда не замечал странную иронию в этом. Это казалось им правильным тогда. Это могло бы казаться еще более правильным сейчас.

Кингсли соскользнул со своего сиденья и опустился на колени у ног Сорена. Ставив с себя пиджак и бросив его в сторону, он сбросил ботинки, носки, снял галстук и расстегнул воротник. Это было так давно, когда он позволял своей покорной стороне овладеть им, что он почти забыл, как стоять на коленях. Но когда он опустился в пол, эта способность вернулась к нему. Он почтительно опустил глаза в пол. Кинг ничего не сказал. Он ослабил свою по-военному прямую осанку и сдался на волю судьбе.

- Кингсли... - Сорен выдохнул его имя, и Кинг, уперся лбом в колено Сорена.

- Я знаю, вам это нужно, сэръ, - прошептал Кингсли. - Отрицать себя опасно для вас. Мы оба знаем это.

- Я в порядке. - Голос Сорена прозвучал резко, но Кинг услышал брешь в его решимости. - Она уехала всего несколько дней назад.

- Даже когда она здесь, ты сдерживаешься с ней. Я видел. Ты беспокоишься о том, чтобы не сломать ее. Ты знаешь, я могу принять в десять раз больше боли, чем твоя Малышка. Ты же помнишь, да? Сколько я могу выдержать?

Кингсли замолчал и позволил тишине говорить за него. Боль, столько боли. То, что Сорен делал с ним, когда они были подростками... было чудом, что Кингсли дожил до восемнадцати лет. Даже в самые жаркие дни, когда другие мальчики снимали свою форму, чтобы поиграть в бейсбол на лужайке, Кинг оставался в одежде, скрывая синяки, рубцы, порезы, иногда даже ожоги. Он пил боль в те дни, пил как воду, упивался ею, как вином. За эти годы, его язык стал сухим от желания испытать ее снова.

Элеонор Шрайбер... Кингсли взял сабмиссива Сорена и превратил ее в Нору Сатерлин, самую знаменитую Госпожу в мире. Но он создал ее не для мира. Он создал ее для себя. И после того, как он обучил ее, он стал ее первым клиентом. Он платил втридорога за сессии с ней, и она заработала каждый пенни. Но независимо от того, какой порочной и жестокой она была с ним, это никогда не шло в сравнение с болью, что причинял ему Сорен. Нора могла причинить боль его телу прекрасными способами. Но только Сорен мог разодрать в клочья его душу.

- Этому нельзя снова произойти... - Сорен положил руку на макушку Кингсли, как будто благословляя его.

- Pourquoi pas? Почему нет?

- Тереза Авильская... однажды она написала, что не любит Бога и не хочет любить Бога, но она хотела хотеть любить Бога.

- Понимаю. - Кингсли спрятал улыбку. - Ты не хочешь испытывать ко мне желание, - сказал он, поднимая глаза на Сорена. - Но не можешь.

Рука Сорена скользнула от макушки Кингсли на его лицо.

- Да.

Кингсли ждал. Это могло произойти. Сорен мог поднять руку и обрушить ее на его лицо со шлепком, пощечиной, что будет больнее, нежели большинство ударов, что он принял в свое время. И тогда Сорен мог бы схватить его за горло и силой перевернуть его на живот или на спину. Собственным поясом Кингсли, Сорен мог бить его, возможно, даже душить. Там был непочатый край возможностей. Некоторым садистам требовались годы обучения овладеть искусством причинения боли, не причинив вреда. Но у Сорена оно было от природы. Он свободно говорил на девятнадцати современных языках, пяти древних и одном истинном универсальном языке боли.

- Я твой.

Кинг перешел на французский язык, язык, на котором они всегда говорили друг с другом в самые интимные моменты. Французский язык был родным языком Кингсли, и он переходил на него, будучи уставшим, ослабевшим, наиболее уязвимым. С другими он использовал его в качестве оружия, чтобы разоружить или как щит, для отвлечения. С Сореном он говорил по-французски в минуты капитуляции. По-французски он говорил маленьким ребенком. С Сореном он становился таким же беззащитным.

- Je suis le vôtre. J'étais toujours le vôtre, monsieur. Я твой. Я всегда был твоим, сэр.

- Oui. Tu es le mien. Да, ты мой.

Кингсли замер, не в состоянии, не желая двигаться. Впервые за тридцать лет, Сорен назвал Кингсли своим. Он десятилетия ожидал этого момента. Медленно, Сорен провел кончиком пальца по губам Кингсли. Кинг вспомнил ту первую ночь на лесной земле, Сорена толкающего избитое тело Кингсли на спину, и те совершенные пальцы пианиста на его губах. Затем пальцы заменили губы. Поцелуй казался менее личным, чем прикосновение. Он целовал свою мать, свою сестру, своего отца, своих друзей. Французы целовались все время. Поцелуй был ничем. Но прикоснуться кончиками пальцев к чьим-то губам, так эротично, так собственнически, так интимно. До сегодня, Кинг вероятно поцеловал тысячу женщин, полтысячи мужчин. Но он мог насчитать только три человека, которые когда-либо имели привилегию прикасаться к его лицу руками - Нора, Джульетта и Сорен.

- Я до сих пор люблю тебя, как любил в ту ночь, когда ты разрушил меня. - Кингсли говорил исповедь вслух, шевеля губами под рукой Сорена. - Ты можешь разрушить меня снова.

- Я не могу разрушить тебя. - Сорен покачал головой. - И никогда не мог. Твое тело, да. Но внутри тебя есть стержень, которого я никогда не мог коснуться, никогда не достигал, никогда не ломал. Это часть тебя, которая никогда не боялась меня.

- Вот почему ты любил ее, а не меня?

- Она тоже имеет этот стержень. И именно поэтому из всех людей в мире, только тебя и ее я когда-либо любил.

Сердце Кингсли расцвело. Надежда подстегивала его. Даже то, что Сорен поставил его в одном предложении с его Малышкой, означало больше, чем прикосновение его руки к губам Кингсли.

- Во мне нет ничего, что ты не можешь сломать. Я бы позволил тебе уничтожить меня, а потом бы воскрес из собственного пепла за честь быть уничтоженным тобой снова.

- Твоя сестра умерла из-за того, чем ты и я были друг другу. Я не могу рисковать потерять Элеонор, как мы потеряли Мари-Лауру.

- Мари-Лаура любила меня безумно. Я был ее братом. И она любила тебя еще безумнее. Ты был ее мужем. Мы ни то ни другое для твоей Элеонор. И она оставила нас обоих. Закрой глаза, monsieur. Ты ее видишь? Прямо сейчас она в его постели, раздвигает для него свои ноги. Она под ним. Он внутри нее. Она ушла от нас. Нет, она не ушла. Она побежала.

Сорен уронил руку с губ Кингсли. Откинувшись на сиденье, он закрыл глаза.

- Ты, должно быть, дьявол, Кингсли.

Печально засмеявшись, Кингсли поцеловал колено Сорена прежде чем снова скользнуть на свое сиденье. Он опять стал пресловутым французом Доминантом, его ноги на кожаном сиденье, со скрещенными лодыжками.

- Дьявол - Принц Лжи, помнишь? - Он перешел на английский язык. - И ты, и я оба знаем, что я говорю только правду.

Жестокая правда висела между ними остальную часть пути обратно в Нью-Йорк. Кингсли больше не давил. Если это произойдет, это произойдет по выбору Сорена, а не его. Так было всегда. Их мир принимал дикость таких отношений, приручал их, одомашнивал их. Они использовали такие ярлыки, как Доминант и сабмиссив, и разбрасывались такими лозунгами, как Безопасность, Добровольность и Разумность. У всех были стоп-слова. Даже самые жестокие и порочные среди них играли по правилам, иначе они будут выброшены из их подземного Эдема. Но Кингсли знал, что это все выдумка, показуха, самообман. Он и Сорен были больше, чем Доминант и сабмиссив, и правила к ним не применяются. Это была не игра. Когда Кингсли сказал «Я твой», он это и имел в виду. Если Сорен желал сжечь его, искалечить его, продать его, разбить его, он мог это сделать, и Кингсли знал, что он не стал бы, и не смог бы его остановить. Его любовь к Сорену продала его в рабство, и все богатства всех царств, оставшихся в мире, не смогли бы выкупить его оттуда.

К полуночи они, наконец, вернулись в городской дом Кинга. Хотя Сорен не прикоснулся к нему иным образом, нежели пальцами к губам, Кингсли чувствовал, что он был выпорот. Увидев камень, на котором умерла его сестра, посидев в эрмитаже, где Сорен чуть было не убил его так много раз во времена школы, которая была домом для его величайших сердечных переживаний, Кингсли плелся вверх по лестнице. Он знал, что только одна вещь может помочь ему прямо сейчас. Но в этом единственном, ему было отказано. Поэтому, он планировал напиться до беспамятства вместо этого.

Кингсли и Сорен подошли к его апартаментам в конце коридора на втором этаже.

- Я думаю, сегодня Амонтилладо* (*исп. Amontillado, андалузский диалект: «amontilla»*) — сухой херес янтарного цвета, обладающий ореховым ароматом. Возникло в XVIII веке в провинции Андалусия, Испания. Мировую известность амонтильядо отчасти дал американский писатель Эдгар По, который написал рассказ «Бочонок амонтильядо»), - сказал Кингсли, открывая дверь в свою спальню. -

У меня есть выдержанное, такое же старинное как По. Он был бы горд, что мы пьем его.

Сорен стоял у изножья кровати Кингсли, прислонившись плечом к столбику, и скрестив руки.

- По женился на своей тринадцатилетней кузине, когда ему было двадцать семь. Действительно ли мы должны стремиться к тому, чтобы он нами гордился?

Кингсли стащил с себя пиджак и бросил его на пол. Он не мог дождаться, чтобы вернуться к своей нормальной одежде, его темно-серому костюму и вышитому жилету. Его сапогам для верховой езды. Его шейному платку. Это недоразумение от Armani казалось ему маскарадным костюмом. В нем он мог бы слиться с толпой богатых бизнесменов и исчезнуть. Анонимность ему не к лицу.

- Не думаю, что мы с тобой имеем право судить По. Или кого-либо другой. Твоей Элеонор было пятнадцать, помнишь? И я, и мы оба знаем мои преступления.

Сорен ничего не ответил, лишь отвел взгляд, когда Кингсли начал стаскивать с себя одежду. Он делал так всегда. Даже будучи подростками. Даже если Сорен был в теле Кингсли мгновением раньше, из-за какого-то собственного усмотрения, уважения, отрицания, возможно, Сорен всегда отворачивался, когда Кингсли одевался и раздевался в его присутствии. Кинг желал знать, делал ли он то же самое с Элеонор или наблюдал за ней, пожирая каждый момент ее обнаженные изгибы. Кингсли знал, он занимал привилегированное положение в жизни Сорена. Технически, они были связаны, или были, по браку. Сорен и Кингсли могли проводить все время вместе, если бы пожелали, и никто за пределами их мира, не мог осуждать их.

Кингсли натянул сапоги для верховой езды, но остался без рубашки на несколько минут дольше. Детский трюк, чтобы привлечь внимание Сорена, однако он иногда позволял себе это удовольствие. Не тогда, когда священник стоял рядом, его челюсти сжаты и его глаза, смотрят куда угодно, только не на Кингсли.

- Ты остаешься? - спросил Кинг, подходя и останавливаясь прямо перед Сореном, одетый только в брюки и сапоги для верховой езды.

Обычно он ценил, когда мужчины и женщины, побывавшие в его спальне не пялились на его грудь. Его тело было покрыто старыми шрамами и пулевыми ранениями со времен службы на правительство Франции, в звании капитана французского Иностранного легиона. Любовники всегда смотрели на его грудь прямо перед началом допроса.

- Как ты получил пулевые ранения?

- Меня подстрелили.

- Кто в тебя стрелял?

- Все мужья. Твой ведь не вооружен, нет?

Кингсли всегда отражал вопросы своим остроумием, и его любовники любили его за это еще больше. Только Сорен знал правду о его ранах. Кингсли так и не принял католичество в школе Святого Игнатия, как Сорен. Но он рассказал священнику все свои секреты. Как он получил пулевые ранения? Люди, за чью смерть ему платили, иногда стреляли в ответ. Откуда взялись бледные шрамы на его спине? Он был в плену в течение одного месяца у террористов, где его пытали. Как он приобрел плохо зажившие порезы на запястьях? Он почти вырвал свои руки, пытаясь освободиться от наручников, которыми его сковывали. Конечно, эти шрамы ничего не значили для него. У него они были; они зажили. Его шрамы придавали ему флёр таинственности и опасности в Преисподней. Раны, что имели для него значение, принадлежали руке Сорена. Кингсли сожалел только об одном, что за тот год, в роли любовника Сорена, невзирая на то, как бы жестоко Сорен не избивал и не пытал его, у него совершенно не осталось шрамов от их времяпровождения. По крайней мере, ни одного, который было бы видно.

- Я должен идти, - сказал Сорен. - Уже поздно. Я слушаю исповеди завтра утром. И я хочу помолиться о твоей теории, теории отца Кристиана.

- Молись обо всем, о чем захочешь. Я уверен, в этом что-то есть. Хотя бы то, что известно о нашей фотографии, знаешь, говорит о том, что это мог быть только ученик. Или один из священников.

- Ты так говоришь, и ты можешь быть прав. Спокойной ночи. - Сорен лишь на мгновение встретился с ним взглядом. - Запри двери.

- Я никогда не запираю двери, - напомнил ему Кингсли, когда Сорен начал уходить.

- Я знаю, и поэтому из твоего офиса пропало досье Элеонор.

- Я никогда не запираю двери по причине. Если обнаружится, что я боюсь этого города, то мне придется начать бояться этого города. Все знают, что я не запираю двери, и это пугает их больше, чем любые силы безопасности в мире не смогли бы.

Сорен направил на него строгий взгляд.

- Речь идет не о твоём имидже, Кингсли. Речь о твоей безопасности. Делай, как я говорю.

Кингсли сделал несколько шагов в сторону Сорена.

- Я не отвечаю больше перед тобой. Я бы продал то, что осталось от моей души за еще одну ночь с тобой. Но пока ты не решишь снять этот твой чертов воротничок и принять право собственности надо мной и делать со мной то, что ты делал раньше... - Кингсли замолчал и вздохнул, надеясь отчасти приглушить свой гнев.

Только Сорен когда-либо осмеливался указывать ему, что делать. Даже его Джульетта не позволяла себе такой вольности.

- Я не буду подчиняться твоим приказам, пока ты не заработал право давать их мне снова. Теперь ты должен идти. И я обязательно оставлю дверь незапертой.

- Как ты дожил до своих лет до сих пор остается за гранью моего воображения.

- Твое воображение исчезло, когда исчезла твоя писательница. Может, тебе стоит пойти забрать ее у ее нового богатого молодого любовника.

- У меня отличное воображение.

Сорен встал лицом к лицу с Кингсли, который прекрасно знал, что священник сделал это просто, чтобы подчеркнуть четыре дюйма разницы в их росте. Мужчина был настоящей задницей, невыносимо высокомерной задницей.

- Я сейчас воображаю несколько креативных способов причинить тебе чрезвычайное количество боли.

Кингсли поднял подбородок. Считанные сантиметры отделяли их лица.

- Хватит флиртовать. Ты же знаешь, у нас нет на это времени.

- Я не флиртовал. От той боли, что я бы причинил тебе сейчас, получил бы удовольствие только один из нас.

- Только один из нас, как и всегда.

- Не смей меня. Ты умолял об этом. Ночь за ночью, ты молил об этом.

- Конечно, молил. Боль - это единственный известный тебе способ проявлять любовь.

- Это не единственный известный мне способ проявлять любовь. Это единственный способ, который я выбрал для тебя. Ты появился в школе Святого Игнатия и решил стать королем школы. Кто-то должен был превратить тебя в маленького принца, кем ты на самом деле являлся.

- Не таким уж и маленьким. Я думаю, мы достаточно хорошо подходили друг другу в одной определенной области.

- Твое высокомерие, Кингсли, выходило и выходит за рамки всего, что я когда-либо видел в своей жизни.

- Все, что ты когда-либо видел помимо твоего собственного отражения, ты имеешь в виду.

- Ты пытаешься затеять со мной ссору. Это не работает.

- Это уже сработало. Ты уже угрожал причинить мне телесные увечья. Я уже возбужден. Думаю, это уместно назвать одной из наших типичных ссор.

- Я ухожу.

- Доброй ночи, сэр.

Сорен открыл дверь спальни и остановился на пороге. Кингсли смотрел и ждал. Руки его дрожали по причине, которой он не понимал, поэтому он засунул их в задние карманы брюк, подняв подбородок и уставившись на Сорена.

- Что-то забыл?

Положив руку на дверную ручку, Сорен повернулся к нему.

- Ты действительно думал тогда, что Господь не хотел иметь с нами ничего общего?

Кингсли тихо рассмеялся.

- Глупо брошенная фраза. Если бы я знал, что она так сильно ранит тебя... я все равно бы ее сказал.

Теперь Сорен рассмеялся и покачал головой.

- Мне нужно было поверить в то, что Бог свел нас вместе.

Кингсли тяжело выдохнул.

- Пожалуй, он так и сделал. У него было чутье в отношении тебя и меня. Господь свел нас. Только когда мы были вместе, я думаю, он старался не смотреть.

Сорен кивнул.

- Не могу винить Его за это.

Улыбаясь, Кингсли вынул руки из задних карманов и подошел к Сорену. Взял его запястье и разжал пальцы. В его ладонь он положил крошечный крестик на разорванной серебряной цепочке. Сорен уставился на крестик в своей руке, крестик, что Кингсли успел сорвать с его шеи в ночь, когда они впервые занимались любовью. Время остановилось. Миру пришел конец. Никто не заметил этого, кроме Кинга. Потянувшись к шее, Сорен сорвал с себя воротничок. Он шагнул обратно в спальню Кингсли и запер за собой дверь.

Господь закрыл глаза.

Глава 24

Юэ

Уесли сделал глубокий вдох, позволяя себе потерять голову от того, что момент, которого он ждал, молился, возделел и мечтал, наступил.

Прямо сейчас.

Он выдохнул, отпуская свои страхи. Глубокое и прочное спокойствие поселилось в его существе. Это была Нора, его Нора. Женщина, которую он любил, да. Но более того, она была его лучшим другом. Он доверял ей, хотя и не мог сказать почему. Никто в мире не заставлял его чувствовать себя более комфортно. Он достаточно долго ждал. Они оба ждали.

Уесли приблизил рот к ее губам, и она подалась к нему навстречу. Теплый... ее рот был таким теплым... он любил тепло ее тела. Однажды, она заявила, что является медицинской аномалией. Ее естественной температурой тела, даже в здоровом состоянии была тридцать-семь и пять, а не типичной тридцать-шесть и шесть. Она говорила, что это служило доказательством того, что она была горячее других женщин – в буквальном смысле. Но это была не шутка. Ее кожа горела на ощупь. И сегодня, он хотел быть поглощен ее огнем.

Ее язык толкнулся в его рот, но Уесли толкнул его обратно, не желая торопить момент. Он любил Нору в течение трех лет, он жил ею. И теперь Уес собирался потерять с ней свою девственность. Нет, не потерять... подарить.

- Ты уверен? - прошептала она ему на ухо, когда он опрокинул ее на стол в центре беседки, среди еще горящих вокруг них свечей.

- Уверен больше, чем я когда-либо был в своей жизни.

Нора обвила руками его спину и притянула парня ближе. Да, вот что ему требовалось больше всего. Уверенность, что дарили ее руки.

- Хорошо. Я здесь, Уес. Я никуда не уйду.

Лишенный дара речи, он кивнул, желая выразить то, как ее слова заставляли его чувствовать себя. Ему хотелось владеть словом, как она. Когда ему нужно было написать эссе на урок, он всегда шел к ней за помощью. “Я хочу это сказать, но не знаю как”, - говорил он ей, и она брала его неуклюжие попытки согласовать свои мысли и обращала их в красивые предложения, краткие и мощные. Сейчас он нуждался в ней, чтобы помочь ему высказать, как сильно он хотел ее, но не только в сексуальном плане. И как он ее любил, и не просто в какой-то тупой открытко-

поздравительной манере. И он хотел сказать ей, что он никогда не хотел сделать ей больно, таким способом, как делал Сорен. Или кто-либо другой.

- Все нормально, Уес. Не бойся. - Нора провела руками вдоль его рук. - Просто поговори со мной, и продолжай говорить.

- Скажи мне, что делать, - сказал он, когда Нора начала расстегивать его рубашку.

- Все, что хочешь.

Она улыбнулась ему. Дюжина прожекторов окружали причал и беседку, они бросали мягкий белый свет на пруд. И в этом свете Уесли мог видеть счастье, сверкающее в глазах Норы. Счастье... не чувство вины, не страх, не стыд и не Сорена.

- Мне нужно немного больше, чем это. Я...

- Нервничаешь?

- О, черт возьми, да, - сказал он и рассмеялся.

Боже, она так хорошо ощущалась в его руках. Такая мягкая и теплая и настоящая. Настоящая и цельная. Ее грудь прижата к груди. Нора пробралась руками под его рубашку, и ее ногти слегка впились в чувствительную кожу его предплечий, куда он время от времени делал себе уколы инсулина. Должно быть, она заметила легкое вздрагивание, потому что тут же передвинула руки ему на плечи.

- Хорошо. Мы можем сделать это. Нет необходимости нервничать. Ты уверен, что хочешь сделать это здесь?

Она окинула взглядом беседку. Они были на виду. Всякий, кто бы шел к пруду смог их увидеть.

- Да. Ни в коем случае я не хотел бы делать это дома. Все уже спят. Мама и папа, по крайней мере. Мы в безопасности.

Он пытался казаться увереннее, чем он себя чувствовал.

- Хорошо. Пронесло. - Нора рассмеялась, и он услышал тончайший намек на нервозность в ее голосе. Вместо того, чтобы обеспокоить его, это дало ему утешение от знания того, что одна и единственная Нора Сатерлин нервничала в его присутствии.

- Давай посмотрим... В первый раз нам лучше все упростить. Стол?

- Стол.

Уесли скользнул руками вниз по ее спине и обхватил обеими ладонями ее мягкие ягодицы. Она вцепилась в его плечи, когда он поднял ее и усадил на краю. Он уже полыхал от желания погрузиться в нее.

- Нам нужно...

- Неа. - Она покачала головой. - Я проверялась. Все чисто. Хорошо, что на контрацептивах. А ты девственник. Правильно?

Уесли усмехнулся.

- Ненадолго... я надеюсь.

- Нет, ненадолго.

Она принялась за его рубашку снова, и, достигнув низа, попыталась выдернуть ткань из его штанов. Пуговица зацепилась за его пояс, и Нора застонала от разочарования.

- Такого никогда не случается в моих книгах, - сказала она, осторожнее потянув рубашку Уесли, чтобы высвободить ее. - Ничьи рубашки никогда не застревают ни в чьих штанах. И никому не нужно беспокоиться, что их чертовы родители застукают их. И ты никогда не встретишь там парня, который поднимет голову и скажет: "Хм, я думаю, ты подхватила грибковую инфекцию".

Уесли чуть не свалился на пол от смеси отвращения и смеха.

- Что? Ты говоришь, что в любовных и эротических романах не на сто процентов реалистичные сцены секса? Я в шоке.

Он положил голову ей на плечо, и она зарылась пальцами в его волосы.

- Боюсь, что нет, малой. Ни у кого нет несвежего дыхания по утрам. Ни у кого никогда не бывает судорог. Парни всегда могут делать это беспрестанно. Не бывает никаких ЭД сцен.

- ЭД?

- Эректильная дисфункция.

- Ну, я не могу представить, что ты сталкивалась с большинством из этого в реальной жизни. Кроме, наверное, утреннего дыхания, - поддразнил он.

Он жил с Норой в течение полутора лет. Он видел Сатерлин в ее абсолютно наихудших состояниях, сразу после сна, с торчащими волосами, несвежим дыханием, после работы. Она выглядела еще более шикарно, просто вылезая из постели, нежели большинство женщин, выглядели после двух часов прихорашивания.

- О, у меня было все это. Однажды у меня была судорога во время секса с Кингсли. Я кричала так громко, что его секретарша вызвала скорую помощь.

- ЭД?

- Не так уж и много. Если не считать Сорена.

Уесли наблюдал, как с лица Норы сошла улыбка.

- Сорена?

Кусая нижнюю губу, она кивнула.

- Если он не причинит боль мне... или кому-то другому, он не может довести дело до конца.

- Не может или не хочет?

- Не может. Он. Не. Может. – Нора слабо улыбнулась. – Знаешь, он не причинял мне боль просто ради веселья. Это прелюдия. Я говорила тебе об этом.

Уесли вспомнил тот разговор. Он даже еще не переехал к Норе. Ему еще не исполнилось восемнадцать, на первом курсе в Йорке, был декабрь, почти Рождественские каникулы. И он не мог вынести мысли о жизни без Нору во время его учебы в следующем семестре. Но она была приглашена преподавать только этот единственный курс. С наступлением весеннего семестра она бы ушла.

Он немного приврал и сказал, что его родители могут забрать его из самого дорогого гуманитарного колледжа. Нора не пропустила шанс. Сразу же, она сказала ему, что он может переехать к ней, за проживание и питание по цене, по крайней мере, половины от той, что студенты платили в Йорке. Но, она предупредила его, что она была не просто писательницей. А также, что она работала Госпожой. Взгляд, который она расценила как шок, был просто замешательством. Он никогда в своей жизни не слышал о понятии *Госпожа*.

Тогда, она рассказала ему о Сорене, ее сложных отношениях с ним, их прошлом и дальше, и дальше... и Уесли вспомнил всплеск тестостерона, который он почувствовал от одной мысли, о мужчине, поднявшем руку на Нору, женщину, которую он любил со страстью, настолько неистовой, что едва мог дышать в ее присутствии.

“Только не позволяй ему оказаться поблизости”, - сказал он, выпячивая грудь.

Даже сейчас он не мог думать о том моменте, не краснея. Он был настолько самоуверенным, настолько дерзким. И у него не было ни малейшего представления о том, каким по-настоящему устрашающим может быть Сорен.

“Что? Ты думаешь, что сможешь мериться силами с Сореном?”

А потом Нора рассмеялась. Рассмеялась. Она бы обидела его чувства меньше, если бы просто потрепала по макушке.

”Уесли, никогда не тягайся с садистом. Для Сорена издевательство — просто прелюдия”.

И глаза Норы стали черными, как беззвездная ночь, что-то зажглось и погасло в них, что до чертиков испугало его. Именно тогда он понял, что знал Нору Сатерлин, не больше чем количество звезд в небе.

“Почему ты была с ним?”

Он задал вопрос шепотом, поскольку шепот - все, что у него смогло получиться. Нора улыбнулась такой улыбкой, которая завладела ее лицом и глазами, и все, что он мог сделать, это пялиться на эту улыбку, как он иногда смотрел на полумесяц.

“Мне нравится прелюдия”.

- Ты говорила, тебе нравилось, когда он бил тебя, - сказал Уэсли сейчас, проводя руками вверх и вниз по ее ногам.

С каждым кругом его пальцы медленно двигались выше.

- Мне нравилось. Мне нравится. Но иногда это выматывает. Боль ранит, и заниматься сексом с Сореном, означает подчиниться боли. Иногда я задавалась вопросом, как это было бы, заняться сексом, и не быть подвергнутой сначала десяти видам мучений.

Уесли ничего не сказал. Он только обхватил лицо Норы обеими руками и потер ее скулы. Она сморщила нос, и он рассмеялся.

- Что с лицом?

- Твои руки пахнут кормом для сомов.

Уесли убрал руки подальше от лица Норы и, что более важно, от ее носа.

- Сожалею. Может быть, ты права. Нам лучше сделать это в доме. Я могу принять душ.

- Нет-нет-нет. Мы не останавливаемся. Ни в коем случае. Просто, воняющие кормом для сомов руки, еще одна вещь, которая не происходит во время сексуальных сцен в любовных романах.

Нора протянула руку и вцепилась пальцами в петли на его поясе, чтобы притянуть Уеса ближе.

- Или это. Чёрт.

- Что?

Нора подняла руку на свет.

- Просто нахрен испортила свой маникюр. Это безнадежно. Мы безнадежны, Уес.

Смеясь, она прислонилась головой к его груди и выдохнула. Уесли вздохнул и положил подбородок ей на макушку.

- У меня есть надежда на нас, - прошептал он. – Мы, может, неправильно занимаемся сексом, но я думаю, что мы делаем правильно все остальное. В любовных романах, женщина безупречно красива, не так ли? Это про тебя.

Нора повернула свое лицо к нему и улыбнулась в лунном свете. Светлячок отразился в ее глазах, и желудок Уесли сжался.

- Определенно про тебя, - повторил он.

Нора потянулась к его рубашке, и, распахнув, начала медленно спускать ту с его плеч.

- У мужчин в любовных романах всегда совершенные тела. Большие широкие плечи с сексуальным рельефом, плоский, твердый живот, такие красивые вены на предплечьях... - Стаскивая с него рубашку, она касалась каждого дюйма его груди, его плеч, живота, предплечий. - У тебя идеальное мужское тело, это про тебя. Определенно. Мы почти у цели.

- Что мы упускаем?

Уесли осторожно вытащил заколку из волос Норы, позволяя черным волнам, рассыпаться по ее спине. Она подняла руки, и он стянул ее футболку, оставив Сатерлин только в черном бюстгальтере и юбке.

- Мы должны заняться любовью. Не сексом. Не трахом. Заняться любовью. Это никогда не называют трахом в любовных романах. О, разве что это происходит между злодеем и его любовницей. Им разрешено трахаться. Герой же должен заниматься любовью с героиней. Сначала осторожно, пока страсть не одолеет его, и он потеряется в бла-бла... всей этой фигне.

- Заняться с тобой любовью. Я могу это сделать. Кажется.

Нора усмехнулась.

- Ничего подобного. Не может быть никакой неуверенности в себе. Надо быть придурком, чтобы собираться стать героем любовных романов. Только Альфы, никаких Бет. К сожалению.

Она погрозила ему пальцем, прежде чем положить руку на его живот и очертить линию боков кончиками пальцев.

- Тогда я не хочу быть героем любовного романа. Я просто хочу быть тобой и мной. А у меня ничего нет прямо сейчас, кроме неуверенности в себе. Нора... что, черт возьми, мне делать?

Она скользнула обеими руками по его груди и расположила их прямо под его ключицами.

- Это я. Ты можешь делать все, что угодно.

Уесли кивнул и сделал еще один глубокий вдох. Он взял ее за затылок и опустил свой рот на ее губы с поцелуем, более яростным, на который, он не думал, что когда-либо был способен. Нора тихо гортанно застонала, поддаваясь поцелую. Он провел руками по всей поверхности ее нежных гладких рук, вверх и вниз по ее спине, вдоль оголенных вершин ее груди. Ее грудь... ни одна женщина в мире не обладала такой грудью как у Норы. Уесли протянул руку ей за спину, и расстегнул бюстгальтер.

- Святые угодники, в этот раз у меня получилось.

- Хорошая работа, малой. - Нора повела плечами, спустив лямки бюстгальтера вниз по рукам. – Дело мастера боится.

- В этот раз нам не нужен болторез.

- Нет. Нам просто нужен ты.

Нора откинулась назад на столе, и все что мог Уесли это только пялиться на ее грудь. Он положил руку на ее живот, который дрогнул под его прикосновением. Его нервозность сменилась чистым желанием. Он взял ее груди в свои руки и сжал их, мягко массируя.

- Так нормально? - спросил он, желая, чтобы Нора почувствовала себя так же хорошо, как она заставила чувствовать его.

- Очень хорошо. Но не забывай о сосках. Вот где начинается волшебство.

- Я никогда не забуду о сосках.

Он взял ее соски между его указательными и большими пальцами и легонько ущипнул. Нора судорожно вздохнула, ее спина на дюйм приподнялась над столом. Уесли замер.

- Хороший вздох или плохой?

- Хороший. Очень, очень хороший вздох.

- Хорошо. Здорово.

Он вернулся к ее соскам с вновь обретенной уверенностью, пока Нора лежала под его руками, задыхаясь от каждого его прикосновения. Вскоре прикосновений было ему недостаточно. Он притянул ее ближе к себе, скользнув рукой под ее спину, и опустил губы на ее груди. Он осторожно втянул ее сосок в рот. Мягкие всхлипы Норы превратились в громкие стоны. Она снова запустила руки в его волосы, пока он поцелуями прокладывал дорожку от одного соска к другому.

- Мне начинают нравиться длинные волосы. Это полезно.

Она сжала в кулаке его пряди и игриво потянула.

- Значит ли это, что ты перестанешь надоедать мне со стрижкой?

- Неа. Продолжай целовать.

- Да, мэм.

С энтузиазмом Уесли вернулся к груди Норы, целуя ее соски, посасывая их, покручивая между пальцами. Он хотел большего, но и не хотел останавливаться. То, как она вздыхала и издавала негромкие гортанные звуки, пьянило его. Он не мог насытиться этим, насытиться ею. Впервые, когда они пробовали это, вспоминал он, они были на кровати в доме Норы. Все было идеально тогда, солнечный свет, что наполнял комнату, вечерний свет, что подкрадывался под дверь, шелковая рубашка, что он снял с Норы, прежде чем положить ее на спину, и теперь они были на этой чертовой пристани, где любой желающий мог их найти. Мотыльки и комары плясали вокруг них. Он был грязный. У нее определенно будут занозы в спине. И ему было совершенно наплевать. Сомнения исчезли. Страхи. Все, кроме желания и чувства, что даже если он каким-то образом облажается, все равно все будет правильно.

- Уесли... - сорвалось на выдохе с губ Норы его имя.

- Я здесь, - сказал он, целуя центр ее груди.

Она подняла голову и обхватила рукой его лицо.

- Ты меня убиваешь.

Глаза Уесли расширились.

- Погоди, что? Я убиваю тебя?

- Есть прелюдия, а есть пытки. Пытки практикует, ты-сам-знаешь-кто.

- Я думал... я думал, тебе это нравилось.

Нора оперлась на локти.

- Я, мать твою, обожаю это. Но если ты не окажешься во мне в ближайшие пять секунд, я заобожаю это до смерти.

Кровь прилила к лицу Уесли. И от его лица, бросилась прямо к паху.

- Я могу. Кажется.

- Ты можешь. И сделаешь. Или мы умрем, пытаясь.

Уесли задрал юбку Норы до бедер и начал стаскивать ее трусики вниз по ногам.

- Порви их, если нужно. Черт, порви их даже, если не нужно.

- Я стараюсь сохранять спокойствие, Нор. Это не помогает.

- Я за пределами спокойствия. С бельем покончено?

- Теперь да.

Уесли бросил ее черные шелковые трусики на землю. Сейчас более чем когда-либо он хотел, чтобы у них был какой-то приличный свет. Он мечтал увидеть Нору голой, ее разведенные для него ноги, и возможность рассмотреть каждую ее часть... Но даже в приглушенном свете он мог разглядеть ее бедра, раскрытые для него, ее раскрытые складочки, и крошечное серебряное колечко, мерцающее у входа в ее тело.

- Боже...

- Клиторальный пирсинг. Это тебя пугает?

Уесли положил руки на внутреннюю поверхность ее бедер и толкнул их, открывая немного шире.

- Прямо сейчас, я чувствую противоположное испугу. Боже, Нора, ты такая красивая.

Он осторожно поднес к ней два пальца, раскрывая ее.

- Ты никогда не видел свою подругу...

Он покачал головой.

- Никогда не заходил с ней настолько далеко. Своего рода точка невозврата.

Он не мог поверить, насколько мягкой ощущалась Нора, насколько она шелковистая, как лепестки цветов.

- Нет пути назад. Только вперед. И внутрь.

Она потянулась между ног и коснулась себя.

- У меня не было секса неделю, Уес. Просто предупреждение.

- О, нет. Целую неделю.

- Это как год по ванильному времени. Мне, возможно, потребуется немного дополнительной смазки, чтобы принять тебя. Я еще не забыла, как ты “укомплектован”.

- Смазки? У меня нет...

Нора поднялась и обняла его за плечи, прижавшись голой грудью к его груди. Приблизив свой рот к нему, она просунула язык между его губ. Она прикусила его

язык и прошептала: *Смазки*. И тогда он понял. Нора снова растянулась на столе. Уесли опять раздвинул ее ноги, открывая, при этом облизывая губы в нервном ожидании.

- Облизывание губ — это хорошо. Но моих. Не твоих.

- Правильно. Ладно. Точно. - Он еще раз разделил складки Норы кончиками пальцев. - Я понятия не имею, что делаю.

- Просто поцелуй меня. Только там, внизу. Думай об этом, как о поцелуе.

- Просто поцеловать..., - повторил он, и его рот опустился на нее.

Он мечтал сделать это для Норы. Один из его друзей в Йорке жаловался, что он должен был ублажать орально свою подругу в течение получаса, чтобы довести ее до оргазма. Больше ничего не помогало. Уесли вспомнил, как услышав это, он подумал, что провести тридцать минут между бедер Норы, звучало как лучшие тридцать минут его жизни. И теперь он мог попробовать ее терпкость на своем языке, ощутить ее запах, который был настолько женственным и эротичным, почувствовать шарик ее пирсинга, ее набухший клитор и складки ее половых губ своим ртом. Нора приподняла бедра, и он просунул язык в ее лоно.

- Уесли пожалуйста..., - простонала она, и ему не нужно было спрашивать, что она имела в виду на этот раз.

Он отстранился от нее лишь для того, чтобы расстегнуть штаны и освободиться от своих джинсов и боксеров. Нора потянулась между ними и взяла его в руку. Когда она погладила его, настала очередь Уесли стонать. Нора отпустила его, поднимая колени к груди, и Уесли ждал.

- Нора?

Она взяла его руки в свои и переплела их пальцы вместе.

- Я люблю тебя, Уес.

Она сказала эти слова просто, и Уесли мог ответить только одним способом. Он толкнулся в нее. Годами он мечтал об этом моменте, мечтал о соединении их тел. И теперь она окружала его, окутывала своим горячим, влажным жаром. Таким всепоглощающим. Он чувствовал себя цельным внутри нее. Внутри Норы, Уесли был внутри Норы. *Я внутри Норы...* Слова прокатились эхом сквозь его сознание, понимание столь же мощное, как реальность. Он глубоко толкнулся в нее, не в состоянии остановить себя от того, чтобы погрузиться, насколько он смог и быть охваченным ее плотью, насколько это возможно. Нора выгнулась на столе, ее спина оторвалась от белого дерева.

Ошеломленный поразившими его ощущениями, Уесли почти забыл, что это он должен был двигаться. Но интенсивные покачивания бедер Норы подгоняли его

дальше, и он начал толкаться сначала медленно, а когда она перестала двигаться совсем, лишь извиваясь под ним, он начал толкаться в нее жестче.

- Боже, Нора..., - было все, что он мог выдохнуть.

У него не осталось других слов. Бог и Нора. Они стали одной личностью в тот момент. Он поклонялся у алтаря ее тела, и на мгновение почувствовал силу их союза, которая была сродни причастию. Нора обвила ногами его поясницу, притягивая его еще ближе в нее, еще глубже. Зажатый в ловушке ее ног, Уесли мог делать только короткие, резкие толчки, которые подвели его к краю. Но он не был подростком, ему двадцать лет, бранил он себя. Он может продлить это дольше пяти минут, если это не убьет его. Хотя это как раз может его убить. Умышленно, он замедлил свое дыхание, глядя мимо ее груди, ее тела, на покатые холмы, черные и тихие под покровом ночи. Он изучал светлячков, которые освещали эту темноту, как крошечные земные звезды. Уесли сделал глубокий вдох, ощущая едкий запах тины. Успокоившись, он вернулся взглядом обратно к Норе, ее улыбке, ее глазам, а затем вниз, туда, где соединялись их тела. Ему необходимо было посмотреть, необходимо было наблюдать, как он двигался, входя и выходя из нее. Но только на секунду или две. Если он будет смотреть дольше, он...

Зажмурившись, и отчаянно, с почти бесшумным вздохом, Уесли кончил внутри Норы. Он чуть не рухнул на нее от силы оргазма, что ее тело вырвало из него.

- Отец Милосердный, - воскликнула она, подняв голову и обернув свои руки вокруг него.

Она притянула Уеса ближе и провела пальцами по его волосам. Ее прикосновения ощущались почти по-матерински, то, как она держала его у груди, что он мог слышать стук ее сердца, так бешено грохочущего под его ухом. Дико, у его Норы дико грохотало сердце. И он знал, что это одно соитие с ней, не укротило его. Ничто не могло укротить его, и за это он любил ее еще больше.

- Ты молишься? Это католические фишки?

Уесли усмехнулся, пока Нора гладила его волосы и слегка проводила ногтями по его плечам. Он никогда не чувствовал ничего подобного, такого простого спокойствия. Ничего не казалось неправильным в этом моменте, ничего грязного или греховного, даже когда он лежал на ней, и его тело до сих пор было погружено глубоко в нее.

- Молиться после секса? Я имею в виду, после занятий любовью?

- Католики имеют склонность упоминать имя Господа всеу, в подходящие моменты. Когда в тебе так сильно кончает девственник, чувствуешь, что это можно расценивать как подходящий момент.

Ее слова прозвучали хрипло и с придыханием, как будто она пробежала кросс или что-нибудь столь же абсурдное. Ему нравилось, что он сделал так, из-за чего ее голос изменил свой тембр. Он уже хотел сделать это снова.

- Ты это почувствовала?

Она прикусила нижнюю губу и медленно кивнула.

- И это не так просто, малой. Так что поздравляю. Это была эякуляция практически ураганной силы.

Уесли хлопнул ладонью по лицу и застонал. Он медленно вышел из нее. Если бы он мог, он бы оставался внутри нее всю ночь.

- Я не думаю, что от героинь любовных романов можно ожидать слов “эякуляция практически ураганной силы”. Не то, что бы я множество из них читал.

Нора поцеловала его в макушку, с трудом отрывая руки от его лица.

- Позволь мне рассказать тебе маленький секрет..., - она держала его за подбородок, чтобы он не отвел взгляд. - Я не героиня любовных романов. Я может быть даже злодейка.

- Хорошо. Злодеи, в любом случае, интереснее положительных героев. И я не хочу быть чьим-то героем.

Она улыбнулась ему, и он увидел что-то странное в ее глазах, то, чему здесь не место, грусть.

- Сегодня была убита лошадь Талела, и у меня есть доказательства. Но ни один из нас ни черта не сделал с этим. С уверенностью можно сказать, ни один из нас здесь не герой.

Нора поцеловала его в макушку и снова откинулась на стол. Уесли ласкал ее лицо, ее губы, гладил ее тело от шеи до талии и обратно. Он стал твердым просто от прикосновения к ней, от созерцания широкой улыбки на ее лице, даже когда ее глаза были закрытыми. Стребая ее в охапку, Уесли снова толкнулся в нее. Нора обвила руками его спину и уткнулась головой ему в грудь. Здесь. Именно здесь. Здесь было то место, где ей надлежало быть, в безопасности его рук. И он был там, где он должен быть... внутри нее. Их губы встретились, пока он медленно проникал в нее все глубже и глубже.

Ее слова не задели ни одного из них... герои. Он должен быть героем для нее. Он желал бы, чтобы в мире еще были драконы, и существовало что-то, с чем он мог сразиться за нее. Он жаждал, проявить себя для нее, доказать свою состоятельность. И если смерть лошади Талела причинила ей боль, он исправит это. Для ее. Для них.

Нора хрипло вздохнула у его груди. Он ждал три года, чтобы услышать этот звук, звук ее дрожи от подаренного им удовольствия. Три года. Двадцать лет. Это стоило ожидания.

- Завтра, - шепнул он ей на ухо, когда она поднесла свой рот к его губам снова.

- А что будет завтра?

Она подняла на него взгляд, затянутый поволокой желаний.

- Мы начнем вести себя как герои.

Глава 25

Север

Прошлое

Он никогда не думал, что он доживет до этого дня - и Сорен, Стернс, или кем бы он ни был, занимается физическим трудом. В возрасте семнадцати лет, наблюдая, как Сорен драит пол в ските, мылом, водой и металлической мочалкой, голыми руками и на коленях, Кингсли понял, что может умереть в этот момент, и с уверенностью сказать, что он видел все.

- Предполагалось, что ты будешь помогать, Кингсли.

Сорен ополоснул мочалку в воде и принялся за пятно с удвоенной энергией.

- Прошу прощения. Я в шоке. Еще не отошел, топ ами.

Улыбка играла в уголках губ Сорена.

- Наш Господь был плотником или, возможно, каменщиком. Апостол Павел шил палатки.* (В Деяниях 18:3 говорится, что ремеслом апостола Павла было изготовление палаток. В библейские времена, чтобы сделать палатку для путешествий, ремесленники вначале изготавливали тканые полосы, обычно из верблюжьей или козьей шерсти. Затем эти полосы сшивали. Палатки также делали из кожи или льняного полотна, которое ткали в родном городе Павла, Тарсе. Возможно, он делал льняные навесы от солнца для атриев — внутренних дворишков.) Они делали своими руками изнурительный, непосильный труд. Если запачкать руки не было ниже их достоинства, это не должно быть ниже и моего достоинства.

- Я хочу быть *ниже* тебя.

- Ты *ниже* меня, Кингсли, во всех смыслах, но не буквально. И если ты хочешь быть буквально *ниже* меня до наступления утра, я предложил бы тебе помочь. Я говорил, что скит - адская дыра.

С тяжелым вздохом, Кингсли взял губку и упал на колени.

- Ты не преувеличивал.

Кингсли огляделся и принялся еще раз за паутину, за покрытый грязью и пометом мышей и птиц пол, которые сделали из эрмитажа дом после того, как отец Леопольд отправился на встречу со своим создателем.

- Мы должны найти другое место.

- Больше нигде. На расстоянии многих миль.

- Здесь отвратительно.

- Это штат Мэн. Скоро зима, и она наступит быстро. У нас осталось, пожалуй, две недели теплых ночей.

- Здесь более чем отвратительно.

- После того, как здесь будет чисто, оно идеально подойдет для нас.

- Идеально подойдет для тебя, чтобы бить и трахать меня?

- Именно, - сказал Сорен, даже не улыбнувшись.

Но в улыбке и не было необходимости, поскольку Кингсли понимал, что Сорен не шутит.

- Хорошо.

- Ученики никогда сюда не заходят.

- Pourquoi?

Кингсли вернулся к чистке. Оказалось, в этом месте умерла мышь, и жир ее костей и костного мозга оставил неизгладимый след на древесине. Прекрасное место, чтобы отдавать свое тело человеку, которого он боготворил.

- Кто-то пустил слух, что призрак отца Леопольда часто посещает скит, потому что он умер здесь. Они нашли его тело спустя неделю, так как все были в ловушке в школе из-за метели.

- Просто призрак священника. Нечего бояться.

- История утверждает, что призрак отца Леопольда позволяет сексуальные вольности с тем, кто попадает в пределы его досягаемости. После смерти он пирует тем, в чем отказывал себе при жизни. Ты веришь в это?

Кингсли посмотрел на Сорена с широко открытыми глазами.

- Нет, но очень хочу.

Сорен рассмеялся и бросил в него металлическую губку. Кингсли поймал ее у своей груди и решительно атаковал жирное пятно от мыши. Понадобилось целых два часа, чтобы вымыть пол. Еще один час, чтобы смести паутину и убить обитателей. Он смачно раздавил паука-волка.

Чересчур смачно на взгляд Сорена.

- Разве ты не можешь ловить их и выпускать на улицу, Кингсли? Убивать их излишне.

Кингсли поднял холодный, жесткий взгляд на Сорена.

- Ловить пауков и выпускать их на улицу? Я когда-нибудь говорил тебе, у меня было кровотечение еще три дня после нашей первой ночи вместе? Pardonez-moi за мои слова, но католическое почитание тобой неприкосновенности жизни, было бы более убедительным, не будь ты садистом.

Сорен поднялся на ноги и выпрямился. Он подошел к Кингсли.

- У меня нет ни малейшего желания причинять паукам боль так, как я хочу причинить боль тебе. В этом разница.

- В самом деле? Как так?

- Прежде всего, я не нахожу пауков привлекательными.

Сорен поднял бровь. Кингсли не смог остановить вырвавшийся смешок. Но губы Сорена заставили его замолчать. Поцелуй длился всего мгновение, прежде чем Сорен отстранился.

- Возвращайся к работе, - приказал он.

Кингсли упал на колени перед Сореном, посмотрев на него снизу-вверх.

- Да, сэр.

Сорен посмотрел на него сверху-вниз и Кингсли без труда различил голод в его глазах.

- Возвращайся... к... работе, - приказал Сорен.

Это прозвучало, как будто он говорил сам себе, нежели Кингсли. Кинг нахмурился.

- Да, сэр.

Вздыхнув, он взял губку и принялся за один единственный стул, что им удалось спасти из сгнившей мебели в эрмитаже. Он нехотя скреб, пока не услышал, как Сорен бормочет с отвращением, - Кингсли, ты никогда не убирался в своей жизни?

- Non. У меня есть сестра.

Сорен прищурился. Кингсли рассмеялся.

- Это правда. У меня есть старшая сестра Мари-Лаура. Она и *Maman* делали всю уборку. *Papa* работал. А я, я делал все, что хотел.

- И почему я не удивлен? В этой школе есть сироты, что провели половину своего детства на улицах и стали более дисциплинированы, чем ты.

- Представляю, сколько нужно дисциплинированности, чтобы выжить на улицах. А мне нравилось быть баловнем. Единственный сын во французской семье - завидное положение. А ты? Я не представляю, чтобы ты много убирался в своем доме.

Глаза Сорена потемнели от услышанного вопроса, но его лицо оставалось спокойным.

- В доме отца был большой штат прислуги. Моя сестра Элизабет и я должны были держать в чистоте наши комнаты. У нас было мало работы по дому. Помимо того, что мы пытались выжить под этой крышей.

- Что, так плохо, да? - спросил Кингсли, желая выудить больше секретов у Сорена о том, что произошло между ним и его сестрой.

Сорен кивнул, продолжая работать. Его руки беспрестанно двигались. Он излучал чистую решительность, когда проводил мыльной тряпкой по столу.

- Быть единственным сыном в семье, которую контролировал безумец, насилюющий детей - незавидное положение.

Кингсли выронил губку.

- Ты сказал... ты говорил, он изнасиловал твою мать. Ей было...

- Восемнадцать, - констатировал Сорен, продолжая чистить. - Но моей сестре было восемь. Только восемь.

- Mon Dieu.

- Non. Pas du tout. У Бога гораздо больше общего с нами, чем с ним. Монстр, который называет себя моим отцом, насильничал ее. В то время как все это происходило, я учился в школе, в Англии, в противном случае на моей совести были бы две жизни вместо одной. Но я бы предпочел не говорить об этом. Расскажи мне о своей сестре.

Кингсли сглотнул. Он ничего не хотел больше, чем услышать о детстве Сорена. Как бы жалко это не звучало, это все же был он, его жизнь, его прошлое. Кингсли пил

каждое драгоценное откровение как вино. Никто в школе ничего не знал о Сорене, даже его настоящее имя. О нем слышали сплетни, рассказывали истории, но никто не знал его, настоящего его. Интимность секретов была почти столь же мощной, как Кингсли и их две совместные ночи. Почти.

- Мари-Лаура, - Кинг оторвал взгляд от Сорена, который, казалось, глубоко увлекся чистой камней очага. - Она прекрасна. Я ее брат, и даже я признаю, что она самая красивая девушка в мире. Она танцует.

- Танцует?

- Да. Она балерина. В хоре Парижского балета. Но она хороша. Очень хороша. Когда-нибудь она станет примой.

- Ты скучаешь по ней?

- Очень. Она – все, что у меня осталось сейчас, на самом деле. Родители моего отца умерли много лет назад. Родители моей матери даже не говорят по-французски. И они никогда не любили Рара. Трудно быть рядом с ними. Мари-Лаура моя единственная семья. Она посылает мне письма каждую неделю. Ужасные письма. Я едва могу читать их из-за всех этих потеков.

- Потехов?

- Она плачет, когда пишет мне. Плачет из-за Матан и Рара. Плачет о том, что мы порознь. Я думал, она убьет меня на похоронах...

- Подходящее место для убийства.

- Очень. - Кингсли улыбнулся, хотя воспоминания о том страшном дне вернулись к нему.

Две урны бок о бок на алтаре. Бесконечная вереница провожающих в последний путь, большинство из которых Кингсли никогда не встречал раньше. Деловые партнеры отца. Друзья его матери. У всех были руки, что нуждались в пожатии, щеки, что необходимо было поцеловать. Но все, что он хотел сделать, это рухнуть на пол и рыдать в течение нескольких дней и недель, месяцев и даже лет, пока он не умрет, и сможет снова быть вместе со своими родителями. Потом за ним пришли родители его матери. Их торжественное: «*Пора идти, дорогой*» были тремя наиболее болезненными словами, сказанными ему, после тех других четырех страшных слов, что Мари-Лаура шепнула ему тремя днями ранее: *Матан и Рара ушли*. Кингсли позволил себя увести, его сознание было в оцепенении. Но его ошеломленное состояние разрушилось, когда он почувствовал, как десять острых ногтей впиваются в его руку.

- *Non. Non...* - плакала Мари-Лаура, прижимаясь к нему, как будто ее собственная жизнь висела на волоске. Ее красивое лицо исказилось от боли, и ее словарный запас был сокращен до одного слова *non*. На протяжении десяти минут она крепко держалась за своего младшего брата, рыдая у него на плече и поглаживая

волосы... И тогда Кингсли наконец расплакался тоже. Их родители уехали во второй медовый месяц, в Тоскану. Таков был план. Им даже не удалось выбраться из Парижа. А теперь только они с Мари-Лаурой остались друг у друга. И его забрали у нее в Америку.

- Мари-Лаура, она сошла с ума после похорон. Я никогда не видел ее такой. Обе мои руки были расцарапаны в кровь к тому времени, пока наши бабушка и дедушка, наконец, оттащили ее от меня.

Кингсли беспокоился о своей сестре. Она любила слишком сильно. Чересчур сильно. Его. Их родителей. Любого, на кого она обращала свое внимание. Он хотел, чтобы она могла уехать с ним в Америку. Это бы усмирило ее, успокоило ее нервы. Возможно, она начала бы исцеляться здесь, как он.

- Иногда причинение боли - единственный способ, показать любовь.

Кингсли полоснул Сорена взглядом.

- Поэтому ты делаешь мне больно?

Лицо Сорена ничего не выражало. Он вообще не проявил никаких эмоций, когда просто ответил:

- Я уж точно причиняю тебе боль не из ненависти. Продолжай. Что с Мари-Лаурой?

- С ней не все в порядке. Она беспокоится обо мне. Когда меня ранили в школе, она начала продавать ювелирные изделия *Maman*, чтобы приехать навестить меня. У нее нет денег. У *Papa* были долги. Они оставили нам очень мало, когда умерли.

- Ты, кажется, переживаешь о ней не меньше.

Кингсли сфокусировал свое внимание на столе.

- Да. Она эмоциональная. Не слабая. Она очень сильная, честно говоря. Человек сильных страстей. Каждого, кого она любит, она любит так, будто умрет без них. Это... нехорошо так сильно беспокоиться о людях.

- А почему нет?

- Потому что они умирают. Или когда-то умрут. Даже ты. Мы обречены с рождения. А ведь можем просто наслаждаться всем, чем хотим, oui? В любом случае неважно.

- Ты сатанинский гугенот. Я не могу поверить, что опорочил себя кальвинистом.

- Так же, как и я, - сказал Кингсли, пытаюсь сохранить невозмутимое выражение лица. Он отказывался позволить Сорену увидеть, насколько он наслаждался тем, что

опорочил себя этим католическим пианистом, который пугал всех в школе, кроме него. - О чем ты только думал?

- Очевидно, я не думал. - Сорен подошел к Кингсли и забрал тряпку из его руки. - Очевидно, я и сейчас не думаю.

Потянув руку к шее Кингсли, Сорен начал расстегивать его рубашку. Вскоре Кингсли был раздет догола и лежал лицом вниз поперек стола. Грубые деревянные края поверхности которого врезались ему в бедра. Сорен снял кожаный ремень и теперь использовал его, чтобы показать ему, как мало он думает о богословии Кингсли. А после длительной порки, когда задняя часть всего тела Кингсли саднила от пламенных рубцов, Сорен показал ему, как мало их различия в богословии значили для него. Два часа боли и удовольствия прошли в красной дымке. Они оба оказались на теперь чистом дубовом полу эрмитажа, Кингсли голый, а Сорен все еще одетый; Кингсли улыбающийся, а Сорен пытающийся не улыбаться.

Там, на полу они лежали рядом друг с другом, глядя в потолок. Кингсли, потянувшись, пытаюсь найти руку Сорена. Он обнаружил ее рядом с его бедром и позволил своим пальцам расположиться на пальцах Сорена. И хотя Сорен была внутри него лишь минуту назад, казалось, запредельной вольностью, держать его за руку.

- Я думаю, мне здесь понравится, - признал Кингсли. - Дыра, peut-être. Но это наша дыра.

Сорен, наконец, улыбнулся.

- Так и есть. И будет лучше, когда мы закончим. Мы можем принести чистую раскладушку и матрас из школы. На складе есть с десяток.

- И пол сгодится.

Сорен покачал головой.

- Я могу тебя ранить на полу. Я хочу, чтобы тебе было комфортно. И нам, возможно, придется иногда здесь ночевать.

Кингсли поднял брови.

- Придется? Или захочется?

Сорен повернулся и посмотрел ему в лицо.

- Неважно. И то и другое.

Кингсли решил, что *«и то и другое»* были его любимыми словами. Мгновением раньше он был слишком застенчив, чтобы взять Сорена за руку. Но теперь он привстал, наклонился к груди Сорена и поцеловал его. Сорен сначала не делал ничего, даже не отреагировал.

- Ты сатанинский католик, поцелуй меня, - сказал Кингсли у его губ.

Сорен рассмеялся, но потом сдался и ответил на поцелуй, сначала лениво, но потом с новой страстью. Через несколько секунд Кингсли лежал на спине еще раз. Грубая древесина впивалась в кожу, но он смаковал дискомфорт, упивался болью. Это была жизнь. Боль, секс, страх, грех... он думал, что умер в день, когда тела его родителей были кремированы, а их пепел сложен в сосуды. Но с Сореном он открыл новую жизнь, жизнь, которая не принадлежала бы ему, не умерли бы его родители.

- Пожалуйста, - молил Кингсли. - *S'il vous plaît.* Я хочу тебя...

Он перешел на французский язык снова, пока они целовались. Он жаждал тела Сорена и момент единения, что они всегда делили после избиения, закончился. Сорен отстранился и посмотрел на него сверху вниз. Он коснулся губ Кингсли.

- Я не могу. - Со вздохом, Сорен перевернулся на спину. Бок о бок снова, они смотрели в потолок, Сорен совершенно тихий и Кингсли изнемогающий от тщетной жажды.

- Ты говорил всерьез. Ты не можешь...

Кингсли позволил словам затихнуть. Он думал... он поверил Сорену, той ночью, когда тот признался, что не мог возбудиться без причинения боли. Но этот поцелуй, этот невероятный поцелуй, ни один человек не мог так целоваться и остаться телесно безучастным.

- Нет. Во мне давно что-то сломалось. Я никогда не исцелюсь. Ты сможешь простить меня?

- Non. Я имею в виду, нет, ничего в тебе не сломалось. Ты другой. Я, должно быть, тоже другой, раз я не против и люблю боль.

- Ты другой.

- *Vive la différence, oui?*

- Oui, - сказал Сорен, мягко рассмеявшись. - *Vive la différence.*

- Как ты думаешь, может где-то есть такие же, как мы? Или так бывает только в книгах де Сада?

Сорен вздохнул.

- Я думаю, что должны быть где-то такие же, как и мы.

- Ужасающая мысль.

Кингсли улыбнулся в потолок.

- Действительно.

Сорен, казалось, смаковал эту идею. Кингсли же погрузился в нее с головой.

- Я найду их когда-нибудь, - решил Кингсли тогда и там. - И я подарю тебе их. У твоих ног будет тысяча человек, когда бы ты ни захотел их.

- Мне не нужно тысячи.

- Тогда, только одного. У нас должна быть девушка, у тебя и меня. Только для разнообразия.

- Девушка, это было бы неплохо.

- Мария или Мария Магдалина? - спросил Кингсли с дьявольской усмешкой.

- Мария Магдалина, конечно. Я всегда находил ее интереснее всех Марий.

- А как наша Мария Магдалина будет выглядеть?

- Она не может быть блондинкой, - сказал Сорен. - И тем более она не может быть похожей на тебя.

- Что-то среднее между нами? Она будет бледной, как ты, но с темными волосами, как я.

- Мы же не просим многого, верно?

- Это мечта. Мы можем сделать ее, какой нам хочется. Давай наградим ее зелеными глазами.

- Я предпочитаю черные.

- Тогда, и то, и другое, - храбро сказал Кингсли. - Черные волосы и зеленые глаза. Или, возможно, зеленые волосы и черные глаза.

- Звучит прекрасно. Какая она?

- Дикая.

Это было первое слово, что пришло на ум Кингу. Сорен казался таким контролирующим, таким холодным и сдержанным. У него должен быть кто-то теплый и дикий, чтобы сбалансировать это.

- Дикая, да. Неукротимая, - предложил Сорен.

- Но приручаемая. Иначе она сбежит.

Сорен покачал головой.

- Она сбежит, я уверен. Она не была бы по-настоящему дикой, если бы этого не сделала.

- Но она вернется?

- Да, она вернется. Она хочет, чтобы мы ее приручили.

- По крайней мере, мы так говорим себе, - сказал Кингсли, и перекатившись на бок, начал ласкать шею и ключицы Сорена.

- Она будет необузданнее и опаснее, чем мы с тобой вместе взятые.

- Я уже обожаю ее. Но я обещаю, что разделю ее с тобой, - пообещал Кингсли.

- Ты отдаешь ее мне, помнишь? Я единственный, кто разделит ее с тобой.

- Конечно. Прости меня. Она станет твоей, и ты поделишь ее со мной, потому что ни одного мужчины, никогда не будет достаточно для такой девушки, как она. И мы трое станем новой несвятой троицей.

- Да поможет нам Бог.

- Он должен помочь, с такой девушкой, как эта.

- Звучит идеально.

- Она будет столь же совершенна, как и мы.

- Бедная девочка. Что я должен дать тебе в обмен на такой подарок? - спросил Сорен, забирая руку Кингсли со своей шеи и расположив ее на своем животе.

- Rien... *ничего*. У меня есть все, чего я хочу.

- Это не правда. Ты говорил раньше, как скучал по своей сестре.

Кингсли сел и посмотрел на Сорена.

- Oui. Mais она не может себе позволить приехать. Ни у нее, ни у меня нет денег.

Сорен поднял брови и одарил Кингсли высокомерной полуулыбкой, которая заставила его желудок рухнуть в пах.

- У меня есть.

Глава 26

Север

Настоящее

Кингсли битый час простоял в душе, позволяя горячей воде и пару, успокоить его ноющее тело. Этого было ему недостаточно. Он либо должен сдаться и отмокать в ванне или глотать коктейль из викадина и водки. Или то и другое.

И то и другое.

Он хотел этой боли, молил об этой боли, напомнил он себе. В течение тридцати лет он жаждал этой боли, как голодный человек жаждет пищи. И сегодня он был накормлен этой болью, пир боли настолько щедрый, что он чуть не подавился ею.

Глядя под ноги, Кингсли увидел, как вода превращается из красной в розовую, а затем снова прозрачную. Сорен был особенно тщательным с ним сегодняшней ночью. Его бедная Элеонор, она на самом деле понятия не имела, на какой уровень жестокости был способен ее возлюбленный. Сорен держал себя в узде с ней. Ему приходилось. В ней было всего метр шестьдесят и пятьдесят килограмм, в лучшем случае, за что она и получила свое прозвище *Малышка*. На пике своей карьеры в качестве Госпожи, она была обманчиво сильной. Он сделал ее сильной. Маленькой девочке, как она, приходилось быть сильной, если она хотела конкурировать с другими, более физически подготовленными Доминантрикс на рынке. То, чего ей не хватало в росте и весе, она восполняла силой и незаурядной порочностью. Другие ее рода игнорировали темные фантазии своих клиентов, лежавших у их ног. Если Нора артачилась, она никогда не подавала виду. Она только улыбалась и говорила: *Я сделаю это, если ты будешь хорошим мальчиком*. И все они были хорошими мальчиками, если достаточно платили.

Но никакие персональные тренировки не могли изменить тот факт, что Нора Сатерлин была женщиной хрупкой. Во всяком случае, в сравнении с ним. И когда Сорен сдался, в конце концов, и избил Кингсли, он совсем не сдерживался.

Кинг выключил воду и взял свое самое мягкое, самое нежное полотенце. Даже оно ощущалось, как подсоленная наждачная бумага на саднящей, кровоточащей, покрытой рубцами спине. Может быть, ему просто стоит лечь мокрым и спать на животе. Но лежать на животе будет также, своего рода, проблемой. Кингсли посмотрел вниз на переднюю часть своего тела.

- Боже мой..., - выдохнул он, увидев множество синяков – то, во что превратились его живот и бедра. Господи, даже его...

Волна головокружения захлестнула Кингсли, пока он изучал свое растерзанное тело. Рубцы и следы укусов были наименьшей его заботой. Он видел, как его ротвейлеры атаковали злоумышленника, для которого все закончилось менее жестоко, чем для него сейчас. На то, чтобы худшие из ушибов зажили, уйдет несколько недель. Они покрывали его тело глубокими черными завитками, делая его кожу от шеи до колена словно мраморной. Он боялся спать. Он знал, что завтра утром едва сможет двигаться. Сорен истерзал его больше, чем той ночью, когда он впервые взял свою Малышку к себе в постель. Кингсли ухаживал за двадцатилетней Норой в течение

недели после того, прикладывая лед к ее ушибам, втирая мазь в ее рубцы, вынимая осколки стекла из ее ног и перевязывая ее кровоточащую кожу. Она не плакала. Ни разу. Даже когда проснулась, истекая кровью. Больше чем не плакала, проклятая девчонка даже улыбнулась. Улыбнулась так, как может только влюбленная женщина. Кингсли ненавидел ее за это, за то, что не пролила ни единой слезинки, независимо от того, насколько пострадала. Сорен сломил ее тело в ту ночь, когда она потеряла свою девственность с ним, но он не сломил ее дух. И Кингсли вынужден был уважать ее за это, независимо от того, насколько он завидовал ее ранам, нанесенным Сореном.

Но теперь эти раны принадлежали ему.

Кингсли спотыкаясь дошел до кровати. Редко он спал в одиночестве. В его особняке всегда был либо красивый парень, либо девушка, более чем готовые выступить, как и в роли компании для него, так и в роли его подушки на ночь. Сейчас все, что он хотел, это побыть в одиночестве. Он бы лег в постель и устроился так комфортно, как смог. И он бы возобновлял снова и снова в памяти то, что делал с ним Сорен всего несколько часов назад. Даже сейчас образы вспыхнули перед его мысленным взором.

Руки на его лице, шее; его спина у стены; звук рвущейся ткани; прикосновение зубов к его ключице; пальцы, вонзающиеся в его горло; ремень на его спине, бедрах; приземление коленями на пол; соль на языке; пот на животе; ноющие руки от манжет, которые удерживали его неподвижно на кровати, и проникновение, столь необходимое и жестокое... в определенный момент, он закрыл глаза и не был уверен, что когда-нибудь откроет их снова.

Кингсли ухватился за столбик кровати левой рукой. Правой рукой он обхватил себя. Он сильно кончил на постель, содрогаясь в агонии оргазма. Сорен не оставил ни единой части его тела неповрежденной. Кингсли Эдж, Король Преисподней, человек, который никогда за двадцать лет не прожил ни единого дня без секса, должен был сохранять целибат, по крайней мере, неделю, пока исцелится достаточно, чтобы быть внутри кого-то снова. И, пройдет, как минимум неделя до того, как Сорен сможет быть внутри него. Как минимум. Садист. Они оставляли свои зарубки не на спинке кровати своих любовников, а на самих телах тех, кто не побоялись их кровати. Кингсли мог считать всю ночь и не досчитать до конца количество ударов плетью, что Сорен наносил тем, кого он любил. Он мог считать до рассвета и не досчитать до общего итога.

Конечно, Малышка Сорена могла похвастаться более крупным счетом мясника.

Аккуратно Кингсли начал забираться голышом в постель. Обычно он обожал свою массивную кровать, задрапированную в красно-черные простыни. Больше, чем королевского размера*(king-size), он шутил, что она была Кингсли-размера, и вся Преисподняя говорила о ней с уважением. Но теперь он ненавидел ее высоту. Каждый дюйм, что ему нужно было преодолеть, ощущался как миля агонии.

- Будь ты проклят, mon père. - Кингсли вздохнул с улыбкой. – Гори в аду.

Как только его голова коснулась подушки, раздался стук в дверь.

- Arrête! - крикнул он устало.

У него не было сил для приказов длиннее одного слова.

- Monsieur? S'il vous plaît...

Голос Софии послышался из-за двери. Или это была Кассандра? Все они сейчас слились воедино. Ни одна женщина не имела для него значения, кроме Джульетты, и он отослал ее на Гаити для ее собственной безопасности, по причинам, о которых он отказывался думать прямо сейчас.

- Что такое? - крикнул он, натягивая простынь на свое тело.

Даже от поднятия легкой шелковой ткани было больно. Завтра... завтра он примет болеутоляющие средства, много. Сегодня ночью он примет боль, будет упиваться ею. Сорен дал ему эту боль, и он будет лелеять этот дар.

- Les chiens, monsieur.

Глаза Кингсли распахнулись. Собаки? Последний раз, когда кто-то пришел к нему по поводу его собак, был той ночью, когда вор проник в городской дом, накачал его небезызвестную стаю ротвейлеров и украл файл Норы. Если кто-то накачал собак снова...

Несмотря на боль, Кингсли выкатился из постели в одно мгновение, натянул штаны и рубашку, и направился к двери.

Он открыл ее и обнаружил маленькую рыжеволосую Софию, его ночную секретаршу, стоящую там, с белым, как луна, лицом.

- Quoi?

Она не ответила ему.

- Mon Dieu... - выдохнул он и последовал за ней по коридору.

Она мчалась вниз по лестнице, и Кингсли поспевал, как мог. Последнее, что ему нужно, чтобы его персонал, увидел его слабым, испытывающим боль. Он проглотил муки и продолжил двигаться.

У подножия лестницы он увидел расхаживающих и скулящих Брутуса, Доминика и Макса. Он потянулся к Максусу и коснулся его теплого носа.

- Сэди? - крикнул он.

София повернулась к нему с заплаканным лицом. Она ткнула пальцем в сторону. В темноте в углу комнаты, Кингсли увидел черную тень. Когда он подошел к ней, тень приняла форму собаки.

Сэди... его маленькая девочка лежала неподвижно на белой плитке, кровь сочилась из раны в ее груди. Он протянул руку и коснулся крови. Она была заколота ножом в сердце.

- Oh, ma fille... - прошептал он, поглаживая ее шерсть.

На стене позади нее, он увидел три слова, начертанные кровью. Только три. И ни одно из этих трех слов не было именем. Тем не менее, как только он прочитал их, он знал: кто убил его собаку, кто украл досье Норы, кто отправил фотографию и сжег кровать Сорена.

- София?

- Oui, monseigneur?

- Позвони Гриффину Фиске. И если он попытается сказать тебе, что он по-прежнему в своем медовом месяце со своей новой истинной любовью, скажи ему, что он станет персоной нон-грата в Преисподней, если его не будет в моей спальне завтра к полудню.

- Oui. Bien sûr.

Нахмурившись, София умчалась и оставила его наедине с тремя ротвейлерами, оплакивающими свою единственную сестру. Кингсли знал, что они чувствовали.

Он уставился на надпись на стене. Кристиан был прав... во всем.

Все, чего хотел Сорен, чтобы Кингсли выяснил, кто стоял за всем этим. И теперь Кингсли знал.

Он знал, и он никогда об этом не расскажет.

Глава 27

Юг

Нора проснулась на подушке напротив Уесли. Всего несколько сантиметров простыни и четырнадцать лет разделяло их. Но в раннем утреннем свете, Уесли казался ей незнакомцем. Куда подевался ее мальчик? Мальчик, который следовал за ней повсюду в ее доме в Коннектикуте, как щенок, помечая галочкой все, что ей нужно сделать на этой неделе, чтобы ее не арестовали за уклонение от уплаты налогов,

выселили за неуплату ипотеки или не госпитализировали из-за недоедания... куда он исчез? Ее Уес... ее Кареглазик... малой, которого она изводила и дразнила. Черт, она даже называла его Кольцом Чистоты* (Так называемое, кольцо воздержания – кольцо, символизирующее клятву, данную человеком, оставаться девственником или девственницей до вступления в законный брак. Изначально на таких кольцах были выгравированы строки из Библии, но со временем их заменили другие надписи: «Этого стоит подождать», «Клянусь хранить целомудрие», «Я подожду», «Настоящая любовь ждет впереди» и тому подобные) большую часть времени, что они жили вместе, до тех пор, пока Уесли на коленях не попросил ее остановиться.

Пока она смотрела на него спящего, она не могла не думать о всех тех ночах, что стояла в дверях его спальни и прислушивалась к медленному, ритмичному дыханию, сигнализирующем о том, что он беспробудно спал. Она не знала точно, почему это так утешало ее, слышать, как Уесли дышит во сне, но она не могла этим насытиться. Оставив Сорена, у нее не было привычки спать с другими. Она приходила, брала, что хотела и уходила. Завтрак к 11:00, в одиночестве был для нее отличным вариантом. Потом, вдруг, у нее появился этот малой в ее доме, который просыпался в 7:30... даже по гребаным выходным. И готовил для нее завтрак. И сводил баланс ее чековой книжки. И убеждался, что по счетам заплачено вовремя. В течение этого одного лета, что они жили вместе, он даже косил газон один раз в неделю.

Жизнь с Уесли вызывала у нее самые ужасные мысли. Однажды ночью она села на край его кровати и прочитала ему первую главу своего нового романа. Позже, в своей постели, она задавалась вопросом, будь она матерью, приносило бы ей удовольствие читать книги Доктора Сьюза или Льюиса Кэрролла своему собственному сыну. Потом, неделю спустя, Уесли пришлось прочистить слив в ее ванной, от того, что чрезмерное количество ее чертовых волос снова застряло в коленчатой трубе. И она наблюдала за ним и думала, что, возможно, быть замужем за полунормальным парнем, не стало бы высасывающим душу кошмаром, как она всегда воображала. И когда она писала за столом слишком долго, когда каждый квадратный сантиметр ее тела ныл, словно избитый всерьез, и Уесли потащил ее в ее комнату, положил на кровать и растер ей спину своими большими, сильными руками, которые знали, как заставить боль отступить, и внешнюю, и внутреннюю, она подумала, что это не только может быть хорошо - быть замужем за полунормальным парнем, но, возможно, ей это даже, вроде как, понравится.

Может быть, больше, чем вроде как.

Нора протянула руку и коснулась темно-русых волос Уесли. Может быть, она смогла бы привыкнуть к тому, что они такие длинные. Может быть. До тех пор, пока они не стали бы прикрывать его глаза.

Уесли зашевелился во сне и подвинулся к ней ближе. Он снова быстро откатился назад, и Нора улыбнулась, когда он тихо хрюкнул и уткнулся лицом в подушку. Осторожно, чтобы не разбудить его, она подняла простынь на секунду. Голый. Они

оба были совершенно голые и в постели Уесли, вместе. После того, как они занимались любовью у причала, они привели в порядок свою одежду и вернулись в гостевой дом. Нора предполагала, что они с Уесли лягут в постель и будут спать, но сон - это последнее, что было у него на уме. Как только они вошли в дом, одежда стала слетать. Они занимались сексом дважды, прежде чем хотя бы добрались до постели: один раз в прихожей, в ту секунду, когда вошли в дверь, и один раз в коридоре, в полуметре от спальни. Оба раза Нора оказалась на спине с широко разведенными ногами, а Уесли сверху и внутри нее. Так странно, что у нее никогда не было секса, как этот, в классической миссионерской позе. Ни боли, ни связывания, ничего, кроме их двух тел, соединенных вместе. Никогда еще она не могла представить себе, что может получать удовольствие от секса так просто. Уесли был сверху оба раза, но он не доминировал над ней. С каждым первоначальным проникновением, он спрашивал, все ли хорошо, или ему нужно сделать что-то другое, чтобы заставить ее чувствовать себя лучше. Она шептала слова наставления ему в ухо, слова ободрения. Она никогда не делала ничего подобного с Сореном. Секс с Сореном был одним из редких случаев, когда Нора затыкалась. Он не нуждался в инструкциях, не требовал поощрения. Если бы она попыталась вести себя так с ним, он бы заткнул ей рот в считанные секунды и не позволил говорить снова, пока не закончил с ней. И будучи внутри нее, он всегда был сверху, в то время как Нора оказывалась на животе или на четвереньках. Они занимались сексом в миссионерской позиции по случаю. В последний раз, он сначала изрезал ее бритвенным лезвием.

Все, что она когда-либо говорила Сорену, пока тот был внутри нее, это: «*Да, сэр*», или «*Нет, сэр*», или чаще просто «*Я люблю Вас, сэр*».

Уже в постели Уесли, Нора положила парня на спину и забралась на него сверху. Уесли, казалось, сразу же стало неудобно в этой позиции.

- Что не так? - спросила она его, опираясь на руки и позволив ее соскам задевать его грудь.

- Я странно себя чувствую.

- Странно? Как?

- Не знаю. Просто странно. Как по мне, какой-то странный угол. Хотя, вид отличный.

Он погладил ее грудь, и Нора ахнула.

- Ладно, но я должна заполучить тебя как-то по-другому, нежели в миссионерской позе. Ваниль - это само по себе плохо, - подразнила она, скатившись с него и перевернувшись на бок.

Уесли прижался к ней, и она ощутила его эрекцию, вжимающуюся в ее поясницу. Поднявшись, она перебросила верхнюю ногу через него, взяла его в руку и направила в себя. Уесли вздрогнул, погружаясь глубже в нее.

- Лучше?

Малой поцелуями покрывал ее шею и плечи.

- Определенно. Так хорошо. Очень.

Слова потерялись в бормотании между его поцелуями по ее плечам и спине.

- Поза “ложки” и миссионерская, - сказала она, пока Уесли терся носом о ее волосы. – Преисподняя, должно быть, никогда не слышала о таком.

Тогда Уесли перестал двигаться.

– Так плохо? Тебе не нравится?

- Не останавливайся. Не останавливайся... – Нора потянулась назад и схватила его за бедро.

Смеясь, Уесли возобновил движение, как было приказано.

- Я больше никогда не остановлюсь.

Нора подтянула подушку к груди и положила голову на нее, пока он продолжал свои медленные, чувственные толчки.

- Нет, мне нравится. Правда. Это просто по-другому для меня. Я либо доминирую в постели и нахожусь сверху, он подо мной и, как правило, привязан. Или...

- Или?

- Я сабмиссив. Как с...

- Да, я знаю. - Уесли мягко коснулся пиков ее сосков. - Так что же такого необычного в этом? Просто позиции?

Он толкнулся немного жестче и глубже, и вагина Норы сжалась вокруг него. Через несколько секунд ее дыхание восстановилось достаточно, чтобы она смогла продолжать говорить.

- Э-э... нет. Это трудно объяснить. Будучи Домом или сабом, я впадаю в эту роль... Эта другая часть меня берет верх, и я становлюсь Норой Сатерлин, если я руковожу. Или, если я с Сореном, я превращаюсь в его Малышку.

- Малышку?

Нора кивнула.

– Так он всегда меня называет. Это его прозвище для меня. Он огромный, ты же знаешь.

- Мы встречались.

Нора усмехнулась от отвращения, смешанного с завистью в голосе Уесли.

- Он метр девяносто ростом. А я нет.

- Я не могу поверить, что он называет тебя Малышка. Это так...

- Как?

- По-отцовски.

По-отцовски... Нора не могла спорить с этим суждением. В конце концов, он был отцом Стернсом. Для остальных, во всяком случае. Через пять минут после знакомства с ним, он сказал ей, что его настоящее имя Сорен и сказал, что она может и должна называть его так, когда никого нет поблизости. Называть его отцом Стернсом всегда казалось смешным для нее. Даже после двадцати лет, она едва могла сказать это с нормальным лицом. И все же... он практически вырастил ее. Как только они встретились, ее зависимость от своих родителей, минимальная изначально, стала несуществующей. Она отвечала только перед ним. Даже сейчас, ее нахождение здесь с Уесли было идеей Сорена, подарком Сорена ей. Но, хоть убей, она не могла понять почему.

- Почему... - прошептала она в простыни, когда Уесли зашевелился и открыл глаза.

- Почему что? - пробормотал он, потянув ее к себе.

С минуту он и Нора барахтались, пытаясь поудобнее расположить руки. С Сореном по утрам, она просто обвивалась вокруг его широкой груди, ни в какой борьбе с руками не было необходимости. Она не привыкла к этим бок-о-бок, лицом-к-лицу, непонятно-куда-девать-свои-руки вещам.

- Что ты делаешь? – спросил Уесли, пока Нора ерзала возле него, пытаясь найти удобное положение.

- Я думаю, мне придется отрезать себе руку, если мы собираемся лежать вот так. Или тебе нужно будет отрезать свою.

- Нора, ты никогда не обнималась раньше?

- Не так. Вот так. Ты ложишься на спину. Я лягу на тебя.

- Хорошо. Хорошо... - Уесли перекатился на спину, и Нора рухнула ему на грудь.

Он выпустил поток воздуха, когда она вскарабкалась на него.

- Ты сделана из свинца?

- Я - сплошные мышцы и зло. Прекращай жаловаться и обними меня.

Смеясь, он обвил ее руками.

- Да, мэм.

Закрыв глаза, Нора прижалась к груди Уесли, не столь широкой, как у Сорена, но теплее, ближе. И молодое сердце Уесли билось быстрее, чем у Сорена. Было ли это его естественной скоростью или просто побочным эффектом от наличия обнаженной женщины на его теле?

- Как ты себя чувствуешь? - спросила Нора, поднимая на него взгляд.

- Хорошо. - Уесли кивнул после паузы, пока обдумывал свой ответ. - Действительно хорошо. Я чувствую, что мог бы сделать всё, что хочу сегодня.

- Добро пожаловать в “отходняк”. Хорошо, не так ли?

- Очень. Такие вещи должны продаваться на черном рынке.

- Так и происходит. Это называется гашиш.

- Кентукки – неофициально номер один в выращивании и продаже этой культуры.

Глаза Норы расширились.

– Мне нравится этот штат с каждым днем все больше и больше.

Застонав, Уесли сел, заставляя Нору сползти на спину. Он слегка шлепнул ее по заднице, и она вскрикнула громче, чем надо. Уесли посмотрел на нее в шоке.

- Извини, - сказала она. - Сила привычки. Что?

- Пойдем. Одевайся.

- Эти обе идеи - ужасны. Почему и куда?

- Нам необходимо выяснить, что случилось с Ни За Что Отшлепанным.

- Правда? Нам?

Нора выползла из кровати и начала натягивать одежду.

- Ага. Ты сказала, Талел хороший парень и не стал бы убивать свою лошадь. Если ты веришь в него, значит и я тоже. В конце концов, никто из коневладельцев в здравом уме, не станет убивать свою собственную “золотую жилу”. Если конечно они отчаянно не нуждаются в легких деньгах.

- А у Талела есть деньги, так что причина не в этом. Какие-нибудь теории?

Нора натянула джинсы и футболку. Ей, наверное, следовало принять душ, но она не хотела тратить время, и ей вроде как нравилось пахнуть сексом с Уесли. Может быть, больше, чем вроде как.

- Неа. Давай просто пойдем туда и поговорим.
- Хороший план. Ты говоришь. Я не буду говорить.
- По рукам.

Через десять минут они были в Астон Мартине Нора, направляясь по аллее.

- Куда мы едем? – спросила Нора, когда они сворачивали на шоссе. Она позволила Уесли вести машину, поскольку он знал дорогу, а она планировала поглотить необычайное количество кофе.

- В Париж.

Нора поперхнулась кофе.

- В Париж? Это немного больше, чем поездка на один день, Уес.
- Париж, что в Кентукки. Там находится ферма Талела. Ну, одна из них.
- Сколько же чертовых ферм у него во владении?
- На две меньше, чем у нас.

Уесли посмотрел на нее и подмигнул.

Нора закатила глаза.

- Слишком много для моей фантазии о полунормальном парне.
- Что? Кто полунормальный парень?

- Ты. Или был им. Когда мы жили вместе, я ловила себя на мысли о том, как хорошо было бы с полунормальным парнем. Я имею в виду, *полу* в том смысле, что ты сексуальнее, чем современные нормальные парни. И умнее. И девственник. Ладно, тогда ты был им. Но теперь нет. У тебя больше денег, чем у самого Бога. Или, по крайней мере, больше чем у Талела.

- Ну, это деньги моих родителей, на самом деле. Но, думаю, я унаследую все это когда-нибудь. Десять тысяч гектаров, по последним подсчетам, в том числе вспомогательных ферм в штате Мэриленд и Теннесси. Двести лошадей в обучении. Пять или шесть сотен племенных кобыл и приплод.

Нора отвернулась от него, чтобы смотреть в окно автомобиля. Она никогда не видела так много миль зелени в своей жизни.

- Что ты будешь делать с этой твоей империей?

Уесли покачал головой.

- Я не знаю. Ежедневный объем работы моего отца - это безумие. Он встает в 4:30 утра каждый день с тех пор, как я его помню. Он выглядит сильным и здоровым, но он борется с язвой, с того времени, когда мне исполнилось десять лет.

- Продай ее.

- Что?

- Продай ее. Продай все. Избавься от всего, если ты не хочешь этого. Ты учился в колледже в Коннектикуте, не сказав мне ни слова о твоей жизни здесь. Мы ездили кататься на лошадях, но только ради удовольствия. Ты хочешь быть врачом, а не править империей, верно?

- Верно.

- Значит, продай ее. Гриффин продал лошадей деда. Никогда не оглядывался назад.

- Эта ферма – легенда. И принадлежала моей семье в течение нескольких поколений. Это одержимость моего отца. Это наследие моего отца.

- Кража автомобилей, распиливание их и раздербанивание между мафией - это наследие моего отца, Уес. Просто потому, что наши родители посвятили себя чему-то, не значит, что мы должны сделать то же самое.

Уесли покачал головой.

- Не могу. Я никогда не прощу себе продажи Райли.

- Тогда какой другой вариант?

- Я не знаю. Мы с мамой говорили об этом. Она сказала, что я должен жениться на женщине, увлекающейся лошадьми и позволить ей вести хозяйство, в то время как я делал бы все, что хотел. У мамы аллергия на лошадей. Ей приходится делать уколы каждую неделю, просто чтобы свободно дышать через нос.

Нора рассмеялась.

- Мне нравится твоя мама. Хорошая мысль. Нам придется найти тебе жену, которая по-настоящему увлекается этим дерьмом, а ты сможешь играть в доктора.

- Я предпочел бы жену, которая увлекалась бы мной.

- Это бред.

Нора и Уесли вели бредовые разговоры всю дорогу до Парижа. Когда они подъехали к Фермам Норовистого Края, Нора не смогла сдержаться и снова громко ахнула.

- Что? – спросил Уесли.

- Уесли, это безумие. Почему все в Кентукки живут в чертовых дворцах?

- Очевидно, мне нужно взять тебя в восточный Кентукки. У тебя складывается очень искаженное понятие об этом штате.

- Восточный Кентукки? Что там?

- Когда-нибудь смотрела “Избавление”? * (Кинофильм режиссёра Джона Бурмена, вышедший на экраны в 1972 году. Этот фильм не рекомендуется к просмотру лицам моложе 16 лет. Четверо городских мужчин, мнящих себя мужественными и отчаянными покорителями природы, решают совершить путешествие на двух каноэ вдоль одной из рек штата Джорджия. Бурное течение реки временно разделяет друзей на две пары. Во время одной из остановок в прибрежном лесу первая пара неожиданно подвергается нападению, унижению и бесчеловечному обращению с ними со стороны местных деревенских бандитов).

Нора натянула солнечные очки и усмехнулась.

- Видела, Уес? Я жила в этом.

Уесли закатил глаза, когда припарковался на круговой подъездной дорожке перед массивной колониальной усадьбой, которая представляла собой главный дом Норовистого Края.

- Норовистый? Прелестно, - сказала Нора. – Талел развлекается со своим английским.

- Он дает своим лошадям самые забавные имена. Мама называет всех наших лошадей, и она настоящий консерватор. Никакого БДСМ подтекста.

- Я хочу дать имя лошади.

- Если ты останешься здесь, отныне можешь называть всех лошадей.

Сердце Норы сжалось от улыбки на лице Уесли. Она так привыкла, что Сорен любит ее, что вряд ли кому-то удастся перебить это чувство. Любовь Сорена была как небо, огромной и вездесущей, всегда без сбоев. Она ожидала, что его любовь пройдет, не больше чем, если бы она когда-нибудь представила, что, гуляя на улице ночью, увидела пустоту там, где должны быть звезды. Но любовь Уесли казалась ей такой странной, такой романтичной. Откуда она взялась? И почему? Она бы скорее поняла происхождение звезд, нежели она когда-нибудь поймет, почему этот красивый мальчик, такой милый и чистый, будет любить такую женщину, как она.

Уесли позвонил в звонок у входной двери Талела и взял Нору за руку, пока они ждали.

- Так что мы можем просто подъехать сюда и позвонить в звонок? - спросила Нора, находясь в шоке из-за отсутствия охраны.

- Неа. Мы не можем. Но я могу.

Он снова улыбнулся ей, и Нора показала ему язык.

- Ок. Я понимаю. Ты владеешь Кентукки. Когда мы вернемся в Нью-Йорк, я собираюсь взять тебя в те места, куда только я смогу провести нас.

- А может не надо?

- Не надо, что? Идти в те места, куда только я смогу провести нас?

- Нет... - улыбка Уесли покинула его лицо. - Возвращаться в Нью-Йорк.

Нора тяжело вздохнула, сжимая его руку.

- Это твой мир, малой. Не мой. Ты знаешь, мне здесь не место.

- Однажды ты сказала мне, что любишь кое-что поужнее.

- Я говорила об анальном сексе.

- Конечно, так и было.

Дверь открылась, и Уесли начал представлять себя открывшей им молодой женщине. Она проводила их, прежде чем Уесли смог даже договорить свое имя. Когда женщина отвернулась, Нора показала язык Уесли.

- Большая шишка, - гримасничая, произнесла она.

- Большие деньги, - ответил он без тени гордости самим собой.

Нора могла лишь посочувствовать. Уесли было плевать на скачки. За полтора года, что они жили вместе, он обстоятельно говорил про медицинскую школу, о его мечтах стать детским врачом, лечить детей, таких, как и он сам, с диабетом 1-го типа и другими заболеваниями. Помогать людям, помогать детям. Его заботили деньги семьи столько же, как и Сорена заботили деньги его семьи. Сорен отдал все до цента, что унаследовал. Его целевой фонд перешел к Кингсли и лег в основу финансирования Империи Преисподней. Большую часть наследства он отдал двум своим сестрам. Как католический священник, он получал около тридцати тысяч долларов в год. Конечно, с Кингсли поблизости, Сорен имел доступ ко всему чему угодно, и в чем он нуждался. И Нора продолжала отлично его снабжать роялями и шикарным постельным бельем из египетского хлопка. Даже если он говорил ей этого не делать.

Нора сжала руку Уесли, пока Талел, одетый в джинсы и черную рубашку, и выглядевший таким же экзотическим красавцем, как обычно, спустился по лестнице им навстречу с улыбкой на лице.

- День всегда становится хорошим, когда к тебе навещают Принц Кентукки и Королева Преисподней.

Талел пожал руку Уесли и поцеловал Нору в щеку.

- Бывшая королева Преисподней, - сказала она ему. - Я ушла в отставку.

- Я слышал слухи. Но не верил им, тогда. Я не верю им теперь. Позволь мне отвести тебя на конюшню и вручить кнут. Мы увидим, сколько пройдет времени, прежде чем ты начнешь хлестать им кого-то.

Нора испустила тоскливый вздох.

- Я действительно скучаю по всем моим стекам. Я оставила себе один красный, конечно.

- Ты была бы как Артур без Экскалибура, отказавшись от него. Теперь, чему я обязан удовольствием этого визита? – спросил Талел, проводив их в гостиную.

Глаза Норы расширились при виде всех серебряных кубков и трофеев, которые загромождали огромную гостиную. Они располагались на каминной полке, на подоконниках, на полках и столах и подиумах. Кубки были перевиты лентами. Трофеи украшены поясами.

- Дьявол.

Кивнула она с одобрением.

- Если ты впечатлена моими выигрышами, - сказал Талел, с сияющей на всю комнату улыбкой, - это только потому, что ты еще не видела трофейной комнаты Райли.

- Нет, не видела. Почему это, Уес?

- Потому что отец не пустил тебя в дом, - напомнил ей Уесли.

- Правильно. Забыла. В любом случае, Талел, мы пришли просто узнать о Ни За Что Отшлепанном. Что, черт возьми, произошло?

Талел тяжело вздохнул и покачал головой.

- Мы пытаемся выяснить это. Он был на каком-то препарате для регуляции кровотока. Возможно, доза была смертельна. Я не могу сказать точно. Это трагедия. Потрясающая лошадь. Впечатляющая скорость и выносливость. Мог бежать на любом треке. Готовился к Дерби.

- И также он был очень милым, - сказала Нора, нахмурившись.

- И он был милым.

Талел коротко пожал ей руку.

- Кто ведет расследование? - спросил Уесли, даже не взглянув на трофеи в комнате.

Нора видела, как он уставился прямо на Талела. Конечно, Уесли не подозревал его в какой-либо нечестной игре.

- Обычный трековый ветеринар, страховая компания. Ни За Что Отшлепанный был застрахован на сорок.

Он пожал плечами, поправляя голубую ленту.

Нора почувствовала, как ее глаза чуть не вылезли из орбит.

- Сорок миллионов?

- Мы были очень умеренны. Такая трата... - вздохнул Талел. - Я стараюсь не думать об этом слишком много, пока они не закончат расследование. Я не хочу, чтобы полетели головы. Уверен, все, что произошло - просто несчастный случай. Я бы просто хотел обратно мою лошадь.

- Я знаю, что ты чувствуешь, - сказал Уесли. - Мы потеряли Афоризма от коликов в прошлом году. Папа вел себя так, будто потерял лучшего друга.

- Афоризм был прекрасным животным. Впечатляющий экземпляр. Каким был и Отшлепанный. Но у нас осталось несколько прекрасных образцов.

- Ты не возражаешь, если мы прогуляемся по конюшням? - спросил Уесли. - Папа сказал Норе, что ей не разрешено приближаться к нашим лошадям. Она была в настроении поиграть с пони.

Талел помолчал, прежде чем ответить.

- Конечно. Я бы с удовольствием составил вам компанию, но у меня сегодня ничего, кроме встреч, по теме случившегося. Вам позвать управляющего?

Уесли махнул рукой.

- Мы найдем дорогу.

- Простите меня, но пожалуйста, наведайтесь только в амбар племенных жеребцов. Другие наши амбары сейчас частично на реконструкции. Для вашей же безопасности. Жеребцы в главной конюшне.

- Разумеется, - сказал Уесли. - Нора просто хочет увидеть лошадей.

Нора сохраняла спокойное выражение лица. Мистер Райли не запретил ей появляться в конюшнях. Он, вероятно, думал об этом, но не сказал напрямую, что она не может находиться вблизи лошадей.

- Госпожа, как всегда был рад Вас увидеть.

Талел поцеловал ее в обе щеки, а она похлопала его по макушке, так покровительственно, как могла. По старой доброй памяти. Они с Уесли вышли из дома и остановились на крыльце.

- Что? - спросила она, когда Уесли громко выдохнул через нос.

- Чем-то здесь пахнет.

- Это все лошадиное дерьмо. Думаю, оно у меня на ботинке.

Нора подняла ногу.

- Не в прямом смысле воняет. Я не знаю. Что-то не так с Ни За Что Отшлепанным. Талел должен быть более огорчен. Эта лошадь была машиной по производству денег. Сорок миллионов – приблизительно столько он делает в год на гонорарах от племенных жеребцов.

- И?

- Некоторые лошади живут по двадцать и более лет. Этот конь мог принести сто или двести миллионов долларов в течение следующих пяти - десяти лет.

- Но Талел богаче, чем Бог. Это для него карманные деньги.

- Нора, сто миллионов долларов - это ни для кого не карманные деньги. Пошли.

Она последовала за Уесли в машину, и в молчании они проехали полмили до того места, где в конце дороги расположились кольцом полтора десятка конюшен. Они оставили машину и прошли до ближайшей. Нора присвистнула, когда они вошли внутрь.

- Уесли, это абсурд, - сказала она, оглядевшись вокруг. - Я знаю, страховых руководителей в Коннектикуте, чьи дома не оформлены так, как эти чертовы конюшни.

- Расскажи мне об этом. У Райли есть бассейны для лошадей, обогрев стойл, спа... Наши ведущие лошади получают массаж, гомеопаты делают им релаксотерапию... С ума сойти, как испорчены эти чертовы животные.

Они шли по коридору по центру конюшни. Лошади высунули головы и раздраженно ржали на них. Нора потянулась, чтобы погладить одного и Уесли потянул ее за руку обратно.

- Я знаю, я знаю. Это Чистокровные скакуны, а не котята. Они кусаются.

- Совершенно верно. И больно кусаются.

- Как и я, - сказала Нора, оскалившись на него.

Большой гнедой конь клацнул зубами на нее, и Нора зарычала в ответ. Он потрясенно взглянул на женщину и ретировался в свое стойло.

- Что, скажи на милость, мы... проклятье!

Нора ухватилась сзади за рубаху Уесли, споткнувшись обо что-то, едва не упав.

- Нора? Ты в порядке?

- Что за хрень? Я что-то пнула. Прости.

Она наклонилась, и, порывшись в соломе, вытянула кусок сгнившего дерева с ржавой серебряной петлей, прикрепленной на конце. Уесли взял доску из ее рук и осмотрел.

- Странно.

- Странно, что? - спросила она. Уесли не ответил. Оборачиваясь по сторонам, он прошел по коридору раз, останавливаясь возле каждого стойла. - Уес, что происходит?

Он покачал головой.

- Я не знаю. Пойдем. Давай посмотрим на кобыл.

Из-за гнилой доски в одной руке, он взял ее другой и практически вытащил из конюшни с жеребцами.

- Талел попросил нас оставаться в амбаре племенных жеребцов.

- Я знаю. Поэтому мы не останемся здесь.

- Жеребцы - это большие деньги. Они те, о которых каждый заботится. Те, что являются призерами. Я хочу посмотреть, как живет остальная половина.

Уесли, казался настороженным, когда они покинули амбар с жеребцами и направились по дорожке к белой конюшне с зеленой отделкой. Она выглядела такой же элегантной и ухоженной, но, когда он дошел до двери и увидел большой серебристый навесной замок на дверной ручке, то выругался.

- Проклятье. Заперта.

Он смотрел на него с такой концентрацией, что Нора подумала, будто он пытался открыть его силой мысли.

- Зачем кому-то запирают кобыл, но не запирают призовых жеребцов?

- Это мой вопрос. Ну, тогда нам стоит выяснить это. - Нора оттолкнула Уесли, открыла свою сумку и вытащила оттуда набор отмычек. - Прикрой меня.

- Нора, что ты делаешь?

- Перестань психовать. Я просто вскрываю замок. Дай мне секунду.

- Откуда ты знаешь, как вскрывать замки? И почему у тебя набор отмычек в сумочке?

- Уесли, мой мальчик, меня арестовали в возрасте пятнадцати лет. Это был арест номер один. Было еще двенадцать с тех пор. Когда тебя арестовывают столько раз, как меня, ты начинаешь продумывать все случайности.

- Нора...

Она хлопнула навесной замок, и тот свалился с дверной ручки. Они проскользнули внутрь амбара и закрыли за собой дверь.

- Нормально. - Она подняла лицо к Уесли. - Сорен всерьез увлекается бандажом. Здорово шокирует, не правда ли?

- Я настолько потрясен, что даже потерял дар речи.

Нора закатила глаза.

- Я научилась взламывать замки, чтобы позлить его. Я хотела, чтобы он знал, во что бы он меня не заковал, я смогу выбраться. Даже если я и не пыталась.

- Почему? Я думал, ты любила его.

- Я и люблю его. Любовь и наличие плана побега не являются взаимоисключающими. Они, по сути, настоятельно рекомендованы.

Нора нашла выключатель и щелкнула им.

- Здесь странно.

- Ага, расскажи мне об этом.

Они разглядывали конюшню в тишине. Та была пуста. Совершенно пуста. Ни лошадей. Ни аксессуаров для верховой езды. Ни персонала. Ни жокеев. Ничего. Просто старая солома на гнилом полу в душной темноте.

- Похоже, она пустовала долгое время.

Уесли заглянул в каждое стойло.

- Мне тоже так кажется. Странно, ставить замок на пустую конюшню и ни одного на переполненную приносящими доход лошадьми.

- Давай проверим остальные.

- У меня есть отмычки.

Нора последовала за Уесли от второго амбара к третьему. Они опять обнаружили на нем висячий замок. И снова нашли его пустым. Четвертый и пятый амбары тоже были пустыми. Ни лошадей. Ничего.

- Что, черт возьми, происходит?

Уесли стоял в последней из конюшен, уставившись на отсутствующее в ней содержание.

- Ты мне скажи. Ты у нас эксперт по лошадям.

- Я не знаю. Разве что Талел перевез всех своих лошадей на другую ферму... смысла нет. На ферме такого размера должны быть сотни годовалых лошадей, жеребцов, кобыл. Даже если бы он перевез всех своих лошадей на другую ферму, он должен был, по крайней мере, оставить некоторых, что он держит для других. Мы сохраним около ста лошадей, которые не принадлежат нам.

- Я должна пойти и спросить его. Он что-нибудь мне скажет.

- Не спрашивай. Пока что. Я хочу задать несколько своих вопросов.

- Каких, например?

Уесли поднял кусок доски из амбара с жеребцами.

- Свежая краска поверх гниющей древесины, Нора? Мой первый вопрос будет такой: почему миллиардер не может позволить себе починить сломанные двери стойла?

Нора посмотрела на деревяшку, а затем на Уесли. Он что-то увидел в ее глазах, что-то вроде понимания. Он подождал, но она, похоже, не была готова его просветить. Она тяжело вздохнула, и свет в ее глазах снова погас.

- Чертовски хороший вопрос.

Глава 28

Север

Прошлое

Кингсли гортанно застонал и этот стон Сорен поглотил из его уст. Он потянул за веревку, которая приковывала его к холодному металлу изголовья кровати, но не смог освободить руки.

Теперь это была чистая пытка. Кингсли лежал с привязанными по краям кровати руками и ногами, в то время как Сорен медленно, нежно целовал его. Его губы... шею... ключицы и грудь получили почти пять минут внимания...

- Пожалуйста... s'il vous plaît... - умолял Кингсли, и даже не знал, почему он молил, и о чем он просил.

Сорен никогда не внимал его мольбам, ни о милосердии, ни о завершении процесса. Все происходило по времени Сорена, по его воле и только по его воле. Но Кингсли не мог остановить себя от попрошайничества, от мольбы. Ни одна девушка никогда не целовала его так. Он чувствовал себя вещью, и ничем более. Когда Сорен целовал его, Кингсли знал, что это было только ради Сорена. Боль была для Сорена. Удовольствие было для Сорена. Кингсли, существовал для Сорена и он это знал. Месяц назад он хвастался перед Сореном привилегированным положением, что он занимал, будучи единственным сыном во французской семье. Мать боготворила его и не просила ни о чем. Отец баловал его. Его сестра делала работу, которую от него никогда не ожидали. Маленький принц, вот кем он был, рос. И каждую ночь, его мать читала ему Маленького принца, его любимую историю. Но под Сореном, Кингсли перестал быть принцем или королем.

Он был ничем, всего лишь рабом, слугой, телом, для пользования Сореном и для Сорена.

Ничто не радовало Кингсли больше, чем исчезнуть в ските ночью и найти ожидающего его Сорена. Корону, что его родители возложили ему на голову, даже назвав его Кингсли, хотя менее французское имя, вряд ли существовало, он снял эту корону и положил к ногам Сорена. И принц становился слугой, простолюдином, всю ночь напролет.

Рука Сорена скользила вдоль груди Кингсли, по животу, опускаясь еще ниже. Кингсли застонал на грани боли от необходимости, невероятной жажды. Ему необходимо было, чтобы его коснулись... как можно скорее. Но руки Сорена и его рот блуждали вдоль каждого сантиметра его тела, за исключением тех сантиметров, что нуждались в поцелуях, наиболее отчаянно желающих прикосновения.

- Ты ненавидишь меня, - прошептал Кингсли, и Сорен засмеялся.

- Ты мне слишком безразличен, чтобы я ненавидел тебя. - Сорен приблизил свой рот к уху Кингсли и целовал его от затылка до плеча. - Ты ничто для меня.

- Так вот почему ты пытаешься меня убить?

Кингсли приподнял бедра, ища какого-либо удовлетворения и не чувствуя ничего, кроме возобновившегося давления в животе. Он бы кончил, не будь он осторожен. Он то знал. Сорен избил бы его почти до крови, если бы он кончил, не спросив разрешения. У него был рубец недельной давности на нижней части спины, доказывающий это.

- Я бы никогда не убил тебя, - сказал Сорен, скользя руками по внутренней поверхности бедер Кингсли, массируя их, проводя пальцами к самому краю болезненно напряженной эрекции Кингсли, прежде чем убрать их снова.

Только другой мужчина смог бы понять абсолютную агонию такого рода дразнилок. Только садист, как Сорен смог бы причинить такое.

- Убивать тебя было бы тратой моего драгоценного времени.

- Тебе придется найти кого-нибудь другого, чтобы пытать его таким образом, убей ты меня, - сказал, смеясь Кингсли, хотя его глаза были наполнены непролитыми слезами досады.

- Точно пустая трата... - Сорен поцеловал его грудную клетку. – Моего... - Сорен поцеловал его бедро. – Времени... - Сорен поцеловал его живот, только в дюйме от того, где Кингсли так отчаянно хотел, чтобы он его поцеловал.

- Я умру в любом случае, если ты не позволишь мне кончить.

- Твоя склонность к преувеличению позорна. Тебе должно быть стыдно за себя.

- Мне стыдно. Или было бы, будь у меня стыд, которого я не имею.

- Нет стыда? Тот, у кого нет чувства стыда, просил бы лучше, чем ты...

Кингсли услышал намек в голосе Сорена и чуть не рассмеялся вслух от радости. Сорен делал это иногда, направлял его в сторону желаемого ответа. В такие моменты Кингсли больше всего чувствовал себя как слуга, ребенок, как собственность. Сорен хотел, чтобы Кингсли вымаливал, когда мольба была желаемая, чтобы плакал, когда плач был желаемым, и всегда, всегда подчинялся ему, подчинение было тем, что Сорен жаждал больше всего.

Подчинение... Кингсли никогда не понимал этого, пока не провел свою первую ночь с Сореном. Та первая ночь в лесу просто сломала его тело. Вторая ночь сломала его волю. Но когда они провели свою первую ночь вместе в эрмитаже, и не сдавались до самого рассвета, Кингсли усвоил, что подчинение не означало сдаваться врагу, но и союзнику. Хотя Сорен так и не признался в любви Кингсли, или хотя бы в привязанности, он чувствовал это в каждом *мы*, произнесенном на протяжении той долгой ночи.

- *Мы должны остаться здесь на ночь*, - говорил Сорен.

- *Нам нужно поспать... хотя бы чуть-чуть*, - шептал Сорен.

- *Мы не должны возвращаться вместе. Кто-то может увидеть*, - решил он утром.

Во время их первой ночи вместе в ските, Сорен избил Кингсли, прежде чем привязать его лицом вниз к кровати и пронзать его снова и снова. И с каждым

толчком, Кингсли шептал в простыни *Je t'aime*. Тысячу раз в ту ночь он, должно быть, сказал это. Тысячу раз он так и думал. Он проснулся на следующее утро, лежа головой на животе Сорена, и те совершенные пальцы пианиста перебирали его длинные волосы. Боль сделала его почти неподвижным, но он не мог перестать улыбаться.

Один из священников в часовне на этой неделе читал проповедь об Иакове, который боролся с ангелом, пока он не вырвал благословение у ангела, ангела, который оказался самим Господом Богом. В ту ночь Иаков получил Его благословение, а вместе с ним и хромоту, которая никогда не излечится. Учение было о том, что никто не ушел от Бога полностью целым. Кингсли будет хромать от Сорена, в то утро и каждое утро после ночи с ним. Он будет уходить хромя и знать, что он сделал так не потому, что был проклят, а потому, что он был благословлен. Так что, если Сорен хотел, чтобы он умолял, то Кингсли будет умолять. И он умолял.

- Пожалуйста... - вздыхал он. - Monsieur. Я сделаю что угодно, что ты мне скажешь. Все, что угодно. Только дай мне кончить, пожалуйста ... - и снова, и снова. Кингсли унижался, пока Сорен продолжал свое чувственное нападение. Нападение, было такое чувство, что это настоящее нападение. Чем нежнее Сорен прикасался к нему, чем осторожнее, тем больше Кингсли жаждал большего. Даже насилие принесло бы меньше боли, чем такого рода нежности. Только Сорен мог сделать удовольствие таким жестоко болезненным. От его легких ласк сводило каждый нерв в теле Кингсли. Через час рук Сорена на нем, его рта на нем, каждое прикосновение ощущалось, как наждачная бумага, натирающая открытую рану.

- Больше, - приказал Сорен, целуя впадинку у основания горла Кингсли и медленно, снова продвигаясь вдоль груди и живота.

- Дай мне облегчение, и ты можешь владеть мной вечно, - обещал Кингсли. - Моим телом, моим сердцем, моей душой, возьми все, если только позволишь мне...

- Я уже владею тобой.

Язык Сорена слегка щелкнул по чувствительной коже бока Кингсли, именно того места, где ему было немного щекотно. Слезы покатались из его глаз, скользя в волосы. Он заставил себя кончить, но не смог. Ему было необходимо прикосновение.

- Всем в тебе, какую бы цену оно не имело, что не так уж и много... Я владею твоим телом ... - Сорен скользнул обеими руками вдоль связанных рук Кингсли. - Я владею твоим сердцем... - он прижался губами к груди Кингсли. - Поскольку ты француз и не католик, я даже не уверен, что у тебя есть душа ...

- Она у меня действительно есть. Я храню ее в моем члене. Не стесняйся, можешь высосать ее, - сказал Кингсли, будучи сейчас достаточно отчаянным, чтобы насмехаться над Сореном.

Сорен наградил его наглость быстрым, жестким ударом по лицу.

- Это не способ получить то, что ты хочешь.

- Тогда скажи мне как... пожалуйста, - голос Кингсли сорвался, а его горло сжалось. - Нет ничего, чему я не буду подчиняться, если ты позволишь мне кончить. Ничего.

- Ничего? - Сорен оседлал его бедра.

Кингсли был раздет донага в момент, когда он вошел в скит, но Сорен до сих пор был одет в брюки, рубашку, жилет и галстук. Потребность почувствовать кожу Сорена на своей, была почти столь же велика, как и его потребность кончить.

- Ты подчинишься насилью?

- Боже, да.

Кингсли проглотил комок в горле. После первой порки сегодня вечером, Сорен наклонил его над стулом и насильовал его. Сорен приказал ему не кончать, и не трогать ничего, кроме своих плеч, пока он внутри него.

- Ты подчинишься порезам?

Кингсли сделал паузу, а затем кивнул.

- Oui. Что угодно.

Сорен порезал его лишь однажды, и вид лезвия бритвы одновременно и пугал, и возбуждал, что было за гранью его понимания. Он никогда не видел, чтобы глаза Сорена становились таким черными от желания, какими они были тогда, при виде красной крови на оливковой коже Кингсли. Чтобы увидеть этот взгляд снова Кингсли позволил бы Сорену вырезать его язык, если это было то, чего он хотел.

Сорен скользнул руками от запястий Кингсли до его плеч, по груди, и вниз, к его животу, а затем снова вверх, сделав паузу, наконец, остановившись, плотно обхватив горло Кинга.

- Ты позволил бы мне убить тебя?

Сорен уставился на Кингсли своими стальными серыми глазами, напрочь лишенными жалости. Кингсли снова сглотнул и почувствовал свой кадык, прижатый к рукам Сорена.

Он прошептал: - Да.

- Хорошо.

Пальцы Сорена сжались вокруг его горла, и в один прекрасный, ужасный момент, Кингсли увидел белый свет Мира Грядущего и Бога, стоящего перед ним. Но руки на его шее исчезли, и он почувствовал на себе невероятный жар. Сорен толкнулся пальцем в него, и когда он прикоснулся к тому месту, что отправило его в

пароксизм удовольствия, Кингсли дернулся. И с одним гортанным криком, кончил в рот Сорена.

Оргазм длился вечно, так долго, что Кингсли не только чувствовал, что это никогда не кончится, но и боялся, что это никогда не кончится. Снова и снова, волны освобождения захлестывали и проходили сквозь него. Позже он осознал, что это продолжалось всего несколько секунд, но чистое облегчение, в конечном счете, после часа пыток, позволение ему кончить, лишило его чувств и какого-либо постижения времени. Сорен имел эту власть. Мало того, что Кингсли подчинялся воле Сорена, само время делало это.

Через день или через год, или через несколько минут, Кингсли начал выходить из тумана. Открыв глаза, он обнаружил Сорена, отвязывающего его лодыжки от прутьев кровати.

- Merci... - выдохнул Кинг, улыбка лениво расплзлась по его лицу.

- De rien.

Сорен искусно сворачивал веревочные путы. Кингсли любил наблюдать за Сореном с веревкой, он обладал такой естественной грацией в этом. Все, что он делал с Кингсли, казалось, таким контролируемым, таким ритуальным. Даже избиение имело странную красоту.

- Ты отлично справился.

- Я стараюсь угодить тебе.

Кингсли произнес эти слова, прежде чем он даже придумал их. Он произнес их пессимистичным тоном, ощущая, как всегда, что чтобы он ни делал, никогда не будет достойным Сорена.

Сорен освободил его запястья и Кингсли вытянул руки, кровь по венам хлынула к его похолодевшим пальцам. Он вздрогнул, когда почувствовал руку Сорена на своем лице и в этот раз не пощечину, а легкое прикосновение.

- Ты угодил, - сказал он, потрепав Кингсли за подбородок, прежде чем покинуть кровать.

Кинг перекатился в сидячее положение и натянул на себя одеяло. В течение часа пыток, он почти вспотел от желания. Теперь он чувствовал прохладу, почти холод, и такое спокойствие, что он осознавал, если оставить его одного в покое, он мог проспать в течение следующих десяти часов.

- Угодил?

- Не делай удивленное лицо. Почему ты думаешь, что не сможешь угодить мне?

Сорен принес небольшой сундучок со склада, они использовали его, чтобы прятать свои импровизированные путы и ремни, которыми он порол Кингсли.

Кингсли пожал плечами.

- Je ne sais pas. Mais ты так много требуешь от меня. Я не могу поверить, что даю тебе то, чего ты хочешь.

- Кингсли, ты доверил свою жизнь в мои руки. Нет ничего, чего бы ты не позволял мне делать с тобой, из того чего бы мне хотелось. Ты угождаешь мне больше, чем я могу сказать.

Лицо Кингсли обдало жаром, когда он покраснел от комплимента. Пока они были под влиянием момента, Сорен говорил ему самые ужасные вещи, что он был никем, рабом, слугой, лишь имуществом, используемым для удовольствия Сорена. Неужели он на самом деле не имел в виду те вещи? Или же он имел их в виду в тот момент, а не после? Или, может... может, он имел их в виду, и Сорену нравилось, что Кингсли не спорил?

- Я... - Кинг кивнул, плотнее укутавшись в одеяло. - Я рад, что радую тебя. Это самое главное.

Сорен вернулся к кровати и коснулся прядей волос Кингсли. Кинг заставил себя не двигаться. Он хотел повернуться и поцеловать в открытую ладонь Сорена, но он оставался сильным. Он унижался достаточно сегодня.

- Так должно быть.

Сорен улыбнулся ему и слегка шлепнул кончиками пальцев по распухшим губам Кингсли. Кинг поморщился и Сорен рассмеялся, возвращаясь обратно к сундуку.

- Сукин сын, - сказал Кингсли, используя свое любимое американское ругательство.

- Только за это, ты получишь дополнительную порку, когда мы придем сюда в следующий раз.

Кингсли перевернулся на бок, зарываясь глубже в одеяла.

- Когда это случится? Скоро?

Он всегда спрашивал, и молился, что ответ будет «да».

- Ça dépende.

Сорен вернулся к кровати и встал у изголовья. Кингсли драматически закатил глаза, снова принимая сидячее положение, и начал расстегивать жилет Сорена. Из всех задач, которыми Сорен обременил его, именно эта - раздевать его перед сном, была для Кинга любимой. Последнее, чего бы он хотел, чтобы Сорен узнал, насколько он

любил ухаживать за одеждой Сорена, аккуратно снимая одну вещь за другой, складывая в стороне, хотя собственная одежда Кингсли лежала грудями на полу. Сорен никогда не упускал возможность потоптаться по ней, когда он ходил по эрмитажу.

- От чего зависит?

Кингсли стянул жилет с плеч Сорена и снова застегнул пуговицы, перед тем как сложить его пополам и положить на кровать. Сорен снял галстук раньше, чтобы использовать тот в качестве кляпа. Кингсли расстегнул брюки Сорена и вытащил рубашку. С каждой расстегнутой пуговицей, он оставлял поцелуй на голой груди Сорена. Сорен никогда не комментировал, когда Кингсли делал это, никогда не вздыхал от удовольствия и не проявлял какого-либо презрения. Он игнорировал это. Просто игнорировал.

- Что-то происходит в школе? Я знаю, что скоро полугодовые экзамены. Уверен, ты будешь слишком занят для меня.

- Я всегда слишком занят для тебя, - сказал Сорен, когда Кингсли снимал его рубашку.

Он часто говорил, что у него не было времени на Кингсли. Но они возвращались в скит снова и снова. Однажды, когда Кинг набрался достаточно храбрости, чтобы спросить, почему Сорен находил время для него, он ответил: - Я не нахожу время для тебя, Кингсли. Я делаю это для себя.

- Так дело в экзаменах?

Сорен слабо улыбнулся себе, когда Кингсли спустил его штаны. Сорен вышел из них и встал перед ним голый. Кингсли сел на край кровати и положил голову на живот Сорена. Он не позволил себе больше каких-либо вольностей. Если он был послушным, Сорен давал ему спокойно спать всю ночь с ним в кровати. Если он, в каком-то плане, был им недоволен, Кинг будет отправлен с одним одеялом спать на полу перед камином.

- Нет. В школе скоро будет посетитель. Боюсь, у нас будет меньше времени вместе из-за нее.

- Нее? Кто это? Еще одна сестра?

Две недели назад, монахиня Бенедиктинского ордена приехала в школу на три дня. Сестра Схоластики приехала в качестве специально приглашенного лектора в класс теологии отца Патрика. Ей шестьдесят, и она по привычке, была закутана с головы до ног. Но само присутствие женщины в школе Святого Игнатия, заставляло даже безмятежного отца Генри краснеть и запинаться.

- Да, - сказал Сорен, кладя руку на подбородок Кингсли и поднимая его лицо. - Твоя.

Глава 29

Север

Настоящее

Кингсли стоял у окна своей спальни, уставившись на город. С тех пор как он переехал на Манхэттен и захватил Преисподнюю, сделав ее собственной игровой площадкой, он испытывал чувство ответственности за свой приемный дом. Франция выплюнула его на просторы Манхэттена, и он приполз в этот район и решил купить его. Люди в его мире были ненормальными. Ущербными, сломанными, выброшенными, презренными, у них были деньги, у большинства из них, но им не хватало гордости, не хватало достоинства. Мир говорил им, что они ему не принадлежали, и они верили этой лжи. Или, возможно, это была не ложь. Возможно, люди, подобные ему, мужчины, которые чувствовали прилив власти, доводя женщину до грани ужаса, или которые, также как и он, чувствовали прилив блаженства, когда были поставлены на колени, на самом деле не принадлежат этому миру. Не дневному миру, во всяком случае, нижнему миру, миру, который сделал себя сам. Он и все его рода, принадлежали тьме, ночи, верхним комнатам, куда никому не было доступа. Такая женщина, как Нора Сатерлин, что бы мир с ней делал? Слишком сильна и умна, чтобы поддаться семейной жизни, она была бы обречена стать старой девой в глазах всего мира. У нее были тысячи любовников, и не было мужа. И Сорен, le prêtre, только половина его принадлежала миру. Мир видел хорошего священника, и мир был прав. Но другую сторону Сорена мало кто видел и мало кто мог говорить об этом. Кингсли хотел охранять людей, которые оживали только в темных уголках этого мира. Но кто мог защитить их всех? Поэтому, вместо них, он охранял полумрак. И кто-то нарушил границы его полумрака, и пролил кровь в доме Кингсли. Проливать кровь таким образом Кинг не позволял под его крышей без его согласия.

- Ты опоздал, Гриффин.

Кингсли обернулся и увидел красивого, разве что выглядящего изнуренным, молодого человека, стоящего в дверях своей спальни.

- Я приехал так быстро, как смог, Кинг. - Гриффин бросил чемодан на пороге, направляясь к нему. - Что, черт возьми, происходит? Мик в шоке. Я тоже. Не то, что бы я ему это сказал.

Вздыхнув, Кингсли поднял свой шерри и повертел, покрывая им стенки бокала. Он поставил его, так и не выпив.

- Как твоя новая зверушка? - Кингли оглядел Гриффина с головы до ног. Любовь была добра к Гриффину Фиске. Таким уставшим, каким он, должно быть, был, он по-прежнему казался готовым и способным разорвать любого пополам, голыми руками. Хорошо. До этого тоже может дойти. - Приспосабливается к жизни в своем ошейнике?

Гриффин ухмыльнулся, скрещивая руки на груди и прислоняясь к столбцу кровати.

- Похоже на то. Мик... он и я, у нас все путем. Охренеть, как.

Кингли поднял бровь в удивленном одобрении. Так много сказано в нескольких словах. Но Кингли не нуждался в словах. Блеск в темных глазах Гриффина рассказал ему все, что ему нужно было знать. Гриффин Фиске, в возрасте двадцати девяти, с пугающей комплекцией грубоватого бесцеремонного культуриста, нашел свою пару в обличье робкого, практически безмолвного семнадцатилетнего юноши. Вся Преисподняя еще гудела от известия, что их богатый, бисексуальный Властелин Вакханалии, был свергнут обратно на землю из-за любви. Все бросались насмешками, пока не увидели, что собой представляет Микаэль, и те, его серебристые глаза, которые сияли, как луна в беззвездную ночь. Кингли видел немного себя в Микаэле - юный паренек, поклоняющийся человеку, который владел им, нуждающийся в страхе и боли насколько, насколько нуждался в доверии и нежности. Но Микаэль был лишь одной стороной Кингли. Мальчик не имел доминирующего стержня в своем теле, как Кингли объяснила Нора. Кинг изначально прислуживал, и это раздражило его аппетит для большего. Но не служить, а стать мастером самому.

- Я рад слышать, что у тебя с твоим питомцем все хорошо. К сожалению, не все хорошо у меня и моих питомцев.

Глаза Гриффина слегка расширились.

- Что случилось?

- Сэди... ее убили.

- Как?

Гриффин опустил руки и подошел к Кингли, глядя ему в лицо. Кинг посмотрел в сторону, не желая, чтобы тот увидел, насколько глубоко смерть Сэди тронула его.

- Ножом. В сердце.

- Срань Господня. У кого же такое большое желание умереть?

И действительно, у кого? Кингли знал, что вопрос Гриффина был чисто риторическим. Он не спрашивал, кто убил Сэди, потому что, кто, вообще, в здравом уме посмеет нанести вред одному из драгоценных ротвейлеров Кингли Эджа? Подразумеваемым ответом было *никто*. Ни единая душа. Только кто-то, как сказал

Гриффин, желающий умереть. Или еще хуже, кто-то, кто уже мертв. Кингсли пожал плечами, так как это был его единственный ответ. Он знал, кто это сделал, но он никогда не скажет, никогда не смог бы сказать. Но он и не мог допустить, чтобы произошло еще что-нибудь. Ему нужно время. Время подумать и спланировать, и... он поднял руку к лицу и потер лоб.

- Кинг, мне так жаль. - Гриффин тронул его за плечо, и Кингсли кивнул. Несомненно, этот момент отчаянья Кингсли, Гриффин ошибочно расценил, как скорбь по его мертвой собаке. Пусть думает, что хочет. Правда, в любом случае, никогда не выйдет наружу.

- Как и мне. - Кингсли повернулся лицом к Гриффину, улыбаясь. - Но тут уж ничего не поделаешь. Она умерла, и мы должны делать то, что должны - защитить нас всех. Кто-то, кем бы он ни был, неважно, хочет навредить нам. Я не могу этого допустить.

- Нет. Конечно, нет. Что я могу сделать?

Кингсли вздохнул. Что Гриффин может сделать? Сейчас ничего. Не совсем. У Кингсли было так мало надежных людей в Преисподней, что просто присутствие Гриффина в городе, успокаивало его. Он нуждался в том, чтобы его ближайшие соратники были с ним сейчас, те, на которых он мог положиться. Госпожа оставила их на произвол судьбы. Джульетту, он отослал подальше.

- La Maîtresse... она далеко. И я уверен, что человек, который убил Сэди, также имеет замыслы и относительно нее.

- Относительно Норы? Почему?

Кингсли услышал ярость, скрывающуюся в вопросе Гриффина, и понял, почему инстинктивно он послал за ним. Гриффин любил Нору когда-то или пытался. И он все еще любил ее, хотя больше не со страстью и голодом, но с верностью и преданностью. Нора свела Гриффина и его юного возлюбленного вместе, и только по этой причине, Кингсли знал, что Гриффин будет ходить по раскаленным углям, чтобы защитить ее. И если дела в дальнейшем будут обстоять так, как они обстоят, ему, возможно, придется ее защищать.

- Почему? Я не могу сказать, mais я думаю, что человек, который убил Сэди, также несет ответственность за кражу документа из моего личного кабинета. Документа о La Maîtresse.

- Дерьмо. Кто-то вламывается в твой офис, убивает твою собаку. Кингсли, что, черт возьми, происходит?

- Если бы я мог сказать, mon ami. Как ты можешь себе представить, я бы предпочел конфиденциальность. Слухи о том, что мой дом незащищен... - Кингсли позволил своему голосу затихнуть. Ему не нужно рассказывать Гриффину как плохо

было бы, если бы мир узнал, что дом Кингсли взломали. Страх держал город в узде. Страх перед Кингсли и его сферой влияния. В архивах, в кабинете Кингсли, были тысячи часов отснятого материала о представителях высших слоев общества, принимающих участие в каждом распутном, вульгарном, аморальном, неприличном и преступном деяниях, известных человечеству. И несколько актов, которые удивили, даже Кингсли. Богатые и влиятельные, также были пойманы на пленку, вовлеченные в связывание и садо-мазо, участвующие в сделках с наркотиками и торговлей оружием. И в теневых сделках, что привело к гибели более чем одного богатого мецената, который совершил фатальную ошибку, имея слишком щедрое завещание. Все эти кадры сохранялись и каталогизировались Кингсли после, конечно, позволив начальнику полиции или судье, или сенатору или мэру, или светской львице, посмотреть видео. Кингсли никогда не стал бы использовать их грехи против них, как и обещал. Он не хотел ни их денег, ни их благосклонности. Он просто интересовался, что если придет время, окажут ли они ему такую милость, принять его звонок и подарить ему пять минут своего драгоценного времени. Ему никогда не приходилось растолковывать угрозу более чем один раз. Если они хотели уберечь себя, они просто должны пообещать, что помогут ему, когда это потребуется.

- Бог знает, что я не желаю никому попасть в твой кабинет, - сказал Гриффин, качая головой.

- Я давно сжег твои записи, - соврал Кингсли.

Гриффин шумно выдохнул с явным облегчением. Он был хорошим мальчиком в течение последних нескольких лет, но он не был святым, когда Кингсли привел его в их мир. Его пристрастие к наркотикам чуть было не лишило его целевого фонда. На одной особой, высокой четкости фотографии во владении Кингсли, можно было даже разглядеть крылья бабочки тату на спине стриптизерши под кучей кокаина и, конечно, лицо Гриффина Фиске со скрученной в трубочку столларовой купюрой у его ноздри.

- Спасибо. Так что? Я сделаю для Норы все. Черт, я даже прервал свой медовый месяц ради тебя, - сказал Гриффин, с озорством подмигнув.

- Медовый месяц может продолжаться. Возьми своего питомца к La Maitresse. Оставайтесь там. Смотрите за домом. Она хранит там слишком много, что может причинить ей вред. Я не хочу, чтобы дом оставался без присмотра.

- Куда уехала Нора?

- La Maitresse находится в Кентукки.

Глаза Гриффина расширились, прежде чем он быстро взял себя в руки.

- Вот это новость. Как Сорен это воспринимает?

Кингсли сделал паузу, прежде чем ответить. Он доверял Гриффину. Мальчик давным-давно заработал свое уважение и уверенность. И из-за отсутствия Джульетты, кому можно было довериться... Осторожно, чтобы не выдать, сколько боли ему доставляло каждое движение, Кингсли расстегнул рубашку и удерживал ее распахнутой.

- Ох, ты ж мать твою. Иисусе, Кинг... - Гриффин вздрогнул, когда увидел множество синяков и рубцов, из которых состояла грудь Кингсли. Он глянул, а потом отвел взгляд, перед тем, как с ужасом посмотреть вновь.

- Я полагаю, ты получил свой ответ. Вот так Сорен воспринимает это.

Кингсли застегнул рубашку до ключиц. Ему нужен галстук, если собирается выходить. На его шее красовался явный отпечаток пальцев.

- Ты был, что...

- Это было по обоюдному согласию, уверяю тебя. Согласованно, разве что не совсем удобно.

Гриффин покачал головой.

- Я не знал, что ты ... Я не знал. Кингсли, ты свитч?

Вздыхнув, Кингсли провел руками по волосам. Так трудно объяснить.

- Я полагаю, да. Если нам нужно название этому или ярлык. Я так же верю, что это не то, чем ты станешь делиться с кем-либо, даже со своим питомцем.

- Нет. Конечно, нет. Хотя он бы, вероятно, чувствовал себя лучше, зная, что самый устрашающий человек в городе иногда играет в саба. Он все еще пытается свыкнуться с тем, кто он есть.

- И он все равно продолжит это делать, даже будучи в моем возрасте.

- Нора знает?

- Oui. Bien sûr. То, что священник знает, знает и она. И она почти так же хороша в этом, как и он.

Для осознания смысла слов, сказанных Кингсли, понадобилось какое-то время. Затем красивое лицо Гриффина засветилось сочетанием радости и шока.

- Ох, черт. Нора надирала тебе задницу? Боже, я бы заплатил бешеные деньги, чтобы увидеть это.

- Ни за какие деньги мира, молодой человек.

- Черт. Ну, я спросил ее однажды, кто был ее первым клиентом, когда она стала Госпожой, но она мне ничего не сказала.

- А теперь ты знаешь.

- Теперь я знаю. Черт, - повторил он, тихонько посмеиваясь.

Кингсли не смог сдержать улыбку. Возможно, это была настоящая причина, по которой он вызвал Гриффина, чтобы заставить его улыбнуться впервые за, казалось, вечность.

- Ладно, я возьму Мика в дом Норы, как приказано. Трахать Мика в постели Норы будет сродни исполненной мечте. Или исполненной, будь она тоже там. Но мы справимся.

- Найди Софию. У нее есть комплект ключей для вас. Дом на сигнализации. Она, также даст вам коды.

- Мы будем там, пока ты не сообщишь нам, что все чисто.

- Вон. Mercі.

- Конечно. Что угодно. Ты знаешь, только попроси.

Гриффин направился к двери. Но остановился и обернулся.

- Он хорош. Сорен, я имею в виду, - сказал Гриффин. - Пару недель назад, я должен был позволить ему доминировать надо мной, я сделал это для Мика.

- Я знаю. Мне известно обо всем, что происходит в Восьмом круге.

- Он даже не поднял на меня руку. Ему не нужно было. Сломал меня пополам словами.

- Он знает, как сломать, и все же оставить человека с чувством большей целостности, нежели у него было когда-либо раньше.

- Не говори ему, что мне, вроде как, понравилось, - сказал Гриффин, подмигнув.

- Твои секреты, как всегда, в безопасности со мной.

Кингсли слегка поклонился и Гриффин рассмеялся по пути к двери. Кинг выпрямился, поморщившись. В одиночестве, сейчас, ему не было необходимости скрывать свою боль. Он обдумывал вариант сесть, но передумал. Он еще с трудом мог двигаться, еще меньше сидеть или лежать. Адреналин от их ночи с Сореном иссяк, оставив его в агонии. Все болело, все пульсировало. Сорен чуть было не убил его прошлой ночью. Кингсли мог только надеяться, что он, тем не менее, исцелится так быстро, как привык. Единственное, что бы действительно его исцелило - еще одна ночь с Сореном.

Вызвав Софию, он распорядился принести мышечный релаксант и выпить что-то крепче, чем шерри. Она быстро принесла их, и Кингсли закинулся таблетками и выпивкой, прежде чем впиталось хоть одно из двух. Вся Преисподняя знала о его

склонности к излишествам. Кингсли с заботой возвращал свою репутацию пьяницы. Мало кто знал, как, на самом деле, он мало пил, как редко он употреблял запрещенные вещества. Он хотел, чтобы все думали, что у него было больше недостатков, чем он имел. А теперь, больше чем когда-либо, ему нужен щит беззаботного опьянения, чтобы защититься.

Весь остаток дня, Кингсли работал в своем кабинете. Или делал вид, что работал. На самом деле он просто смотрел на отчеты менеджеров его различных клубов и предприятий, в то время как мыслями он перенесся на тридцать лет назад.

Как, как это случилось? Если бы он знал? Тридцать лет, как кто-нибудь смог бы... это не имело никакого смысла, но сейчас это действительно приобрело смысл. Он отказывался верить в это, но это было единственным объяснением. Ему бы хотелось радоваться, зная правду прямо сейчас. Но что было правдой? Кристиан. Он должен поговорить с Кристианом снова. Священник знал больше, чем сказал. Он пытался... пытался сказать Кингу, но не смог.

- София, - рявкнул Кингсли в трубку. - Мне нужно вернуться в Мэн. Сделай необходимые звонки.

- Oui, monsieur? Когда?

- Сейчас.

Он повесил трубку, прежде чем девушка смогла сказать хоть слово. Сейчас было не время для беседы или обсуждения его приказов. Он обдумывал позвонить Сорену, но передумал. Сорен обладал сверхъестественным даром читать людей. Эта черта верно служила ему, как священнику и Доминанту, но делала практически нереальным, утаить какие-либо секреты от него. Один взгляд - и он бы узнал, что Кингсли знает... знает, кем был их преследователь, кто был вором, и мотив всех угроз.

Угрозы. Только угрозы, напомнил себе Кингсли, вернувшись в свою в спальню, и натягивая жакет. Пока еще никто не пострадал. Просто собака. И никто не пострадает. Если он сможет разобраться с этим.

Он направился вниз по лестнице к входной двери особняка. Ему нужно вернуться в школу Святого Игнатия, выудить больше информации из отца Кристиана. И если понадобится, он свяжет священника по ногам и рукам и выпорет его.

- Monsieur? - окликнула его София, когда дворецкий помчался открывать ему дверь.

- Нет времени, София. Прими сообщение.

- Это Мастер Гриффин, сэр. Он дома у Госпожи Норы.

- Прекрасная новость.

Дверь открылась. Он увидел, как его "Роллс-Ройс" притормаживает у крыльца на улице.

- Но, сэр, он хочет поговорить с вами.

Наконец, паника в голосе его секретарши проникла сквозь завесу сосредоточенности Кингсли. Он обернулся и столкнулся с девушкой, которая стояла бледная, держа в трясущейся руке черный телефон.

- О чем? - спросил Кингсли, не желая разговаривать с Гриффином, и уже опасаясь худшего.

- Он говорит, что добрался до дома так быстро, как смог, но...

- Но?

София сглотнула, ее бледная кожа теперь была белой.

- Кто-то добрался туда первым.

Глава 30

Юэ

Вот таким, по ощущениям был рай. Должен быть. Всю свою жизнь он слышал о рае от пасторов и проповедников и учителей. Он читал о нем в Библии, узнавал в воскресной школе... Рай был царством небесным, где все становилось цельным, где человек видел Бога и радовался, зная, что это место неземной красоты и полнейший покой будут длиться вечно.

Уесли посмотрел вниз и улыбнулся при виде волос Нора, разметавшихся по его животу, ее рта вокруг него, принимающего его между губ и ласкающего языком. Узел затянулся глубоко в его животе, когда она двигалась от основания до головки, снова и снова.

- Нора, я сейчас кончу, если ты продолжишь делать это.

Нора сделала паузу лишь для того, чтобы одарить его взглядом раздражения с ноткой озорства.

- Как бы в этом и состоит весь смысл.

- Но...

- Никаких *но*, - заявила Нора, поглаживая его рукой. - Мы сделаем это позже. А сейчас минет. Я хотела подуть в твой рожок в течение многих лет. Поэтому заткнись и не мешай мне.

Уесли рассмеялся, когда она прижалась губами к татуировке рожка на его бедре и шумно выдула воздух на его кожу.

- Я в гораздо меньшей опасности кончить сейчас.

- Я могу это исправить. - Нора собиралась взять его в рот снова, но Уесли застал ее врасплох, перекатив на спину и скользнув вниз по ее телу. Без единого слова протеста, она широко раскрыла ноги, и Уесли легко толкнулся в ее влажный жар.

- Прости... - прошептал он ей прямо в ухо. - Мне нужно это.

- Все нормально. - Она обвила ногами его спину и погрузила его еще глубже в себя. - Мне тоже нужно это.

Ему действительно было нужно. Внутри Норы он чувствовал себя... он даже не мог придумать правильного слова для этого.

Совершенным, может быть, таким чувствовал себя Уесли, находясь внутри Норы. Он не нуждался ни в чем, когда она лежала под ним, ее бедра широко открыты, ее грудь, вздымающаяся при каждом вздохе удовольствия, ее темные глаза сияющие, как ореол, обрамляющий луну. Ее кожа настолько мягкая, к которой он так долго мечтал прикасаться. Но эти части ее тела, о которых он фантазировал, ее груди, ее бедра, в то время столь же эффектные, как он и надеялся, меркли перед теми частями, которые никогда раньше не проникали в его воображение. Если он целовал ее позвоночник в нескольких дюймах ниже ее шеи, ее плечи поднимались, и она смеялась, как ребенок. Если он прикасался ниже, к ее спине кончиками пальцев, она стонала, как тогда, когда он проник в нее в первый раз. Он никогда не чувствовал ничего мягче, чем кожа под ее коленом или под косточкой на ее лодыжке. Как было во второй раз, когда он занимался с ней любовью в ту ночь. В какой-то момент во время их первого раза, она положила ноги ему на плечи, и он повернул голову, чтобы поцеловать внутреннюю часть ее голени. У нее была маленькая родинка на левой лодыжке. Как он раньше никогда не замечал этого?

- Ты так молчалив, - прошептала она, выгибаясь под ним. Ему нравилось, как она двигалась, когда он замедлял свои толчки. Она растягивалась как кошка на солнце и вздыхала с наслаждением. - Что-то не так?

Уесли целовал ее щеку, шею, рот.

- Я внутри тебя. Нет ничего плохого. Нигде. Никогда.

Нора рассмеялась, и он слегка ахнул, когда ее внутренние мышцы сжались вокруг него. Он никогда не знал этого... никогда не знал, что вагина женщины сжимается, когда она смеется. Чего еще он не знал о Норе? Если бы ему пришлось, он бы провел остаток своей жизни, исследуя тайны ее тела. Он провел бы остаток своей жизни, исследуя тайны ее тела, даже если ему бы и не пришлось.

- Ничего, что было бы не так? Говоришь, как мужик, во время перепиха.

Еще одна вещь, о Норе: во время секса ее голос падал примерно на октаву, и все, что она говорила, получалось томно и с хрипотцой. Он никогда ничего подобного не слышал. Он больше почувствовал ее слова, нежели услышал их. Они прикасались к его коже, как бархат. Уесли опустил голову и поцеловал ее плечо, опустившись ниже, он всосал ее правый сосок. Его рот медленно переместился от ее груди к грудной клетке. Ей нравились поцелуи в этой области; она говорила, что тонкая кожа там делала каждое прикосновение щекотным.

- Я не перепахиваюсь. Это не так называется.

Он закрыл глаза, когда волна удовольствия прошла сквозь него от коленей до шеи. Занятие сексом заставляло его осознавать свое тело как никогда раньше. Он никогда не знал, что малейшее смещение его бедер могло привести его от комфортного наслаждения к самой грани оргазма за считанные секунды. Перед их первым разом с Норой, его руки существовали лишь для того, чтобы держать вещи и перемещать предметы. Сейчас мышцы его рук существовали, чтобы удерживать его сверху и над Норой, держа весь свой вес над ней, чтобы она могла извиваться под ним. Он никогда особо не предавал значения своим плечам, пока Нора не искусала их, никогда не задумывался о своей спине, пока она не поцарапала ее во время особенно жаркого поцелуя, ни секунды не обращал внимания на свою грудь, пока Нора не улеглась поперек его грудной клетки после секса, и провела пальцами вдоль каждой ее линии.

- Тогда что это, Уес? - она посмотрела на него снизу-вверх, когда он глубже толкнулся в нее. - Ты занимаешься любовью со мной?

Он зарылся лицом в ее волосы и прошептал «Да» ей на ухо.

- Только потому, что я люблю тебя.

Она гортанно всхлипнула, и Уесли сразу перестал двигаться.

- Я сделал тебе больно?

Он до сих пор недостаточно привык к тому, каким интенсивным может быть секс. Иногда он толкался слишком глубоко, и Нора вздрагивала или задыхалась. Она никогда не жаловалась, никогда не говорила ему остановиться, но он всегда паниковал при мысли о том, что может причинить ей боль в постели.

- Нет, - она подняла руку и погладила его лицо. - Не в плохом смысле, во всяком случае.

Уесли улыбнулся, медленно расслабляясь и опускаясь на нее сверху. Иногда он позволял себе опуститься всем своим весом на ее тело. Казалось, ей нравилось, хотя он и не мог себе представить, почему.

- Я должен был делать это в течение многих лет, - сказал он ей на ухо. - Или, по крайней мере, делать это, с того момента, как ты в первый раз предложила.

- Там в бассейне? - спросила она, вжимаясь своими бедрами в его.

Первый раз, когда они сегодня занимались сексом, был быстрым и жестким. Теперь, когда один оргазм был позади, он мог двигаться в ней медленно и неторопливо. В данный момент он чувствовал, что может продержаться всю ночь. Но если она продолжит делать эти вещи своими бедрами, Уес кончит, хочет он этого или нет.

- Тогда. Может быть, не в бассейне. Но сразу же после выхода из бассейна.

Уесли помнил ту ночь, накануне окончания своего первого семестра в Йорке. Нора позвонила ему ни с того ни с сего и буквально спровоцировала его встретиться с ней в плавательном бассейне. Он пришел один и нашел свою преподавательницу по писательскому искусству в купальнике-борцовке, стоящей на стартовом блоке. Несколькими днями ранее, он жаловался ей, что его единственное недовольство Йорком заключалось в отсутствии команды по плаванию. Он был сногшибателен в вольном стиле, теперь впустую пропадающем, и Нора упомянула, что была в команде по плаванию в Университете Нью-Йорка. Поэтому она удивила его, вызвав на состязание. Он выиграл, конечно. Мужчина против женщины. Возраст восемнадцать против тридцати двух. Рост метр восемьдесят против метра шестидесяти. Конечно, он выиграл. Но только с небольшим отрывом. Он не мог поверить, насколько близко за ним она оказалась. В ту ночь в бассейне он заметил, столько же мышц на ее миниатюрном теле, как и изгибов. Он припомнил его удивление по поводу натянутости ее рук и плеч, и она сказала, что она должна быть крепкой, чтобы бить всех своих маленьких плохих мальчиков и девочек. Он думал, что это была шутка. А потом она спросила, хочет ли он заняться с ней сексом. Но это, он знал, была не шутка.

- Почему ты тогда сказал мне *нет*? - спросила она, прижимаясь грудью к его груди и слегка царапая его спину от бедра к плечу.

- Ты могла заполучить любого парня на планете. - Уесли поцеловал ее в лоб, выходя из нее, пока только головка не осталась внутри, перед тем как скользнуть полностью обратно. - Я имею в виду, ты Нора Сатерлин и ты пишешь эти дикие книги и ты так красива и сексуальна. Я просто не хотел быть еще одним парнем для подобного. Еще одним, я не знаю...

- Зарубкой на спинке кровати?

Он кивнул.

- Что-то вроде того.

- Ты никогда не был завоеванием для меня. Я обожала тебя, Уес. Даже тогда.

- Так дело было не только в сексе?

Нора покачала головой.

- Я хотела быть с кем-то, как ты, кем-то сладким и нежным, может быть, просто из любопытства, поскольку никогда прежде у меня не было ничего подобного. Но это не было бы только из-за секса. С тобой никогда не было дело только в сексе. Кроме, как сейчас. Прямо сейчас дело в сексе.

Уесли понял намек и начал двигаться жестче и быстрее внутри нее. Он любил ее влажность, тепло, что окружало его. По ощущениям она была изнутри, как лепестки цветка, такая же мягкая, но слегка шероховатая. Потом, он может просто лежать между ее открытыми ногами и исследовать ее пальцами на протяжении часа или половины суток. Он хотел остаток своей жизни познавать ее тело, но с Норой кто знает? У него может быть только сегодня. Он схватил ее ноги и поместил их вокруг своих бедер. Он любил ее такую открытую, как сейчас, такую распростертую и расслабленную под ним. Он опустил голову и обхватил губами ее сосок, мягко посасывая, пока она стонала, вцепившись пальцами в его плечи.

- Нора... - прохрипел он, и она поцеловала его в щеку.

- Все хорошо. Не жди меня.

Он кивнул, уткнувшись лбом ей в грудь, и кончил, после очередного толчка. Он вышел и почувствовал поток влаги, когда его сперма вылилась из нее на простыни.

- Мне очень жаль, - сказал он, смеясь, ложась на бок. - Я новичок в этом.

- Секс - это навык, Уес. Ты только начинаешь учиться, как это делать. Не переживай.

Он потер лицо, когда Нора перевернулась на бок.

- Просто... - он сделал паузу для храбрости. - Все это было так неловко. Я могу задать тебе вопрос?

- Ты можешь спрашивать меня о чем угодно. Ты знаешь, у меня нет стыда.

- У тебя также нет оргазмов. По крайней мере, не со мной, да? До сих пор не было?

Нора поморщилась.

- Я, вроде как, надеялась, что ты этого не заметил.

- Ты думала, я не заметил, что из десяти раз, что у нас был секс, я кончил десять раз, а ты - ноль?

- Многие мужчины не замечают подобных вещей.

Уесли сел и посмотрел на нее. Его Нора такая красивая. После секса, с растрепанными волосами, раскрасневшейся кожей, и сияющими глазами, она

выглядела более прекрасной, чем она была бы в платье за пять тысяч долларов, с десятью слоями косметики.

- Я заметил. Что я делаю не так?

Нора поднялась и стремглав прижалась к спинке кровати. Натянув простынь до шеи, она пригладила свои волосы и одарила его улыбкой, такой доброй и сожалеющей, что он почти ненавидел ее за это.

- Уес, разве мы не говорили о том, чтобы ты не задавал вопросы, на которые не хочешь знать ответы?

- Но я хочу знать. Для твоего же блага.

- Тебе едва исполнилось двадцать. И ты был девственником, еще пару дней назад. Ты понятия не имеешь, что ты делаешь в постели. Ты не знаешь, как прикасаться ко мне, не знаешь, как трахать меня. Ты так страшно боишься причинить мне боль, что я едва вообще что-то чувствую. Ты меня очень заводишь, а потом... ничего. И это хорошо. Я, определенно, знаток, как подарить себе оргазм.

Уесли чувствовал, как сжимается от каждой фразы.

- Ты имеешь в виду, что даришь их себе сама? Когда?

Нора пожала плечами.

- После того, как ты засыпаешь.

- Ты делаешь это, когда я сплю? Почему?

- Не хочу, чтобы у тебя посинели яйца, правильно? Или... матка, если такое возможно.

- Но... я хочу сделать это для тебя.

Нора фыркнула, как это делают лошади. Это вызвало у него смешок. Очень тихий смешок.

- Я тоже этого хочу. Я могу показать тебе кое-что, что сработает. Ты всовываешь в меня один палец. Мне нужно три. Мне необходимо, чтобы к моему клитору прикасались, много и в течение длительного периода времени, если ты хочешь меня довести. Толчки жестче – это хорошо. Разные позы. Я не могу получить достаточную стимуляцию клитора в миссионерской позе.

- Я думаю, мне нужно это записать. Что-нибудь еще? Что с тобой срабатывает?

- Оральный помогает. Кончай на меня.

- Я люблю делать это, но ты знаешь, если я уже кончил в тебя, это... - Уесли поморщился.

- Тебе не нравится вкус собственной спермы? - Нора похлопала ему ресницами.

- Нет. А есть парни, которым это нравится?

- Ты хочешь список в алфавитном порядке по именам или фамилиям?

Уесли запустил руки в волосы в забавном изумлении.

- Я так плохо разбираюсь в этом. Мне нужно знать, что еще работает для тебя, или я должен оставаться в блаженном неведении?

- Извращения работают.

Он сверкнул на нее глазами.

- Ты спросил, Уес. Можно перескочить через всю прелюдии со мной, если присутствует хорошее извращение. Это работает лучше, чем все остальное. Не говорю, что мы должны делать это. Ни сейчас, ни когда-либо. Ты спросил, что работает для меня. Это ответ.

- Я не могу этого сделать.

- Я и не прошу тебя.

- Тогда что...

- Просто иди сюда и будь повнимательнее. Я покажу тебе, где клитор. Это урок номер три. Или С, более точно*(игра слов: речь идет о третьей букве алфавита С и слове клитор – clit).

Уесли закатил глаза, но сделал так, как ему было сказано. Он терпеть не мог, что он не знал, как заставить Нору чувствовать себя так же хорошо, как она заставила его чувствовать себя. Он прижался сзади к ней, и Нора перекинула ногу через его бедро. Взяв его правую руку в свою, она направила ее себе между ног.

- Клитор, как глаз, - начала она.

- Это самое отвратительное сравнение, что я когда-либо слышал в своей жизни.

- Я не это имею в виду, болван. - Она подарила ему быстрый поцелуй. - Я имею в виду, ты не трогаешь глаз непосредственно. Если тебе нужно прикоснуться к нему, ты касаешься века. Таким же образом, ты не прикасаешься к клитору напрямую. Ты касаешься вокруг него и над клиторальным капюшоном. Его очень легко найти на мне, так как у меня есть блестящий кусок металла в нем.

- Как удобно. В буквальном смысле этого слова.

- Что есть, то есть.

Нора прижала два его пальца к ее пирсингу и начала вырисовывать его рукой мягкие круги.

- Прямо здесь прекрасное место, чтобы зависнуть и помедлить некоторое время.

- Я определенно не жалею, - сказал Уесли, чувствуя, как что-то начинает набухать под кончиками его пальцев. - Я мог бы жить здесь.

- Тебе, возможно, придется. Я не достигаю оргазма супер легко. Требуется немного потрудиться.

- А Сорену потребовалось много времени, чтобы выяснить, как... ну, знаешь... чтобы ты кончила?

Нора подняла взгляд к потолку.

- Почему ты спрашиваешь?

Ее реакция была непреднамеренной, раздражающе непреднамеренной.

- Я не знаю. Он был... есть священником. Ты мне говорила это раньше, ты и он... хорошо... ты сказала, что у него не было секса в течение длительного времени.

- Не было. Он бил людей по обоюдному согласию, но никакого секса. Он хранил целибат от восемнадцати до тридцати четырех лет.

- Я предполагаю, что он был так же плох в этом как и я, правда?

Нора ничего не сказала. Ее молчание сказало все за нее.

- Черт, - вздохнул Уесли. - Не думал, что могу ненавидеть этого парня больше, чем уже ненавижу.

- Уес, ты не хочешь, чтобы я об этом говорила.

- Нет, хочу. Расскажи мне. Он хранил целибат в течение шестнадцати лет, и он смог довести тебя оргазма? Даже в самом начале?

Нора медленно кивнула.

- Даже тогда. В первый раз. В первую ночь вместе...

Ее голос затих, и ее глаза потемнели, и он знал, что он снова проиграл ее Сорену.

- Я не заставил тебя кончить ни одного из десяти раз. Сколько раз он смог в первую ночь?

Уесли отдернул руку от нее, вдруг не желая прикасаться к ней, не с Сореном между ними.

- Я не помню.

- Нора, не ври мне, пожалуйста. У тебя лучшая память из всех, кого я знаю. Просто скажи мне.

- Ты уверен, что не мазохист, малой? Я сказала тебе, я не помню, сколько.

Нора снова села и подобрала свою рубашку и трусики с пола.

- Это не так, и ты это знаешь. Ты...

- Это правда. Я не помню, сколько оргазмов Сорен подарил мне той первой ночью, что трахал меня. Я не помню, потому что после четвертого оргазма, я потеряла счет.

Я потеряла счет. Три маленьких слова, которые ударили его сильнее, чем хлыст по боку скаковой лошади.

- Вот почему я не помню, - продолжала Нора, натягивая на себя одежду. - И именно поэтому ты должен, наконец, научиться, не задавать вопросы, на которые не хочешь получать ответы.

Нора вышла из спальни, и Уесли натянув свои джинсы, последовал за ней. Черт, девушка могла быстро ходить, когда была в плохом настроении. Она уже исчезла из коридора. Уесли проверил гостевые спальни. Норы нет. Дверь в ванную была открыта. Норы там тоже не оказалось. Как правило, после эмоциональной встряски она набрасывалась на еду. Кухня. Конечно. Он обнаружил Нору в кухне, сидящую на краю стола перед камином, выложенным из камня. Не говоря ни слова, он подошел к ней, бросил пару бревен в очаг и поджег.

- Уес, сейчас август.

- Здесь холодно, и ты не особенно одета.

Нора рассмеялась, и устало покачала головой.

- Проклятье, Уес Райли, ты перестанешь быть милым со мной хоть на секунду?

Уесли встал перед ней, и она склонила голову ему на грудь.

- Неа.

Она отстранилась и посмотрела на него снизу-вверх.

- Тебе так идет, кстати. Без рубашки и в одних джинсах. Ты стягиваешь их лучше, чем любой другой мужчина на планете.

- И, наконец, я в чем-то превосхожу Сорена.

Медленно, Нора провела руками вверх и вниз по груди и бокам Уесли. Он поежился, но не от прохладного ночного воздуха.

- Ты помнишь ту ночь на кухне в нашем доме? В тот день ты так разозлился на меня за флирт с Заком?

- Это был не флирт. Это было соблазнение. В чем, я знаю, ты, действительно, хороша. Мне просто никогда раньше не приходилось наблюдать такое в нашем собственном доме.

Улыбка покинула лицо Норы, и она кивнула.

- Я никогда не думала об этом в таком ключе. Я не знала, что ты был влюблен в меня тогда. Серьезно. Понятия не имела. В противном случае я бы никогда не поступила так с тобой. Ты должен верить в это.

- Я верю. По крайней мере, хочу верить.

Нора вздохнула.

- Я была так зла на тебя в ту ночь. Мысли, что у меня были о тебе, Уесли Райли, заставили бы Сорена зардеться. Фантазии, желания... вещи, которые я хотела сделать с тобой... У меня даже была та мантра о тебе, что я повторяла себе, когда мои гормоны начинали сбегать на пару с моим благоразумием.

- У тебя была мантра?

- Смотреть, но не трогать.

- Мило.

- Значит, в ту ночь ты разозлился на меня за флирт с Заком... Я не знаю. Я просто хотела отомстить. Ты никогда даже не приставал ко мне, едва заигрывал, и в тот же момент, когда другой мужчина появился в моей жизни, ты повел себя так, словно я пнула твоего щенка.

- Не пинай моего щенка.

Нора хихикнула, взяв его руки в свои. Вся кухня озарилась звуком ее смеха и слабым огнем в очаге.

- Вот почему я позлила тебя так сильно той ночью. Я хотела получить реакцию от тебя. Это все. Просто ради себя. Просто чтобы доказать себе, что я была не единственной, кто ходит вокруг, мечтая о тебе, привязанном к моему изголовью, пока я делаю тебе такой минет, для которого большинству мужчин приходится платить.

Уесли покрылся румянцем от груди до головы.

- Ну, я был единственным, кто имел дело с фантазиями о сексе у стены каждый раз, когда ты расхаживала в юбке или платье по дому.

- Секс у стены? Ты любитель секса у стены?

- Я был очень даже любителем в моем воображении. - Сердце Уесли начало биться сильнее, когда все его тело вспомнило его любимую фантазию о Норе. - Я думал, что будет очень горячо, удерживать тебя с юбкой вокруг талии, и ногами вокруг меня и... черт.

Уесли затвердел, просто говоря об этом, и Нора явно заметила.

- Черт... - повторила она, прижав руку прямо к его эрекции. – Жаль, что я не в юбке.

- Кого это волнует?

На что Уесли набросился своим ртом на ее губы так безжалостно, что это удивило его самого. Руки Норы обхватили его плечи, в то время как его руки сгребли ее сзади и он рванул трусики вниз по ее ногам. Он опрокинул ее спиной на стол и широко раскрыл ее ноги. Он проник в нее тремя пальцами, как она говорила ему, и был вознагражден вздохом чистого удовольствия. Большим пальцем он погладил ее клитор, и Нора выгнулась так высоко, что ее спина полностью оторвалась от стола. Никогда раньше он не слышал, чтобы она так тяжело дышала. Никогда еще он не чувствовал, чтобы ее внутренние мышцы так сжимались вокруг его руки раньше. И никогда-никогда за всю свою жизнь ему не было так необходимо находиться внутри нее.

- Нора...

- Трахни меня, Уес. Прямо сейчас.

- Безусловно.

Он вытащил из нее руку и расстегнул свои джинсы. Это заняло на несколько мгновений дольше, чем требовалось, поскольку жажда овладела им, достаточно, чтобы сделать его неуклюжим. Нора поднялась, и Уесли подтащил ее к самому краю стола. Взяв себя в руку, он толкнулся в нее. Как только он погрузился так глубоко, как смог, она обвила ногами его спину.

- Уес, я тяжелее, чем выгляжу, помнишь?

- Да, но я сильнее, чем выгляжу.

И с этими словами он поднял ее со стола, вжимая ее в каменную стену у камина. Нора поморщилась.

- Каменная стена - плохая идея.

Уесли попытался прижать ее ближе к себе.

- Потрясающая идея. Мне нравится. Не останавливайся.

Уесли не думал, что сможет остановиться, даже если бы кто-то приставил пистолет к его голове. Он жестко толкнулся в нее, жестче, чем думал, что сможет, и звук вырвался из губ Норы... он был таким вопиюще эротичным, что ему захотелось записать его. Он толкнулся снова, так же жестко и звук повторился. Нора наклонила голову и впилась зубами в его плечо. Боль не волновала его. Она лишь заставила его думать, что он, возможно, делает что-то правильно в этот раз.

Его разум отключился, а тело взяло верх. Уесли бегал, плавал, поднимал штангу и объезжал больших, опасных лошадей, и всю силу, и мощь, что он приобрел от этих видов деятельности, он использовал сейчас на Норе, удерживая ее высоко, вколачиваясь в нее мощнее. Каждый мускул в его теле стал натянутым, словно канат. Звуки, что вырывались из него, тоже хрипы и вздохи настолько гортанные, что услышав, кто-нибудь мог бы подумать - он испытывает боль. И это была боль: в его напрягшихся руках, чтобы удерживать Нору; в его натянутой спине, чтобы не отпустить себя и не кончить слишком скоро. Но боль ничего не значила для него. Как она могла что-то значить, если Нора обернулась всем телом вокруг него, и находясь так глубоко внутри нее, что он не мог погрузиться глубже даже, если бы пробовал?

Он целовал ее шею, рот и уши. Она впилась ногтями ему в спину. С каждым толчком Уеса вверх и в нее, Нора толкалась своими бедрами ему навстречу, с каким-то первобытным безрассудством. Он никогда не чувствовал себя таким желаемым, таким нужным. Особенно, когда ее крики стали гортанными, более напряженными. Ее дыхание вырывалось сквозь зубы короткими потоками воздуха. Он мог чувствовать, что она еще больше сжалась вокруг него...

Крик у его уха прозвучал слаще, чем любая мелодия, которую он когда-либо слышал. Кульминация Норы сотрясла все ее тело. Она вздрогнула, как будто от боли, даже когда он врывался в нее с карающим напором. Стук, он слышал стук так же, как чувствовал, его в своем животе и бедрах.

- Уэс... - выдохнула Нора.

Но он услышал не что иное, как свой собственный оргазм взорвался в ней. Освобождение потрясло его до глубины души. И даже Нора, произносящая его имя снова и снова, не могла приглушить радости и власти и капитуляции этому мгновению. Медленно, Нора сползла по нему и неуверенно поставила ногу на пол, пока Уесли выходил из нее. Тяжело дыша, он прислонился к стене, уткнувшись лбом в камень.

- Что... что случилось? - сказал он, когда Нора начала натягивать одежду, быстро и яростно.

- Дверь. Кто-то стучится в дверь.

Неохотно, Уесли открыл глаза и посмотрел на нее. Он взглянул на часы над очагом, начиная приходить в себя. Он взглянул на себя.

- Проклятье.

- Да, в любовных романах никогда не встретишь обильных девчонко-мальчуковых жидкостей. Вот.

Она бросила в него кухонным полотенцем, и Уесли использовал его, чтобы вытереть себя, прежде чем застегнуть джинсы.

- Я начинаю думать, что эти вещи не совсем реалистичны.

- Никогда не говори никому этого, - сказала она, хватая одну из курток Уесли на кухонной двери и оборачивая ее вокруг себя, как халат.

Уесли помчался по коридору к входной двери гостевого дома. Посреди ночи стуки в дверь обычно означают только одно. Он распахнул дверь и обнаружил своего отца, стоящего на улице.

- Кто это? - спросил Уесли, когда Нора подошла и стала за ним, положив руки ему на бедра.

Его отец лишь одарил ее самым поверхностным из взглядов отвращения, перед тем, как посмотреть на Уесли вновь.

- Я так понимаю, что отвлекаю. Не обращай внимания. Я позабочусь об этом сам.

- Ты не отвлекаешь, папа. Кто это?

- Скаковая Красотка. Идешь?

- Что происходит? - спросила Нора из-за его спины.

Уесли положил свою руку поверх ее.

- Скаковая Красотка на сносях. Возможны осложнения. Один из нас всегда старается быть там.

- Тогда пойдем. - Нора сжала его руку и начала идти по коридору. - Я буду с тобой.

Как только она исчезла, Уесли услышал, как его отец, вздыхает.

- Папа, брось это. Нора и я - это факт жизни. Смирись с этим.

- Я смирился с этим так же, как смирился со своей межпозвоночной грыжей. Это тоже факт жизни, но не значит, что это мне должно нравиться.

Уесли оставил свои остроумные реплики при себе. В конце концов, он только что заставил Нору кончить так сильно, что этот звук в его ушах, вероятно, будет звенеть в течение следующих двух часов. Ничего, что его отец сказал или сделал по отношению к ней, не сможет пробить брешь в его непроницаемой стене счастья в этот момент.

- Готова, - сказала Нора, возвращаясь, надев брюки и прихватив футболку для Уесли. - Я никогда не видела раньше, как лошади рожают.

- Это мерзко и отвратительно, - сказал отец Уесли, когда они втроем направились к ожидающему пикапу. - Так много плаценты, что иногда приходится вытягивать малыша из нее. Мать часто поедает послед.

- Фантастика, - Нора ухмыльнулась от уха до уха. Если его отец пытался отпугнуть ее, он понятия не имел, с какой женщиной имеет дело. - Я сниму это для YouTube.

- Не смейте выставлять лошадей Райли в интернет, - сказал отец Уесли, тоном излишне холодным и суровым.

- Папа, она пошутила.

Нора подняла пустые руки.

- Никакой камеры. Обещаю.

Она широко улыбнулась. Приказы, отданные в холодном и строгом тоне, как правило, оказывают на нее обратный эффект, нежели его отец ожидал.

Они прибыли в конюшню с кобылами через две минуты. Отец Уесли выскочил из машины едва ли успев заглушить мотор, и побежал прямо к двери.

- К чему такая спешка? - спросила Нора, поспевая рядом с Уесли, который двигался почти так же быстро. - Разве это не занимает несколько часов?

- Может. Она, вероятно, находится в таком состоянии уже некоторое время. Но мы должны быть там, на случай, если что-то пойдет не так, иногда есть считанные минуты, чтобы спасти кобылу и жеребенка.

Они вошли в сарай, на звук низкого дыхания и тихих стонов.

- Что-то знакомое, - сказала Нора, и Уесли шлепнул ее слегка по заднице.

У двери в стойло они останавливались и заглянули внутрь. Скаковая Красотка лежала на боку в сене, ее длинные ноги дрожали от напряжения. Даже на земле, с раздутым брюхом и потом на ее боках, она оправдывала свое имя. Уесли вошел в стойло и обнаружил своего отца и доктора Фишера, местного ветеринара, измеряющих жизненные показатели кобылы.

- Что случилось? - спросил Уесли, опустившись на колени и нежно поглаживая покрывшийся потом нос Скаковой Красотки. Лошади были умными животными, хотя чистокровки имели склонность к преобладанию инстинкта над разумом. Но, как правило, некое понимание светилось в темных глазах Красотки. Теперь, однако, она казалась, всего лишь глупым животным. Боль и страх вытеснили все сознание из ее взгляда.

- Она пробыла в таком положении долгое время, - сказал доктор Фишер. - Нужно вытаскивать.

- Бедняжка, - сказал Уесли рожаящей лошади. - Не могу представить, насколько это будет больно.

Живот Скаковой Красотки ходил волнами, поскольку нарождённый жеребенок бился внутри ее.

- Что случилось, Уес? - спросила Нора мягким шепотом. Она могла не знать ничего о лошадях, но была достаточно умна, чтобы узнать неприятности, почуяв их.

- Она в затруднительном положении. Мы собираемся вытащить жеребенка из нее.

- Кто мы? – спросила Нора, когда Уесли продезинфицировал ладони и руки. - Уес?

- Мы - это я, - сказал он, решая в этот момент, что он один сделает это. У отца была больная спина, а доктору Фишеру было за шестьдесят. В любую минуту все, кто работал на ферме, начнут собираться под дверями конюшни в ожидании новостей. Уес хотел убедиться, что новости, которые они получают, будут хорошими.

- Пойди, придержи ее голову, Нора. Красотке более комфортно в компании женщин, нежели мужчин.

- Сын, я не знаю...

- Все нормально, папа. Просто отойдите, чтобы Красотка успокоилась.

Доктор Фишер остался в стойле, но в углу, где лошадь не могла его видеть. Уесли наблюдал, как Нора на цыпочках вошла в стойло и встала на колени у головы Скаковой Красотки.

- А знаешь, у тебя есть варианты, - шепнула Нора лошади, поглаживая запутанную гриву Скаковой Красотки. – Внутриматочная спираль, таблетки... а делают NuvaRing* для лошадей? Или оно будет размером с хула-хуп? Может просто воздержание. Это единственный стопроцентный способ.

* НоваРинг — гибкое контрацептивное кольцо, вводится во влагалище.

Уесли тихо рассмеялся, протянул руку и оттолкнул шлепающий хвост Скаковой Красотки в сторону, увидев пузырь выглядывающей плаценты.

- Без комментариев, Нора. Пожалуйста, - сказал он, заталкивая руку внутрь кобылы.

- Я не скажу ни слова, - пообещала она, укладывая голову лошади себе на колени. - Кроме того, что это напоминает мне о моем последнем свидании с Гриффином.

Уесли потянулся рукой поглубже, и нашел то, что искал тонкую косточку-лодыжку. Он нашел и другую прямо рядом с ней.

- Удерживай ее сколько сможешь, - сказал он, взглянув на Нору. - Я собираюсь тащить настойчиво и равномерно.

Нора кивнула, проводя рукой по шее Скаковой Красотки, успокаивающе массируя.

Уесли оперся на пятки и начал тянуть твердо и медленно. Сначала жеребенок не хотел двигаться с места, и он боялся сломать одну из хрупких ножек в утробе.

- Давай, красавица, - сказала Нора кобыле. - Выпусти его. Ты можешь поднажать немного ради меня?

Она подула прямо в морду лошади и Скаковая Красотка рванулась. Движение произвело достаточный толчок, чтобы Уесли смог, наконец, извлечь из нее две лодыжки. Он разорвал плаценту и обернул полотенце вокруг ног жеребенка. Уесли глубоко вздохнул и начал идти назад, медленно вытягивая жеребенка за собой. Потребовалась вся его сила, чтобы не отпустить скользкие ножки, и вся его нежность - не сжать их так сильно, чтобы они треснули в его руках. После одного последнего рывка, голова жеребенка вышла вместе с несколькими литрами жидкости и последом. Доктор Фишер и его отец подскочили быстро с иглами и полотенцами. Они суетились над жеребенком, пока Уесли наблюдал за Норой и Скаковой Красоткой.

- Это было не так уж плохо, правда? - спросила Нора, пока Уесли обтирал руки.

- Немного мерзко, но не ужасно.

- Мерзко? Не слушай его, красавица. У тебя прекрасная вагина, и я уверена, что если ты поделаешь упражнения Кегеля, то твои мышцы, после рождения ребенка, придут в тонус снова.

Уесли не мог устоять, и, наклонившись вперед, поцеловал Нору, даже если его отец смотрел неодобрительно. Но неодобрение исчезло с лица его отца, когда жеребенок начал извиваться в своей первой попытке встать.

- Вау. Они быстро начинают ходить.

Нора хихикнула, когда жеребенок встал и сразу же опустился вниз снова. Хихикнула? Нора Сатерлин хихикает?

Уесли не мог в это поверить. Он слышал ее смех тысячи раз, но никогда еще он не слышал ее хихиканье, такое девчачье и с таким детским восторгом. Но попытки жеребенка стоять были смешными и жалкими одновременно.

- Это мальчик, - сказал отец Уесли, когда жеребенок, наконец, встал на все четыре ноги и остался стоять. Он встал возле новорожденного и провел рукой вверх и

вниз по его шерстке, проверяя его недостатки. С племенной кобылой как Скаковая Красотка и производителем как Прощайте Чары, недостатков в принципе не могло быть.

- Интересно, как назвать этого парня...

- Нора должна назвать его, так как она была здесь ради него. Все лошади Райли названы женщинами. Это на удачу.

- Ну, я давала имена многим персонажам, - сказала она. - А этот парень похож на героя.

Уесли и Нора наблюдали, как жеребенок делал свои первые робкие шаги. Вперед, два назад и обратно один... Отец Уесли позволил себе небольшое ругательство и крикнул от боли, когда жеребенок наступил ему на ногу.

- Замечательно. Он наступает на ноги.

Пожилой мужчина засмеялся и похлопал жеребенка по его крошечной головке.

- Ну, тогда мы знаем, как его назовем, - сказала Нора, ухмыляясь Уесли.

Эта улыбка вернула его в первый день, когда они уехали кататься на лошадях вместе. Уесли взял большого гнедого жеребца по кличке Бастинадо. Уесли не видел ничего экзотического в этом имени, пока Нора не спросила, имел ли конь привычку наступать на ноги. Девушка из конюшни ответила, что он так и делал, и Нора объяснила, что Бастинадо было причудливым термином для пыток ног.

- Бастинадо, - сказал Уесли. - Чертовски уверен, что это имя не в реестре.

Нора подползла к жеребенку и погладила его по мордочке. Уесли давно не видел гнедого жеребенка, такого милого и маленького. Прощайте Чары был маленьким, тоже, а затем вырос в самого длинноногого монстра, из всех лошадей, что он когда-либо видел.

- Я люблю его. И хочу оставить его себе. - Нора поцеловала лошадь в нос. - В своем доме. Там большая кровать. Он может поместиться.

- Мадам, эта лошадь стоит... - начал отец Уесли.

- Папа. Шутка. Нора шутит.

- Она слишком много шутит. Она когда-нибудь говорит что-нибудь серьезное?

- Нет, - сказала Нора, подмигивая Уесли. - И я серьезно.

- Я не нахожу Вас особенно забавной, юная леди.

Отец Уесли уставился на нее.

- Меня не волнует, любите Вы меня или ненавидите. Вы назвали меня “юной леди”, что делает Вас моим новым любимчиком.

Уесли наблюдал, как лицо отца вытянулось от гнева, прежде чем он выдохнул и покачал головой. - Как наша девочка себя чувствует, Фиш?

Нора придвинулась к Бастинадо и продолжала гладить его, пока доктор Фишер и его отец оглядывали кобылу один раз, затем второй. Уес и Нора удерживали свое внимание на маленьком Бастинадо, пока он разбирался, как работали его ноги. Нора даже нашла где-то хлыст и дразнила Бастинадо им, словно он был котенком, а не Чистокровным скакуном стоимостью в миллион долларов.

В течение нескольких часов они, смеясь, наблюдали за его прогрессом, морщась при его падениях, подбадривая его вставать снова, когда он опускался в сено.

- Бедный маленький парень... - ворковала Нора, счищая сено с его шерстки. - Я знаю, это трудно. Влей в меня достаточно вина, и я тоже не смогу ходить.

Бастинадо ткнулся носом в ее руку, и Уесли мог только наблюдать за ними. Он видел Нору с детьми несколько раз. Она так хорошо ладилась с ними, поддразнивая их и разговаривая с ними как со взрослыми, отдавая им все свое внимание, как будто никого в мире не существовало, кроме них. Она была так же хороша с Бастинадо. Что-то в Уесли защемило от нежного, материнского тона ее голоса, лучезарной улыбки на лице.

Он не мог ничего поделать и разрешил своим мыслям забрести на опасную территорию. Нора так красиво выглядела бы беременной. Она бы жаловалась и стонала все время, что у нее опухли лодыжки и болят груди, и все же он не знал ни одной женщины в мире, которая была бы лучшей матерью. Какой бесконечно терпеливой она была с ним, как учитель, какой любящей и оберегающей она была в качестве соседки по комнате. Как ей удалось найти его в больнице после его диабетического кетоацидоза, что до сих пор ставило его в тупик. Со своим собственным ребенком, их собственным, он знал, что она будет в десять раз прилежнее, оберегающей, беспокоящейся. И Боже, увидеть ее с ребенком на руках? Он продал бы всю империю Райли на eВау за это, если бы понадобилось. Он мог бы даже продать свою душу.

- Ты устал, Уес? - спросила Нора, потянувшись к нему, она сжала его руку. - Почти рассвет, кажется.

- Слегка.

- Ты такой молчаливый.

- Просто думаю. Как твоя спина? - спросил он шепотом.

Он все еще не мог поверить, что у них с Норой был такой грубый секс, до сих пор не мог поверить, что ему это так сильно понравилось.

- У меня останется пару синяков. Хорошая работа, - сказала она, одарив его озорной усмешкой.

- Неплохо для ванильного болвана, правда?

- Неплохо? - она тихонько присвистнула под нос. - Это могло бы попасть в мою первую десятку.

Уесли засиял мужской гордостью.

- В следующий раз я буду метить в пятерку.

Нора начала что-то говорить в ответ, но потом замолчала и посмотрела на отца.

- Что случилось? - спросила она, и Уесли тоже заметил беспокойство на его лице.

- Красотка слишком долго лежит. Прошло почти четыре часа. Давайте поднимем ее на ноги.

Уесли поднялся и помог отцу уговорить кобылу встать. Скаковая Красотка заржала в знак протеста, но встала на ноги, и Уесли сделал выдох, который, он не понял, что сдерживал.

- Хорошая девочка.

Отец Уесли погладил ее по носу и начал уходить. Однако, в тот момент, когда он повернулся спиной, колени Скаковой Красотки подогнулись, и она упала снова.

- Черт.

Уесли гладил ее, пока его отец и доктор Фишер слушали ее сердце и легкие еще раз.

- Мы должны поставить ее снова, - сказал его отец.

- Что случилось? - спросила Нора, обнимая Бастинадо и держа его на коленях, как собаку.

- Она устала. Она просто родила ребенка величиной с лошадь. Потому что это была чертова лошадь.

- Она должна была встать, - объяснил Уесли. - Она пробыла в лежачем положении слишком долго. Лошади не могут долго лежать. Это смертельно для них.

Глаза Норы расширились.

- Это не очень хорошо. В чем проблема?

- Упряма. Измотана. Кто знает? В легких все чисто.

Отец Уесли уставился на Скаковую Красотку, как будто внушая ей встать. Уесли присоединился к нему и начал тянуть ее за уздечку. Она приложила вялые усилия, прежде чем уронила голову обратно на землю.

- Дерьмо.

Уесли потер лоб. Скаковая Красотка была не просто лучшей племенной кобылой на ферме, она была любимой лошадей его матери. Он обязан ее поднять.

- Давай. Попробуй еще раз, - сказал отец Уесли, несколько раз ободряюще похлопав и потрепав кобылу. Его голос оставался спокойным, но Уесли мог видеть линии напряженности на лице. Красотка была застрахована почти на двадцать миллионов долларов, но это было ничто по сравнению со счастьем матери.

Все трое приложили свою коллективную силу в попытке поставить Скаковую Красотку на ноги. Всем троим это не удалось. Уесли видел раньше, как лошади становятся усталыми и вялыми, не желая вставать на ноги без видимых причин. Роды изнурили Скаковую Красотку за пределами разума или инстинкта.

- Мы должны взять стропы и поднять ее вверх. Ничего не поделаешь, - сказал доктор Фишер. - Я вызову подкрепление. Нам нужно доставить ее в больницу.

- Уес? - голос Норы донесся из-за его спины.

Уесли проигнорировал его.

- Это для нее единственный вариант? Вы знаете, что она не выдержит этого, - заявил он.

- Уесли? - донесся голос Норы снова.

- Секундочку, Нора.

- А матери-лошади защищают своих детенышей? - спросила она.

- Конечно, - сказал он и опустился на колени у головы Скаковой Красотки. Ее глаза опустели, и он не смог найти в них желания жить. Ни скорая, ни даже больница, ни поднятие ее с помощью строп не смогут вернуть его обратно.

- Почему?

Скулящий звук, душераздирающий и кроткий, разрезал напряженную тишину в стойле. Уесли встал и развернулся. Нора держала стек в руке, и жалкий всхлип послышался не от нее, а от Бастинадо. Она подняла стек и еще раз обрушила его на спину крошечной лошадке. И еще раз жеребенок испустил самый тихий, самый жалкий крик боли, что Уесли когда-либо слышал в своей жизни. Жеребенок вздрогнул и попытался убежать прочь, но его новорожденные ножки дрожали под ним. Еще раз Нора ударила Бастинадо с шокирующей силой, силой, которой, он и не знал, что Нора обладала. Еще раз Бастинадо заскулил и заартачился, его глаза были дикими и

темными от ужаса. И из-за спины Уесли послышался ответный вопль. Уесли пришлось делать ноги, поскольку две тысячи фунтовая разъяренная кобыла-мать поднялась на ноги и рванулась вперед.

- Нора!

Уесли направился к ней, но его отец опередил его. Он дернул Нору с пути разгневанной Скаковой Красотки, вытащив ее из стойла. Уесли даже не вышел через дверь, он вылетел из нее. Все вчетвером они стояли возле стойла, наблюдая, как Скаковая Красотка уткнулась носом в нос Бастинадо. У хрупкого новорожденного были три параллельных рубца на спине, но Уесли не видел крови. У него, возможно, будут шрамы. Но у него также будет живая мать.

- Нора? - Уесли посмотрел на Нору и увидел, что она тяжело дышит, с широко раскрытыми глазами и безмолвно сжимает хлыст побелевшими костяшками. - Ты в порядке?

Она покачала головой.

- Я в порядке, - сказала она, хотя он не был уверен, что поверил этому.

- С ним тоже все будет хорошо.

Уесли осторожно взял стек из ее руки и повесил на стену к другим аксессуарам для верховой езды. Обернув руку вокруг ее талии, он притянул ее ближе. Она не обмякла у его тела, как обычно. Она просто стояла, дышала, уставившись в пустоту. Уесли напрягся, когда его отец подошел к ней, с новым выражением в глазах.

- Это была самая дьявольская вещь, что я когда-либо видел в своей жизни, - сказал он, переводя взгляд от Норы к Бастинадо и обратно.

- Я надеюсь, с ним все будет в порядке.

Нора медленно встретилась взглядом с пожилым мужчиной.

- Я полагаю, что должен сказать Вам спасибо.

Отец Уесли протянул руку для пожатия. Нора лишь взглянула на нее, прежде чем одарить его легкой и опасной улыбкой.

- По крайней мере, сейчас Вы знаете, что когда я должна, я могу быть очень серьезной.

Глава 31

Север

Прошлое

Кингсли не мог поверить, пока не увидел ее. Больше года прошло с тех пор, как он видел свою сестру, с тех пор, как их бабушка и дедушка вырвали его из хватки Мари-Лауры на похоронах родителей. Как Сорен организовал это... она проделала весь этот путь, чтобы увидеть его? Сорен утверждал, что у него есть деньги, и из того, что Кингсли слышал, это утверждение было преуменьшением. Отец Сорена женился на деньгах, затем взял семейное богатство и с безжалостной деловой хваткой утроил его через двадцать лет.

Деньги для Кингсли были последним, что прельщало его в Сорене. Будь он беден как церковная мышь, Кингсли по-прежнему спал бы у его ног, целовал его руки и ползал по команде через горящие угли, если бы Сорен попросил его об этом.

Не это было ценой за приезд Мари-Лауры, а чтобы навестить его, что и породило такое неверие в Кингсли. Во время их совместных ночей, когда Кингсли опускался на колени у ног Сорена или лежал под ним, или подчинялся его дисциплине, Сорен всегда говорил ему, как мало он значил, как мало он стоил. Кингсли знал, что он был всего лишь телом для Сорена, телом, которое использовали и злоупотребляли, и отбрасывали, когда он насытится. Так почему... почему Сорен сделал эту милость для него?

В этом не было никакого смысла. И все же...

Черный автомобиль продолжал осторожно петлять по единственной дороге, которая вела от узкого шоссе к школе. Кингсли одиноко стоял в морозном декабрьском воздухе, ожидая ее приезда. Сорен сыграл с ним в тысячи страшных игр разума после их первой ночи вместе в эрмитаже. В некоторые дни Сорен отказывался признавать его существование. Кингсли хотел поговорить с ним, и Сорен продолжал заниматься, чем он занимался, как будто Кингсли был каким-то призраком, пытающимся и терпящим поражение в попытке связаться с живыми. В другие дни Сорен следил за каждым его шагом, смотрел и критиковал. Кингсли приходилось перешнуровать обувь, домашнее задание переписывать более опрятным почерком, переодевать одежду без причины, а лишь потому, что Сорен приказал ему. Однажды в эрмитаже, Сорен сказал Кингсли, что он больше не желает продолжать эту игру вместе, что он устал от этого, устал от него. Кингсли упал на колени в страхе и умолял Сорена, чтобы тот дал ему еще одну ночь, еще один шанс. Слезы струились из уголков глаз Кингсли, пока он не заметил едва различимую улыбку, играющую в уголках губ

Сорена. В ярости, он вскочил на ноги и бросился с кулаками на Сорена. Тот перехватил удар с шокирующей силой и ловкостью.

- Самообладание, Кингсли, - прошептал он, пока Кинг изо всех сил пытался вырваться из этой железной хватки.

- Я ненавижу тебя. – Эти слова Кингсли сказал на английском языке. Они были слишком уродливыми для французского.

- Я знаю. Я знаю, ты ненавидишь меня. Но я не ненавижу тебя. Ненависть - это слишком сильное слово, чтобы описать мои чувства к тебе.

- Почему... почему ты делаешь это со мной?

В ответ Сорен выпустил его руку. Кингсли бросился на него снова и Сорен пнул его в бедро, заставив растянуться по полу. Он встал, не желая сдаваться, хотя он знал, насколько бесполезна борьба. Но Сорен уселся ему на колени и толкнул его обратно на пол. Зарывшись руками в волосы Кингсли, Сорен держал его неподвижно на холодной твердой древесине.

- Я делаю это по одной и только одной причине... - прошипел ему в ухо Сорен. Тело Кингсли напряглось от ярости, и гораздо более нежелательного прилива желания, которое он никогда не мог преодолеть, когда Сорен прикасался к нему. - Я получаю от этого такое же удовольствие, как и ты.

И в ту ночь, пока Сорен избивал его и трахал снова и снова, он делал это в полной тишине, даже когда Кинг просил о пощаде ни единого слова. Только на рассвете Сорен заговорил с ним, и то сказал только одно слово.

Прощай.

Так что это не удивило бы Кингсли, вообще, если обещанное свидание с сестрой было ничем, кроме как хитроумной каверзой от имени Сорена. Кинг был уверен, где-то в одном из зданий, Сорен стоял у окна, наблюдая за происходящим. Машина притормозит возле Кингсли и остановится, а кто-то - священник, монахиня, раввин или даже все, Кингсли знал, выйдет и взглянет на него с удивлением. И никакой Мари-Лауры. Почему он старался пройти через этот фарс, было за пределами его понимания. Но Сорен устроил эту шутку и Кинг сделал бы что угодно для Сорена, даже унизил себя, стоя час на морозе в ожидании сестры, которая никогда не приедет.

Автомобиль все приближался. Кингсли засунул руки глубже в карманы. Оглядевшись вокруг, он увидел лица своих одноклассников в окнах учебного здания, кабинетах, библиотеке, все ожидали в тепле и уюте внутри, наблюдая за ним. Он пытался подготовить себя к унижению, что почувствует, когда визит Мари-Лауры окажется не более, чем игрой ума Сорена. Сорен... Кингсли увидел лицо пианиста, которое, он дошел до того, что ненавидел так сильно, как и любил, ожидающее в верхней комнате учебного корпуса. Кингсли выдохнул и оторвал взгляд от

совершенного лица Сорена и обратил его к машине. Она замедлилась, практически останавливаясь. Но она не остановилась. Еще нет. И, тем не менее, пассажирская дверь начала открываться и появились две маленькие ножки в черных туфлях с ленточками, которые обвивали лодыжки.

- Кингсли! - окликнул голос, которого он не слышал уже больше года. Его глаза едва могли воспринять происходящее, его сердце едва могло сдержать счастье, ноги едва могли удерживать его, когда сестра бежала к нему и обхватила его своими руками.

- Мари-Лаура... - выдохнул ее имя Кингсли в ее темные волосы. Она позволила им отрасти длинными и свободными за этот год порознь. Она была самой красивой девушкой в Париже, когда он в последний раз видел ее. Теперь он с братской гордостью отметил, что она стала самой красивой девушкой в мире. – Я не могу поверить, что ты здесь.

Она обвила его своими изящными руками балерины. На идеальном парижском французском, она шептала ему, как сильно скучала по нему, как она думала, что умрет, если не увидит его в ближайшее время, как было ужасно без него, как она никогда не позволит никому разлучить их снова. С подбородком на ее плече и ее ртом у его уха, Кингсли посмотрел вверх и увидел, что Сорен по-прежнему у окна, по-прежнему наблюдает. Кингсли проговорил ему губами единственное слово.

Merci.

И Сорен просто кивнул в ответ, прежде чем исчезнуть из окна.

Кингсли повернулся к Мари-Лауре.

- Как? Я не могу...

- Я здесь, - сказала она. – На адрес моей квартиры пришел билет на самолет. И приглашение навестить тебя. Я не могла поверить в это. – Мари-Лаура взяла его лицо в свои затянутые в перчатки руки и поцеловала его в обе щеки.

- Я не поверил в это, пока не увидел тебя. Я даже не уверен, что верю сейчас.

- Как... - она покачала головой, и завитки волос упали на ее лицо. - Grandmère и Grandpère? Ты...?

Кингсли закатил глаза. В ее присутствии, он мгновенно возвращался к своим старым французским привычкам.

- Это длинная история. Я ее тебе расскажу, но не сейчас.

- Мне все равно. Все, что имеет значение, это то, что я здесь, как и ты. Она снова обвила его руками, и Кингсли обнял ее.

Краем глаза он заметил, что он и Мари-Лаура уже не в одиночестве на холоде. Несколько других мальчиков вышли наружу, без сомнения, чтобы лучше разглядеть Мари-Лауру. Они не видели женщин месяцами, по крайней мере, не молодых женщин, кто не принял обет целомудрия.

- Это, должно быть, сестра. - Веселый голос отца Генри послышался за ними. - Bonjour, mademoiselle, - сказал он, пожимая ладонь Мари-Лауры. Кингсли взял руку своей сестры, пока священник вел их в свой кабинет. Кингсли едва слышал, как отец Генри приветствовал Мари-Лауру в школе и извинился заранее за любые заигрывания мальчиков с ней.

- Нам обычно не позволено допускать женщин посетительниц, - сказал отец Генри, слегка заикаясь. - Незамужних женщин, по крайней мере. Или женщин, которые не в ордене. Но мистер Стернс объяснил мне ситуацию, что вы были разлучены после смерти ваших родителей. Мы рады видеть Вас здесь на время вашего визита. Кингсли придется посещать занятия и продолжать учебу. Но Вы можете присоединиться к нам в столовой ко всем нашим блюдам. У нас есть отдельные гостевые покои на верхнем этаже этого здания. Я отправлю одного из мальчишек отнести Ваши вещи.

- Merci, mon père, - сказала Мари-Лаура, озаряя отца Генри своей широкой улыбкой.

Кингсли чуть не рассмеялся вслух из-за румянца, который полностью окутал отца Генри из-под воротника до верха его лысой головы. Мари-Лаура производила такой же эффект на мужчин, как Кингсли знал, он производил на женщин. И все, что каждому из них нужно было сделать - это улыбнуться.

Кингсли и Мари-Лаура направились прямо в ее комнату на верхнем этаже учебного здания. Она бродила вокруг, смеясь над всеми иконами на стенах, крестами, изображениями святых, статуэтками Девы Марии, расставленными повсюду.

- Католическая школа? - поддразнивала она. - Папа переворачивается в могиле.

Кингсли рассмеялся и пожал плечами.

- Я знаю. Это была не моя идея. Мальчишки в моей старой школе ненавидели меня.

- За соблазнение всех их подруг и сестер, без сомнения. - Мари-Лаура погрозила ему пальцем.

- Да, конечно. Но пырнуть меня ножом - это чересчур.

Ее глаза расширились.

- Ножом? Ты сказал, что это была всего лишь царапина.

- Большая царапина.

- Я не знаю, гордился бы тобой папа, или попытался бы убить тебя сам.

- И то и другое, - сказал Кингсли, и они рассмеялись.

- А что насчет тебя? Ты все еще разбиваешь каждое сердце в Париже?

- Конечно. - Она села рядом с ним на диван и скрестила натренированные, изящные ножки. - Я должна разбивать их сердца, прежде чем они разобьют мое.

- Ты должна найти богатого старика и выйти за него замуж. Он скоро умрет и оставит тебе все свои деньги. Тогда ты могла бы остаться в Америке со мной.

- Остаться в Америке? Зачем мне это делать? Если бы я вышла замуж за богатого человека, я бы вытащила тебя из этого ужасного места, и забрала бы с собой обратно в Париж.

Кингсли откинулся на спинку дивана и закинул лодыжку на колено.

- Не знаю. Я думаю, может, мне понравится здесь. Америка — это не так уж плохо.

- Что? Мой брат Месье-Париж-Это-Единственный-Город-В-Мире, хочет остаться в Америке? Как ее зовут?

Глаза Кингсли расширились.

- Не смотри так невинно, - сказала Мари-Лаура, тыча пальцем ему в грудь. - Как ее зовут? Ты, должно быть, влюблен, раз хочешь остаться в этой стране.

Со стоном, чтобы прикрыть свою неловкость, Кингсли повернулся лицом к Мари-Лауре.

- Я уверяю тебя, что не влюблен в девушку из этой страны. Даже не из Канады, которая в полуметре отсюда. - Он указал на север. - Я люблю Америку. Париж - пышный, роскошный, но Америка... есть что-то неприрученное в этом месте, что-то дикое.

Мари-Лаура вздохнула.

- Если тебе здесь нравится, то мне бы тоже здесь понравилось. Сейчас, все что имеет значение, что ты здесь.

- Я и пятьдесят мальчишек, которые не видели симпатичную девушку месяцами?

Она подняла брови.

- Я не буду жаловаться на эту часть вопроса. Теперь, может, тебе стоит показать мне это место, если я буду жить здесь в течение следующего месяца.

Кингсли встал и взял ее за руку, поставив на ноги.

- Месяца?

- На дольше я не могу остаться. Мне пришлось соврать директору моей труппы и рассказать ему, что у меня растяжение связок, которое должно заживать за месяц. Если я пробуду дольше, я потеряю свое место в массовке.

- Ты не должна быть в массовке. Ты - Прима-балерина.

- Я буду. Когда-нибудь. Но мы все должны платить причитающееся. И, кроме того, Лоран не может пока сделать меня Примой. Это было бы подозрительно.

- Еще одно покоренное сердце?

Мари-Лаура похлопала ресницами.

- Танцор... у них такие мощные ноги.

Кингсли замахал на нее рукой, пока они надевали свои пальто и снова направлялись к двери.

- Я не хочу подробностей твоих завоеваний. Ты можешь быть красивой, но ты все еще моя сестра.

- Ну, я хочу знать все подробности твоей личной жизни. Ой, подожди, ты в школе для мальчиков. У тебя ее нет.

Она слегка похлопала его по щеке, чтобы поддразнить, выскакивая вперед в холод. Ах, Мари-Лаура... Кингсли вздохнул. Если бы она только знала. Рука в руке, они бродили по территории школы. Он показал ей столовую и познакомил ее с отцом Альдо. Мари-Лаура и священник посоветовались в течение нескольких минут о меню этого вечера. Он планировал суфле. Она предложила Киш. Кингсли притворился, что засыпает, и Мари-Лаура ущипнула его за руку, как она всегда делала, когда они были детьми. Кингсли дернулся от щипка, достаточно резко, чтобы Мари-Лаура заговорила:

- Когда это ты стал таким чувствительным? - спросила она, пока они покидали столовую. - Я только ущипнула тебя.

- Все нормально. Ты просто ущипнула меня, где у меня уже есть синяк. Я выживу.

- Я найду часть тебя, которая без синяка, и туда я ущипну тебя в следующий раз. Oui?

- Oui.

Он улыбнулся, но он знал, что потребуется незаурядная тщательность, чтобы найти на нем ту часть, которая не имела бы синяк или рубец. Прошлой ночью, Сорен был абсолютно беспощаден с ним. Избиение, казалось бесконечным. Секс и подавно.

Поразмыслив, Кингсли понял, что интенсивность их ночи была таковой, потому что присутствие Мари-Лауры могло сделать их встречи гораздо более сложными. Но они найдут способ. Они должны быть вместе, Сорен и Кингсли. Они принадлежали друг другу.

- Что это? - Мари-Лаура остановилась перед часовней.

Кингсли склонил голову на бок и улыбнулся. Изнутри он слышал звук пианино, наигрывающего запоминающиеся ритмы...

- Болеро, - сказал Кингсли. - Равель.

- Равель... - Мари-Лаура вздохнула и посмотрела на Кингсли со смесью печали и тоски в глазах. Он знал, что она, должно быть, потерялась в тех же воспоминаниях, что и он... Папа и его записи. Их отец лежал на полу своей квартиры в бликах солнечного света, закрыв глаза и напевая вместе с музыкой...

- Я скучаю по нему, - прошептал Кингсли, беря ее за руку и сжимая.

- Я тоже. Но я скучала по тебе больше. Так сильно, что я думала, что умру.

Кингсли покачал головой.

- Не умирай. Теперь мы вместе.

Музыка нарастала, и Мари-Лаура повернулась лицом к часовне.

- Мы можем пойти послушать?

Кингсли начал вести ее туда, но как только они пересекли порог церкви, что-то глубоко внутри него предупредило, что он должен остановиться, вернуться... музыка становилась все громче по мере приближения к ее источнику. Кингсли стряхнул его внезапно странный страх. Мари-Лаура следовала за музыкой, с широко открытыми и загнипнотизированными глазами, как у Гамельнского ребенка* (Гамельнский крысоллов (гамельнский дудочник) — персонаж средневековой немецкой легенды. Согласно ей, музыкант, обманутый магистратом города Гамельна, отказавшимся выплатить вознаграждение за избавление города от крыс, с помощью колдовства увёл за собой городских детей, сгинувших затем безвозвратно).

У дверей в храм, они остановились и заглянули внутрь в сторону нефа. Сорен сидел у древнего и разбитого рояля, без пиджака, с рукавами, закатанными до локтей, открывающими его мускулистые предплечья. Он играл отрывок с такой потрясающей виртуозностью и страстью, что Кингсли еще раз почувствовал, как музыка оживает вокруг него. Закрыв глаза, он позволил нотам прикоснуться к нему, танцевать около него, щекотать его лицо, задевать его волосы, шептать секреты ему на ухо.

Боже, как он любил Сорена. Любил его. Любил его, как отца, как брата, как друга и любовника, и любил его, как врага, который заставил его быть сильнее, умнее, мудрее, смелее. Сорен стал для него всем... Кингсли открыл глаза и увидел не Сорена,

а Бога за фортепиано, и понял, что он выбрал подходящего человека для поклонения. Даже сейчас он мог упасть на колени перед ним.

Кинг почувствовал, как рука Мари-Лауры задрожала в его руке. Это вывело его из своего уединения обратно в мир. Он посмотрел на свою сестру и улыбнулся. Он понимал, теперь все... Сорен доставил ее сюда для него, для Кингсли. Сорен сделал это из доброты. Он сделал это как благодать, как милость. Как и все Божьи дары, это было дано из-за любви.

Сорен любил его. Теперь Кингсли знал это сердцем. И эти игры разума, в которые он играл, были только простыми играми. Сорен наказывал его молчанием, даже тогда уделяя ему безраздельное внимание. Он оскорблял его, прежде чем наградить самыми страстными поцелуями. Он говорил, что Кингсли ничего не значил для него, перед тем как провести половину ночи внутри него. Сорен любил его. Сорен любил его. Сорен любил его. Рефрену в его сердце соответствовал настойчивый ритм музыки. Никто не смог бы и не понял бы любви, которую они испытывали друг к другу или, как они показывали ее. Только Сорен, Кингсли и музыка знала, но музыка никогда не расскажет.

- Mon Dieu... - выдохнула Мари-Лор слова, с глазами, направленными на Сорена в пустом, немигающем взгляде. Еще раз страх вернулся в сердце Кингсли. Нет... не она. Кто угодно, только не его сестра... Она выдернула руку из его хватки и подняла ее перед собой. Глаза Кингсли расширились от страха, когда он увидел едва различимую дрожь, которая овладела ею.

- Mon Dieu, - прошептала она. Мой Бог.

Кингсли снова взял ее за руку и прижал крепко к своей груди. Он будет держать ее близко и удерживать ее в безопасности от той любви, которая, он знал, вошла бы в ее душу, словно демон.

- Не бойся, - Кингсли поцеловал ее руку и улыбнулся фальшивой улыбкой, намереваясь разрушить чары музыки и белокурого Бога, который играл ее. - Он делает это с каждым.

Глава 32

Север

Настоящее

Кингсли оставил "Роллс-Ройс" простаивать перед его таунхаусом. Все знали Кингсли Эджа и его серебристый Роллс, который перемещал его по всему Манхэттену.

Но сегодня он нуждался в анонимности. Поэтому Кинг вернулся в свой дом, переоделся в черные джинсы, серую футболку и кожаную куртку, натянул очки и убрал свои длинные волосы в низкий хвост. Позади особняка был гараж, который, по мнению большей части Манхэттена, имелся только для Роллс-Ройса и его брата-близнеца. Но сзади, под замшевым автомобильным чехлом, разместился гладкий черный "Ягуар" с незарегистрированными номерами. Только в экстренных случаях Кингсли покидал свой дом инкогнито. А это, несомненно, можно квалифицировать как экстренный случай.

Он завел машину и покинул дом по глухим улочкам, проклиная Нору всю дорогу до Коннектикута. Глупая девчонка. Глупая девчонка. Почему ей вздумалось жить так далеко? Она могла позволить себе Манхэттен и любую точку города. Почему она купила тюдоровский коттедж в буржуазном и пешеходном пригороде, было тем, чего ему никогда не понять. Всего лишь за год ее карьеры в качестве Госпожи она скопила достаточно денег, чтобы оплатить первоначальный взнос за покупку своего дома. Она заплатила наличными, и переехала из его таунхауса при первой подвернувшейся возможности. За пять лет, Кингсли был у нее дома только один раз. Он чуть не умер от скуки, просто от езды в одиночку. Стоя в ее гостиной, наполненной удобной, но ничем не примечательной мебелью и книжными полками, набитыми романами, он повернулся к ней и задал только один вопрос.

- Почему?

А она улыбнулась и пожала плечами, и вздохнула, и рассмеялась, и покачала головой, и сделала все, что могла, чтобы не отвечать ему словами. Но он смотрел на нее, пока ее улыбка не исчезла, и смех не покинул ее глаза. Эти ее глаза, если бы ему пришлось угадывать, он сказал бы, что она украла их у самого дьявола.

- Мне здесь нравится, Кинг. Я чувствую себя здесь... человеком. Нормальным.

Кингсли прошелся по бежевому ковру к ней и взял ее за подбородок. - Ты самая известная Госпожа во всем мире, *chérie*. Я сделал из тебя монстра и монстром ты являешься. Живи здесь, если нужно, но помни, что в этих стенах ты Элеонор Шрайбер. Нора Сатерлин здесь не живет.

Ее единственным ответом было вернуть ему взгляд такой же твердый, как и его собственный, и вот тогда Кингсли осознал страшную правду, он вовсе не создавал Нору Сатерлин, он просто сорвал с нее маску.

Прошел час, и он, наконец, достиг Веспорта. Еще пятнадцать минут заняло у него, чтобы добраться до окрестностей особняка Норы. Напротив ее дома расположился красный "Порше" - Гриффин все еще был здесь. Гриффин и никого другого. Хорошо. Мальчик не был настолько глуп, чтобы позвонить в полицию. Кингсли не стучал, просто вошел через переднюю дверь, и обнаружил дом таким, каким он его запомнил: банальным, надежным, пригородным, буржуазным.

- В спальне, Кинг, - он услышал, как позвал его Гриффин. Кингсли нашел лестницу и помчался по ней вверх, перескакивая через две ступеньки. В конце коридора он нашел спальню Норы... Или то, что от нее осталось.

- Дерьмо... - выдохнул Кингсли, будучи слишком потрясенным даже для французского.

- Да, именно так я и сказал.

Гриффин стоял на краю комнаты, глядя на побоище перед ними.

- Где Микаэль? - спросил Кингсли, произнося имя на французский манер, как Мишель, по привычке, от которой он пытался избавиться ради Гриффина и его мальчика.

- Я быстро выдворил его отсюда. Отправил в дом его матери, чтобы он остался там на ночь. Его чуть не стошнило, когда он увидел это место.

- Я с ним солидарен.

Кингсли с трудом сглотнул, пока изучал нанесенный ущерб. В центре комнаты были обугленные остатки того, что когда-то было самой вожаделенной кроватью в мире. На вершине почерневшего пепелища лежало то, что по предположениям, было всем гардеробом Норы из нарядов Госпожи, каждая, до последней, вещь была изрезанна и осквернена. Стены, вдоль, были забрызганы кровью... кровью животного, догадался Кингсли. Догадывался и надеялся. Кровавые слова, кровавые отпечатки ладоней. Кровь на кроваво-красных стенах. Бледный ковер под ногами также был в следах крови, кровавых следах. И кровавых словах.

- Что это значит, Кингсли? - спросил Гриффин, глядя на написанное. - Это французский, да? Мой французский дерьмово себя чувствует.

- Oui, это французский.

Кингсли прочел слова и его желудок сжался, когда он осознал, что, то же самое было написано на стене над телом его мертвой Сэди.

Гриффин прищурился на письма, что явно не помогало ему ни капли понять их.

- Я же говорил тебе ... - он покачал головой и вздохнул. - О чем здесь пишется?

Кингсли тяжело вздохнул, не будучи уверенным, что хотел рассказывать Гриффину или кому-либо другому о написанном. Но даже если он скажет, Гриффин не будет знать, что это означает.

- Здесь говорится: Я убью суку.

- “Я убью суку?” Нору? С кем он разговаривает? - Гриффин потер лицо и стал еще бледнее. - Кинг, кто-то хочет убить Нору?

Кингсли увидел что-то на стенах, чего не увидел сначала. Отверстия. Нет, не отверстия, колотые дыры. Кто-то взял нож и несколько раз вонзил лезвие в гипсокартон, оставляя порезы с расстоянием в один дюйм, везде, где он видел. Он подошел к кровати и взял один из окровавленных корсетов Нору. Косая черта разреза была сосредоточена в одном месте. Живот. Если бы Нора была одета в него, в то время, когда был нанесен удар, она была бы мертва в считанные секунды.

- Oui. Кто-то очень хочет убить нашу Нору.

Гриффин обратил к Кингсли взгляд широко раскрытых от ужаса глаз.

- Почему? Нора никогда не причиняла никому вреда. Я имею в виду, не без их согласия.

- Я боюсь, что этот человек полагает, Нора взяла то, что не принадлежит ей.

- Нора никогда не крала ничего в своей жизни. Ну, кроме тех автомобилей, когда она была ребенком. Но никто не станет убивать за машину.

- Нет. Не автомобили. Не в этом дело.

- Тогда что это за срань? Что Нора украла? Кем бы ни был этот гребаный урод, я ему заплачу.

- Я боюсь, никакие деньги не смогут купить то, чего от нее хотят.

- Это мне решать, - сказал Гриффин, тоном человека, который был воспитан, с пониманием того, что может купить все, что он хотел купить, в том числе и чужую жизнь. - Чего он хочет?

Кингсли потянулся к куче одежды Нору и нашел то, что он знал, там найдет. Он вытащил ниточку четок, кроваво-красных и гладких от тысячи молитв, что сама Магдалина покраснела бы. Он знал, что Нора прятала ключ в коробке, где лежал ее ошейник за распятием и четками. Он нашел четки, распятие и никакого ключа. Кингсли обернул четки вокруг руки и протянул Гриффину в качестве объяснения.

- Сорен? - спросил Гриффин, страх заменил решительность на его лице. - Этот урод хочет Сорена?

Кингсли кивнул.

- Oui, - было всем, что он сказал.

Гриффин прижал руки к животу. Теперь, казалось, он был на грани тошноты.

- Кингсли, это безумие. Никому не достать таких, как мы. Твои деньги и власть... мои деньги и власть... и Сорен? Кому вообще мог понадобиться Сорен?

- Кому-то, для кого ничего не значат деньги и власть. И я опасаясь, такие люди действительно существуют.

- Что значит все это?

Гриффин снова посмотрел на кровавые слова на полу, груды изрезанной одежды и саму кровать, обугленную и окровавленную. Для всех, кроме Кингсли, сцена была бы непонятна. Что это значит? Кинг точно знал, что это значит. После того, как сбежав из школы Святого Игнатия, он присоединился к французскому Иностранному легиону. Сначала его мастерство в английском привлекло внимание вышестоящих, потому что, если он сосредотачивался, то мог говорить без какого-либо намека на французский акцент. Затем другие его навыки вышли на свет: его интеллект, его способность очаровать любого, чтобы тот рассказал ему все, что ему хотелось знать, его природный дар меткой стрельбы и его полное пренебрежение к своей личной безопасности, даже ради его собственной жизни. Они сделали его шпионом, а впоследствии и кем-то гораздо большим. Он видел, как гибель тысяч начиналась с одного действия, которое проходило за закрытыми дверями спальни, как эта. О, да, он точно знал, что означала сцена перед ними.

- Это объявление, Гриффин.

Кингсли вытащил ключи из кармана кожаной куртки. Ему нужно пойти и найти Сорена. Время секретов подошло к концу.

- Чего? Помешательства?

- Нет, mon ami. Войны.

Глава 33

Юг

Нора оставалась спокойной и сосредоточенной всю обратную дорогу до дома Уесли. Она моргала, но не плакала. Ни ее лицо, ни руки не выдавали ни единой эмоции. Давным-давно она научилась контролировать себя в самых сложных ситуациях. Ей пришлось, ради своей работы. Урок номер два от великого Кингсли Эджа, Короля Преисподней: ты Доминант. И веди себя соответствующе.

Эти шесть слов сохраняли ее лицо и руки непроницаемыми, даже когда в ее подzemелье приходили один за одним сабмиссивы с самыми опасными и отчаянными желаниями. Один брокер с Уолл-Стрит захотел пить ее мочу из бокала для вина. Заместитель мэра Нью-Йорка рассказал о самой живописной фантазии об изнасиловании, где он был бы жертвой. Миллиардер-скотовод из Техаса на четвереньках умолял заклеить его спину своим же клеймом. Не важно, как тревожили ее их фантазии, их фетиши, она всегда должна быть спокойной и сосредоточенной, даже если они умоляли ее, просили о боли, о которой так мечтали.

- Нет, - часто отвечала она им. - Ты не заслужил ее.

Это был ее ответ, ее щит, прикрывающий, когда она знала, что никакие деньги и любовь не заставят ее сделать подобное. И затем они умоляли еще сильнее, увеличивали предложение, и она соглашалась.

- Теперь ты заслужил это, - отвечала она, что означало, что теперь он угадал ее цену.

«Я Доминант», - говорила она себе снова и снова, даже когда хотела убежать и рассыпаться на кусочки. – «И я буду вести себя соответствующе».

Поэтому сейчас, когда отец Уесли наблюдал за ней краем глаза в полнейшей тишине, пока вез ее и Уеса к гостевому домику, Нора сказала себе то же самое. За удар стеклом новорожденного жеребенка она могла получить, по крайней мере, год в тюрьме за жесткого обращение с животными. Даже сейчас она хотела свернуться в клубочек, и плакать или блевать, или все сразу. Но ее нутро говорило, что это для того чтобы Скаковая Красотка нашла силу воли встать и жить, наблюдая за болью своего ребенка. Это сработало. Кобыла не только снова встала на ноги, она, по-видимому заработала уважение отца Уесли... или, по крайней мере, его страх. А в ее мире, эти понятия были равнозначны.

Пожилой мужчина подъехал к гостевому дому и Уесли первым вышел из машины. Протянув руку, он ждал, и Нора с грацией английской герцогини, выходящей из кареты, приняла ее.

- Благодарю вас, Сэр, - ответила она, когда ее ноги коснулись земли. - И спокойной ночи, мистер Райли.

Нора повернула голову и улыбнулась отцу Уесли через плечо. Кингсли научил ее этому маленькому жесту, никто не умел флиртовать как этот француз.

- Спокойной ночи, сын. И вам, мадам.

Она отправилась к дому, не дожидаясь Уесли. Она слышала, как он перешептывается с отцом. Обычно она бы извела себя, чтобы узнать, что они говорят о ней, но сейчас ей было наплевать. Все, что она хотела - это добраться до дома и найти ванную.

Пять минут, молилась она. Просто останься вне дома на пять минут, Уесли.

Нора добралась до ванной, заперла за собой дверь и исторгла все, что съела после ланча. Массы поднимались и быстро и резко выходили, так резко, что глаза заслезались и живот болел так, будто ее били. Она смыла рвоту и зашла в душ. Горячая вода текла вниз сокрушительными волнами, пока Нора пыталась избавиться от промокшей одежды.

Когда она услышала, как открылась дверь, она поспешно взяла себя в руки.

- Я в душе, Уес. Я вся в лошадиной плаценте.

- Да, я тоже. Подвинься.

Нора невесело рассмеялась, когда Уесли оказался рядом с ней, тоже полностью одетый.

- Хорошая идея, - сказал он, поднимая руки и расстегивая ее мокрую рубашку. - Душ и прачечная одновременно.

- У меня вообще всегда только хорошие идеи.

- Начинаю подозревать, что так и есть, - он застонал от отчаяния, когда рубашка Норы осталась прилипшей к ее мокрому телу. В мгновение ока он просто разорвал ее и отправил в полет три маленьких пуговицы. - Упс.

Нора пожала плечами.

- Все равно это была твоя рубашка.

- Черт.

Уесли рассмеялся и потянулся к ее губам, но Нора отвернулась прежде, чем он успел поцеловать ее.

- Что случилось?

- Ничего, - ответила она. - У меня дыхание с привкусом лошадиной плаценты. Позволь почистить зубы, прежде чем ты меня поцелуешь.

- Думаю, это самая отвратительная вещь, которую я когда-либо слышал в своей жизни.

- Что? Плацента хороший источник протеина, так? - спросила она и снова рассмеялась.

- Нора... ты в порядке?

- Да, конечно. Конечно, я в порядке. Почему бы и нет? То есть, почему ты спрашиваешь?

Уесли посмотрел на нее, и Нора едва могла встретиться с его карими глазами, которые смотрели на нее с пламенной любовью ангела-хранителя. У Бога, наверное, были глаза, как у Уесли... каждому, кто смотрел в них хотелось сразу же попросить прощения за все грехи, которые он совершал.

- Для начала, ты стоишь под кипятком и дрожишь. - Он прижался ладонями к ее лицу. - Каждый раз, когда ты смеешься, я переживаю, что разобьются зеркала. Поговори со мной.

Он погладил ее щеку, поцеловал в лоб и прижал голову к своей груди. Будь прокляты высокие мужчины... она ненавидела их. Всех их. Они заставляли её чувствовать себя такой маленькой и такой слабой, лишь из-за их роста. Она ненавидела чувствовать себя маленькой и ненавидела чувствовать себя слабой, и ненавидела, когда Уесли напоминал, как сильно она ненавидела это.

- Я ударила ребенка, - прошептала она ему в грудь.

Уесли вздохнул и прижал ее еще ближе.

- Ты ударила лошадь. А не ребенка. С ним все будет хорошо. Чего бы не произошло, если бы его мама умерла на том полу или в клинике. Лошади плохо восстанавливаются. Они не собаки или кошки. Они болевают, и ты просто их хоронишь. Скаковая Красотка могла не прожить и недели, если бы ветеринар положил ее на стропы. И...

- Сейчас ты можешь заткнуться, Уес.

- Да, мэм.

Под горячими струями душа Нора стояла в объятиях Уесли и плакала, позволяя воде смывать слезы прежде, чем они успевали скатиться по ее щекам. Прошло минут десять, может пятнадцать, пока вся боль и стыд, которые она ощущала, когда яростно стегала стеклом маленькую спину жеребенка, не растаяли. Наконец, она выплакала все слезы, и поняла, что смеется в грудь Уесли.

- Теперь это похоже на смех Норы. Над чем смеешься?

- Над нами, - ответила она, потирая лицо о его рубашку чтобы вытереть сопливый нос. - Почему, когда у меня нервный срыв мы оказываемся в ванной, где ты собираешь меня по кусочкам?

- Не знаю. Ванная, кажется, твое любимое место для нервного срыва.

- И здесь хорошо читать.

- Ты отвратительна.

- Что? Я читаю в ванной? А ты о чем подумал?

Уесли рассмеялся и уперся подбородком в ее макушку.

- Ни о чем. Абсолютно ни о чем.

Он выдохнул так тяжело, что Нора ощутила, как вздымается его грудь.

- А у тебя теперь какая проблема, малой?

Отстранившись, она посмотрела на Уесли и начала снимать с себя оставшуюся одежду.

- Ты. Ты моя проблема. Я схожу от тебя с ума, а ты собираешься уйти от меня. Правда?

- Уес, я только приехала сюда. И сейчас, кажется, твой отец более-менее нормально переносит мое присутствие. Так что это прогресс.

- Это не ответ на мой вопрос.

- Спроси еще раз.

Уесли смотрел ей в глаза, пока Нора снимала нижнее белье, и теперь стояла перед ним обнаженная и мокрая.

- Ты собираешься уйти от меня... снова?

Внутренности Норы сжались еще больше, чем это было в конюшне, когда она поняла, что натворила.

- Я не уходила от тебя в первый раз, Уес. Я вернулась к Сорену. И я заставила тебя уйти. Я не могла тебя оставить. Поэтому я тебя вышвырнула. Я была недостаточно сильной, чтобы уйти самой. Мне лишь хватило сил, чтобы приказать тебе уйти.

- Ты опять прикажешь мне уйти?

- Нет. В первый раз я думала, это убьет меня. Неделью после твоего ухода я едва могла говорить. Постоянно плакала.

- Сорену, должно быть, это нравилось.

- Он любил меня. И прощал каждую слезинку. Но ни разу не сказал мне не скучать по тебе, не говорить о тебе, не любить тебя.

- Ненавижу, когда ты говоришь обо всех хороших поступках, что он совершал. Так мне труднее его ненавидеть.

- Никогда не ненавижу Сорена. - Нора расстегнула джинсы Уесли и начала стягивать мокрую ткань с его бедер и, наконец, сняла его влажную, покрытую соплями, рубашку.

- Ненавидь меня, но не его.

- Я ненавижу ненавидеть его.

- Почему? Мой Уесли, ненависть не характерна тебе.

- Нора... из-за него ты попала в больницу. Я был там, помнишь? Я отвез тебя в больницу после того, как он...

- Он этого не сделал, - продолжила она тихо и ненавидела себя за второе произнесенное слово. Она обещала себе, что никогда не расскажет Уесли о той ночи.

- Не сделал чего?

- Не его вина в том, что я оказалась в больнице после той ночи, когда вернулась к нему. Произошло другое.

Глаза Уесли округлились. Нора выключила воду, вышла из душа и схватила полотенце. Обнаженная, но в полотенце, Нора опустилась на пол. Все еще мокрый, Уесли сел напротив нее, спиной к душевой кабине.

- Та ночь, когда я вернулась к Сорену, была жесткой. Мы играли грубо. Он начал с резкой пощечины. Хорошей. Мой любимый вид.

- Я должен разбить ему морду за это.

- Уесли, Сорен бьет по лицу, потому что мне нравятся пощечины. Я постоянно делаю это со своими клиентами. Это часть моих пристрастий. Он знает это. Он шлепает меня.

- Я не хочу это слышать.

- Я не могу позволить тебе ненавидеть его. Я думала могу, но лишь потому, что считала, что так ты будешь ненавидеть меня. Я должна рассказать тебе правду. Ты должен знать, о чем просишь, каждый раз, когда просишь остаться.

Нора посмотрела в его темно-карие глаза.

- Нора...

Она услышала мольбу в голосе Уесли, мольбу на которую не могла ответить.

- Одна пощечина, и затем он выпорол меня. Хорошая тщательная порка спины. Такие же были у меня тысячи раз. Обожаю ее. Затем мы оба возбудились и отчаянно желали друг друга, он отвел меня в спальню, и мы...

- Знаю. Вы трахались, правильно?

Она покачала головой.

- Нет. Он занимался со мной любовью. Нежно, как это делаешь ты. Он не мог перестать говорить, как он любит меня.

- Я видел тебя на следующий день, Нора. Я знаю, что он сделал с тобой.

Нора сузила глаза и позволила ему увидеть ту часть себя, которую так часто приходилось прятать.

- Ты ничего не знаешь о том, что он сделал со мной. После того как мы занялись любовью, я умоляла о большем. Сорен рассмеялся и назвал меня ненасытной. Он привязал меня к столбику кровати и снова выпорол, в этот раз немного жестче. Затем немного поработал тростью. Достаточно для того, чтобы оставить небольшие синяки. И я ждала. Ждала своего шанса.

- Шанса для чего?

Мысли Норы обратились к той ночи, ночи, когда она вернулась к Сорену после пяти лет разлуки. Она знала, что должна была сделать что-то, что-то отвратительное, что-то, что напугало бы даже ее. Должна была сделать это, чтобы Уесли захотел от нее уйти.

- Сорен развязал мои руки и отступил, чтобы взять манжеты и другой флоггер. И как только он отвернулся от меня, я упала.

- Упала? В обморок?

- Нет. Я упала специально. Жестко на деревянный пол. Я приземлилась на щеки и на ребра. Будто дерево срубили. Бревном... - сказала она, и руками показала падение тяжелого дерева на землю. - Я рухнула на пол всем весом своего тела. Так я ушибла ребра. Так разбила губу... мы не делали этого. Я сделала это сама.

Она знала, что Уесли поверил ей, когда спросил: "Почему?"

- Почему? - повторила она. - Ради тебя. Я думала, если ты будешь считать, что Сорен на самом деле избил меня самым жестоким образом, тогда будешь думать, что я... даже не знаю... безнадежный случай. Думала, это напугает тебя достаточно, и ты захочешь уйти. Если бы я заставила тебя думать, что он монстр, и ты знал, что я люблю его, тогда бы ты...

- Тогда бы я считал тебя монстром.

Глубокая печаль в голосе Уесли пристыдила ее. Она обманула Уесли, заставив его думать, что Сорен был животным. Она испугала Сорена, упав той ночью. Она не заслуживала ни Уесли, ни Сорена.

- Знаешь, я до чертиков напугала Сорена.

- Нора, пожалуйста, не заставляй меня считать его хорошим. Я должен его ненавидеть.

- Я ударилась об пол так сильно, что он подумал, будто я упала в обморок или что-то вроде того. Я знала, что очень напугала его. Это был единственный раз, когда он назвал меня Норой.

- Я должен ненавидеть его. Пожалуйста...

Нора проигнорировала его просьбу. Сейчас она не могла остановиться. Он должен знать все.

- Он сказал "Нора!" и опустился на пол, провел руками по моему телу. Он посмотрел на меня, посмотрел в мои глаза. И он понял. Он понял, что я упала специально. И не сказал ни слова. Он знал, что я солгу тебе о том, почему такая избитая, и он позволил мне солгать. Он знает, как не задавать вопросы, на которые не хочет получить ответы.

Уесли опустил голову, запутавшись пальцами во влажных волосах.

- Он поднял меня с пола и отнес в постель. Крепко держал меня и сказал выбрать число от одного до ста.

- Нора, я больше не хочу слушать.

Нора ощутила, как что-то влажное катится по ее лицу. Вода после душа? Или что-то еще?

- Мы играли в эту игру. Выбираешь номер, но ты не знаешь, что выбираешь. Выбираешь один удар кнута или сотню ударов? Выбираешь один поцелуй или сотню? Я выбрала сотню.

Уесли молчал. Нора продолжила говорить.

- Он начал считать, - Нора запнулась, вспоминая боль внутри, кровь на языке. Сорен принес влажное полотенце и аккуратно вытер ее губы. - Он начал перечислять сто причин, почему любит меня.

- Нора, не надо.

Никогда еще она не слышала столько боли в чьем-то голосе.

- Номер один - он любил, как я смеялась. Под номером семь он любил, что я никогда не отвечала на телефонный звонок, как нормальный человек. Под номером пятьдесят восемь он любил, как я закалывала волосы наверх.

- Ты садистка. Ты ведь это знаешь, правда? - Уесли попытался рассмеяться, но у него не получилось. Нора засмеялась, но это был грустный смех, который причинял боль.

- Ты только что это понял, малой? Я рассмеялась на шестьдесят шестом. Он любил, как дрожит мой голос, когда я произносила его имя, пока он внутри меня.

- Какая была сотая причина? - спросил Уесли, капля воды скатилась по его щеке и упала на сложенные ладони.

- Сотая. Он любил, что, когда ему было особенно одиноко без меня, он мог просто прочитать одну из моих книг. И мог услышать мой голос в словах, которые я написала, слышал их так четко, словно я находилась с ним в одной комнате. Думаю, если бы он попросил меня, я бы смогла перечислить все сто причин.

- Пожалуйста, позволь мне ненавидеть его, - умолял Уесли, наконец, посмотрев ей в глаза.

- Зачем тебе ненавидеть его? Он не ненавидит тебя. Я сейчас здесь и он не ненавидит тебя.

- Потому что ты вернешься к нему. И я снова буду один. И если не будет моей ненависти, что у меня останется?

Она улыбнулась ему и тут же укорила себя за эту улыбку.

- У тебя будут твои родители. Огромная ферма. Миллионы долларов.

- И это твой ответ?

Взгляд Уесли стал жестче, и Нора поняла, что сделала ему намного больше, чем Бастиадо.

- Я не знаю, что еще сказать... я принадлежу ему. Он владеет...

- Он не владеет тобой, Нора. - Уесли встал и начал снимать с себя мокрую одежду. - Ты и твои глупые правила извращенцев - чужь собачья. Никто никому не

принадлежит. Люди больше не собственность. Сорен не владеет тобой. Ты не принадлежишь ему. Ты можешь уйти от него и остаться со мной, если этого захочешь.

- Эти правила не глупые. - Нора взяла полотенце и последовала за Уесли в спальню. - Я не об этого говорю. Я говорю не об ошейниках, кнутах и поводках. Когда ты любишь кого-то, они владеют тобой, неважно извращенец ты или нет. И ты можешь это понять.

- Я понимаю любовь, потому что люблю тебя. - Он развернулся в центре спальни.

- А ты меня любишь?

- Боже, да, я люблю тебя. И ты это знаешь.

- Останься со мной. Пожалуйста.

- Уес...

- Пожалуйста, - повторил он. "Пожалуйста" - все, что у него было.

Нора только прижалась к нему и вздохнула. Единственное, чем она могла утешить Уесли, это дать ему свое обещание.

- Я попробую.

На рассвете следующего утра Нора проснулась и осторожно выползла из сдерживающего ее клубка простыней, рук и ног. Посмотрев на спящего Уесли, она тихо оделась и взмолилась, чтобы он все еще спал, когда она вернется. Прошлой ночью, после того как он вышел из нее в последний раз, перекатился на бок и сгреб в свои объятия, она приняла решение.

Она вышла из дома и села в машину. Руководствуясь лишь своей твердой топографической памятью, она проехала сорок пять минут к лошадиной ферме Талела. Как только она оказалась на месте, Нора открыла багажник автомобиля и нашла стек, который привезла с собой из своего дома в Коннектикуте. Она любила этот стек. Короткий, красный и порочный, он заработал ей прозвище Маленький Красный Стек в начале ее карьеры Доминатрикс. Несколько историй было написано об этом стеке. Он стал легендарной вещицей. Но он был очень реальным, очень болезненным, и она собиралась использовать его на ком-то, без всяких угрызений совести.

Нора постучала в дверь и стала ждать. Сонный слуга открыл дверь и впустил ее. Но когда он попытался преградить ей путь вверх, Норе пришлось напомнить себе о втором правиле Кингсли.

Ты Доминант.

Действуй подобающе.

Она так и действовала. Дворецкий ростом в пять футов и десять дюймов и весом в двести фунтов оказался на полу с загнутой за спину рукой.

- Я просто хочу поговорить с Талелом, он старинный, дражайший мой друг. И видели тот Астон Мартин снаружи? Это он купил его для меня. Я знаю, что он все еще в постели. Там должны быть и вы. А теперь идите или каждый в этом штате узнает, что вас прижала лицом в пол женщина ростом в пять футов. Скажите «да, Госпожа», если поняли.

- Да, Госпожа.

- Хороший мальчик. Вон.

Нора отпустила его и пошла по ступенькам вверх. Она понятия не имела где была спальня Талела, но вскоре нашла ее, или Талел, рано проснувшись, ждал ее у окна.

- Я слышал, как вы пришли, Госпожа. Я где угодно узнаю этот двигатель.

- Не удивительно. Этот двигатель был твоим, прежде чем перешел ко мне. Хочешь вернуть?

Талел развернулся и застенчиво улыбнулся, не поднимая на нее глаз. - Я бы не отказался.

- Я бы вернула его, если бы знала, что ты настолько нуждаешься в деньгах, что убил свою собственную лошадь. Сколько ты должен?

- Госпожа... я не...

Нора ринулась к Талелу и со злостью влепила ему пощечину. Он вздрогнул и пораженно уставился на нее, но затем в его взгляде вспыхнуло желание.

- Сколько ты должен? - снова спросила она.

- Я не...

Нора вертела в пальцах стек. Вертеть стек было ее фишкой. Играть со стеклом как с дубинкой, прежде чем схватить его за ручку и резко замахнуть.

Талел испуганно наблюдал за вращающимся стеклом. Нора пропускала его сквозь пальцы, пока не схватила за ручку и хлестнула Талела по тыльной стороне колен. Он рухнул на пол.

- Не лги мне. Я защищала тебя перед Уесли. Я видела конюшни - пустые стойла. Сколько ты должен?

Талел не ответил, но это не удивило ее. Он любил быть сломленным, любил, когда его гордость ломали. Он даст ей ответы, которые она хотела, но ей придется поработать над ними. Она могла с этим справиться.

- Раздевайся, - приказала она. В считанные секунды без какого-либо сопротивления, Талел разделся догола. Она совсем не удивилась, увидев его эрекцию. Чем более безжалостной она была с ним, тем больше он хотел ее. - На спину.

Нора оседлала живот Талела и села на его эрекцию. Он поморщился от дискомфорта. Джинсы плюс вес на обнаженной коже не могли хорошо ощущаться. Но она и не хотела, чтобы было приятно. Удерживая стек за оба конца, Нора прижала тот к его шее.

- Твой член только что дернулся подо мной, Талел. Тебе всегда нравилось удушение. Я этого не забыла.

Он тяжело сглотнул, но не ответил.

- А еще я не забыла, как сильно ты любишь подчиняться женщине, которая выбьет из тебя все дерьмо, прежде чем затрахает тебя ради своего удовольствия. Тебе нравилось это, не так ли? Быть использованным? Отвечай мне.

- Да, Госпожа. Я люблю это.

- Знаю. Тебе не стоило говорить. - Нора вздохнула. - Я правда очень недовольна, Талел. Ты мне нравился. По-настоящему нравился. Меня поразило, что в своей стране к тебе относятся с королевским почтением, но ты находишься в Штатах, где с тобой могут обходиться, как с обычным человеком. Кингсли говорил мне, чтобы я не трахалась с тобой, что я должна смотреть на тебя как на чековую книжку, а не человека. Но я обожала тебя. Глупенькая.

Нора встала и поставила ногу на грудь Талела.

- Целуй. - Она позволила ее грязной, покрытой лошадиным дерьмом туфле нависнуть над его лицом. Талел поднял голову и покорно поцеловал носок. - Хороший мальчик, - сказала она, и переместила ногу на его горло. Все что ей надо было сделать это перенести весь свой вес на ногу и следующий вдох Талела будет последним. - А теперь... Сколько ты должен?

- Тридцать миллионов долларов.

Слова были едва различимы.

- Это пустяки для тебя.

Талел покачал головой. Нора на миллиметр подняла ногу.

- Мой отец узнал... обо мне.

Нора подавила острый приступ жалости, угрожавший ее решительности.

- Он лишил тебя наследства?

- Я не знаю. По крайней мере, сейчас, я без средств. Ферма, банки, кредиторы... тридцать миллионов – это сумма, которую никто не простит.

- И Ни За Что Отшлепанный был застрахован на сорок. Удобно. Чудо, что еще и сдача осталась. Ты спасен.

В ее глазах бушевала смесь ярости и жалости.

- Не совсем. Следователи могут узнать, что это был не несчастный случай. Мы были осторожны, но...

Голос Талела затих, и в воздухе между ними завис скрытый подтекст фразы. Нора вытащила красный зажим из кармана и показала ему.

- Не настолько осторожны.

Он ничего не ответил, только смотрел на улику, которая могла удержать его от чуда.

- Твои кредиторы, о которых мы говорим - банки? Или толстосумы?

- И те, и другие.

- Черт. - Челюсть Норы напряглась. Толстосумы... значит банда. - Лошадиная мафия, да?

- Как вы знаете Госпожа, везде где есть деньги, там Мафия.

Она кивнула. Талел был не просто ее любовником, он был ее другом. И она рассказала ему о связях ее отца с мафией, о том, как росла в мастерской, где разбирают ворованные машины, об угонах, из-за которых она попала на исправительные работы под руководством ее священника. Она лучше других знала о власти, деньгах и богатстве мафии. И если Талел попадет в их черный список и задержится там... останется лишь вопрос времени, прежде чем Преисподняя потеряет еще одного мужчину - сабмиссива.

- Твои друзья... Райли, - начал Талел и Нора снова прижала ступню к его горлу.

- Осторожнее... - предупредила она. - Ты себе даже не представляешь, как мне дорог Уес Райли.

- Ты здесь, а не со священником. Думаю, представляю.

- Что насчет Райли?

- У них больше влияния, чем у любого следователя.

- Уес сказал, что его дядя губернатор Кентукки.

- А его дед уважаемый джентльмен в Джорджии.

Нора закатила глаза.

- Дедушка сенатор? Прекрасно. Уесли упустил эту часть.

- Он скромный молодой человек. И добрый. Слишком скромный и слишком добрый для этого грязного бизнеса. Слишком добрый для нас.

- Хочешь сказать, слишком добрый для меня. Скажи мне то, чего я не знаю.

Талел молча лежал на полу. Она хотела врезать ему по лицу и положить этому конец, но она сдержала свой гнев. Сорен научил ее нескольким урокам садизма, но благодаря ему она еще лучше усвоила уроки милосердия.

- Что тебе нужно от меня? - спросила она, опуская привычную вежливость. Уесли был ранней пташкой, и она предпочла бы не объяснять, куда исчезла ранним утром.

- Могли бы вы убедить Райли-старшего, сделать телефонный звонок от моего имени? Один звонок, который положит конец следствию.

- Я постараюсь. Не могу обещать, что он это сделает. Я не его любимица, но, по крайней мере, больше не самый нежеланный гость.

- Я уверен, он склонится перед вашей волей. Мы все так поступаем.

- Я сказала, что попробую. Но ты убил лошадь, Талел. Ради денег. Это убийство... мошенничество со страховкой...

- Я с легкостью заплатил страховой компании сорок миллионов. Это мои собственные деньги, которые вернутся ко мне. И едва ли справедливо называть убийством смерть одного животного женщине, у которой кожи в гардеробе больше, чем во всем моем стаде.

Нора ничего не ответила, когда неприятная правда слов Талела проникла в нее. Когда дело касалось морали, она не считала нужным быть всегда правой. Она предоставила эту вершину Сорену и его необычной трактовке добра и зла. Сейчас она хотела, чтобы Сорен был рядом, чтобы он подсказал ей, что делать дальше. Даже во время их расставания, она обращается к нему за советом напутствиями и рекомендациями, пока она бегала от его любви, силы власти и контроля.

- Нора, - сказал Талел, его голос был тихим и полон отчаяния, - они убьют меня.

Нора закрыла глаза. Он прав. Когда мафия добралась до ее отца, они разорвали его таким количеством пуль, что кремация была единственным способом похоронить тело. Один человек... одна лошадь.

- Я поговорю с мистером Райли, - сказала Нора, прекрасно понимая, что мистер Райли ответит на ее просьбу. Она знала, что скажет и знала, что ей надо сделать. И она знала, что Уесли будет опустошен. Только прошлой ночью он спросил останется ли она с ним или уйдет. Если она сделает это ради Талела, у нее не будет другого выбора, кроме как уйти.

- Спасибо, Госпожа. Спасибо...

Нора убрала ногу с шеи Талела. Он поднялся на колени и склонился у ее ног. Уставившись на ее носки, он усыпал поцелуями ее стопы до лодыжек, ее икры и бедра. Вздохнув, Нора позволила ему поклоняться ей в его самой любимой манере. Она скучала по этому, скучала по поклонению ее ногам, скучала по мужчине у ее ног. Но она не могла отрицать простую истину – неважно, как сильно она скучала по Преисподней, по Уесли она будет скучать сильнее.

- Но тебе придется заплатить за разговор с мистером Райли.

- Я заплачу. Все что угодно.

Талел смотрел на нее снизу-вверх. Нора пыталась не позволить его изысканно блестящей плоти и его эротическому послушанию воздействовать на нее. Дома в постели ее ждал Уесли. Ей не нужен Талел под ней. Она его хотела... возможно. Но он ей не нужен.

- Цена такова. - Нора подошла к окну, оставив Талела стоять на коленях. - Ты продашь всех лошадей, что у тебя остались. Ты можешь оставить деньги себе, но ты выйдешь из скакового бизнеса. Навсегда. И ты исключен из Преисподней. Если бы я была на твоём месте, я бы и носа не показывала в Нью-Йорке.

Талел уставился на нее, разинув рот.

- Это решено, Талел. Не утруждай себя мольбами. Это дерьмо больше со мной не работает.

Он закрыл рот и заметно сглотнул. Поднявшись на ноги, он склонил голову.

- Да... Нора.

- Хорошо. Ты знаешь, как сильно любит Кингсли своих собак. Тебе повезет, если ты выберешься с Манхеттена в собственной шкуре. - Она думала, блеф работает. Кингсли начхать на мертвую лошадь в Кентукки. - Ты должен продать ферму и уехать из штата. Ты не заслуживаешь находиться в том же округе, что и мой Уесли. Он скорее отрежет себе руку, чем причинит кому-нибудь боль на этой земле, ради любви или ради денег.

- Тогда что он делает с тобой?

Только выправка Домины удержала Нору от дрожи в ответ на слова Талела. Но Талел был не первым мужчиной, кто ранил ее до глубины души. Таким был Сорен. Если бы Сорен сказал нечто подобное, она бы ответила со слезами ярости на глазах. Но Талел не достоин такой реакции. Поэтому она натянуто улыбнулась.

- Каждый день я задаю себе тот же вопрос, Талел. И я решила не отвечать на него.

Нора вернулась к нему и остановилась перед мужчиной, стоящим на коленях. За этот комментарий, на то что ей пришлось врать Уесли, и самое главное - за убийство Ни За Что Отшлепанного у нее была особая церемония прощания с ним.

- Кингсли бы прав. Я должна была смотреть на тебя, как на чековую книжку.

Хорошо нацеленным ударом, она с неистовой силой хлестнула Талела по яичкам стеклом. После чего тот свалился на пол, корчась от боли. Он будет лежать здесь следующий час или даже два.

Хорошо.

Весь обратный путь, совесть Нору изъедала ее изнутри, странное чувство, до этого момента она была уверена, что у нее нет совести. "Что еще она могла сделать?" - спрашивала она себя снова и снова. Вернуться к Талелу? Его оштрафуют за убийство лошади и возможно исключат из скачек Чистокровных. Делом о мошенничестве никто не станет заниматься. И благодаря доказательствам, что Ни за что Отшлепанного подвергли удару током, страховые выплаты будут полностью аннулированы.

Удар по запястью... не больше. То, что она сделала с ним было более суровым наказанием, чем любая скаковая комиссия могла наложить на него. Кингсли Эдж был богаче. Исключение из Преисподней означало что ни одно уважаемое заведение, связанное с извращениями, никогда не впустит его на свой порог. Для такого человека как Талел, который не мог быть собой в своем мире, отстранение от нее было сродни смертному приговору, по крайней мере, в духовном плане. Она ощущала нечто подобное на протяжении года, скрываясь от Сорена. Для таких как она и Талел, их сексуальность была почти шестым чувством. Быть выставленным из их темного рая, казалось сродни потере зрения или слуха. Без Сорена, без Преисподней, Нора чувствовала себя слепой целый год. Ее глаза не работали. Она была не в состоянии плакать, несмотря на глубокую скорбь.

Нора вернулась на ферму Райли. Вместо того чтобы поехать прямо к гостевому дому, она направилась к главному дому, вежливо постучала в дверь и стала ждать. Отец Уесли лично открыл дверь.

- Странно, - сказала Нора, как только увидела его.

- Доброе утро и вам, юная леди, - смущенно сказал мистер Райли, но не со своей обычной враждебностью.

- Простите. Просто подумала, что у вас есть экономка или секретарь, или кто-то вроде того, кто открывает дверь.

- Нет нужды. Я сам давным-давно научился открывать дверь. И все еще не забыл, как это делается.

Нора рассмеялась.

- Думаю, это как езда на велосипеде. Хотя сама так и не научилась ездить.

- Вы не умеете кататься на велосипеде?

- Мотоциклы считаются?

- Нет, не считаются.

Нора вздохнула.

- Черт. Могу я поговорить с вами минутку?

Мистер Райли уставился на нее на какое-то мгновение, затем сделал шаг назад и пригласил войти в дом.

- Ох, как красиво. Милая люстра.

- Спасибо. Она из Версаля, - ответил он, и Нора последовала за ним наверх.

- Я думала, произносится Вер-сайль?

Он посмотрел на нее через плечо и изогнул бровь.

- Ой, - вздрогнула Нора. - Настоящий Версаль.

- Именно. А теперь, чем могу помочь? - спросил мистер Райли, когда они вошли в, предположительно, его личный кабинет. Он указал ей на кресло и сел за свой стол.

- Милый дом, - сказала она, явно преуменьшая.

- Мы стараемся поддерживать его в хорошем состоянии.

- Вы молодцы. - Нора осмотрела офис и заметила фотографии лошадей, с венками из роз. На многих фотографиях был Уесли. На четырехфутовой стене был запечатлен он в возрасте от восьми до восемнадцати. Он стал выше, шире, но на каждой фотографии его глаза оставались неизменными – полны нежности и невинности.

- Я хочу попросить вас об одолжении, это немного самонадеянно для меня, - начала она без всяких предисловий. - Но я пообещала, что сделаю это. И сдерживать обещания, для меня, невероятно неудобно. Я обхожусь с ними как с пластырями - позволяю их срывать.

- Хорошая философия, полагаю. - Он откинулся на спинку кресла и внимательно посмотрел на ее. - Продолжайте.

- Талел убил свою лошадь. Он признался мне. Это был не несчастный случай. Он выйдет из скачек и продаст всех своих лошадей. Проблемы с комиссией по скачкам не сулят ему ничего хорошего и вызовут лишь еще больше проблем, которые никому не нужны. Не будете ли вы так добры сделать телефонный звонок или два, чтобы прекратить расследование?

- Зачем нам прекращать расследование? И зачем это нужно вам?

- Талел старинный, дражайший мой друг. И у него проблемы. Серьезные, опасные проблемы, из-за которых его могут убить. И эти проблемы решатся, если мы все притворимся что Ни За Что Отшелепанный умер от несчастного случая и никак иначе. Лошади очень легко умирают, так?

- Бывает. Они хрупкие животные.

- Я это заметила.

- Сыновья такие же хрупкие.

- И это я заметила тоже.

Нора замолчала. У нее было предчувствие, что еще одно неправильное слово сработает против нее. Вместо того чтобы продолжать, она просто приготовилась к неизбежному.

- Вы мне не нравитесь, мисс Сатерлин, - сказал мистер Райли, убийственно посмотрев на нее. Нора продолжала молчать, не уточняя и не восхваляя его вкус в женщинах. - Но я не ненавижу вас.

- Я ценю это, сэр, - ответила она, и снова закрыла рот.

- Прошлой ночью вы сделали то, что я никогда не видел прежде. Чтобы поставить Скаковую Красотку на ноги требуются стальные нервы и железная воля. Я уже зарегистрировал имя Бастинадо. И я ни слова не сказал жене о том, как мы были близки к тому, чтобы потерять ее четвероногого малыша.

- Я рада, что все хорошо закончилось. - Нора стиснула зубы. Но это умалчивание или все, что она хотела сказать было более болезненным, чем порка флоггером. Такой и будет жизнь на ферме? Сдерживать себя? Не отвечать? Не создавать бури и не вызывать проблем? Пожалуй, действительно к лучшему, что Мистер Райли продаст свою услугу в обмен на обещание бросить Уесли раз и навсегда.

- Я тоже, юная леди.

Мистер Райли больше ничего не сказал, и Нора ждала, прикусив язык. Он улыбнулся, вздохнул и покачал головой.

- Великие вещи, все, как одна: Женщины, Лошади, Власть и Война.

Нора уставилась на него.

- Это Редьярд Киплинг, - объяснил мистер Райли. - Одна из моих любимых цитат. Женщины и лошади, власть и война - история моей жизни.

Нора улыбнулась.

- Моя сейчас такая же. По всей видимости.

- Вам нужно что-то еще? - спросил мистер Райли, нервно постукивая по столу.

- Нет... это все. Просто...

- Возвращайтесь в постель. Похоже, вы можете еще пару часов вздремнуть. Я позвоню. Но вашему другу лучше больше не показывать своего носа на скачках.

- Он не станет.

- Хорошо. А теперь идите. Мне нужно работать.

Нора открыла рот и так же быстро захлопнула его.

- Спасибо, мистер Райли.

Она присела в реверансе по единственной причине, которую могла объяснить - казалось, этого требовал момент. Мистер Райли рассмеялся и прогнал ее из кабинета.

На нижней ступеньке, Нора заглянула в гостиную. Мама Уесли сидела за маленьким столом с авторучкой и подписывала белые с красной отделкой открытки. Пока миссис Райли была поглощена письмом, Нора воспользовалась моментом посмотреть на нее.

Прекрасная леди, с глазами такими же большими и карими, как у ее сына.

Она подняла голову и улыбнулась Норе.

- Я не хотела мешать, - извинилась Нора, прежде чем миссис Райли успела что-то сказать.

- Вы можете в любое время прервать подписание благодарственных открыток.

Нора присвистнула, глядя на стопку открыток перед миссис Райли. Казалось, она уже подписала сотню и еще сотня осталась.

- Подписание такого количества благодарственных открыток - мое определение ада.

- Мое тоже, - призналась миссис Райли, закрывая ручку. - Но у нас двести человек, которые пожертвовали запредельные суммы Фонду Райли. Нужно их поблагодарить.

- Я бы посоветовала им попридержать деньги.

Миссис Райли кивнула.

- Я хотела это сделать раз или даже два. Присаживайтесь, если желаете.

- Я не стану задерживаться и раздражать вас. Это первый раз, когда ваш муж пустил меня в этот дом.

Улыбка миссис Райли стала шире.

- Мой муж упрям, как осел. Он хороший человек. Только... сложный.

- Я неплохо разбираюсь в хороших, упрямых и сложных мужчинах.

- Никогда не думала, что мой сын сложный. Он был, и до сих пор такой, самым милым ребенком, которого только можно пожелать. Он такой в меня, - сказала она, подмигнув.

- Я это вижу. Его нежность и делает его сложным.

Вздыхнув, миссис Райли откинулась на спинку стула и внимательно посмотрела на Нору.

- Вы не планируете оставаться в этих краях, не так ли?

Нора пожала плечами.

- Не планирую.

- По вам видно. Вы похожи на женщину, которая никогда полностью не распаковывает свой чемодан.

Нора открыла было рот, чтобы возразить, но закрыла его. Она печально рассмеялась, соглашаясь с матерью Уесли.

- Однажды кое-кто назвал меня пираткой, - сказала она, по какой-то причине не желая упоминать Сорена в присутствии матери Уесли. - Прирожденный мародер, созданный для открытого моря.

- Даже пиратам нужна тихая гавань.

- Но безопасно ли в этой гавани, когда корабль пиратов становится на якорь?

Нора бы улыбнулась, задавая этот вопрос, но внезапно в горле образовался ком.

Взгляд, которым посмотрела на Нору миссис Райли впечатлил бы даже Сорена.

- Я не хочу снова видеть, как моему мальчику больно.

- Тогда мы поняли друг друга.

- Он любит вас.

- И я люблю его.

- Но?

- Нужно больше, чем желание уехать вместе в закат.

- Правда. Нужно еще и рейтузы взять.

Нора посмотрела в окно. На восточной лужайке она увидела десятки лошадей, пасущихся в зеленом море.

- Я думала, Уес был мозговитым парнем.

- И это он получил от меня.

Нора кивнула.

- У вас хорошие гены. Не буду отвлекать от ваших благодарственных открыток, оно же тюремное заключение. И вернусь к...

- Моему сыну? - спросила миссис Райли с огоньком в глазах.

- Именно, - Нора снова улыбнулась. Пиратка внутри нее удержала язык за зубами, и она направилась к двери. - Он как черт похотливый по утрам. Обязательно заметит мое отсутствие.

Миссис Райли глазом не повела. Она снова открыла ручку и взяла еще одну открытку.

- А это у него от отца.

Всю дорогу до гостевого дома, Нора пыталась понять, что произошло. Мистер Райли согласился помочь Талелу по ее просьбе... и ничего не попросил взамен. Она была готова поспорить своей собственной жизнью, что он бы потребовал, чтобы она ушла в обмен на его помощь. Но он этого не сделал. И не угрожал ей. Он согласился и отправил ее восвояси.

Она почти рассчитывала, что мистер Райли обменяет ее уход на спасение Талела. И теперь, когда он не сделал этого...

Нора начала раздеваться, как только зашла в гостевой дом. Она нашла полусонного Уесли в кровати. Посмотрев на часы, Нора не могла поверить, что было почти 8:00 утра.

- Где ты была? - спросил он, и она забралась к нему под бок. Он притянул ее ближе, и она растаяла в его руках, прижимаясь спиной к его груди.

- Бегала по делам. Засыпай. Я тоже хочу спать.

- Хорошая идея, - сказал он, прижимаясь к ней бедрами. Нора тихо рассмеялась.

Малой только неделю занимается сексом и уже превратился в типичного похотливого по утрам парня. И она любила его за это.

И любила за все остальное.

И ей не нужно было оставлять его.

А поскольку ей не нужно было оставлять его, значит ей нужно ответить на вопрос Уесли.

Останется ли она с Уесли? Или же уйдет от него... снова?

Глава 34

Север

Прошрое

Страх, который на тот момент казался иррациональным, страх, который едва ли не сдерживал Кингсли от того, чтобы войти в часовню, доказывал собой, что был выше всякой веры. Месяц спустя после того дня, как Мари-Лаура приехала в школу Святого Игнатия и впервые увидела Сорена, они рука об руку с Кингсли вернулись в часовню. Полночь двадцать первого... дата, выбранная Мари-Лаурой. «Его день рождения», - сказала она улыбаясь. И самая длинная ночь в году, добавил Кингсли, смотря на свою сестру, пока она не покраснела. Покраснела... его сестра, в постели у которой побывало половина Парижа, на самом деле, покраснела.

- Ты мог бы придумать лучший день для свадьбы? - наконец спросила она, и живот Кингсли стянуло.

Сейчас он ждал в притворе часовни. Глянув на часы, он оплакивал последнюю минуту до полуночи.

Она выглядела прекрасно, этого отрицать он не мог. Красивее, чем когда-либо видел. Метель заперла всю школу в ловушку в долине. Не было ни единого шанса купить свадебного платья. Вместо него, она надела одно из своих собственных и старые кружева с алтарной одежды, вшитые вручную в качестве шлейфа и фаты. На ней не было макияжа, поскольку косметика закончилась неделю назад, и ей не удалось поехать и купить новую. Ее чистое лицо никогда не светилось так ярко, никогда она не выглядела настолько невинной. Невинной... почти девственной. Ее руки переплелись. Нервы? Его сестра, которая практически ничего не носила, танцую на сцене перед десятками тысяч зрителей на протяжении двух лет в Парижской балетной труппе? Нервничала?

Кингсли взял ее за руку и держал. Ее пальцы ощущались ледяными.

- Ты боишься? - спросил он, пытаясь симулировать поддержку, любовь, хотя под его спокойной внешностью таилась ярость.

- Oui... очень.

Она вдохнула и выдохнула. Белое облачко окружило ее лицо, словно ореол. В часовне практически невозможно было сохранить тепло зимой, но она настояла, чтобы они поженились в церкви. Кингсли молил о короткой церемонии, иначе до рассвета, все они умрут от переохлаждения.

- Тогда почему ты выходишь за него? - спросил он с более искренним волнением в голосе, чем намеревался. Но Мари-Лаура, потерянная в своих мыслях и страхах, не заметила этого.

- Я никогда не встречала никого похожего на него. Я никогда... я люблю его. - Она повернулась к Кингсли и яркость ее улыбки принесла свет и тепло в холодную, освещенную свечами часовню.

- Ты знакома с ним один месяц.

- Это не важно. Я полюбила его с того момента как увидела. И я сказала ему об этом.

- Он тоже сказал, что любит тебя? - спросил Кингсли, боясь ответа. Сорен никогда не говорил ему этих слов, хотя они слетали с уст Кингсли каждый раз, когда Сорен входил в него. Он говорил Сорену «я люблю тебя» почти так же часто, как и «я ненавижу тебя». Не важно, что именно он говорил «люблю» или «ненавижу» когда для Кингси они значили одно и то же. Они говорили «я твой несмотря ни на что». Но он знал, что Сорен любил его. Ему не нужны были слова, только синяки и шрамы и воспоминания о соединении их тел в самые глубокие ночные часы, когда даже Бог сдавался и отправлялся спать. И Мари-Лаура... на свои деньги Сорен привез Мари-Лауру к Кингсли. Это была любовь. И впервые, Кингсли хотел, чтобы Сорен любил его меньше.

Она покачала головой.

- Non. Не такими словами. Но он сказал нечто лучше, чем «я люблю тебя». Он сказал «мы можем пожениться». Он ни на секунду не замешкался. Словно ждал, когда я скажу, что люблю его, и тогда бы он смог спросить.

- Что ты имеешь в виду...

- Шшш... - Мари-Лаура прижала палец к губам. У алтаря появился огонек, была зажжена одинокая свеча. - Пора.

Она протянула руку, Кингсли взял ее. И в полной тишине, кроме кратких вздохов Мари-Лауры, Кингсли проводил сестру туда, где их ждали Сорен с Отцом Генри. Отец Генри, как и обычно, улыбался. Как и Мари-Лаура. Но Сорен с Кингсли не улыбнулись, когда посмотрели друг на друга. Кингсли искал в глазах Сорена какое-то извинение, намек на объяснение, предложение или план, который бы объяснил это безумие. Но он ничего не видел в глазах Сорена... совершенно ничего. Улыбка Мари-Лауры стала еще шире, когда Отец Генри начал говорить. Кингсли слышал его голос, но его разум не мог понять ни единого слова. Снова повисла тишина, и Кингсли понял, что он только что задал вопрос.

- Я выдаю, - ответил он, вспоминая, что у него была одна реплика во всем этом фарсе - Отец Генри спросил кто выдает эту девушку замуж за этого мужчину. «Я выдаю» - два слова. Все что Кингсли надо было сказать. Видеть, как прах тел его родителей хоронили в серебряных урнах было менее болезненным, чем эти два слова. Он знал, что должен быть рядом с Мари-Лаурой, так как она была единственной женщиной в школе Святого Игнатия, ей больше некого было просить выступить в качестве сопровождающего. Но Кингсли не мог этого сделать, не мог стоять со своей собственной сестрой. Он перешел на сторону Сорена. Мари-Лаура даже не заметила его перемещение.

Служба продолжалась. Не будет никакого исповедания. Мари-Лауру только прошлым вечером крестили. Для Сорена она была новообращенной и стала католичкой, чтобы их союз был благословлен Церковью. Что бы сказал отец Кингсли если бы был жив, увидев это? Мсье Огюст Буасоньё, гордый потомок гугенотов, он бы скончался в часовне от одного вида, как его дочь становится католичкой и выходит за католика. Теперь Кингсли посчитал смерть отца благословением. Лучше быть мертвым, чем переживать это. Он тоже желал о смерти. Если бы только у него с Сореном была последняя ночь вместе... Кингсли умолял бы Сорена убить его. И он знал, что в его любви и власть и милосердие, Сорен бы удовлетворил эту просьбу.

Кингсли вернулся в тот момент, когда отец Генри с улыбкой обратился к Сорену и Мари-Лауре.

- Пусть Господь Всемогущий, с этими словами благословения, объединит ваши сердца в нескончаемую связь чистой любви.

Собравшиеся студенты и священники, единственные гости пропели в унисон торжественное, - Аминь.

Аминь... да будет так.

Только Кингсли и Сорен не произнесли аминь.

Отец Генри кивнул Сорену, который взял Мари-Лауру под руку. И вместе они покинули часовню. Впервые за этот адский день, Кингсли ощутил милосердное прикосновение Бога. По какой-то причине - уместной или по требованию жениха – между новобрачными не было никакого поцелуя.

Кингсли шел свинцовой поступью позади отца Генри к притвору. Сорен и Мари-Лаура ждали в тени у двери. Сорен снял пиджак и отдал его Мари-Лауре. Будто он отдал ключи от своего королевства, она не могла перестать улыбаться от еще большей любви и благодарности. Кингсли тошнило от одного её вида.

- Отец Генри, не отведете ли вы ее в нашу комнату? - спросил Сорен, Кингсли ждал у гробницы Девы Марии.

Шок промелькнул в широко распахнутых янтарных глазах Мари-Лауры. Сорен успокоил ее страхи улыбкой.

- Я скоро приду, - пообещал он. Ее улыбка вернулась, отец Генри накинул на нее еще одну накидку и вывел девушку на холод.

Почти минуту Сорен и Кингсли стояли, не говоря ни слова, пока студенты и остальные священники выходили из часовни на улицу. Ни один из них не высказал поздравлений Сорену. Ни один даже не взглянул в их сторону. Зависть... всеми ими руководила зависть. Одна идеальная девушка появилась среди них и все ее обожали. Но все же она выбрала того, кого все они боялись. Последним вышел Кристиан, друг Кингсли, он повернулся и посмотрел на него.

- С тобой все в порядке? - губами произнес Кристиан, не удостоив Сорена взглядом.

Кингсли кивнул. Кивок был ложью.

- Нет. - Наконец заговорил Сорен, как только они остались наедине в часовне. – Нет. Не в порядке.

- Я сделал это для нас Кингсли, - сказал Сорен.

- Хотел бы, чтобы ты не делал этого.

- Это поможет нам.

Кингсли выдохнул, и вышедший воздух стал плотным на холоде. Он выглядел так, будто дышал огнем.

- Она не наша. Помнишь нашу мечту? Девушка безумнее, чем мы оба взятые. Зеленые волосы и черные глаза.

- Черные волосы и зеленые глаза, - исправил Сорен. - Неукротимая.

- Но не приручаемая. - Кингсли вспомнил каждое слово из их мечты. - Мы собирались разделить ее.

- Потому что одного мужчины ей никогда не будет достаточно.

- Несвятая Троица.

Как только последний студент покинул часовню, Кингсли взял Сорена за руку.

- Ты знаешь, что я из богатой семьи. И как ни старался, мой отец не смог зачать еще одного сына. В возрасте двадцати одного года я получу доступ к своему трастовому фонду. Но если я женюсь, я унаследую его немедленно.

- Ты женился на моей сестре, чтобы получить свои деньги?

- Нет. - Сорен повернулся и посмотрел Кингсли в глаза. - Я женился на ней, чтобы они были у нас. У меня и у тебя. И у нее, конечно же. Я знаю, как сильно ты ее любишь, как сильно ты скучал по ней. Теперь мы все можем быть вместе.

- Она думает, что ты любишь ее.

- Она поймет. Если она наполовину умная и понимающая как ты, она увидит разумность в этом соглашении.

Глаза Кингсли округлились. Понимающая и умная? Эти слова произнес Сорен? Сколько раз Сорен удерживал его и с презрением шептал, каким никчемным был Кингсли, каким бесполезным? Сорен по-настоящему в это верил?

- Она моя сестра.

- Знаю. И я знаю, как ты заботишься о ней. У меня нет намерений... - Сорен замолчал, и слова, которые он не произнес, сказали все, что нужно было услышать Кингсли.

- Ты не будешь?

- Я не могу... Ты знаешь это лучше, чем кто-либо другой. - Впервые за несколько дней на его губах появилась едва заметная улыбка.

- Ты можешь... - он мог, если причинит боль Мари-Лауре. Если будет обращаться с ней, как и с Кингсли с насилием и пренебрежением, избивая ее и унижая, подвергая каждому виду сексуальной деградации, тогда они бы могли стать любовниками. Но только потом.

- Я не буду. Она меня не интересует в таком плане. Только ты.

Надежда наполнила сердце Кингсли.

- Только я? Почему?

Легкая улыбка Сорена расплзлась по всему его лицу. Кингсли едва мог дышать от этого зрелища. Даже Мари-Лаура, пылающая от любви и свадебного сияния, не выглядела так прекрасно как эта улыбка.

Сорен ласково прижался ладонью к левой щеке Кингсли, и он закрыл глаза, наслаждаясь единением кожи Сорена и своей. Сколько еще пройдет времени, прежде чем он снова ее почувствует?

- Ты еще спрашиваешь? - прошептал Сорен.

- Да.

Сорен больше не говорил, но Кингсли ощутил прикосновение его губ к своим. И тогда он понял истину. Сорен не женился бы на Мари-Лауре если бы любил ее. Сорен женился на Мари-Лауре потому, что любил *его*.

Кингсли ощутил нежелание Сорена, когда тот отстранился. Подобный поцелуй всегда был предшественником бурной ночи. Страстный Кингсли не знал страсть, пока не приехал в католическую школу и не узнал о страстях Христовых. Страсть до Сорена едва ли ассоциировалась с похотью, сексуальным голодом и удовольствием. Теперь она вышла на новый уровень, обрела истинное значение. Теперь страсть была тем, что он испытывал к Сорену. И страсть была тем, что Сорен делал с ним.

- Я должен идти, - сказал Сорен и Кингсли открыл глаза.

- Я понимаю.

- Я знал это. Она тоже поймет... так или иначе.

- Ты расскажешь ей о себе? - спросил Кингсли.

- Она твоя сестра. Ты сам как думаешь? Сказать ей? Или нет?

Мари-Лаура будет раздавлена, узнав за какого человека она вышла замуж, но еще больше будет раздавлена, если он не прикоснется к ней не объяснив почему.

Перед Кингсли стоял выбор. И он знал правильный ответ.

- Не говори ей, - сказал он. - Не сейчас.

- Если ты считаешь, что так будет лучше.

- Считаю, - соврал он, не смотря в глаза Сорену.

Он поднял взгляд и увидел, что Сорен смотрит на дверь часовни, глядя на нее будто на врага, который должен быть побежден.

- Ты не хочешь идти к ней.

- Нет, - ответил Сорен. - Я хочу остаться с тобой.

- Тогда останься со мной. Останься навсегда.

Сорен снова прижался к его губам и поцеловал его глубоким, медленным поцелуем, поцелуем чистого господства. Он завершил поцелуй и выпрямился во весь рост. Кингсли никогда не видел его более привлекательным и более несчастным.

- Вот почему я женился на ней, Кингсли. Чтобы я смог это сделать.

Поцелуй все еще обжигал губы Кингсли, момент все еще висел в воздухе, словно финальная нота фортепианной сонаты.

Сорен отвернулся и сделал один шаг, но остановился, развернулся и резко прижал Кингсли к стене часовни. Первый поцелуй был своего рода извинением от Сорена, второй - объяснение. Но этот поцелуй, третий и последний, был нападением. Кингсли позволил Сорену прикусить его губы, вонзить пальцы в его горло...

- Пощады... - прошептал Кингсли под зубами Сорена. Сорен немедля остановился.

- Просишь пощады? Или благодаришь? - спросил он. (Прим. merci (фр. «спасибо»), merci (англ. «пощады!»))

Кингсли поднял руку и вытер кровь с губ.

- Разве это имеет значение?

Сорен покачал головой.

- Нет.

Сорен оторвался от Кингсли и ушел в самую длинную ночь в году. Конечно, так или иначе Мари-Лаура поймет, даже если Сорен не расскажет о себе. Так было лучше для всех. Деньги означали свободу - свободу делать все, что они пожелают. Для Кингсли и Сорена они значили, что молодые люди могли быть вместе, не боясь, что подумают другие. Для Мари-Лауры... Кингсли не знал, что они будут значить для Мари-Лауры, но определенно что-то между тонким, как любовь и материальным, как деньги, она могла выбрать позже.

Да... конечно она поймет...

Bien sûr.

Но она не поняла.

Кингсли стоял с Мари-Лаурой в крошечной кухне в гостевых покоях, которые они заняли с Сореном. Святые отцы Святого Игнатия пообещали, что она может остаться до конца учебного года, пока Сорен будет заканчивать первый год обучения. Насколько студенты боялись Сорена, настолько священники любили его. Кингсли знал, что отец Генри сделает что угодно, чтобы удержать Сорена в школе Святого Игнатия, даже усыновит его, если потребует. И Мари-Лаура нашла себе применение. Она пыталась мальчишек французским, помогала отцу Альдо готовить на всех. Девушка каждый день работала в библиотеке, расставляя книги и подбадривая мальчиков продолжать работать, продолжать учиться, продолжать читать. Вскоре она стала идеальной женой учителя. И все же...

- Я не понимаю. Я думала, он любит меня, - сказала Мари-Лаура Кингсли, пока осторожно расставляла кружки в шкафчик.

Кингсли услышал в ее голосе страдание, печаль.

- Что такое? Вы поругались?

Он старался выразить в голосе любопытство и легкость. Он ненавидел себя за то, что испытывал легкость от ее боли. Но мысли о том, как Мари-Лаура спит в одной постели с Сореном каждую ночь вызывали у Кингсли приступы ревности. Это он должен быть в постели с Сореном, а не она. Он жаждал их ночей в эрмитаже, засыпать и просыпаться рядом с телом Сорена.

- Non, мы не поругались. Я ругаюсь. Он слушает. Я могла бы просто выцарапать ему глаза, а он будет просто сидеть и слушать. - Она покачала головой, и слезы начали катиться по ее щекам. Кингсли встал и положил руку ей на плечо. Он ничего не говорил, только ждал. - Кингсли, он не прикасается ко мне. Никогда. Ни разу. Ни в нашу брачную ночь, ни до, ни после. Никогда.

Кингсли мог заплакать от облегчения. Он боялся, что Сорен, как и любой другой мужчина, повстречавший Мари-Лауру, поддастся ее красоте.

- Он сложный. - Совесть грызла Кингсли. - Попроси его объяснить, почему он не хочет быть с тобой... может, тогда ты поймешь.

- Я не хочу понимать. - Она поставила кружку с таким грохотом, что та разбилась о столешницу. - Я хочу, чтобы мой муж прикасался ко мне.

Мари-Лаура сползла на пол, и ее хрупкое тело содрогнулось от волны постигшей ее печали. Кингсли опустился на колени рядом с ней и крепко обнял сестру.

- Прости...

Он не знал, что еще сказать. Что еще он мог сказать? Как сильно он любил Сорена, он все же не мог видеть, как несчастна его сестра. Они должны рассказать ей... или как-то показать.

- В чем дело? - прошептала Мари-Лаура. - Что со мной не так?

- Ничего. Абсолютно ничего. - Кингсли поднял ее заплаканное лицо и улыбнулся ей. - С тобой все в порядке. Это он. Обещаю, это он.

- Есть... - она сделала паузу, чтобы подавить рыдание. - Есть кто-то еще?

Кингсли слегка напрягся. Что ему ответить на это? Он должен рассказать ей о Сорене. Но он не мог. Сорен сказал, что объяснит ей, когда настанет момент. Как сильно Кингсли любил свою сестру, так же он был предан Сорену с той ночи в лесу.

- Кингсли... - Мари-Лаура прижалась ладонями к его лицу и смотрела на него с еще большей темнотой и решимостью, чем его младшая сестра, по его представлениям, была способна. Каким-то образом она ощутила, как его трясет от страха, страха, что он расскажет без разрешения Сорена. - Он твой друг. Расскажи мне, что ты знаешь. Есть кто-то еще?

- Может быть.

Она выбралась из его объятий и встала.

- Мари-Лаура... в чем дело? Что...

Ее спина стала натянутой как струна. Лицо стало жестким как гранит, наполнявший окружающие их холмы. Ее глаза сверкали. «Может быть...» Эти слова разожгли огонь в глазах Мари-Лауры. Они горели так ярко, что Кингсли опасался за свою безопасность. Такая ярость могла испепелить весь мир и оставить лишь прах за собой.

- Если это правда... если есть кто-то еще... тогда, если я должна, я обойду весь мир...

Она перестала дышать. Слезы прекратились. Она посмотрела на Кингсли, но смотрела не на него, а сквозь него.

- Мари-Лаура?

Кингсли едва узнавал ее.

- И я убью эту суку.

Глава 35

Север

Настоящее

Сорок пять минут езды отделяло особняк Нора от приходского дома Сорена. Кингсли еще раз проклял безумие, которое удерживало самых важных людей в его жизни так далеко от города, где он хотел их. Священник, заслуживший такую репутацию, с образованием и эрудицией как у Сорена, должен быть в Нью-Йорке и читать проповеди для образованных масс, или преподавать в иезуитском университете, не растрачивая свои таланты на одомашненный маленький городишко с всего-навсего самыми консервативными грешниками, под его опекой, которые совершали грехи настолько банальные, что не стоило даже заморачиваться об их отпущении. Кингсли временами задавался вопросом, не жили ли Нора и Сорен за пределами Нью-Йорка, потому что в нем жил он.

- Merde.

Кингсли выругался с горечью, когда свадебный кортеж на краю Уэйкфилда остановил его поездку. Лошадь и карета, везущая застенчивую невесту и ее ничем не примечательного жениха, медленно тарыхтела через перекресток, с сотней улыбающихся, смеющихся гостей, которые следовали пешком.

Если бы только у Мари-Лауры и Сорена была такая свадьба, свадьба при свете дня с гостями, которые приветствовали их женитьбу с радостью, а не с горькой ревностью. Если бы только любовь была взаимной, а не односторонней. Если бы только...

Наконец, свадебный кортеж проехал мимо, и Кингсли мчался без остановок всю дорогу до дома священника. Оказавшись там, он едва успел заглушить двигатель, перед тем, как ворваться в дом Сорена без стука. Его тело все еще болело при каждом шаге. Даже будучи подростками Сорен никогда не терзал Кингсли так основательно, как вчера ночью. Кинг хотел верить, что это доказательство любви, но он не был дураком, каким был в подростковом возрасте. Теперь он знал разницу между похотью и любовью. Тогда это было одним и тем же. Кингсли не нашел Сорена в пасторском доме, но он не отчаивался. Он увидел черный винтажный Дукати на стоянке - единственный вид транспорта Сорена. Он не мог уйти далеко. Впервые за многие годы Кингсли вошел в «Пресвятое Сердце», ощущая, как на него давит груз вины, когда он оказался среди свечей и святынь крошечной часовни вечного поклонения. Его чувство вины не было католическим. Оно проникало гораздо глубже, чем религия, глубже, чем вера. Оно проникло так глубоко, как его собственная кровь, кровь, которая бежала в

жилах его сестры, кровь, которую он предал в тот день, когда подстрекал ее молодого мужа целовать его, прекрасно зная, что она увидит их вместе.

Сорена не было в храме. Его не было в часовне. Наконец, Кингсли нашел его в кабинете секретарши. Сорен сидел за ее столом с распечаткой того, что выглядело как газетная статья.

- Mon père... - сказал Кингсли, и Сорен посмотрел на него снизу-вверх.

Он протянул листок бумаги и Кингсли взял его. Он просмотрел на дату *Январь 1980*. Кинг прочитал заголовок: «*Канадская Беглянка, Пропавшая Три Недели Назад, Вероятно, Мертва*». Он смотрел на фотографию пропавшей девушки. У нее были длинные каштановые волосы, гибкая фигура... тело танцовщицы. Если бы они убрали лицо пропавшей, ее можно было спутать с его сестрой... слова Кристиана вернулись к нему. Эта долина, где стоял скит, была подпольным убежищем для беглецов. И вдруг он понял, как это случилось. Мари-Лаура нашла беглянку и увидела свой шанс. Увидела свой шанс и воспользовалась им.

- Это Мари-Лаура, - сказал Кингсли, без предисловий. - Она жива.

Сорен поднялся и посмотрел ему в глаза.

- Я знаю. Твоя сестра жива. А это значит...

Колени Кингсли практически подогнулись от осознания. Это никогда даже не приходило ему в голову, до настоящего момента, когда он стоял в «Пресвятом Сердце» с Сореном перед ним, в его римском воротничке и рясе, с его обетами послушания, бедности и целомудрия, наполняющими воздух, как ладан...

- Твоя жена жива.

Глава 36

Юг

У Уесли был план. Глупый план. Ужасный план. Наихудший план. Но тот был единственным. И он мог только надеяться, что Нора, которая была королевой глупых планов, согласится на него. Все началось с лошади.

- Я не сяду на эту штуковину.

Нора стояла у белого забора, пока Уесли вел свою лошадь мимо нее.

- Ты не должна залезать на эту штуковину. На самом деле эта штуковина, американская верховая, и она моя. Твоя все еще в конюшне.

- Моя штуковина намного ниже твоей?

- Намного ниже и более прирученная.

- Хорошо. Тогда давай начнем это собако-лошадиное шоу. Где собака?

- Нам не нужна собака. В этом шоу участвуют только лошади.

- Это я переживу.

Уесли спешился с Краткого Боба, самого надежного и устойчивого из двух дюжин американских верховых, которых держали его родители на ферме, и привязал его к забору, затем отвел Нору в конюшню. Он оседлал кобылу по имени Кошелек Никити и вручил Норе вожжи.

- Не могу поверить, что ты заставляешь меня сделать это, - сказала Нора, пока они выводили лошадь на солнечный свет.

- Заставляю делать что? Проехать верхом на лошадях?

- Да. После сегодняшнего утра? И прошлой ночи? И вчерашнего вечера?

Уесли озадаченно посмотрел на нее. Нора закатила глаза и остановилась прямо перед ним.

- Молодой человек, вы жестко меня трахнули, - она ткнула его в грудь. - У меня подседельная рана (*прим. натертости от седла*), а я даже еще не была в седле.

Уесли поморщился, сочувствуя ей.

- Ой. Прости. Я не знал... прости.

Широкая улыбка появилась на лице Норы.

- Не прощаю. Давай сделаем это.

Она поставила ногу в стремя и запрыгнула в седло, даже не дрогнув, усаживаясь поудобнее.

- Давай же, Уес. Если у меня ничего не болит после секса, значит, кто-то делал что-то неправильно.

Уесли рассмеялся и запрыгнул в седло, взял вожжи и рысью направил Боба к Норе.

- Что ж, я рад что у тебя только саднит, но ты не испытываешь настоящую боль. Я знаю, это твой стиль, но боюсь, никогда не станет моим.

- Все хорошо, - ответила она, и Уесли вывел их на пастбище на хорошо протоптанную тропу, бегущую через несколько акров леса. - Я не так сильно скучаю по боли, как ты думаешь. Даже было приятно ощущать, что я должна платить за удовольствие днем своей жизни. Не то чтобы я жалуюсь или что-то в этом роде. Извращенный секс - насыщенный, мягко говоря. Но быть с тобой... - она повернулась и улыбнулась ему. - Хорошо, Уес. Лучше, чем я смела мечтать. Лучше, чем я хотела мечтать. А ты? Как ты себя ощущаешь, находясь женщиной, которая могла бы родить тебя, если бы залетела в четырнадцать?

Уесли вцепился в вожжи и развернул Боба, чтобы посмотреть Норе в глаза:

- Больше чем хорошо. Лучше, чем, когда бы то ни было.

- Когда бы то ни было? - спросила она, ее щеки покраснели. Уесли надеялся, что цвет ее щек был спровоцирован его комплиментом, а не прогулкой верхом по склону холма в жару поздним летом. Он мог бы выбрать более простой маршрут, но хотел кое-что показать Норе, и единственный способ добраться до него, было подняться наверх. - Когда бы то ни было - долгий срок. Почти такой же длинный как "всегда". И определенно дольше, чем «навсегда».

- А мне вроде нравится "всегда", - сказал Уесли, пока они проходили под пологом из нависших веток и вышли с другой стороны на раннее утреннее солнце. - А тебе нет?

Нора пожала плечами.

- Зависит от того, о каком "всегда" мы говорим. В моей книге есть одно определение ада - это «всегда» ждать того, что хочешь. «Всегда» с кем-то, кого ты любишь? Это другое определение рая.

- Хочешь узнать мое определение рая? - спросил Уесли, когда они достигли верхушки холма.

- Оно связано с бассейном, полным грязи, мной в рыболовных сетях, охотничьим рожком и семиярусным шоколадным тортом?

- Нет.

- Тогда да, расскажи мне.

- Вот. Я воспользовался советом Зака и показал тебе, вместо того чтобы описать.

- Они остановились на краю поляны и посмотрели вниз. - Только посмотри.

- Боже мой... - прошептала Нора и широко улыбнулась. - Черт возьми.

- Именно.

Серьезно, черт возьми. Уесли видел эти земли, эту долину миллион раз, но пока он не увидел светящееся лицо Норы, когда она взглянула на нее, он понял, что никогда не видел ее по-настоящему до этого момента. Впервые он был счастлив смотреть на нее, потому что Нора была рядом. Он хотел, чтобы все его первые разы были с ней. И его последние. И все между ними.

С вершины холма они на мили вперед могли видеть долину. Извилистые каменные стены S-образной формы в пышной сине-зеленой траве. Тысячи лошадей танцующих и гарцующих за блестящими, чисто-белыми заборами. Пруд мерцал как бриллиант на солнечном свете.

Бриллиант засверкал на вытянутой руке Уесли. Глаза Норы округлились от этого зрелища.

- Уесли?

- Все, что ты видишь внизу - мое. Или будет. Я ненавижу, когда меня называют Принцем Кентукки, но только потому, что это отчасти правда. У меня есть королевство, вот и все. И нет ничего прекраснее в мире, кроме тебя.

- Уес... ты...

- Останься со мной Нора. Останься здесь. Навсегда. Все, что ты видишь, я могу отдать тебе. И ты можешь любить это, и оставить себе, или ненавидеть и сжечь дотла. Мне наплевать, до тех пор, пока ты здесь со мной и никогда больше не вернешься к нему. Я знаю, что он может дать тебе то, что я не могу - одиночество и боль, стыд и унижение. Но я могу тебе дать кое-что, что не может он. Брак. Дети, если ты хочешь их. Никаких детей, если не хочешь. Совместную жизнь здесь, под солнцем, где все могут видеть нас. Тебе больше не придется прятаться, если будешь со мной, или притворяться. У тебя будет целый мир. Тебе больше не придется работать. Тебе даже не придется писать еще одну книгу, если не хочешь. Или можешь писать, пока руки не отвалятся, а я найму лучшего врача в мире, чтобы пришить их обратно. Ты можешь называть всех лошадей, как ты называешь своих персонажей. Ты можешь сводить моих родителей с ума, изготавливая стеки и шутить о пони-плей каждый день своей жизни. Ты можешь... - голос Уесли дрогнул. Боб забеспокоился под ним.

Переведя дыхание Уесли взял Нору за руку и крепко держал ее, прижимая кольцо с бриллиантом к ее ладони.

- Ты можешь быть в безопасности и больше никто и никогда не причинит тебе боль. Я не причиню тебе боль и никому не позволю это сделать. Ни теперь. Никогда. Даже если ты сойдешь с ума и решишь, что они должны это сделать. Я сделаю тебя счастливой. Я буду оберегать тебя. Просто скажи "да" или "нет", пока эти чертовы лошади не пустились вскачь и не убили нас обоих.

Нора перевела дыхание и покачала головой.

- Не знаю, Уес. То есть, ты просишь о том, что я думаю...

- Черт возьми, Нора. Тебе всегда нужно все усложнять. Ты выйдешь за меня? Вот о чем я спрашиваю. Да? Нет? Может быть?

Нора убрала свою руку, но взяла кольцо. Он ждал, молясь, что она наденет его на свой палец. Вместо этого, она просто смотрела на него.

- Оно принадлежало моей пра-пра-прабабушке по маминой линии. Оно принадлежало бы моей сестре, если бы она у меня была. Мне повезло – я единственный ребенок.

- Оно прекрасно.

- Поговаривают, что моя пра-пра-прабабушка была самой красивой женщиной во всей Джорджии. Мужчины дрались на дуэлях из-за нее. Я считал это чистым безумием: два парня убивают друг друга из-за девушки. Но потом я встретил тебя и клянусь, мысль о том, как увижу, как тело Сорена будут нести в прощальном ходе по улице, заставляет меня улыбаться как никогда.

- Несколько раз у меня были похожие мысли, - ответила она, нервно усмехнувшись. - Но, Уесли...

- Никаких «но». Ты не должна отвечать. Ты можешь подумать, если нужно. Надеюсь, тебе не нужно, но, если да, тогда не торопись. На самом деле, не отвечай. Ничего не говори. Просто подумай. Ты можешь сказать "да", "нет", или "может быть", когда мы вернемся в конюшню. Хорошо?

Нора сделала неглубокий вдох, изучая кольцо в своей ладони. Уесли не сильно разбирался в этом, но его мама однажды сказала что-то о десяти каратах и двух миллионах долларов.

- Хорошо... - Нора крепко сжала кольцо и прижала его к груди. - Мы вернемся. Нам не обязательно разговаривать на обратном пути. Оно слишком шикарное.

- Рот на замке.

Уесли наблюдал, как Нора надела кольцо на большой палец, достаточно близко к ее кольцу, чтобы дать ему надежду, и взяла поводья. Они начали спускаться вниз по холму, единственные слова, произнесенные ими были "осторожно - большой камень" и "я вижу".

Полчаса спустя они вернулись к конюшне. Обратное путешествие было пыткой ожидания, и, все же, Уесли любил Нору достаточно, чтобы не давить на нее и не провоцировать панику.

Он заставил себя не спешить с лошадьми, не торопиться. Он осторожно расседлал их и обеих причесал, успокаивая свое колотящееся в ожидании сердце. Он хотел поспешить, закончить с этим и узнать ответ Норы. Но он боялся ответа так же сильно, как и хотел узнать его, поэтому действовал так медленно как мог, откладывая неизбежное.

- Хорошая девочка, - сказал Уесли Никити и завел ее в стойло, предложив ей горсть овса.

- Приятно, когда такая красивая девушка ест с твоей ладони? - спросила Нора и он провел рукой по боку лошади.

- Честно говоря, она не та девушка, которой принадлежит мое сердце.

- Очень жаль. Слышала, она та еще извращенка.

- Дай-ка угадаю - она любит стеки и пони-плей?

- А кто не любит?

- Нора...

Нора вздохнула и прикоснулась ладонью к лицу Уесли.

- Черт, я скучала по тебе, пока мы были порознь. Хотела бы я, чтобы ты знал, как.

- Я знаю, как я скучал, и больше никогда не хочу это испытывать. И я знаю, что мы не должны. Просто скажи "да". Ты знаешь, что он не может дать тебе ту жизнь, которую могу я. Ты знаешь, что он не может... Нора?

Она отвела взгляд от его лица и посмотрела поверх его плеча. Уесли посмотрел назад и увидел тень в углу стойла.

- Нора?

Она не ответила, но Уесли увидел в ее глазах страх. Страх? Кого? Чего? Они были одни среди лошадей. Или это мысль о замужестве так сильно напугала ее?

- Нора, пожалуйста. Что...

- Да. - Она посмотрела на него и стянула кольцо с большого пальца и надела его на безымянный. - Да, я люблю тебя. Я выйду за тебя. Давай расскажем твоим родителям, чтобы они сразу же начали психовать.

Уесли едва не рухнул на солому. Его облегчение превосходило его счастье.

- Слава Богу.

Он начал притягивать ее в свои объятия, но Нора отстранилась.

- Сейчас. Пойдем расскажем семье. Ну же.

Она схватила его за руку и начала тащить вперед.

- Я даже не поцеловал тебя...

И мир потемнел и оставался черным еще долгое время. Несколько минут, несколько часов, он не знал и не мог сказать. Когда он очнулся, все что он знал - это боль.

Боль, столько боли... он никогда не испытывал столько боли. Уесли медленно заставил глаза открыться и понял, что лежит лицом в соломе, все еще в стойле. Все болело... может быть. Его голова раскалывалась, он даже не был уверен, что остальное тело существовало.

- Нора?

Ее имя сорвалось с кашлем. Уесли не услышал ответа. Заставив себя подняться на четвереньки, он осмотрелся, и увидел обычно ровную и притоптанную солому разбросанной, будто кто-то боролся на ней.

Он снова позвал Нору и прижал руку к затылку. Его пальцы стали красными и липкими от крови.

- Вот черт... - Уесли едва не стошнило от вида собственной крови. Кто-то... кто-то ударил его по голове. Но где Нора?

Две параллельные линии в соломе вели от стойла Никити к двери конюшни. Кого-то тащили, следы от каблуков сапог пересекали подстилку для скота.

Тащили... кровь... страх в глазах Норы...

Уесли, спотыкаясь, побежал к двери. Он должен выбраться, найти родителей, вызвать полицию...

Он должен найти Нору.

Но он остановился, прежде чем прикоснулся к двери. На дереве кто-то вырезал пять слов - пять самых ужасных слов, которые Уесли когда-либо читал, несмотря на то, что он не мог их прочитать. И он знал, что не мог рассказать родителям, не мог вызвать полицию, ничего не мог сделать, кроме как достать телефон и набрать номер, который он хотел бы не знать. Его инстинкты, так или иначе, говорили ему, что этот номер был единственным, по которому он мог позвонить.

На звонок ответили с первого гудка.

- Сорен... это Уесли.

Он запинался, чувствуя приступ тошноты. Но он должен это сделать. Уесли уставился на слова, вырезанные на двери конюшни.

- Уесли? Что случилось? Где Элеонор?

- Je vais tuer la salope. Что это значит?

- Это французский, - ответил Сорен, в его голосе слышалось, как ярость, так и страх. - Значит "я убью эту суку". Уесли... где Элеонор?

- Я не знаю. Она у кого-то.

- Что значит: «Элеонор у кого-то»?

Принц. Тиффани Райз.

Еще маленьким мальчиком Уесли в церкви услышал фразу "гнев Божий", тогда он сидел и гадал, что же это значит, как это будет звучать.

Теперь он узнал.

- Сорен... она пропала.

КОНЕЦ!